АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

АСТРА НОВА

An 1(006) 2016

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

Международный литературный клуб
«Astra Nova»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 1(006). — СПб.:
А91 Издательство Литературный мир, 2016. — 345 с.

ISBN 978-5-93835-592-7

Разнообразные секретные (или не очень) службы и разнообразные секретные (или не так чтобы) игры разнообразных секретных (или вовсе даже нет) агентов — как они есть. Или как они могли бы быть. Или не могли бы.

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44

©Светлана Тулина, составление, 2016
©Авторы публикуемых произведений
©Издательство «Литературный мир», 2016
©Издательство «Северо-Запад», 2016

ISBN 978-5-93835-592-7

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Или не совсем здесь

Евгений ЛУКИН
Чичероне 10
Не так-то просто занять вакансию дворового дурачка

Ольга Денисова
Неразменный рубль 28
Дорого ли стоит жизнь черной собаки?

Георгий Михалевский
Хан и Тенгри 76
Белый рыцарь белой горы – виден ли он на снегу?

Александр Сержан
Серая гончая 95
Полный салон пьяных чирлидерш и водила-спецназовец – «Скорость» отдыхает

Светлана Тулина
Восхитительная штука метро! 108
Будьте осторожны в своих пожеланиях, войдя через нужную дверь

Ольга Сафонова
Зов крови 112
Получил кровь – передай другому

Злата Линник
Путь ангела 118
Иногда после смерти все только начинается!

Алекс Гагаринова
Корректор 129
Если блестит не золото, а бериллиевый сплав – это может очень плохо кончиться для вора

Павел Алексеев
Новые правила 135
Читайте – может пригодиться!

Часть вторая

КОГДА-НИБУДЬ ГДЕ-НИБУДЬ ВОЗМОЖНО

Или нет

Юлия Зонис
Контра 137
Мертвые пишут письма живым. Но каким будет ответ?

Максим Тихомиров
Поезда диаколы 168
Ведя состав меж миров, знаешь ли ты, кто сложил оригами твоей судьбы?

Мария Акимова
Код красный 184
Секретные игры секретных служб – они такие... игры
Елена Щетинина
Что вы знаете о Шушурбане? 188
Клиент всегда оказывается прав – в конце концов...
Андрей Федоров
Без имени 200
Не спрашивай у судьбы, почему на этом гробу нет имени – она может ответить
Андрей Зимний
Чистота Клэр 221
В черно-белом мире нет места полутонам
Эдуард Шауров
Девушка для патрона... и другие мелкие предметы 227
Все кины одним миром мазаны!
Жаклин де Гё, Елена Калинчук
Прямая трансляция 236
Если с тобой говорит реклама– суперсекретные агенты где-то под креслом!
Сергей Игнатьев
Цепочка 246
Если ты параноик, то это не значит, что твоя игрушка тебя не пасет

Часть третья
ДАВНО И НЕПРАВДА

Или правда?

Джон Кэмпбелл
Ночь 255
Впервые на русском
Дмитрий Гужвенко
Hashishin's Creed 270
Ложь, чтобы в нее поверили, должна быть чудовищной. А чудо – ложным.
Юлия Деулина
Йени и царь страны мёртвых 281
Не важно, что ты плетешь – корзину или судьбу, важно сплести хорошо.
Татьяна Томах
Жребий 292
Получить право выбора несложно. Выбрать куда сложнее

Часть четвертая
ПРАВДА И НИЧЕГО КРОМЕ ПРАВДЫ

Публицистика

Сергей Игнатьев
25 лет «ТВИН ПИКСУ» 301
К перезапуску «СЕКРЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ» 301

Александр Тишинин
Плач Ярославны 308

Софья Ролдугина
О пользе фантастики 314

Часть пятая
НЕМНОГО МЕЛОЧИ

Астра-блок

Анна Самойлова
Белый и пушистый 318
Дай туристу кусочек сыра –
мышеловку он притащит сам

Мария Акимова
Курьерская служба доставки 319
Курьер доставит – но посылаете вы сами

Сергей Битюцкий
Дорога в ничто 320
Нас так легко закодировать... хорошо, что есть бензин!

Виктор Романский
Душу в кошку 321
Даже ангелам не под силу впихнуть невпихуемое

Виталий Придатко
Дезертир 323
Иное бегство уже само по себе наказание

Дмитрий Гужвенко
Человек — Красные Труселя и молодой Кэп 325
Когда-то они умели летать

Екатерина Васильева (Сычева)
Стандартное желание 326
Не пытайтесь декодировать кодировщика

Жаклин Де Ге
Письмо Деду Морозу 327
И на Марсе тоже хочется яблочек

Татьяна Берцева
Игры по-стариковски 328
Деды играют по правилам – только очень старым

Алекс Гагаринова
Жизнь хороша 330
Чтобы начать ценить жизнь – нужно ее потерять

Эльвира Жейдс
Кролик и удав 331
Так это кролик во всем виноват, а нам столько лет врали!

Сергей Игнатьев
Синоптики 331
Вызывая Госпожу помни – она наступает

Влад Копернин
Красное и серое 332
Когда серым тесно – до красного недалеко

Лариса Тихонова
Квартирный вопрос....333
...испортил не только москвичей. Но и инопланетян
Ирина Орлова
Путь наверх....334
Можно сбежать с корабля – но не от судьбы
Сергей Фирсов
Прыгнуть, закрыв дверь....335
Тот, кто открыл дверь,
не всегда может в нее войти
Сергей Игнатьев
Серые....337
Иногда на смену серым приходят черные
Валентин Гусаченко
Инспектор....338
Игрушки могут сами за себя постоять.
Люди – не всегда.
Светлана Тулина
Арифметика бытия....339
Порой арифметика важнее тригонометрии
Андрей Супоня
Долгий путь домой....340
Релятивистские аспекты производственной танатологии
Тимур Максютов
Дедлайн....342
Внеэфирное время персонажей
детских телепередач куда интереснее

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Здесь и сейЧас

Или не совсем здесь

Евгений ЛУКИН

ЧИЧЕРОНЕ

> Я же не виноват в том, что ваше существование бессмысленно! Я виноват лишь в бессмысленности своего существования.
>
> *Великий Нгуен*

В наши дни городской двор крайне редко представляет собой замкнутое пространство — он принадлежит сразу нескольким домам и неуловим в своих очертаниях. Обычно это сквозной лабиринт сообщающихся промежутков, слишком тесных, чтобы стать жертвами точечных застроек, зато вполне способных вместить клумбы, деревья, игровые площадки, гидранты, мусорные контейнеры, безгаражный автотранспорт.

Наверняка существуют какие-то карты, какие-то планы с точным обозначением границ, однако бумаги бумагами, а жизнь жизнью. В моём понимании, двор — это территория обитания одного отдельно взятого городского дурачка.

Не знаю, в чём тут причина, но два дурачка в одном дворе ни за что не уживутся. Мне, во всяком случае, такого наблюдать не доводилось.

Явление загадочное. Почему бы в любой из многоэтажек не завестись сразу двум несчастным (по другим сведениям, счастливым) существам, искажённо воспринимающим нашу, с позволения сказать, действительность? Тем более что, согласно статистике, число их увеличивается с каждым днём.

Возможно, вторая штатная единица просто не предусмотрена, иными словами, экологическая ниша рассчитана строго на одного. Возможно. И покуда жив тот, кто её заполнил, остальные кандидаты на должность обречены прикидываться более или менее нормальными людьми. Так сказать, теряться на его фоне.

Момент возникновения вакансии уловить практически невозможно. Во-первых, дурачки в большинстве своём долгожители (подчас кажется, что они вообще не имеют возраста), во-вторых, если исчезают, то незаметно. Проходит несколько месяцев прежде чем сообразишь, что дёрганый улыбчивый Коля куда-то делся, а вместо него объявился одутловатый вечно обиженный Валёк из третьего подъезда. Другое дело, что не всяк, считающийся психически здоровым, станет тратить жизнь на подобные наблюдения.

Отношение к дурачкам как правило благожелательное: приятно видеть того, кто заведомо глупее тебя. Если и поколотят порой бедолагу, то либо по незнанию его статуса, либо в связи с собственными не слишком высокими умственными способностями. Соблазнительно предположить, что поколотивший сам со временем займёт нишу поколоченного, но это уже так, тоска по справедливости.

* * *

В каком-то смысле мне повезло. Есть же люди, дважды видевшие комету! Так и я. Лет семь назад незримый колпак с погремушками, оставшийся от канувшего в неизвестность Коли, увенчал, как уже было сказано, бритую приплюснутую башку губастого Валька. Жили мы тогда ещё на той квартире. Потом у меня пошли косяком собственные неприятности — развод, раздел, размен и в итоге переезд на окраину, где мне вновь выпала возможность наблюдать похожую историю.

Местного дурачка звали Аркашей. Внешне чем-то он напоминал приснопамятного Колю, но только внешне. Совершенно иная личность. Ловелас. Прожжёный ловелас. Не пропускал ни одной юбки, причём осмотрительно выбирал женщин среднего возраста. Тинейджериц опасался и, наверное, правильно делал — слишком уж велик риск нарваться на отмороженного бойфренда. А может, и впрямь нарвался пару раз — с тех пор и зарёкся.

— Верочка! Верочка! — журчал он, проворно ковыляя за грандиозной эйч-блондинкой лет этак сорока. — Ты когда за меня замуж выйдешь?

— Иди в попу, Аркаша, — лениво бросала та через обширное плечо. — У меня вон муж есть.

— Муж — старый. А я — молодой.

Между прочим, так оно и было. Молодой. Довольно ухоженный. Надо полагать, кто-то из его родителей ещё оставался в живых.

— Я скоро в Америку поеду, — не отставая, хвастался Аркаша. — Мне яхту надо купить. А потом опять приеду. У меня прокурор знакомый. Он нам всё устроит...

И только-только начал я привыкать к его подслеповатеньким глазкам и умильной улыбочке, как он вдруг взял и пропал. Не думаю, что скончался, — скорее всего, некому стало о нём заботиться и сплавили Аркашу куда-нибудь под врачебный надзор.

Естественно, меня разобрало нехорошее любопытство: кто его заменит теперь? У кого из обитателей окрестных домов соскочит рычажок в мозгу? Ибо, повторяю, двор — как собор. Без юродивого он просто немыслим.

Гожусь ли я сам на столь ответственную роль? Вряд ли. Хотя, возможно, со стороны могло показаться, что у меня все к тому данные: сидит человек день-деньской на скамеечке у подъезда, смотрит стеклянным взглядом на проходящих, от разговоров уклоняется, на что живёт — неизвестно, а главное — всё время о чём-то думает. Если присесть рядом, встаёт и уходит.

Тем не менее себя я из списка исключил. Отобрал трёх кандидатов — и промахнулся со всеми тремя.

* * *

Он поравнялся с моей скамейкой и, не удостоив взглядом, сосредоточился на нашей девятиэтажке, словно бы приценяваясь. Словно бы собирался купить её целиком, однако не был ещё уверен в целесообразности такого приобретения. Выглядело это довольно забавно, поскольку наряд потенциального покупателя скорее свидетельствовал о честной

бедности, нежели о сверхприбылях: ношеный серенький костюм, ворот рубашки расстёгнут до третьей пуговицы — по причине отсутствия второй. Плюс стоптанные пыльные туфли некогда чёрной масти. Я уже встречал этого субъекта во дворе и не однажды, знал, что проживает он в соседнем подъезде, пару раз мы с ним даже раскланялись.

— Дом, — неожиданно произнёс он. — Жилой дом.

Замолчал, прислушался к собственным словам. Потом заговорил снова:

— Жилой, потому что в нём живут. — Подумал и уточнил: — Люди.

«Опаньки!» — только и смог подумать я.

Давнее моё предположение подтверждалось на глазах: пробки и впрямь перегорают по очереди. Дурачок умер — да здравствует дурачок!

Судя по всему, внезапный преемник Аркаши был одинок. То ли вдовец, то ли старый холостяк. Скорее первое, чем второе. Маниакальной аккуратности, свойственной убеждённым противникам брака, в нём как-то не чувствовалось. Да уж, кого-кого, а его я точно в расчёт не принимал. Почему-то мне всегда казалось, что резонёры с ума не сходят. Собственно, что есть резонёр? Ходячий набор простеньких правил бытия, которым почему-то никто вокруг не желает следовать. Ну и при чём тут, спрашивается, ум? С чего сходить-то?

Однажды я краем уха подслушал его беседу с соседкой. Узнал, что дети должны уважать старших, а если не уважают, виноваты родители — воспитывать надо.

Всё, что до сей поры произносил этот человек, не являлось продуктом мышления, но добросовестно затверживалось наизусть в течение всей жизни.

И вот поди ж ты!

— Минутку! — взмолился он. — Дайте посчитать. В каждой примерно по четыре человека. Четыре на четыре и на девять... — Окинул оком подъезды. — И ещё на пять... — Пошевелил губами, умножая в уме. — Где-то около тысячи.

С болезненным интересом я следил за развитием его мысли.

— Все вместе? — с тревогой переспросил он себя. — Нет. Жилплощадь изолированная. Квартира. Это м-м... такая ёмкость высотой чуть больше человеческого роста... запираемая изнутри...

Резко выдохнул, словно перед чаркой водки, хотел, видно, продолжить, но не успел, застигнутый врасплох очередным собственным вопросом:

— Зачем собираться всем вместе, чтобы жить порознь?

«А действительно, — подумал я. — Зачем?»

— Ну... так принято, — выдавил он наконец.

Я не разбираюсь в психиатрии, однако в данном случае тихое помешательство было, что называется, налицо. Либо у горемыки обвальный склероз, и он отчаянно перечисляет вслух самые простые вещи, пытаясь удержать их в памяти, либо шизофрения, она же раздвоение личности: сам спрашивает — сам отвечает.

Впрочем, возможно, одно заболевание другому не помеха.

— Не в наказание, — продолжал он с тоской. — Просто живут.

Запнулся, утёр пот со лба. Отщепившаяся часть души откровенно издевалась над бывшим своим владельцем.

— Зачем так много людей? — прямо спросила она.

— Родину защищать, — не удержавшись, тихонько промолвил я.

Как выяснилось, очень вовремя.

— Родину защищать, — повторил он с облегчением двоечника, уловившего подсказку. Измученное лицо его просветлело, но тут же омрачилось вновь. — Родина. Это где родился. Я? В Советском Союзе. Только его уже нет.

Меня он по-прежнему в упор не видел. Глядя с сочувствием на жалобно сморщенное чело новоявленного нашего дурачка, я достал сигареты, закурил, кашлянул. Бесполезно. Жердиной огреть по хребту — не заметит.

— Теперь Россия, — с достоинством выговорил он. — Российская Федерация. Потом... Как это потом? Потом — не знаю...

Осёкся, заморгал.

— От врагов. Сейчас — от грузин. Э-э... Грузия. Бывшая республика... То есть как бы это... Бывшая часть Советского Союза... Нынешнюю Родину — от бывшей?

Умственное напряжение вот-вот грозило достичь красной черты. Пора было принимать меры.

— Послушайте, может, вам помочь? — спросил я.

— Вы мешаете, — хрипло ответил он.

Вот так. Что называется, осадил.

— Хорошо-хорошо, — пробормотал я. — Не буду.

Он повернулся ко мне, однако глаза его оставались не то чтобы незрячи — нет, видеть-то они меня видели, но так на собеседника не смотрят. Так смотрят на неодушевлённый предмет.

— Курит, — огласил он. — Вдыхает дым с никотином. Потом выдыхает. Зачем?

— Слышь, урод! — не выдержав, окрысился я. — А не пошёл бы ты...

Не стал говорить, куда, и нервно отправил окурок в горлышко бутылки из-под пива, используемой мною взамен урны.

— Да, — скорбно отозвался он. — Смысл курения обсуждать отказывается. Настаивает, чтобы ушёл... Нет, не нападает... Спасибо... Спасибо... До свидания!

Последние слова были сопровождены заискивающей улыбкой. Но я к тому времени уже и сам взял себя в руки. Принимать дурачка всерьёз означает, напоминаю, претендовать на его место.

— Ну вот, — обессиленно вымолвил он, присаживаясь рядом со мной. — Отработал. Сигаретки не найдётся?

Я, честно сказать, слегка ошалел — настолько эта фраза не вязалась со всем предыдущим. Машинально переставил пивную бутылку так, чтобы она стала аккурат между нами, и достал пачку.

Пару минут сидели молча. Он, кажется, переводил дух, а я всё пытался уразуметь, что, чёрт возьми, происходит. Прикинувшись, будто разглядываю кондиционер на втором этаже, как бы невзначай покосился на

соседа. С виду совершенно нормальный человек. Хотя бывает, что дурь и приступами накатывает. Потом отпускает.

— С кем вы сейчас говорили? — спросил я.

Он испугался. Опасливо взглянул на меня исподлобья, затем торопливо сунул едва до половины докуренную сигарету в бутылочное горлышко (сигарета сказала: «Тш-ш...») и встал.

— Извините, — сипло бросил он. — Мне пора.

И устремился к своему подъезду.

* * *

Слух о том, что Рудольф Ефимыч (так, оказывается, звали моего собеседника) взял вдруг и тронулся рассудком, назавтра был уже известен всему двору. Я, как несложно догадаться, ни с кем из соседей впечатлениями не делился. Остаётся предположить, что свидетелей его странного поведения было и так достаточно.

Скамейку с утра оккупировали взволнованные бабушки, лишив меня привычного насеста, и пришлось мне убраться восвояси. В тесные мои свояси, что на четвёртом этаже, с их рваными обоями и ржавыми разводами на потолке в прихожей. Из услышанного мною возле подъезда следовало, что Рудольф Ефимыч и вправду вдов, одинок, неустроен, а стало быть, в нынешнем своём качестве долго не протянет. Городской дурачок — растение оранжерейное и нуждается в постоянной заботе. «В холе и лелее», как выразилась сегодня одна из бабушек. А иначе путь один — в бомжи.

Приключись подобное в девяностые годы, я бы даже не удивился. Людям вроде Ефимыча легче всего прослыть тронутыми именно во времена перемен, в эпоху общенародного помешательства, ибо крыша у таких с детства прихвачена болтами. Намертво. Ну вот представьте: у всех уехали, а твоя — на месте. И какой же ты тогда нормальный?

Да, но сейчас-то не девяностые. Жизнь устаканилась, народ опомнился, прописные истины вновь обрели право на существование. Опять же, чем меньше вникаешь в окружающую действительность, тем меньше у тебя шансов свихнуться. Живи — не хочу. Глупость, если на то пошло, чуть ли не самая надёжная наша защита от безумия.

А тут начал человек задавать себе простые вопросы, да ещё и честно на них отвечать. Самоубийца.

Интересно, что он имел в виду, сказав: «Отработал»? В каком смысле «отработал»? Дурачком отработал? Может, и впрямь предусмотрена в городском хозяйстве такая штатная единица? Сколько, интересно, платят?

* * *

На лестничной клетке раздались голоса. Не представляю, как зимовали прежние хозяева моей однокомнатки, но железная входная дверь не имела деревянного покрытия, поэтому в запертом положении она пропускала звуки с тем же успехом, что и в распахнутом. Вот и сейчас слышимость была изумительная. Один голос несомненно принадлежал Витале с пятого

этажа, два других я опознать не смог. Гости, надо полагать. Вышли перекурить к мусоропроводу. Видимо, в квартире уже дышать нечем.

Поддать они к тому времени успели крепко, и речь их изяществом не отличалась. То, что в данный момент взахлёб излагал Виталя, после беспощадной цензурной правки прозвучало бы примерно так:

— Я, доступная женщина, вчера, на мужской детородный орган, иду, подвергнутый оральному сексу, а навстречу, соверша-ать половой акт...

Ну и всё прочее в том же духе.

Беседовали они минут пять. Потом вмешался некто четвёртый, и мне вновь почудился голос Ефимыча. Впрочем, до конца я уверен в этом не был. Глухие отрывистые фразы новоприбывшего в смысле внятности оставляли желать лучшего. Даже учитывая замечательные качества моей двери и оторопелое молчание троицы.

Матерно грянул Виталя. Кажется, четвёртому лишнему, кем бы он ни был, грозило увечье. Я двинулся к дверному глазку, но, пока шёл, громогласного буяна словно выключили. Тишина поразила подъезд.

Поколебавшись, отодвинул громко по-тюремному лязгнувший засов и выглянул наружу. Пусто. Гулко. Такое впечатление, что на промежуточной площадке затаили дыхание. Затем кто-то поспешно взбежал на пятый этаж и вызвал лифт. Дождался. Уехал.

А пауза всё длилась. Определённо что-то необычное происходило у нас на лестнице. Не люблю вмешиваться в чужие пьяные дрязги, но тут, кажется, случай был особый — и я, сильно сомневаясь в правильности своих действий, двинулся вверх по ступенькам. Возле мусоропровода меня ждали три восковые фигуры. Две из них, принадлежащие незнакомцам, сидели на подоконнике, тупо уставясь в некую точку пространства. К той же точке стремился и сизорылый пучеглазый Виталя — с явным намерением удушить её, падлу, в зародыше. Стремился, но был перехвачен некой неведомой силой, остановившей его на полпути.

С моим появлением восковых фигур стало четверо.

Была такая ныне забытая детская игра. Называлась «море волнуется». Море волнуется — раз... Море волнуется — два... Море волнуется — три...

Отомри!

Я отмер. Приблизился к Витале, тронул не без опаски его угрожающе растопыренные пальцы. Тёплые. Во всяком случае, сравнительно с моими.

— Э! — испуганно окликнул я. — Мужики! Что это с вами?

Мне послышался еле уловимый звук, напоминающий хруст тончайшей ледяной корочки. Скорее всего, померещилось. Трое шевельнулись, заморгали. Завидев меня, одурели вконец.

— А где... — Виталя облизнул губищи, огляделся.

— Кто? — спросил я.

— Ну... этот...

Очумело переглянулись. Давно я не чувствовал себя так неловко.

Из дурацкого положения нас вывел Виталя.

— Слышь, — всё ещё продолжая моргать, нашёлся он. — Сосед. Это... Выпить хочешь?

* * *

Я согласился и, пожалуй, напрасно. Моё подозрение, что в разговор трёх друзей на промежуточной площадке четвёртым вклинился именно Ефимыч, подтвердилось, но большего мне из них выпытать так и не удалось. При одном только упоминании о случившемся собутыльники мрачнели. Такое чувство, будто они ни слова не запомнили. Вынесли одни впечатления.

— Вульвой ударенный...

— Нет, ну а что он говорил хотя бы?

— А мужская принадлежность его знает! — нервно отвечал Виталя. — Звенящий тестикулами он и есть звенящий тестикулами!

Собственно, сегодняшний монолог Ефимыча я бы мог восстановить и сам — по образцу вчерашнего. Гораздо больше меня интересовало странное состояние, в котором я застал трёх орлов у мусоропровода, однако расспрашивать их об этом казалось мне крайне бестактным, а то и просто бессмысленным занятием. Будь они даже трезвы, тут же постарались бы или всё забыть, или придать событию какое-никакое правдоподобие.

Ну, стояли, ну, разговаривали. Подошёл. Обидел. Растерялись. А когда опомнились, ушёл уже. На лифте уехал.

* * *

Вернувшись к себе, я первым делом жахнул крепкого кофе и попробовал поразмыслить.

Кажется, ошибся. Что-то не слишком похож наш Рудольф Ефимыч на обычного городского дурачка. Дурачок непременно должен быть безобиден и беззащитен. Вот первое, что от него требуется. А умственная ущербность — так, придаток, даже не слишком обязательный. Дурачок, да будет вам известно, существует вовсе не для того, чтобы нести околесицу. Его обязанность — пробуждать добрые чувства в окружающих и повышать их самооценку. Но, в отличие от нищих, он это делает бескорыстно.

А Ефимыч, получается, опасен. Сам видел.

Гипноз? А что ещё может привести сразу трёх человек в столь странное оцепенение? Пожалуй, только гипноз. Чёрная магия и разные там инопланетные парализаторы отпадают, поскольку я не домохозяйка и не восьмиклассница, чтобы верить всему без разбора.

Тогда вчерашняя наша встреча обретает совсем иной смысл. Возможно, то, что я принял за лёгкое помешательство, было всего-навсего неким развивающим упражнением. Сам себе вопрос — сам себе ответ. Кстати, становится понятной фраза: «Вы мешаете». Как и облегчённый выдох: «Отработал».

Правда, имеются два возражения. И весьма серьёзных.

Первое: почему, когда я вчера на него рявкнул, он не обезвредил меня, как эту троицу? Счёл угрозу ничтожной? Или обезвредил на пару минут, а я ничего не заметил? С Виталей понятно: очнулся и видит перед собой вместо одного собеседника совсем другого. Попробуй тут не заметь!

И второе: извините, ни за что не поверю, чтобы человек такого склада на старости лет подался в гипнотизёры. Хотя, если по-честному, много

ли я о нём знаю? Пару раз поздоровались, один раз нечаянно подслушал его болтовню с соседкой, остальное — из уст бабушек на скамеечке.

Удивительное я всё же существо. Деньги кончаются, семья распалась, работы не предвидится, а я вместо того, чтобы сообразить, как быть дальше, размышляю о каком-то загадочном придурке.

* * *

К дальнейшим событиям я, как выяснилось, оказался подготовлен куда лучше, чем остальные обитатели двора. Те жильцы, кому эта история была не безразлична, мигом поверили в обречённость Ефимыча и пророчили скорое появление стервятников: ладно родня нагрянет, а ну как чёрные риэлтеры?

Хотя откуда у него родня? Был племянник-бандит, уговорил дядю уволиться с порохового завода, здоровье поберечь. Чего, дескать, горб ломать? А вскоре племянника застрелили во время разборки. Теперь вот ни пенсии хорошей, ни кормильца.

Неделю спустя Рудольф Ефимыч вышел из подъезда в дорогой замшевой куртке — и по двору пробежал зловещий шепоток. Начинается. Вот уже и куртку ему купили. Теперь дело за малым. Уговорят подписать завещание на квартиру, потом тюк по башке — и в овражек!

Однако я-то знал, что не всё так просто. Даже если забыть чертовщину, недавно приключившуюся на промежуточной площадке между четвёртым и пятым этажами, не тянул Ефимыч на роль блаженного. Взять, к примеру, ту же куртку. Ну не было у него в лице сияния, свойственного дурачкам, когда они выходят из дому в дорогой обновке. Озабоченность — была, задумчивость — была. Даже отрешённость. А радости — никакой.

Что же касается «тюк по башке — и в овражек», это, согласитесь, пережиток прошлого. Отголосок тех же девяностых. Сейчас ненужную личность убирают куда более цивилизованными способами, что и подтвердилось пару дней спустя, когда к соседнему парадному подкатила «скорая». Лекари душ человеческих довольно долго трезвонили в квартиру Рудольфа Ефимыча, пока некая сердобольная сволочь не подсказала, что хозяин гуляет во дворе. Вернулись во двор. Действительно, душевнобольной в роскошной замшевой куртке стоял перед медицинским автотранспортом и натужно пытался растолковать самому себе, что это такое и зачем.

А вокруг уже собиралось дворовое вороньё, прилично пригорюнившееся, любознательное, зоркое. Внезапно я понял, чем сейчас кончится дело, и тоже снялся со скамейки. Подошёл поближе.

— Здравствуйте, — сказала коренастая врачиха. — Вы Уклюжий Рудольф Ефимович?

Будущий узник здравоохранения смотрел на неё, словно бы не понимая вопроса.

— Врач, — отрывисто произнёс он наконец. — Лечит от болезней. Болезнь — это когда плохо со здоровьем. Здоровье? Ну, это... когда ничем не болеешь...

Докторица скорбно поджала губы, затем кивнула санитарам.

На мой взгляд, для одних людей время движется слитным потоком, для других дробится на бесчисленные мгновения. Этих вторых мы обычно называем фотогеничными. Два амбала в белых халатах несомненно относились к первому разряду, ибо нелепее, я бы даже сказал, смазаннее тех поз, в которых они застыли, пытаясь взять больного под руки, трудно себе представить. Мало того, что оба замерли, раскорячившись подобно чечёточникам, так ещё и со скучающими физиономиями.

Нет, всё-таки Виталя со своими гостями выглядел куда выразительнее.

Поначалу никто ничего не понял. За исключением меня, ну и, понятно, Ефимыча. Он виновато ссутулился и, пробормотав: «Извините», — поспешил удалиться. Перед ним расступились.

Врачиха (она уже открыла переднюю дверцу) покосилась на скульптурную группу в белых халатах — и садиться в машину раздумала.

— Что там у вас? — раздражённо осведомилась она.

Осеклась. Взгляд её метнулся по двору в поисках исчезнувшего пациента, потом вновь сосредоточился на обездвиженных сотрудниках. Дальнейшие действия коренастой тётеньки свидетельствовали либо о высоком профессионализме, либо о хорошей интуиции. Очутившись перед окаменевшими, она не стала их трясти и щипать. Просто отвесила каждому по оплеухе. В лечебных целях.

Амбалы ожили, отшатнулись.

— В машину, — процедила врачиха.

С тем и отбыли.

* * *

Забавно, однако ничего сверхъестественного наши ротозеи в случившемся так и не углядели. Единственное, что возмутило всех до глубины души, это неслыханно грубое обращение врача с персоналом. Ну прошляпили, ну убежал. Но по морде-то зачем? Психиатр называется!

Странный народ. Что ни покажи по телевизору, всему поверят, а тут на глазах происходит откровенная дьявольщина — и никто её не видит.

Говорят, была потом ещё одна попытка похищения нашего Ефимыча (на сей раз чисто уголовная), но мне о ней мало что известно. Рассказывали также, будто он взял вдруг и расплатился с долгами. Разом. В это, кстати, верилось. Куртейка-то не из сэконд-хэнда.

Исполняющий обязанности дурачка сочувствия ни в ком уже не вызывал. Какое может быть сочувствие к буржуям?

Однажды он остановился возле нашего подъезда и посмотрел на меня пустыми глазами.

— Скамейка, — подсказал я. — Предназначена для сидения. Состоит из двух столбиков и доски. Для того, чтобы сесть, надлежит согнуть ноги в коленях и опустить задницу на доску. Задница — это то, что сзади.

Рудольф Ефимыч горестно скривил рот.

— Смеётесь, — упрекнул он. — Всё бы вам смеяться.

Присел рядом, прерывисто вздохнул.

— Понимаете, я — гид, — признался он, покряхтев.

— Кто? — не понял я.

— Гид, — повторил он. — Хожу и всё рассказываю.

— Ну, это я заметил. А кому, простите?

— Откуда я знаю! — с тоской сказал Рудольф Ефимыч.

Что-то в этом роде я и предполагал. Есть такое заболевание, не помню только, как называется. Слышит человек голоса, разговаривает с ними, ругается, спорит. Правда в подобных случаях не прорезается талант гипнотизёра, да и благосостояние, насколько мне известно, не увеличивается.

В остальном же — тютелька в тютельку.

— А как они на вас вышли?

— Вышли — и всё.

— Но вы их видели хотя бы?

— Нет. Только слышу.

— Рисковый вы человек, Рудольф Ефимыч, — заметил я. — Имейте в виду, в потустороннем мире жуликов тоже полным-полно. А вдруг они с дурными намерениями?

Встревожился, прикинул.

— Да нет! — убеждённо сказал он. — Какие жулики? Что обещали, всё сделали. Счёт открыл — деньги перевели. Безопасность вот обеспечивают...

— Это в смысле... с Виталей... с санитарами?..

— Ну да. Потом какие-то двое куртку с меня снять хотели. Вечером. Во дворе. Ну и их тоже...

Следует признать, такое истолкование событий, в отличие от моих выкладок, звучало непротиворечиво, а главное, всё объясняло. Впрочем, вполне естественно. Единственный способ всё объяснить — это сойти с ума.

— Стало быть, вы теперь чичероне?

Мой собеседник смертельно обиделся. У него даже губы затряслись.

— Как вы можете так говорить? — напустился он на меня. — Я двадцать лет на пороховом заводе отработал!

Я уставился на него в изумлении. Потом дошло.

— Рудольф Ефимыч! Чичероне — это проводник по-итальянски. Экскурсовод.

— Но мы же с вами не в Италии! Мы — русские люди!

Видно, каждое незнакомое слово было для него личным оскорблением.

— А те, кто вас нанял? — не удержавшись, подначил я. — Какой они национальности?

Ефимыч обмер. А действительно.

— Может, инопланетяне... — жалобно предположил он.

Ну да, конечно. Инопланетяне. Лишь бы не грузины и не американцы.

— Возможно, возможно, — не стал я спорить. — Вы просто хотите поболтать, или у вас ко мне какое-то дело?

— Да-да... — озабоченно проговорил он и на всякий случай огляделся. — Дело... — Затем в глазах его обозначился испуг. — Извините. Потом...

Ефимыч встал и судорожным движением отёр ладони о свою знаменитую замшевую куртку.

— Скамейка, — доложил он. — Предназначена для сидения...

* * *

И почему я не псих с паранормальными способностями? Ходил бы себе по двору, видал бы всех в гробу, называл бы вслух кошку кошкой. Кто такая? Сейчас растолкую. У кошки четыре ноги, позади у неё — длинный хвост. А мне бы за это денежка на счёт капала... Впрочем, относительно денежки на счёт Ефимыч, скорее всего, выдумал. Как и относительно погашенных долгов. А иначе ерунда выходит: в финансах его незримые работодатели разбираются, а что такое скамейка, не знают.

Тогда откуда куртка?

В железную дверь гулко постучали. Звонка у меня не было. Была только кнопка, но сама по себе.

Открыл, не спрашивая, кто. В крайнем случае, грабители.

На пороге стоял Рудольф Ефимыч. Замшевое плечо его оттягивала сумка — тоже, видать, не из дешёвых.

— Отработали? — понимающе спросил я.

— Да, — сказал он. — Отработал.

— Тогда прошу...

Мы прошли в комнату, где, к моему удивлению, незваный гость с торжественной последовательностью принялся выгружать на свободный краешек стола коньяк, оливки и прочую сёмгу. В честь чего это он? Ах да, у него ж ко мне дело!

В четыре руки расчистили стол, уселись. Ефимыч огляделся, вздохнул.

— Бедно живёте, — сокрушённо молвил он.

Я промолчал. Гость тоже мялся и покряхтывал, не зная, с чего начать. Потом спохватился и разлил коньяк в тусклые разнокалиберные стопки.

Чинно приняли по первой. Закусили оливками с блюдца.

— Я — простой работяга, — внезапно известил он. — Я — попросту.

— Вы это мне? — уточнил я. — Или им?

— Вам. Я — прямо, знаете, без этих там ваших разных... Как в детстве учили, так и живу.

Трудная, видать, была смена. Речь у него разваливалась окончательно.

— Рад за вас.

— Погодите, — сказал он. — Не перебивайте. А то собьюсь.

И разлил по второй.

Выпили.

— У кого ничего святого, — сосредоточенно продолжил он, — таких не выношу. Родителей надо уважать. Родину любить. Работать надо. Прямо скажу: языком болтать не умею — только руками. Вот так!

Рассердился и умолк. Кажется, меня за что-то отчитали. Впрочем, Ефимыч уже смягчился. Назидательно поднял указательный палец.

— Труд сделал человека, — изрёк он.

— Точно труд? — усомнился я. — Не Бог?

Моего гостя прошибла оторопь.

— Нет, ну... — Он замялся. — Сначала Бог, потом труд... Бог сделал человека и сказал: «Трудись».

Я смотрел на Ефимыча почти что с завистью. И ведь уверен в каждом своём слове! Как всё же мало нужно для счастья... Трудись! Это, между прочим, изгоняя Адама из рая, Бог ему такое сказал. «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...» А в момент изготовления Он другое велел: «Плодитесь и размножайтесь». Занимайтесь, короче, сексом.

— Человек без людей не может, — сказал Ефимыч. — Без людей человеку нельзя.

Затосковал. Разлил по третьей. Я забеспокоился. Дозы, правда, махонькие, но всё равно — в таком темпе... К счастью, мой собутыльник не донёс коньяк до рта и со стуком отставил стопку. Я последовал его примеру.

— Ну вот как это? — уже с надрывом заговорил он. — Работал! Честно работал! Двадцать лет на пороховом заводе. Знал, что нужен людям! А они...

— Кто «они»? Люди?

Он досадливо мотнул головой.

— Да нет. Эти... которым я всё рассказываю.

— А-а... — Я наконец-то смекнул, в чём дело. — Спросили, как именно вы трудились на благо людей? А потом: что такое порох и зачем?

— Да, — глухо признался Ефимыч.

— Вот гады! — с искренним восхищением подивился я.

Всё-таки пришлось выпить по третьей.

— Рудольф Ефимыч! Но они ж, наверное, не нарочно...

— Будто мне от этого легче! — буркнул он.

— Да не берите вы в голову... — уже малость размякнув, добродушно убеждал я его. — Подумаешь, начальство обидело! Так ли нас ещё обижали, а, Ефимыч? Зато работёнку подкинули. Хорошо хоть платят-то?

— Платят хорошо... А во дворе со мной никто говорить не хочет.

— Завидуют, — решительно объявил я. — Чёрной завистью. Ишь! На старости лет человеку хлеба кус перепал, а им уже невмоготу! У, суки...

— А вы сейчас безработный? — ни с того ни с сего спросил он.

Настроение мигом упало. Не спрашивая разрешения, я собственноручно наполнил стопки.

— Безработный...

— А раньше где? — не отставал Ефимыч.

— Да где я только не работал!

— Ну я и вижу, — одобрительно заметил он. — Рабочий человек. Не из этих... не из интеллигентов.

Ну, спасибо тебе, Ефимыч!

— Кто такие?

Он уставился на меня с подозрением.

— Не знаешь, что ли?

Я истово перекрестился, дескать, впервые слышу. Наверное, это было жестоко с моей стороны — задавать простые вопросы, от которых у бедняги и так уже ум за разум заходил, но после трёх стопок коньяка за собой не уследишь.

— Интеллигенты?.. — Глаза его напряглись, а лоб пошёл натужными складками. — Ну, эти... Образование получили, а пользу приносить не хотят.

— Кому?

— Обществу, — сердито сказал он. — Россия из-за них гибнет. Умные больно.

— Кто, например?

— Артисты всякие, — нехотя ответил он.

— А-а... — Я покивал. — Шукшин, Мордюкова...

— Нет, — испуганно сказал он. — Ты чо? Шукшин, Мордюкова... Они полезные. Я про паразитов разных.

А может, зря я ему сочувствую. Вот экскурсантов его бестелесных, тех — да, тех стоит пожалеть. После таких объяснений сам, глядишь, рехнёшься. Хотя не исключено, что, задавая вопросы, голоса просто развлекаются. Поражённый этой внезапной мыслью, я с невольным уважением покосился на моего собеседника. Если так, то передо мной сидел дурачок отнюдь не городского, но космического масштаба. Может быть, даже вселенского.

— И чем же мы, паразиты, вам не угодили?

Слово «мы» он, естественно, не расслышал. Фильтр, с детства установленный в голове Рудольфа Ефимыча, исправно задерживал на входе всё, что противоречило его пониманию ситуации.

— Паразиты, — повторил он, глядя на меня с недоумением и, должно быть, подозревая во мне придурка.

— Трудового народа?

— Да, — подтвердил он. — Паразиты трудового народа.

— Ну и где он, этот ваш трудовой народ? — спросил я с пьяным смешком. — Вот, допустим, я паразит...

— Почему паразит? — всполошился Ефимыч. — Безработный!

— Хорошо. Безработный паразит. — В голове у меня давно шумело, но это полбеды. Хуже, что во мне пробуждался трибун. — Работать, говоришь, надо? На пользу общества? Какого? Этого? Которое меня за порог вышибло?

Ефимыч сидел, отшатнувшись, и даже не моргал.

— Н-ни капли крови за капиталистическое отечество! И ни капли пота! Ни кап-ли! Ты понял, Ефимыч?

Ефимыч понял.

— Так я и говорю! — подхватил он, оживая. — Давно этих жуликов к ответу надо! В Библии как сказано? «А паразиты — никогда!»

Бывают бездарные дурачки. Бывают талантливые. Ефимыч был гениален. Вот так, запросто, походя, в пику Владимиру Ильичу Ленину, слить коммунизм с христианством в один флакон?

Луначарский скромно курит в сторонке.

— Нет, закончим всё-таки с трудовым народом, — упорствовал я. — Согласен, трудится! Доблестно! А на кого? На олигархов. Трудовой народ — пособник олигархов. Он с ними со-труд-ни-ча-ет. В отличие от нас, честных паразитов... А кто такой олигарх? Хищник. Вот скажи, что для тебя лучше, Ефимыч, хищник или паразит? С кем бы ты предпочёл столкнуться на узкой тропинке: с разъярённым клопом или с разъярённым тигром?

Последним своим нетрезвым сравнением я, надо полагать, добил собеседника вконец. Вряд ли он уловил извилистый ход моей мысли, но, судя по всему, это-то и показалось ему особенно обидным. Ефимыч встал с каменным лицом. Ни слова не говоря, закупорил коньяк и вернул его в сумку. Туда же отправилась не вскрытая ещё вакуумная упаковка сёмги.

— Не думал я, что вы... — Голос его дрогнул. — ...такой...

Ничего более не прибавил и прошествовал к выходу.

— Иди-иди... — глумливо дослал я ему в оскорблённо выпрямленную спину. — Труженик! Ниспококл... Низко-пок-лон-ствуй дальше перед своими буржуинами! Чичероне! Вот погоди, весь мир насилья мы разрушим... Как там в Библии?..

Гулко лязгнула железная дверь.

* * *

Ай-яй-яй, как стыдно! Совсем пить разучился. С трёх рюмок погнать коммунистическую пропаганду! Или с четырёх? Да, кажется, с четырёх. Четвёртую я наливал собственноручно. А там, глядишь, и пятая набежала...

До девяносто первого года я, помнится, в таких случаях гнал исключительно антисоветчину. Что ж, иные времена — иная ересь.

Съел горсть оливок и хмуро задумался.

Общество... Вечно оно пытается извлечь из меня какую-то пользу. Ну какая от меня может быть польза? Один вред.

Нет, я, понятно, всячески сопротивляюсь подобным поползновениям. И этот поединок двух эгоизмов длится с переменным успехом вот уже без малого полвека.

Кстати, мне есть чем гордиться. Подумайте сами: на стороне противника военкоматы, милиция, наложка, а на моей — я один, и то не всегда. Конечно, при таком неравенстве сил обществу время от времени удаётся со мной сладить, но и в этом случае оно, видите ли, недовольно. Ему недостаточно меня изнасиловать, ему надо, чтобы я отдавался с любовью. С какой радости?

Оно утверждает, будто правота на его стороне. Я же утверждаю, что на моей. Как говорят в детском садике: «А чо оно первое?! Я его трогал?!»

А тут ещё эти самозабвенные придурки вроде Ефимыча. Хотя такие ли уж они самозабвенные? Иногда мне кажется, что любой человек по сути своей шпион, внедривший себя в человечество. Вы не поверите, но иной раз хочется посадить гада на привинченный к полу табурет, направить в глаза лампу и допросить с пристрастием: «На кого работаете?» — «На общество!» — «А подумать?» — «На общество!» — «А иголки под ногти?» — «На общество!!!»

На какое на общество? На себя ты, вражина, работаешь, на себя...

С этой глубокой мыслью я и заснул.

* * *

Разбудил меня всё тот же Рудольф Ефимыч. Каким образом он вновь проник в квартиру, загадки не составляло: без ключа дверь запиралась только изнутри. А я её, понятно, не запер. Судя по тому, что за окном

помаленьку смеркалось, с момента нашего расставания прошло как минимум два часа. Ополовиненная бутылка коньяка вновь расположилась на столе, а сёмга была лишена упаковки и даже нарезана. Сам чичероне сидел на стуле, деликатно покашливая и похлопывая себя по коленям.

«Мирись, мирись, мирись и больше не дерись...»

— А? — сказал я спросонья.

— Я ведь чего шёл-то? — пряча глаза, напомнил он. — Дело у меня к вам.

Да, верно. До дела у нас так и не дошло. Я сел на раскладном своём ложе, протёр глаза.

— Ну, — буркнул я. — И в чём оно состоит?

— Только имейте в виду, — предупредил Ефимыч. — Я — простой работяга. Я — попросту.

«О Господи! — подумал я. — Снова здорово! Как его голоса терпят?»

— Вот вы безработный, — сказал он. — И жить вам не на что.

Я помял виски, поморщился. Ефимыч истолковал моё движение не совсем правильно и шустро наполнил стопки.

— А я, как в детстве учили... Языком болтать не умею...

— Только руками, — сипло подсказал я.

— Да, — сказал Ефимыч. — Только руками. Вот у вас — получается... Иной раз так слово вывернете, что... — Он пожевал губами. — ...даже в голову не придёт! — Принял коньячку, замолчал, выжидательно на меня взглядывая. — Ну так как?

— Что «как»?

— Ну не могу я больше! — взмолился он. — Они ж меня о таком спрашивают, что с ума сойдёшь! Начнёшь отвечать — люди шарахаются. Как от чумного какого. А вы безработный...

— Стоп! — скомандовал я. — Вы что хотите? Пересадить эти ваши голоса из своей головы в мою?

— Да, — обречённо сказал Ефимыч. — Хочу.

— Так, — проговорил я и поднялся с койки. — Пойду самовар поставлю...

Выйдя в кухню, разжёг конфорку и выразительно на неё посмотрел. Дескать, ничего себе, а? Водрузил чайник на огонь и, сокрушённо покачав головой, вернулся в комнату, где изнывал в ожидании Ефимыч.

— Так, — повторил я, садясь напротив. — Значит, решили уволиться...

— Да! — выдохнул он. — Сил моих больше нет.

— А жить на что собираетесь? На пенсию?

— Ну жил же до сих пор! И потом... я уже вон сколько заработал...

— Сколько?

Он взглянул на меня с опаской.

— Да как... — уклончиво молвил он. — Вот на Центральный район меняюсь. С доплатой. И ещё кое-что останется...

Что ж, это мудро. С нынешней его репутацией в нашем дворе оставаться не стоит. Разумнее перебраться куда подальше.

— И защищать больше не будут...

— Защищать не будут, — подтвердил он.

— А мою кандидатуру вы уже с ними обсуждали?

— Да! — с жаром сказал Ефимыч. — Они согласны. Дело только за вами.

В кухне весьма своевременно заверещал чайник, что дало мне повод удалиться, выгадав краткую отсрочку.

Сказано: возлюби ближнего, как самого себя. Я не люблю себя. Жалеть иногда жалею, а любить не люблю. Не за что. Таким образом вышеупомянутая заповедь Христова соблюдается мною неукоснительно.

Однако неприязнь к ближним вовсе не подразумевает жестокости в отношении кого-либо из них. А любой мой ответ в данном случае прозвучал бы весьма жестоко. Наиболее милосердным представлялось твёрдое «нет».

Ну вот, допустим, отвечу я: «да». Голоса, естественно, никуда от этого не денутся — и поймёт Ефимыч с ужасом, что никакой он не чичероне, а самый обычный псих. Ещё не дай бог что-нибудь над собой учинит. Мучайся потом из-за него...

Впрочем, поймёт ли? Может ли вообще психопат чистосердечно признать себя психопатом? Наверняка извернётся, выкрутится, что-нибудь придумает и останется прав во всём. Да и голоса, конечно же, его изнутри поддержат: отбой, дескать, никого нам, кроме тебя, Ефимыч, не нужно. Нет такого второго во Вселенной.

Есть, кстати, и другой вариант. Я говорю: «Да», — и голоса умолкают. Где-то я даже читал о подобном способе лечения. Правда, не исключено, что вместе с ними Ефимыча покинут и его гипнотические способности, однако не думаю, чтобы он об этом когда-нибудь пожалел.

С большим чайником в левой руке и с заварочным в правой, я вернулся к столу.

— Ну? — затрепетав, спросил меня Ефимыч.

На моё счастье, я сначала избавился от кипятка и лишь потом сказал:

— Что ж с вами делать... Согласен.

«Тогда давайте обсудим условия», — отчётливо прозвучал в моей голове приятный мужской голос.

* * *

Как всё это было давно...

Я останавливаю свой «форд» напротив здания с колоннами, что, конечно же, чревато штрафом. Ладно, штраф так штраф. Кто бы протестовал!

— Дума, — с удовольствием оглашаю я, захлопывая за собой дверцу и простирая ладонь к колоннаде. — Это где думают.

— О чём? — неслышно спрашивают меня.

— Предполагается, что о народном благе.

— Кем предполагается?

— Теми, кто думает.

— Это соответствует действительности?

— Ну, не всё так просто, — со снисходительностью истинного чичероне изрекаю я. — Конечно, каждый думает исключительно о своей выгоде и о своей карьере. Но из множества этих мелких дум складывается одна общая дума о народном благе.

На несколько мгновений в голове моей воцаряется тишина. Кажется, я малость озадачил своих работодателей. До сих пор не возьму в толк, кто они и откуда взялись. Первое время пытался понять, потом махнул рукой. Достаточно того, что ребята вроде хорошие и в чужие дела не лезут. Да у них, судя по всему, и возможностей таких нет. Просто любопытствуют.

Даже мыслей читать не умеют. Меня это устраивает, хотя и создаёт определённые неудобства: на каждый их вопрос нужно отвечать вслух. Сначала стеснялся, потом обнаглел. Вроде как по сотику болтаешь. Тем более что на правом ухе у меня и впрямь красуется самая что ни на есть крутая гарнитура. На зависть продвинутым тинейджерам. Однажды подстерегли у парадного, попытались отобрать. За что и были обездвижены.

Сильно осложнились отношения с женщинами. Теперь каждую приходится предупреждать, что я иногда во время интимной близости начинаю говорить крайне циничные вещи. В виде вопросов и ответов. Впрочем, некоторых это даже возбуждает.

— Поясните, — звучит наконец у меня в голове.

— Помните, в прошлый раз вы спрашивали, что такое армия?

— Помним.

Вот ещё одна странность: о себе они говорят только во множественном числе. Видимо, коллективный разум. Не надо смеяться, но одно время я подозревал в них колонию компьютерных вирусов, использующих человеческий мозг в качестве приёмной антенны. Кстати, это многое бы объяснило. Например, поступления на мой банковский счёт. Или, скажем, незнание простейших истин, совершенно для нас естественных и не нуждающихся в истолковании.

Однако, если они и вправду обитают в Интернете, что им мешало заглянуть в любой словарь?

— Так вот, — важно продолжаю я. — Чем трусливее каждый солдат в отдельности, тем храбрее армия в целом. Как видите, тот же самый парадокс.

— Почему так?

— Потому что, если солдат бесстрашен, он прежде всего перестаёт бояться своего командира. Если же труслив, то предпочтёт доблестно погибнуть, лишь бы не получить взыскания.

— Что такое взыскание?

Я не тороплюсь с ответом. Окидываю критическим взглядом свой новенький «фордик» и с удовлетворением отмечаю, что его жемчужный окрас и впрямь весьма удачно сочетается с мягкими тонами моего прикида.

Как хотите, а мне нравится нынешняя работа. Самое подходящее занятие для стареющего эгоиста, который в последнее время только и делал, что, сидя на лавочке, ненавидел окружающее да копил жёлчь. Разумеется, я слегка измываюсь над моими незримыми спонсорами, но они этого, кажется, не замечают. Или делают вид, что не замечают. Тут ещё поди пойми, кто над кем измывается. Впрочем, какая разница! Главное, что мы вполне довольны друг другом.

Иногда вижу Ефимыча, поскольку тоже перебрался в центр — так сказать, поближе к очагам цивилизации. По-моему, предшественник мой

не благоденствует и, скорее всего, сожалеет о том, что уступил кормушку. Но, полагаю, другого выхода у него не было. Для подобных ему чудил называть вещи своими именами означает лишиться в итоге последних иллюзий, а это им, поверьте, мука мученическая.

Мне проще. У меня действительно давно уже не осталось ничего святого. И, стало быть, нет такого вопроса, который смог бы меня смутить.

На ступени под колоннами начинает стекаться народ с какими-то плакатами. Кто-то что-то выкрикивает.

— Что происходит? — интересуются мои невидимки (о взысканиях мы к тому времени успели переговорить).

— Митинг, — отвечаю со скукой. — Порядка требуют.

— Что такое порядок?

— Порядок, — небрежно объясняю я, — это когда тебе и таким, как ты, живётся хорошо, а не таким, как ты, плохо.

— Зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем живётся?

Эх, ничего себе! Недооценил я, выходит, своих экскурсантов. Озадачили. Так с лёту и не ответишь.

— Н-ну, скажем... ради продолжения рода. Чтобы рожать детей.

— Зачем?

— Чтобы рожали детей...

— А дальше?

— Чтобы рожали детей, чтобы рожали детей... Могу и дальше.

— Вы тоже продолжаете род?

— Спасибо, уже продолжил. Больше не хочется.

— Тогда зачем живёте?

— Хороший вопрос, — невольно усмехаюсь я.

— Нет, — с сожалением поправляют меня. — Вопрос плохой. Но вам придётся на него ответить.

Бакалда — Волгоград, октябрь — ноябрь 2008

Ольга Денисова

НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ

В умилении сердечном
Прославляя истукан,
Люди разных каст и стран
Пляшут в круге бесконечном,
Окружая пьедестал... [1]

Забежав на минутку домой, Саня Латышев снял с полки коллекционную банку из-под «Хейнекен» и, оглядываясь на дверь, зубами открыл бутылку «Жигулевского». Мама должна была вернуться с минуты на минуту, и объясняться с ней было некогда. А она бы точно потребовала объяснений, ей не понять, что в его возрасте пить пиво — это нормально, а не пить пива — ненормально. В зеленую, чуть помятую банку влезло две трети бутылки, и остальное пришлось допить — залпом, из горлышка. Латышев не очень любил пиво, но «Жигулевское» — моча ослиная, а не пиво. Он вытащил из тайника, устроенного на дне чемодана, пачку «Мальборо» и сунул в задний карман джинсов (индийских, но с вранглеровской нашлепкой). К его глубокому сожалению, на пачке вместо «Made in...» красовалось «Табачная фабрика им. Урицкого. Ленинград». Поехали бы они в Геленджик, как всегда, — он бы знал, где достать настоящие «Мальборо», а здесь, во Фрунзенском, все было для него чужим.

Мама каждый год возила Саню на море, иногда на все каникулы, — считала, что в Петрозаводске для ребенка слишком мало солнца. Она была учительницей начальных классов, а на лето устраивалась работать в обслугу какого-нибудь приморского санатория или дома отдыха: за это и денег платили побольше, и «ребенок» мог безо всяких путевок загорать и купаться. В этом году (последнем перед поступлением в институт) в Геленджике у мамы что-то не срослось, и они поехали в Крым: подруга помогла ей устроится в «Айвазовское» посудомойкой.

Латышева здесь раздражало все. В Геленджике они снимали комнату в маленьком частном домике, с террасой, увитой виноградом — на ней он спал, — а здесь жили в панельной многоэтажке, которая днем раскалялась, словно сковорода. И спать Латышеву приходилось на лоджии. В Геленджике остались его друзья, связи — и девушка со странным именем Марта, которой он так ни разу и не написал за всю зиму. Здесь вместо загадочной и молчаливой Марты на одной лоджии с ним жила прозаичная и разговорчивая Наташка. Лоджия была поделена надвое ширмой, а Наташка с отцом снимали соседнюю комнату. Ее отец тоже работал в «Айвазовском», физруком: водил на терренкур одышливых чиновничьих жен и учил играть в теннис их детей.

Латышев скомкал в кулаке этикетку «Жигулевского» и поставил бутылку в угол, где их набралось не меньше десятка. Мама не сомневалась,

[1] Ж. Барбье и М. Карре, перевод П.И. Калашникова.

что это из-под лимонада. Ему оставалось только незаметно выскользнуть из квартиры, но дверь открылась навстречу: не успел.

— Санька, я ужин принесла, — мама сунула ему в руку увесистую сетку (он не ожидал, что это будет так тяжело, и едва не уронил ее на пол). — И черешни тебе купила.

— Я не буду ужинать, — он поставил сетку на стул. — Мне бежать надо, я опаздываю.

— Куда? — улыбнулась мама.

— Тебе-то что? Надо мне.

— А в руке у тебя что?

— Ничего! — он протиснулся мимо нее к двери, стараясь не дышать. — Я ушел, приду поздно.

— Саня! Что значит «поздно»?

— Часов в двенадцать, — Латышев хотел поскорей проскользнуть через прихожую, но лицом к лицу столкнулся с физруком. Как тут тесно! В Геленджике он уходил из дома, перепрыгнув перила террасы. С десятого этажа через перила лоджии не уйдешь...

Физрук, вдохнув запах пивного перегара, демонстративно помахал ладонью перед лицом. Латышев же едва не расплескал пиво из драгоценной банки.

— Все пьешь? — угрюмо спросил физрук.

— А ваше какое дело? — огрызнулся Латышев.

— Саня! Ты как разговариваешь? — Мама тоже вылезла в тесную прихожую. — И что у тебя в руке?

— Ничего, сказал же!

— Пиво у него в руке, импортное, — хмыкнул физрук.

— Саня! А ну-ка вернись!

Они не понимают! Они не понимают, что никто не будет его ждать! И что в той компании, в которой он собрался провести вечер, другого пива не пьют! Не носят индийских джинсов и не курят «Мальборо» фабрики Урицкого! В Геленджике ему ничего доказывать не приходилось, там все давно его знали.

Физрук свернул в кухню, чтобы не мешать.

— Где ты это взял? — мама брезгливо указала на «Хейнекен».

— Нашел!

— Саня, ты что, фарцуешь?.. — мама схватилась за дверной косяк, как будто собиралась упасть в обморок.

— Ерунду не говори.

Где слово-то это услышала? Саня не фарцевал — так, подфарцовывал, и не здесь, а в Петрозаводске. Одна нашлепка «Вранглера» обошлась ему в пятьдесят рублей, откуда бы он их, интересно, взял, если бы не заработал?

— Ма, это просто банка. Ты же сама ее мне и принесла на прошлой неделе, — смягчился он.

Мама знала, что он собирает банки из-под импортного пива, и частенько приносила их из «Айвазовского».

— Да? Вот уж не думала, что они нужны тебе, чтобы разгуливать по улицам!

— А что в этом плохого? — Латышев прикусил язык: сейчас начнется политинформация о системе ценностей! И физрук тоже вставит несколько слов, он всегда суется не в свое дело. «Тот, кто носит Адидас, скоро родину предаст»! Можно подумать, те, кого он учит играть в теннис, носят джинсы фирмы «Салют»! И попробовал бы их кто-нибудь обвинить в нарушении морального кодекса строителя коммунизма...

— Что плохого? Тебе не кажется, что это низко? — мама сложила губы бантиком. Она все время забывала, что она не на уроке и он не третьеклассник.

— Низко? — взорвался Латышев. — Низко, значит? А быть здесь сыном посудомойки, значит, высоко?

Мама побелела, лицо ее стало вдруг каким-то растерянным и глупым, рот приоткрылся, но она так и не нашла, что сказать. А вообще-то она за словом в карман не лезла.

Зато физрук нашелся быстро: Латышев опомниться не успел, как оказался прижатым к вешалке и слегка придушенным собственным воротником. Банка «Хейнекен» плеснула на стенку «Жигулевским», и по обоям вниз побежали мокрые дорожки.

— Ах ты щенок! Тебе кто позволил мать свою оскорблять? Тварь неблагодарная! Она как проклятая на тебя горбатится, ты на руки ей посмотри!

— Руки уберите, — поморщился Латышев. — Сами какой пример дочке подаете? Скоро жена ваша приедет, будете в своей комнате ночевать, а не в нашей.

Признаться, он думал, что физрук его ударит, и тогда можно будет ему ответить. Но тот брезгливо скривил губы, оттолкнул Латышева, выпуская его воротник, и выплюнул ему в лицо:

— Какая же ты дрянь...

Латышев скроил гордую мину, сделал вид, что утерся, и толкнул дверь на лестницу плечом. И, поворачиваясь, заметил слезы у мамы на щеках. Черт дернул физрука сунуться! Он бы и сам догадался извиниться. Ну, сорвалось! Наболело!

Латышев скатился на один пролет, к лифту, и с остервенением ударил по прожженной красной кнопке. И едва не забыл припрятанную за батареей бутылку массандровского портвейна.

Из распахнутых окон первого этажа на всю Партенитскую улицу разносилась «Феличита»: итальянцы захлебывались от счастья. Какое, к черту, счастье? Настроение было испорчено на весь вечер. Латышев расстегнул две верхних пуговицы на рубашке, приподнял воротник (мама терпеть не могла расстегнутых пуговиц, ей было не понять, что это модно, что рубашки все так носят) и небрежно глотнул «Жигулевского». Он бы и закурил, но «Мальборо» поберег, все же рубль пятьдесят... В кармане звенела мелочь и приятно шуршала трешка — на всякий случай, — и он решил, что на остановке купит «Родопи», просто покурить, без выпендрона.

С Наташкой он столкнулся на повороте — она, взлохмаченная и запыхавшаяся, вприпрыжку поднималась в горку. Наверное, тоже торопилась.

— Привет, — выдохнула она и подставила ладошку, чтобы Латышев по ней хлопнул, — они так здоровались.

Наташка с отцом приехали во Фрунзенское на два дня раньше Латышевых, и сначала она шипела и фыркала, узнав, что Саня тоже будет спать на лоджии. Но уступать не собиралась, так же как и он. А почему, собственно, он должен был уступить? Если ей что-то не нравится, пусть сама спит в духотище! А как Латышев хохотал, когда она заявила:

— Только попробуй подглядывать! Глаза выцарапаю!

Она была младше его на год, переходила в девятый класс — что с нее взять? Латышев ответил, что он не в детском саду и Наташка сдалась ему сто лет. Тем более что ничего интересного в ней не было (еще бы, при таком папаше!) — одеваться она не умела, красилась тушью-плевательницей и только по праздникам, не курила и не разбиралась в музыке.

Но потом они подружились. Именно подружились. И если в первые ночи демонстративно ложились ногами друг к другу (хоть и через ширму, а все же...), то потом, чтобы удобней и тише болтать по ночам, наоборот, поворачивались друг к другу головами. И однажды ночью решили, что будут братом и сестрой, чтобы раз и навсегда определиться в отношениях: брату с сестрой незазорно спать на одной лоджии. Чтобы закрепить их братский союз, Наташка отдала Латышеву свою серебряную цепочку, а он ей — часы, подаренные отцом.

Это она уговорила его прочитать «Мастера и Маргариту» — напечатанную на машинке и сшитую суровыми нитками, — до этого Латышеву не случалось брать в руки самиздат. Книга эта окрасила отдых совсем другими цветами: и жара теперь напоминала Патриаршие пруды, и в лунном свете мерещились незнакомые силуэты; Латышев даже съездил в Ялту, чтобы своими глазами взглянуть на тот волнорез, на котором очнулся Степа Лиходеев.

— Привет, сестренка, — ответил он.

— Ты в «Крым» не идешь?

— Что я там забыл?

— Там «Танцор диско» сегодня. Билетов, говорят, уже не осталось.

Латышев презрительно поморщился: индийские фильмы — это для женщин и детей.

— Ничего себе! Откуда у тебя такое пиво? — Наташка наконец заметила банку у него в руке.

— Да так, — Латышев равнодушно пожал плечами.

— Дай глоточек, а?

— Зачем тебе? — он усмехнулся сверху вниз.

— Должна же я знать, каково на вкус импортное пиво.

— Держи, — он протянул ей банку.

Наташка неумело отхлебнула глоток, поморщилась, но тут же сделала понимающее лицо:

— Здо́рово! На самом деле гораздо лучше нашего.

Латышев согласно кивнул — не смеяться же. Неизвестно еще, кто из них смешней. Мамины слова о том, что это низко, вдруг не показались

ему пустым звуком. Глупо это все. Глупо и унизительно. В Геленджике все было по-другому!

Они распрощались с Наташкой до вечера, и Латышев двинулся к остановке. Ничего. Это ненадолго. Все утрясется — это только поначалу трудно вписаться в новую компанию. Это встречают по одежке.

Однако за две недели, прожитые во Фрунзенском, ему пока не удалось прибиться ни к одной компании. Латышев успокаивал себя тем, что сезон еще не в разгаре — конец июня. С местными гопниками он был на ножах с первого же дня, и хотя они признали его за равного, он сам не очень-то стремился с ними сходиться. Они плевались как верблюды, и смеялись как козодои .[1]

Ничего больше не оставалось, как сидеть на пляже с загадочным и невозмутимым лицом, делая вид, что тебе ни до кого нет дела.

И вот вчера ему наконец повезло: в стороне от поселкового пляжа, на камнях, он познакомился с ребятами из «Айвазовского», вместе с которыми таскал из моря рапаны и мидии. Плавал Латышев как дельфин и нырнуть мог глубже многих, даже без ласт. Не было ничего удивительного в том, что вечером его позвали на костер, жарить набранные мидии. Там-то Латышев и положил глаз на девчонку по имени Кристина (куда уж до нее Наташке, даже смешно, честное слово!), и она тоже не скрывала своего к Латышеву интереса. Вообще-то он умел нравиться девчонкам.

Сегодня ловили крабов (на этот раз он был в маске и ластах), а вечером собирались на сейшн — у одного из ребят отца срочно вызвали на работу, а мать поехала провожать его в Симферополь, так что номер был свободен до утра.

— Фи, это что, какая-то местная бормотуха? — поморщившись, спросила Кристина, когда Латышев выставил на стол портвейн.

— Дура, это «Массандра», на экспорт идет, — пояснил ей Виталик. — В Москве такого вообще не достать.

Латышев еле заметно усмехнулся: зачем Виталику разбираться в «Массандре»? Ему из-под полы ею не торговать, ему папа денег сколько надо отстегнет. Экспортная «Массандра» подороже «Наполеона» может стоить, а это так, в магазине куплена... В прошлом году в Геленджике Латышев сам клеил «экспортные» этикетки на бутылки с магазинной «Массандрой».

В двухкомнатный номер набилось человек двадцать, на столике возле холодильника не умещались бутылки и пивные банки. Икры и крабов, конечно, не было, но колбаску покрошили сырокопченую, и кореечку свиную нарезали, и балычок осетровый — правда, холодного копчения.

— Москву вашу скоро переименуют, слыхали? — спросил Латышев, хлебнув «Жигулевского» из банки.

— Как это «переименуют»? — вытаращилась на него Кристина. — С ума сошел?

— Серьезно, — усмехнулся Латышев. — В Константинополь.

[1] Майк Науменко. «Гопники»: «Кто плюется как верблюд, кто смеется как козодой?»

— Не, не может быть, — скептически покачал головой Виталик.

— Почему именно в Константинополь? — Кристина сделала умное лицо.

— Как почему? Третий Рим. А чтобы отличать ее от настоящего Константинополя, добавят «Усть» .[1]

Виталик заржал и, отсмеявшись, побежал рассказывать новый анекдот в соседнюю комнату, где играл магнитофон.

— Дай пивка хлебнуть, — попросила Кристина и потянулась к банке «Хейнекен».

— Может, тебе еще жвачки дать пожевать? — Латышев отодвинул банку в сторону. — Пойдем лучше покурим.

— У тебя есть?

— «Мальборо», но совковое, — Латышев не сомневался, что эта девочка отличит настоящие «Мальборо» от подделки.

Перед выходом на лоджию он допил «Жигулевское» и, смяв банку в руке, кинул ее в мусорку, стоявшую под столом.

— Зачем смял? Мы их уборщице отдаем, у нее сын собирает, — Кристина засмеялась нежным, переливчатым смехом. Совсем не злым, но смех этот задел больней прямого оскорбления, и Латышев похолодел: быть сыном посудомойки ничуть не лучше, чем сыном уборщицы.

— Я их тоже собираю, — с вызовом ответил он Кристине. — Но «Хейнекен» у меня уже есть.

В «Айвазовском» было не так отвратительно душно, как в поселке: снизу на лоджию поднимались пряные запахи моря и южной зелени, а не выхлопных газов и оплавленного за день асфальта. И все равно: и пахло тут не так, как в Геленджике, и цикады не скрипели, и земля под ногами была другая, и в горах росли совсем не те деревья.

— Смотри, на горе огонек горит, — Кристина показала на спину каменного медведя, выступавшую из-за мыса.

— Это кто-то богиню Деву вызывает, — раздался голос от балконной двери, и Латышев поморщился — он рассчитывал побыть с Кристиной вдвоем.

Та оглянулась.

— Какую богиню Деву?

— На горе раньше было святилище главной таврской богини. — У перил остановился парнишка в сером отглаженном костюме. — Никто не знает, как ее называли тавры, а греки называли ее Парфенос, то есть просто «девушка». Кстати, и Фрунзенское до войны Партенитом называлось. По представлениям тавров, Дева была богиней-матерью, что-то вроде Кали или Астарты, но греки почитали ее как Ифигению, жрицу Артемиды.

Латышев посмотрел на парня сверху вниз. Интересно, почему он без очков? Обычно так мудрено изъясняются очкарики. Впрочем, человек со стрелками на брюках ничем не хуже очкарика.

— А зачем ее вызывают? — спросила Кристина.

[1] В 1984 году Генеральным секретарем ЦК КПСС был Константин Устинович Черненко.

— А зачем вызывают Пиковую даму или Кровавую Мэри? — парнишка обезоруживающе улыбнулся и взглянул на Кристину. — Только богиню Деву вызывать интересней. Нужна кровавая жертва, разожженные костры, каменный алтарь. Если Дева явится на зов, то исполнит любое желание.

— Здорово! — Кристина всплеснула руками. — Завтра пойдем и попробуем!

— Делать нечего? — Латышев смерил ее взглядом.

— Может, ты боишься? — рассмеялась она.

— А чего, собственно, бояться? Волков или медведей? — он усмехнулся.

— Здесь нет ни волков, ни медведей, ни даже сколько-нибудь опасных змей, — с умным видом сказал парнишка в костюме. — Но подниматься на гору ночью рискованно. А кроме того, подступы к святилищу охраняют духи древних тавров. Между прочим, они украшали его черепами чужеземцев.

— О-о-о! — протянула Кристина. — Саня, признайся, ты боишься духов древних тавров!

— Глупости это, — поморщился Латышев. — Если хочешь, пойдем прямо сейчас.

— Сейчас там уже кто-то есть, это неинтересно, — отмахнулась Кристина. — Сегодня можно вызвать Кровавую Мэри или Пиковую даму.

— А зачем? — Латышев сделал скучающее лицо: вызов духов требует интимной обстановки, и этим стоит воспользоваться, только надо не переиграть, делая вид, что отказываешься.

— Действительно, зачем? — улыбнулся парнишка в костюме. — Пиковая дама — это для детей, повизжать в темноте. Всем мерещатся шаги за дверью и тени в глубине зеркала, а практического смысла в этом нет. Я бы предложил вызвать пропащего беса.

Латышев хотел сказать, что парнишку никто не приглашает, но Кристина заинтересовалась:

— А кто такой пропащий бес?

— Толком на этот вопрос ответить трудно. Пропащий бес много опасней Пиковой дамы, но вызывают его не просто так. В обмен на убитую черную собаку он может дать неразменный рубль. Но если на собаке будет хоть одно белое пятнышко, пропащий бес заберет твою душу, а неразменного рубля не даст.

— Саня, не хочешь получить неразменный рубль? — прыснула Кристина.

— Зачем он мне?

— Разбогатеешь.

— Неразменную сотню я бы хотел, а рубль? Это сколько же спичечных коробков надо купить, чтобы собрать на «жигули»? И где прятать столько мелочи?

Парнишка в костюме собирался потихоньку улизнуть с лоджии, но Кристина его окликнула:

— Эй, погоди! А как его вызывают-то?

— Очень просто, — с готовностью пояснил тот, — почти как Пиковую даму. Нужны два больших стоящих друг напротив друга зеркала. Как обычно, в полночь надо зажечь две свечи и кровью нарисовать на

одном из зеркал дверь. А потом сказать три раза: «Бес пропащий, выходи». Он выйдет и заберет черную собаку.

Парнишка снова направился к выходу, но в дверях остановился и добавил:

— Кстати, в вестибюле два зеркала как раз стоят друг против друга...

Латышев щелчком отправил окурок на клумбу под окном.

— Саня, я хочу увидеть пропащего беса, — капризно и твердо заявила Кристина.

— Интересно, где я среди ночи найду черную собаку? — хмыкнул Латышев. Рыскать по всему поселку в темноте в поисках черной собаки? И только ради того, чтобы в полночь оказаться наедине с девушкой? В гулком вестибюле, куда в любую минуту может кто-нибудь войти?

— Главное, чтобы на собаке не было ни одного белого пятна. А то заберет пропащий бес твою душу, а неразменного рубля не даст, — она рассмеялась.

— Почему мою? Может, твою.

— Мне неразменный рубль не нужен. И собак убивать я не собираюсь, — фыркнула она, поводя плечом.

— Мне тоже не нужен неразменный рубль, — усмехнулся Латышев.

Шутки шутками, а из-за этого парня со стрелками на брюках он упустил подходящий момент для решительного поцелуя.

— Хорошо. Отложим на завтра, — постановила Кристина. — За день ничего не стоит найти собаку, здесь их полно.

Она уверенно направилась обратно в номер. Ух ты! Раскомандовалась! Латышев усмехнулся снова, теперь уже своим мыслям. Интересно, кто из них сильнее хочет оказаться в полночь наедине?

Сейшн прошел в пьяном угаре и сигаретном дыму, под музыку Scotch, а закончился на берегу моря незадолго до полуночи. И Латышеву почему-то было очень любопытно, что будет пить парень в костюме и как он в этом наряде будет танцевать. Но сколько ни искал его глазами в полутемном номере, так и не увидел. И даже спросил о странном госте у Виталика, но тот покрутил пальцем у виска и ответил:

— В каком костюме? Ты пьяный, что ли? У нас таких чокнутых нет.

— Сам ты пьяный, — хмыкнул хозяин номера. — Не понял, что ли? Не знаешь, кто на югах костюмы носит?

— А кто? — вытаращился на него Виталик.

Хозяин номера посмотрел на него как на убогого:

— Анекдот про Константинополь ты рассказывал?

— Это я рассказывал, — с достоинством сказал Латышев. — И что?

— Тогда это по твою душу, — с жалостью кивнул хозяин номера.

— Так сразу и по душу? — усмехнулся Латышев.

— Душу у него завтра заберет пропащий бес, — засмеялась Кристина, подхватывая Латышева под руку и увлекая в сторону. — Если на черной собаке будут белые пятнышки.

Ночное купание немного прочистило мозги, и к дому Латышев подходил только слегка пошатываясь — не столько от вина, сколько от того, что слишком много и глубоко нырял. «Мальборо» кончились, но в кармане

оставалась предусмотрительно купленная пачка «Родопи». Латышев собирался покурить перед сном, но не обнаружил в кармане спичек. Улицы были пустынны, и только припозднившаяся (и немолодая) парочка под руку шагала от «Крыма» к «Айвазовскому».

— Прикурить не будет? — вежливо спросил Латышев.

— Рано тебе еще прикуривать, — презрительно смерив его взглядом, ответил мужчина.

Такой же правильный, как физрук! Латышев ничего не ответил, сплюнул и пошел своей дорогой. Прикурить ему дал местный гопник, толкавший в горку мотоцикл.

А на скамейке у подъезда Латышев неожиданно наткнулся на Наташку. Ему показалось, что она плачет, но он ошибся — просто глаза у нее были несчастными.

— Ты чего тут сидишь? — спросил он, глубоко затягиваясь, и присел рядом.

— Сижу, — она неопределенно дернула плечом.

— Как «Танцор диско»?

— Нормально.

— Покурить не хочешь?

Она сначала замотала головой, а потом, подумав немного, ответила:

— А давай. Мне хуже не будет.

Она не умела курить: сначала закашлялась, а потом набирала дым в рот и тут же выдыхала его тонкой струйкой.

— Мой папа говорит, что целовать курящую женщину все равно, что целовать пепельницу, — произнесла она мрачно.

— Твой папа... — начал Латышев сквозь зубы, но не стал продолжать.

— Да, я знаю, он ничего не понимает. Я уже заметила, что курящих девушек целуют все, а вот некурящих... Вот и сегодня. Парень пришел в кино со мной, а ушел с этой Татьяной. Я сама виновата, ты не думай. Он, когда кино началось, лапать меня стал. Не нагло, потихоньку так. А я ему по щеке дала... Наверное, не надо было?

Почему-то Латышев не поставил себя на место незадачливого ухажера. Может, Наташка и впрямь стала ему как сестра?

— Хочешь, я ему в грызло дам? Чтоб не лапал?

— Нет, не надо. Дело же не в этом. Мне папа всегда говорил, что мужчины любят гордых женщин, а на самом деле выходит, что это не так.

Латышев не знал, что ей ответить. Он не думал о любви, в девчонках его интересовало не это. Вот Кристина тоже была по-своему гордой. Нет. Не гордой — она была ломакой. А это совсем другое.

— Да он просто идиот.

— Кто? Папа?

— Нет, этот твой, который в кино, — ответил Латышев и подумал, что папаша ее идиот ничуть не меньший.

— Разве? — в Наташкином голосе послышалась обида.

— Конечно. Ему не любовь нужна, не ты, а любая честная давалка. Плюнь.

— Я не знаю, что ему нужно. Но я не нужна никому. Понимаешь? Я никому не нужна!

«Сейчас она разревется», — подумал Латышев.

Но Наташка не разревелась. Наоборот, решительно выбросила в урну наполовину выкуренную сигарету.

— Слушай, Сань... Ты только не пойми меня неправильно. Ты не мог бы меня поцеловать? Понимаешь, меня никто никогда в жизни не целовал. Я такая... такая... дура. Я даже целоваться не умею, а мне уже пятнадцать.

Латышев затянулся и не ответил. И поцеловал ее потом, на лестничной площадке перед лифтом, в лучах лунного света.

На следующее утро он и думать забыл о пропащем бесе и черной собаке. Мама, как всегда, оставила ему завтрак на столе: творожную запеканку со сгущенкой и бутерброд с сыром. И два билета в кино со штампом «Айвазовского» — сегодня «Танцор диско» шел там. Латышев поморщился. Именно сегодня он собирался посмотреть «Три дня Кондора» в «Крыме».

Наташка как-то незаметно проскользнула в ванную, а потом так же незаметно вышла из квартиры — Латышев услышал, как щелкнул замок. Хотя они проболтали всю ночь, и стесняться ей, в общем-то, было нечего.

Латышев тоже собирался недолго, раздумывая: идти на камни или на пляж «Айвазовского»?

Жара стояла невозможная, хотя и было всего часов одиннадцать. Взвесив все за и против, он свернул-таки к поселковому пляжу, рассудив, что гораздо эффектней выплыть к «Айвазовскому» из моря, чем притащиться туда пешком. А в ластах это ничего не стоило.

В переулке, ведущем к морю, солнце било в глаза, и Латышев не сразу увидел собаку, лежавшую в тени пятиэтажки. Но когда увидел, тут же вспомнил о пропащем бесе: собака была совершенно черной, без единого белого пятнышка. И Латышев решил было, что она дохлая, — валялась на боку, протянув ноги, и не дышала. Он подошел поближе, рассматривая песью морду. Мерзкая была собака: лохматая, со свалявшейся шерстью, отливавшей рыжиной (прямо сказать — не вороново крыло); глаза ее гноились, а из приоткрытой пасти торчал желтый клык. Собака была жива, просто дрыхла без задних ног.

Изловить ее, конечно, ничего не стоило, хватило бы ванильного сухарика, завалявшегося в кармане. Но как ее убить? Ударить камнем по голове? Или перерезать горло? Или задушить? Нет ничего невозможного для человека с интеллектом. Латышеву случалось убивать крыс и лягушек, но собак... Он подумал немного и решил изловить собаку на обратном пути. А еще лучше — поближе к вечеру. Куда ее, дохлую, девать до ночи? Вонять же начнет.

А Кристина не преминула напомнить о черной собаке. Латышев долго прятался за волнорезом, чтобы подплыть к ней под водой и схватить за щиколотку. Как она визжала! А потом орала и очень натурально молотила его руками по голове.

— Придурок! Кретин! Что за идиотские шутки! У меня тушь потекла!

— Она же водостойкая! — хохотал Латышев. Он неплохо разбирался в косметике, потому что снабжал ею одноклассниц.

И уже на берегу, придирчиво разглядывая в зеркальце ланкомовской пудреницы свою физиономию, Кристина сказала:

— После этого ты просто обязан найти черную собаку.

— Почему это обязан? — Латышев скосил на нее глаза.

— Потому что иначе я никогда тебе этой выходки не прощу.

— Да и не прощай! — он рассмеялся.

Латышев бы и дальше сидел на пляже, но вскоре к Кристине подошли ребята: Виталик и парень, с которым Латышев впервые столкнулся вчера на сейшене. Виталик Латышеву нравился — нормальный был человек, на других сверху вниз не смотрел, папашей своим никому в нос не тыкал. Да и не принято это было здесь, как с удивлением отметил Латышев.

А вот товарищ Виталика, Денис (или, как он себя называл, — Дэ нис), изображал крутого не в меру. Он тоже про папашу своего помалкивал, но Латышеву уже кто-то шепнул, что отец Дэниса — директор мелкой швейной фабрики в Москве, а вовсе не партийный бонза, зато денег у него столько, что он может все «Айвазовское» купить, а не только достать путевку жене с сыном.

Дэнис тащил в руках двухкассетный «панасоник», из которого на весь пляж неслась Kalimba De Luna. Этого альбома Латышев переписать еще не успел и Виталика попросил бы об одолжении с легкостью, но просить о чем-то Дэниса посчитал недостойным.

— Привет, — Латышев оглянулся и помахал рукой.

Дэнис только поморщился, а Виталик ответил:

— Наше вам. Ты с ластами?

Латышев кивнул.

— Вот и славно. — Дэнис поставил магнитофон на гальку и потер руки. — Мидий наловить можешь?

— А самому что, слабо? — Латышев смерил его взглядом.

— Я заплачу .

— Чего заплатишь? — не понял Латышев.

— Денег, денег, чего же еще! — Дэнис противно захихикал. — Мне лень самому в воду лезть, а ты, говорят, хорошо ныряешь.

Латышев долго соображал, что в этом предложении оскорбительного, но оскорбление почувствовал сразу. Ему приходилось зарабатывать, зазорным он это не считал, но выглядело это не так. Не был бы Дэнис его ровесником, Латышев бы просто отказался. А тут кровь бросилась в голову, стоило представить себе, как он, будто раб на плантации, будет доставать мидии для этого хлыща! Что-то вроде «Марш в воду, жаба».

Латышев долго подбирал слова для достойного ответа, но ничего, кроме старых анекдотов, в голову не приходило.

— У меня сейчас месячник культурного обслуживания, — наконец проскрипел он сквозь зубы. — Так что я иду на х..., а ты за мной. След в след.

Виталик снова заржал — он как никто воздавал должное юмору Латышева. Может быть, если бы он не смеялся, Дэнис не принял бы ответ так близко к сердцу.

— Знаешь, парень... — начал он, сузив глаза, — меня так просто на х... никто не посылал.

— Тебя и в этот раз послали не просто так, а очень даже изящно, — рассмеялась Кристина.

— И что? — Латышев посмотрел на него снизу вверх (потому что сидел). — Заплатишь кому-нибудь, чтобы дали мне в пятак, а то самому лень руки марать?

— Да мне и платить никому не придется, сейчас вызову охрану, и тебя отсюда вышвырнут. Здесь порядочные люди отдыхают, и нечего тут делать кухаркиным детям. Может, у тебя вши, а ты с нами в одном море купаешься.

«Кухаркины дети» резанули больно, гораздо больнее вшей.

— Фи, Дэнис, — скривила губки Кристина. — Море общее, ты его пока не купил.

— А вот сейчас проверим, — Дэнис убавил громкость магнитофона и повернулся к морю. — Виктор Семенович!

Латышев вздрогнул и посмотрел туда же: в окружении стайки ребятишек младшего школьного возраста по колено в воде стоял физрук.

— Виктор Семенович, можно вас на минутку? — Дэнис поманил физрука пальцем. И тот, выгнав детей из воды, пошел!

— Да, Дени с. Что случилось?

— Тут посторонний на пляже, — Дэнис кивнул на Латышева. — Это нарушение санитарных правил.

— Да, — едко вставил Латышев, глядя на растерянное лицо физрука, — меня подозревают в педикулезе.

Очень хотелось добавить про «кухаркиных детей» и посмотреть, станет физрук хватать Дэниса за грудки или нет. А физрук долго думал, прежде чем ответить. И на его лице совесть и неприязнь к Дэнису боролись со служебными обязанностями и неприязнью к Латышеву.

— Денис, у этого парня есть справка, он проходил медосмотр. Я это знаю совершенно точно.

Латышев действительно проходил медосмотр, потому что перед отъездом мама не знала, удастся устроить его в столовую «Айвазовского» или нет. Не удалось. Слишком крутая столовая оказалась для кухаркиных детей.

— И что? Теперь все, кто прошел медосмотр, могут занимать место на закрытом пляже? — Дэнис посмотрел на физрука сверху вниз.

— Саня, сюда на самом деле можно проходить только по санаторным книжкам, — физрук посмотрел на Латышева как-то жалостно, словно извиняясь.

— А с каких это пор родственников Корейко причисляют к руководителям партии и правительства? Теперь все, кто заработал свой подпольный миллион, могут занимать место на закрытых пляжах? — безжалостно поинтересовался Латышев.

Если физрука уволят, Наташка уедет. Это подумалось само собой, и, в общем-то, Латышев не стал бы плакать из-за отъезда Наташки. Но он

вдруг понял, что они с физруком в одной лодке. Только он, Саня Латышев, ничем не связан, его можно лишь выставить за ворота, и не более. И, наверное, не стоит дожидаться, когда это сделают силой...

Он сгреб ласты, маску и поднялся.

— Поищу-ка я берег погостеприимней, — проворчал он себе под нос.

Когда Латышев выбирался на камни в стороне от поселкового пляжа, он уже точно знал, чего хочет: иметь неразменный рубль. То ли обида застила ему глаза, то ли собственная судьба казалась совсем уж безнадежной, но он вдруг поверил в существование пропащего беса и его неразменного рубля. Кто знает, что это такое — неразменный рубль? Может, обладая им, вовсе не потребуется покупать миллион коробков спичек, чтобы встать на одну ступеньку с Дэнисом.

Полуденное солнце палило нещадно, и хотя Латышев никогда не обгорал, тут заметил, как жжет плечи и печет голову. Дорога к Партенитской улице показалась пыльной и душной; стоило отойти от моря на сотню метров, и его свежее дыхание завязло в прибрежной зелени. Горы тут были выше, чем вокруг Геленджика. И красивей. За них цеплялись облака, шапками наползали им на глаза и почему-то звались обезьянами.

Черная собака мирно спала в тени той же пятиэтажки, только переместилась в сторону вместе с тенью. Латышев решительно вытащил ремень из джинсов, сделал из него петлю и свистнул, доставая засаленный сухарь. Доверчивый песик с готовностью поднял голову.

— Иди сюда, животное, — Латышев чмокнул губами.

Наверное, черная собака никогда не видела зла от людей, потому что без колебаний поднялась на ноги, преданно заглядывая Латышеву в глаза, и сделала неуверенный шаг вперед.

— Иди-иди, не бойся.

Нет, пес не боялся — он не сразу поверил своему счастью, не сомневаясь: раз позвали, значит, что-нибудь дадут. Ничего не стоило накинуть петлю ему на шею.

Душить собаку посреди улицы Латышев поостерегся, и пес без колебаний побежал рядом на удавке, как на поводке. Наверное, он когда-то был домашним... Кусты неподалеку от хозяйственного магазина подходили для задуманной миссии вполне, и подниматься в горку пришлось недолго. Место было нелюдное, машины проезжали не чаще двух раз в день, и Латышеву бы никто не помешал (если бы, конечно, не следил за ним в бинокль из окна высотки).

Пес пролез в кусты вслед за Латышевым, а потом сел, выжидающе глядя на нового «хозяина», и вывалил язык, что называется, на плечо. Латышев зажмурился: это надо сделать, надо обязательно. Иначе у него никогда не будет неразменного рубля. Иначе грош ему цена. Иначе он слюнтяй и кисейная барышня. Нет, ради полуночной встречи с Кристинкой он бы на такое не решился — не стоит оно того.

И надо-то немного... Латышев вздохнул и перекинул ремень через сук потолще — осталось только дернуть. Пес продолжал смотреть в лицо

с неизбывной преданностью, и Латышев закрыл глаза. Иначе у него никогда не будет неразменного рубля! Иначе он никогда не встанет на одну ступень с Дэнисом, никогда не утрет ему нос. Само собой в голове всплыло: «Тварь ли я дрожащая...» Не старушку ведь — шелудивую собаку, разносчицу заразы и блох. Слезы резью подступили к глазам, встали в горле болезненным комом. Латышев вдохнул и... дернул ремень на себя.

Пес сначала взвизгнул по-щенячьи жалобно, а потом захрипел, дергая лапами. И так страшен был этот хрип, так безнадежен, что рука разжалась сама собой. Латышев разревелся, как девчонка, подхватил собаку на руки и сорвал удавку с шеи невинной твари. Пес (потрясенный предательством?) рванулся из рук, царапая ему грудь, спрыгнул на землю и задал стрекача — назад, к родной пятиэтажке.

Латышев сквозь слезы видел, как тот выскочил на дорогу и приостановился, оглядываясь. И улыбка уже потянула губы в стороны (не надо никакого неразменного рубля, черт с ним, с этим Дэнисом!), как вдруг из-за поворота (словно при замедленной съемке) выкатила огромная черная «Волга» и бампером ударила лохматое собачье тельце, тут же отлетевшее на десяток шагов вперед.

Латышев, размазывая слезы по щекам, выбежал на дорогу — водитель даже не остановился, как будто не заметил, что сбил пса. И Латышев зачем-то побежал ей вслед, размахивая кулаками, как вдруг увидел, что с заднего сиденья на него смотрит парень в сером костюме: тот самый, что вчера на лоджии рассказывал о пропащем бесе. А может, это только показалось — из-за слез?

Пес был мертв, да это и неудивительно: «Волга» ехала быстро, набрав скорость на подъеме. Латышев присел на одно колено перед убитой собакой (слезы лились ручьем, и плечи тряслись от рыданий) и обхватил голову руками. И он, конечно, подумал о знаке судьбы, о том, что какая-то высшая сила подарила ему этот мохнатый окровавленный трупик, но уже не хотел этого подарка — и многое бы отдал, чтобы пес сейчас бежал к своей пятиэтажке, живой и невредимый. И винил себя: если бы он не мечтал об этом неразменном рубле, не выдумывал глупостей, не тащил собаку в кусты, сейчас все было бы иначе!

Но слезы высохли, едва из-за угла послышались голоса и смех. И кто-то внутри ехидно произнес: «А ты думал, неразменный рубль — это так просто?»

Латышев, еще не успев толком подумать и содрогнуться от отвращения, сгреб мертвую собаку в охапку (та стала вдруг неестественно тяжелой) и потащил обратно в кусты. Запах псины мешался с запахом крови, на жаре особенно сильным, и, едва скрывшись от посторонних глаз, Латышев бросил трупик на землю. Его чуть не вывернуло наизнанку, спазмы от желудка покатились к горлу, и слезы выступили на глазах уже не от жалости.

«А ты думал, неразменный рубль — это так просто?»

Физрук вернулся домой, как всегда, часов в семь, на час раньше мамы. Латышев в это время распихивал по местам бобины, которые вместе с магнитофоном носил к Виталику. У Латышева было много редких

записей, которые заинтересовали Виталика («Трубный зов», например), и до ужина в «Айвазовском» они всего переписать не успели. Физрук постучал в дверь, прежде чем войти.

— Я поговорить с тобой должен, — начал он.

— По-отечески? — поморщился Латышев.

— А почему бы нет?

— Ну говорите, — он пожал плечами и повернулся к физруку лицом.

— Ты ведь, в сущности, неплохой парень... Зачем ты к ним лезешь? Ты что думаешь, ты будешь на них хоть сколько-нибудь похож, если станешь пить такое же пиво и курить такие же сигареты?

Ага, сегодня он уже неплохой парень, а вчера был дрянью...

— Не по Сеньке шапка, что ли?

— Наоборот. Надо быть выше, понимаешь?

Видел сегодня Латышев, как оно выглядит — «быть выше»! Это молча исполнять прихоти зарвавшихся пижонов?

— У нас в стране все равны, — равнодушно сказал он физруку.

— Знаешь... Это уже совсем не та страна, какой мы ее себе представляем...

— И вы не боитесь мне это говорить?

— Нет. И никому не побоюсь сказать.

Латышев решил, что физрук еще больший дурак, нежели прикидывался.

— Мне идти пора, меня ждут, — проворчал Латышев.

Никто его не ждал, часа через полтора он собирался явиться в кинозал «Айвазовского» к началу «Танцора диско» и посмотреть: вдруг и там нет билетов? На «лишних билетиках» ему тоже доводилось подзаработать, но сейчас он думал, что из билетов, купленных мамой, можно извлечь выгоду поинтересней. Не ошибся.

Кристина злилась очаровательно.

— Нет, это просто невозможно! Я что, с ума сошла — идти в кино с родителями? Они что думают, мне без них не с кем в кино пойти?

— Так и пойди без них, — Латышев пожал плечами.

— Билетов нет! — Кристинка посмотрела на него как на больного. — Я бы пошла, так ведь не купить! Знаешь, я думаю, что просто никуда не пойду. Это лучше, чем полтора часа сидеть между папой и мамой. В гробу я видала этого «Танцора диско».

— Да? Жаль. Я-то точно видал его в гробу, хотел тебе билеты отдать.

— У тебя есть? — глаза Кристины загорелись.

— Есть, есть, даже два. Держи, — он достал из кармана рубахи оба билета и протянул ей. — Можешь позвать с собой кого-нибудь, чтобы не скучно было.

— А ты?

— А я — в гробу видал. Я в «Крым» пойду, «Три дня Кондора» смотреть.

— Я его три года назад видела, — она снова очаровательно скривила губки.

— Я тоже. Ну и что. К тому же у меня дела, — Латышев сделал равнодушное лицо. Приглашать девочек в кино — это детский садик, пусть они его в кино приглашают.

— Какие, интересно, у тебя дела?

— Черную собаку надо убить. Опять же, спрятать труп надо где-то до двух часов ночи.

— Почему до двух? Ведь в полночь сказали?

— Декретное время плюс летнее: астрономическая полночь наступает в два часа ночи.

— Тогда у тебя еще куча времени! — Кристина глянула на него хитро — разгадала маневр. И про два часа ночи ей тоже понравилось.

Билеты мама взяла на последний ряд...

— Сань, а ты маму свою любишь? — хихикала румяная и помятая Кристинка на выходе из кинозала.

— А то!

— А из рук у нее ешь?

— Каждый день.

— Лучше бы мы на «Кондора» пошли... — вздохнула она.

Это точно. Латышев давно не видел такой редкостной пошлости. Впрочем, в летнем кинотеатре «Крыма» не удалось бы создать интима, как в последнем ряду темного кинозала.

— Смотри, смотри, — она дернула его за руку. — А физрук-то наш не промах!

— В этом я не сомневался... — Латышев исподлобья взглянул туда, куда показывала Кристинка. На маме было длинное шелковое платье с драпировкой, черные туфли, в которых она ходила в театр, а волосы вместо привычного конского хвоста были уложены в высокую прическу.

— Какая женщина! Куда нам, сопливым... — Кристинка вздохнула, и Латышев взглянул на нее вопросительно. — Мы все в него влюблены. Мы в теннис с ним играем по записи, представь себе! Какой мужчина!

Латышев подумал, что Наташке об этом знать не стоит.

— А ты откуда его знаешь? — Кристинка дернула его за рукав.

— Это моя мама. С ним.

Знай наших! Кухаркины дети, значит?

С Кристинкой договорились встретиться без четверти два в вестибюле первого корпуса — она должна была открыть Латышеву запертую после часа ночи дверь.

Мама, в халатике и босиком, вытаскивала из головы шпильки, когда Латышев зашел в комнату.

— Ну что, понравилось тебе кино? — спросила она, продолжая зажимать шпильки губами.

Латышев не встречался с ней с тех пор, как, едва не подравшись с физруком, убежал на сейшен. И совесть его мучила, и благодарность он чувствовал: и за билеты на последний ряд, и за то, что она утерла нос всем этим расфуфыренным теткам из «Айвазовского». Но сказать прямо «Спасибо, мам» язык почему-то не поворачивался. Он решил не огорчить ее хотя бы тем, что фильм оказался дерьмовым.

— Да, нормальная киношка, — ответил он, подхватив со стола горсть черешни и собираясь уйти на лоджию.

— Ты серьезно? — мама воззрилась на него с удивлением.

— А что?

Она вытащила шпильки изо рта:

— По-моему, это удивительно слащавая и безвкусная вещь. Мне казалось, ты в этом разбираешься.

Опять не угодил! Что ни скажи — все не так.

— Ничем не хуже других индийских фильмов, — проворчал он и попытался уйти на лоджию, но мама его остановила и пристально посмотрела ему в лицо.

— Саня, ты опять нырял без маски?

— Почему? В маске.

— Глаза красные потому что.

Латышев сразу вспомнил о мертвой собаке, заброшенной в кусты, и его передернуло. Может, на кухне есть какой-нибудь мешок из-под картошки? Не в продуктовой же сетке тащить ее в «Айвазовское» и не в фирменном пакете с надписью «Монтана».

Он прошелся по кухне, шныряя по углам, но никакого мешка из-под картошки, конечно, не обнаружил. И только когда сделал вид, что ложится спать, сообразил: наволочка! Чем не мешок? Не хуже, чем у Деда Мороза.

Наташка вернулась около двенадцати и хотела потихоньку лечь, но Латышев первым завел с ней разговор. Вообще-то, он боялся уснуть — Кристинка бы такого не простила точно. Да и он бы обиделся, если бы она не открыла ему двери в корпус.

Пришлось рассказать Наташке про вызов пропащего беса.

— Саня, ты что, на самом деле убил собаку? — недоверчиво спросила она.

— А что тут такого? Неразменный рубль — вещь ценная, просто так ее пропащий бес не отдаст.

— Сань, а ты проверил, на ней не было белых пятнышек?

— Ни единого.

Она поверила! Во всю эту ерунду поверила! Полуденный порыв Латышева давно прошел (не иначе, от жары у него помутилось в голове), и теперь он видел в вызове пропащего беса лишь веселое приключение наедине с Кристинкой — так, пощекотать нервы. Он бы не признался даже самому себе, что в глубине души на что-то все же надеется. Если не на получение неразменного рубля, то хотя бы на появление пропащего беса.

За болтовней с Наташкой полтора часа прошли незаметно, мама давно погасила свет и заснула, а будильник, стоявший на полу возле раскладушки, показывал начало второго, когда Латышеву невыносимо захотелось спать. Настолько невыносимо, что он, говоря с Наташкой, уснул на полуслове.

— Сань, Саня! — она потрясла его за плечо, протянув руку за ширму. — Ты не спи, слышь?

Рука у нее была мягкая-мягкая, и Латышева разбудило не столько прикосновение, сколько воспоминание о вчерашнем поцелуе на лестнице,

о ее руках, положенных ему на плечи. Прикосновения Кристинки будили в нем другие чувства, не менее, а куда более волнующие, а это было просто приятно. Наверное, так приятно кошке, когда ее гладят. Или собаке...

Мысль о собаке прогнала сон окончательно. Латышев подумал о ней с тоской и гадливостью одновременно, а внутренний голос ехидно произнес: «Осталось только дотащить ее до "Айвазовского", уж это-то можно сделать, или как?»

А тащить ее оказалось не так-то легко, да и шарить по кустам в темноте пришлось долго, почти ощупью. Латышев, содрогаясь от отвращения, очень боялся, что на жаре в трупике завелись черви. И к запахам псины и уже протухшей крови добавился еще один: незнакомый, тошнотворный, приторный.

Сначала он нес мешок, отстраняя от себя как можно дальше, но долго не протянул — хоть и маленькой была собака, но весила-то килограммов пятнадцать. Потом мешок стучал по коленкам, а рука устала так сильно, что было все равно, испачкаются джинсы или нет. И в конце концов его и вовсе пришлось закинуть за плечо. Так Латышев и явился на порог первого корпуса с мешком за плечами, словно Дед Мороз.

Кристинка открыла дверь сразу — наверное, увидела тень за стеклом. А Латышев-то по дороге волновался: вдруг она не придет? Проспит или, еще хуже, захочет над ним посмеяться.

Свет уличных фонарей лишь немного освещал вестибюль, и по полу ползали узорчатые тени листьев. Тишина была такой гулкой, что малейший шорох разносился по всему корпусу. Латышев сбросил мешок с плеча меж двух стоявших друг напротив друга зеркал — звук получился глухой и неприятный.

— Это что? — спросила Кристинка.

— Как что? Черная собака.

— Да ты смеешься... — она хихикнула как-то нервно, натянуто.

— Нисколько, — мрачно ответил Латышев и представил, что сейчас будет. — Только не вздумай орать.

Если она завизжит, сюда сбежится весь корпус и никакого приключения не будет.

Но Кристинка не завизжала — она онемела и схватилась рукой за горло, вытаращившись на дохлую собаку, которую Латышев вытряхнул из мешка на красную ковровую дорожку.

— Что? Страшно? — насмешливо спросил он и отступил на шаг. В мертвенном свете уличных фонарей блеснул желтый клык, но, в общем-то, днем собака выглядела намного страшней и отвратительней.

Кристинка, продолжая держаться рукой за горло, вцепилась Латышеву в локоть — как будто боялась упасть.

— Ты в самом деле ее убил? — наконец выдавила она.

— А что? Ты же сама хотела увидеть пропащего беса.

— С ума сошел? Шуток не понимаешь?

— А ты в другой раз так не шути, — Латышев скривил губы в усмешке: пусть знает! Чистенькой хочет быть, добренькой. Ах, убили бедную собачку!

— Я же не знала, что ты такой... придурок... — фыркнула она. Но посмотрела на Латышева скорей с уважением, чем с неприязнью. — Может, ты и дверь на зеркале кровью нарисуешь?

— Нарисую, — Латышев пожал плечами и достал из кармана перочинный нож.

Порезать палец самому себе тоже оказалось не так-то легко, как думалось. А Кристинка, вместо того чтобы отвернуться, смотрела на него во все глаза (испытывала?), не давая сосредоточиться и сосчитать до трех. В результате Латышев не глядя полоснул ножом по пальцу — получилось криво, слишком глубоко и неожиданно больно. И кровь побежала не каплями, а ручейком, заливая ладонь и шлепая на пол.

— Ну точно придурок, — Кристинка покрутила пальцем у виска и спросила с нежностью: — Больно?

Латышев невозмутимо покачал головой и шагнул к зеркалу. Интересно, нужно рисовать большую дверь или маленькую? Кровь с ладони потекла на запястье и в рукав, стоило только поднять руку, и стекло тихо скрипнуло, когда Латышев провел на нем длинную вертикальную линию.

— Сань, тебе не страшно? — спросила Кристинка из-за спины.

Он оглянулся и посмотрел на нее нарочито снисходительно, но почему-то от дрожи, пробежавшей по спине, его передернуло. И ситуация вдруг показалась торжественной, исполненной тайного мистического смысла, словно древний ритуал перед алтарем сурового хтонического божества.

— Свечки лучше зажигай, — сказал Латышев небрежно, широким движением прорисовывая верхнюю линию двери (из угла, где он замедлил движение, вниз побежала капля крови, но притормозила, густея, и остановилась на середине зеркала).

— Их что, на пол ставить? — Кристинка не шевельнулась.

— Нет, конечно. На стулья, наверное.

— Тут нет стульев... — шепнула она еле слышно.

Латышев дорисовал приоткрытую дверь. Получилось чересчур достоверно (в темноте), а потому страшновато, — словно и вправду кто-то должен вот-вот выйти из зеркала им навстречу.

— Ну как? — он выдавил из себя улыбку, оборачиваясь к Кристинке.

Она не ответила, а вцепилась в его локоть обеими руками. Латышев огляделся в поисках стульев, но заметил только банкетку между двух фикусов.

— Доставай свечки, я придумал, как все это сделать, — он попытался отцепить от себя ее руки, но не тут-то было!

— Ты куда?

— Я — на два метра в сторону, — едко ответил он.

— Я с тобой.

— Боишься, пропащий бес выйдет из зеркала и утащит тебя вместе с нашей дохлой собакой? — Латышев засмеялся, но получилось неестественно. Ему и самому показалось, что из приоткрытой нарисованной двери на него кто-то смотрит.

Второе зеркало пришлось подтащить поближе, для лучшего эффекта. Свечи поставили на банкетку (долго капая воском на дерматин), а сами

сели перед ней на ковер, всматриваясь в освещенную анфиладу, уходившую в бесконечность. И десятки приоткрытых дверей этой анфилады вели в четвертое измерение, в зазеркалье. Не было ничего удивительного в том, что Латышев не только положил руку Кристинке на плечо, но и прижал ее к себе потеснее, отчего сердце забилось тяжело и быстро, будто он долго бежал.

По полу тянулся запах мертвого пса.

— Ну что, пора? — Латышев чуть повернул голову, и губы оказались в самой непосредственной близости от Кристинкиных приоткрытых губ. Он, конечно, уже целовал ее — в кинозале, под индийские песни толстомордого Джимми, — но это было как-то не так, несерьезно, будто в шутку. А тут распахнутые глаза смотрели на него доверчиво и со страхом, плечи дрожали, и правой грудью Кристинка прижималась к боку Латышева безо всякого кокетства, исключительно в поисках защиты. И, взяв ее губы в свои, Латышев едва не поверил, что между ними возможно и большее, чем просто долгий полуночный поцелуй; ему вовсе не хотелось звать пропащего беса — ведь добивался он совсем другого. Но гордость не позволила свести ситуацию к банальному любовному свиданию.

— Пора, — выдохнул он. — Давай три раза вместе: бес пропащий, выходи.

Ничто не дрогнуло в зеркалах, не подул ветер, не потянуло запахом склепа (только дохлой собакой воняло все сильней), не скрипнула нарисованная кровью дверь (тысяча дверей). Зато на втором этаже какой-то полуночник вышел из номера, громко щелкнув замком, и чуть не вприпрыжку направился по лестнице вниз. Латышев расслышал зычный зевок и не успел подняться на ноги, как полуночник свернул с площадки на нижний пролет.

— Я так и знал, что просплю, — сонно пробормотал он, и Латышев наконец разглядел, что это тот самый парень в костюме, рассказавший им про пропащего беса. Интересно, он и спит в пиджаке и брюках со стрелками? Черт его дернул проснуться! Латышев едва не зашипел от злости.

— А тебя что, кто-то приглашал? — спросил он сквозь зубы.

— А разве нет? — парень улыбнулся обаятельно и обезоруживающе, подходя к банкетке.

— Ты спугнул пропащего беса... — неуверенно сказала Кристинка, но от Латышева не отстранилась.

— Я? Пропащего беса? — парнишка засмеялся. — Да ладно вам, вы что, поверили в эту чушь? Я же пошутил.

— А сам тогда зачем приперся? — Латышев с трудом сдерживался, чтобы не дать ему по зубам. Парень не ответил, натолкнувшись взглядом на дохлого пса.

— У... Как все серьезно... — протянул он и потрогал тельце носком безупречно вычищенного ботинка. — Действительно, мертвая черная собака.

— А ну катись отсюда... — прошипел Латышев, краснея и собираясь подняться.

— Да ладно, не злись. Я ведь не к вам вовсе спускался, я и думать забыл об этой шутке. Я трепался просто. А сейчас с ночного самолета сюда едет

большой человек из одного со мной ведомства, и я должен встретить его машину. А тут... Комсомольцы на службе у темных сил, оккультизм в умах советской молодежи... — парень кашлянул. — Чего доброго, начнут таскать, искать самиздат под подушкой да выспрашивать, какой идеологический диверсант эти книжки распространяет...

Латышев сразу вспомнил «Мастера и Маргариту», которую до сих пор не вернул Наташке, перечитывая и смакуя понравившиеся эпизоды. И лежала книга именно под подушкой. Физрук, конечно, сволочь, но это не повод выставлять его идеологическим диверсантом...

— И... что теперь делать? — спросила Кристинка, приоткрыв рот.

— Что-что? Убрать тут надо все по-быстрому, — усмехнулся парень. — Да не бойтесь, минут пять-десять еще есть.

Он щелкнул выключателем, и под потолком не торопясь вспыхнули лампы дневного света. Латышев зажмурился, а парень глянул на зеркало и присвистнул:

— Да, ребята, это за пять минут и не отмоешь, все равно разводы останутся... Давайте так: вы зеркало в порядок приводите, а я все остальное на место поставлю.

При свете он уже не казался таким юным, как представлялось Латышеву, — лет тридцати он был примерно, а не шестнадцати. И возиться с зеркалом действительно пришлось долго: бурые ручейки текли по стеклу на пол, а мочить тряпку приходилось на втором этаже, в номере странного парня. И парня ли?

— Парафин от обивки потом отдерем, — тот задвинул банкетку на место, к фикусам. — Главное, чтобы на ковре следов не осталось.

Кристинка уже вытирала зеркало скомканной туалетной бумагой, и Латышев замер перед черной собакой — надо и ее куда-то деть.

— Что, не хочется? — усмехнулся парень. — Лучше ковер почисти и пол протри, а я в мусорный бак это отнесу.

Он без трепета поднял мертвое тело за загривок и опустил в разложенную на полу наволочку.

Латышев глянул на ковер: кровь, накапавшая с порезанного пальца, запеклась темными пятнышками, но мокрая тряпка размазала ее легко — на красном ковре с черно-желтым орнаментом по краям остались только грязные пятна. Но ведь это не криминал...

Парень вернулся запыхавшись и выдохнул с порога:

— Едут.

Латышев поднял голову и увидел блеснувший невдалеке свет фар. Обидно стало до слез: столько усилий — и все напрасно. Ни Кристинки, ни пропащего беса с его неразменным рублем... Он был уверен, что Кристинка пойдет в свой номер, и потащился к выходу, но она догнала его, взяла за руку и сказала, будто это само собой разумелось:

— Ну пойдем тогда на море, что ли...

И глянула на парня в костюме сверху вниз.

Прямо на море пойти не получилось: черная «Волга» подъехала совсем близко, а попасть на глаза ее пассажиру было бы глупо. Они пробежали до

угла по газону, под жидким прикрытием розовых кустов, и остановились, переводя дыхание. Кристинка стояла очень близко, касаясь Латышева плечом: разгоряченная, чуть запыхавшаяся. Может, еще не все потеряно? Латышев выглянул из-за угла: парень в костюме держал распахнутой заднюю дверь, из которой вылезал «большой человек» — толстый и неповоротливый. И шофер вышел из машины, разминая ноги.

И тут Латышеву подумалось, что именно эта черная «Волга» сбила черного пса у хозяйственного магазина... Стало холодно в животе, и показалось, что в руках «большого человека» мелькнуло что-то белое, тут же исчезнувшее в машине...

— Слушай, где здесь мусорные баки? — спросил он у Кристинки шепотом.

— Зачем тебе?

— Надо.

— Понятья не имею, — она фыркнула. — Наверное, около кухни.

— Сбегаем?

Кристинка недовольно повела плечом, но не отказалась.

И глупо, глупо было откидывать грязные жестяные крышки в поисках белой наволочки с мертвым черным псом внутри, но Латышев все равно открыл все четыре — и, конечно, никакой наволочки там не нашел... Неужели его попросту обвели вокруг пальца? Украли черную собаку и ничего не дали взамен?

Пресловутый внутренний голос в голове произнес: «Ты сам-то понял, что придумал? Дохлого пса у него украли! Ха-ха три раза!»

Волшебная ночь, сказочная ночь... Чудесный парк, дивное море... Латышев сначала не мог понять, что изменилось вокруг, пока Кристинка не сказала:

— Цикады поют, как соловьи. Здо рово, правда?

Он поцеловал ее в мокрый соленый висок и провел рукой по нагой груди.

Наташка пила чай на кухне, когда Латышев наконец проснулся и выполз с лоджии.

— Ну что, приходил к тебе пропащий бес? — спросила она. Не смеялась, нет — на полном серьезе интересовалась.

— Приезжал. Но неразменного рубля не дал, — усмехнулся Латышев. А потом вдруг взял и выложил ей всю правду (только о Кристинке, конечно, умолчал). И как по мусорным бакам лазил, и как видел наволочку, исчезнувшую в машине. И свои подозрения о странном парне в костюме выложил тоже.

Поверила! И снова переживала, не было ли на собаке белых пятен! Латышев, посмеиваясь про себя, не стал ее разубеждать и шепнул по секрету, что не совсем в этом уверен — ведь неразменного рубля он так и не получил.

А на море (ласковом и тихом на рассвете) между тем поднялась нешуточная волна. Потому Наташка и сидела дома — купаться уже не разрешали, хотя это было лишь самое начало шторма. Шторм сильно расстроил планы Латышева: он собирался встретиться с Кристинкой на камнях, а при сильной волне там делать было нечего. Впрочем, сидеть на пляже

и не купаться он не собирался — глупое, напрасное времяпрепровождение. Мелькнула мысль сходить на Аю-Даг, поискать храм богини Девы, но по жаре... Однако когда он вышел из дома, небо потихоньку затягивала тонкая дымка облаков. Прохлады это не принесло — от асфальта шел жар ничуть не меньший, чем от солнца.

Кристинка благоразумно не полезла через мыс на камни, Латышев нашел ее на набережной «Айвазовского». Волны поднимались так высоко, что на волнорезы было уже не выйти, и она стояла у самого берега, опираясь на ограждение. Красиво стояла: в радуге брызг, повернув лицо к морю, босиком, и платье ее развевал ветер.

— Я думала, ты вообще не придешь... — она оглянулась мельком и посмотрела не обиженно даже — с горечью.

— Я ждал тебя на камнях, — он подошел к ней сзади и обнял за плечи.

— Я похожа на идиотку? Если ты придурок, это не значит, что все такие.

— Не так уж там и страшно. — Латышев видел прошлый шторм на камнях, недели две назад. Мокро, конечно, но не опасно. Почти.

— Ладно. Живи. — Она повернула голову и еле заметно улыбнулась. Латышев поцеловал ее — легким «дневным» поцелуем. Особенно сильная волна с грохотом окатила обоих с головы до ног — он нашел это романтичным.

— Мой брат приехал утром, — Кристинка снова повернулась к морю. — Он ездил в Душанбе. Кстати, ищет помощника.

— Для чего?

— Продать что-то надо, я не знаю точно, да мне и неинтересно. Или у тебя все еще месячник культурного обслуживания?

— Да нет, я могу, если надо. Это я так, Дэнису...

Между помощником и рабом на плантации — огромная разница. А денег заработать было бы неплохо.

— Только ты учти, мой брат — серьезный человек. — Кристинка скосила глаза. — И деньги у него серьезные. Твои шутки дурацкие с ним не пройдут.

— Какие такие шутки? — Латышев сделал невозмутимое лицо. Серьезные деньги — это еще лучше. Неожиданно в голову пришла мысль: заработать бы сотни две-три и сказать маме, чтобы увольнялась из «Айвазовского». Физрук бы утерся, и вообще... И была бы она снова учительница, а не посудомойка.

Может, пропащий бес вместо неразменного рубля послал ему удачу? Ведь еще вчера никакого брата не было и в помине, как и перспектив заработать хоть копейку.

В удачу Латышев поверил окончательно, когда встретился с этим братом — на набережной «Крыма», под навесом летнего кафе, потому что шел дождь. Брат был старше Кристинки лет на десять, одет в «фирму» с головы до ног, курил «Данхил», а на пальце носил золотой перстень-печатку. Его звали Олег.

В кафе набилось много людей, укрывшихся от дождя, поэтому пришлось отойти к перилам. Пол немного выступал над пляжем, и внизу тоже прятались незадачливые отдыхающие. Латышев едва не столкнулся взглядом

с Наташкой, бежавшей под этот узкий навес — он нарочно отвел глаза, чтобы не пришлось с ней здороваться: на Кристинкиного брата хотелось произвести впечатление, а знакомство с Наташкой этому никак не способствовало.

— Я сестренке своей доверяю, — Олег пил импортное пиво не из банки, а из маленькой стеклянной бутылки (такого Латышев ни разу в жизни не видел и старался получше рассмотреть наклейку). — Так что можешь не сомневаться, договоримся. Если, конечно, ты согласен со мной работать.

Он еще спрашивал! Как выяснилось, и делать-то ничего особенного не требовалось, только доехать до Симферополя, встретить поезд, забрать у проводника сумку и отвезти в Ялту. И вот за эту ерунду Олег платил ни много ни мало — сто рублей! Латышеву стоило определенных усилий не выдать волнения и радости (а хотелось сплясать на столе). Понятно было, конечно, что из Средней Азии Олегу послали не фрукты, но ста рублей вполне хватило, чтобы Латышев не спрашивал, что именно повезет в Ялту. Чем это, собственно, хуже, чем клеить «экспортные» этикетки на «Массандру»?

И закончился разговор неожиданно (Латышев не смог определиться, хорошо или плохо).

— Приходи через часок на пляж «Айвазовского», на шашлыки. Моя маман желает с тобой познакомиться, — Олег хлопнул его по плечу. — Я понимаю, глупости это, но маман старомодна, она хочет знать, с кем встречается ее дочь.

Если бы его позвала Кристинка, если бы не сто рублей за один день непыльной работы, Латышев бы предложение отклонил. А тут... Неловко было отказываться. И с Олегом хотелось сойтись поближе. И встретить Дэниса в такой компании хотелось тоже.

Латышев мчался домой бегом не потому, что боялся опоздать, а скорей от волнения. После дождя посвежело, если не сказать — похолодало. Ветер дул с моря, и даже на Партенитской слышался грохот волн.

Дома никого не было — ни физрука, ни мамы, ни Наташки. Даже старушка-хозяйка куда-то ушла. Латышев вывалил на пол содержимое чемодана, нашел серый пусер, которым гордился, и новую рубаху под него. Джинсы у него были одни, и их он тщательно вычистил в ванной, как и кроссовки с трилистником (не какие-нибудь московские, а самые настоящие, за которые отдал триста пятьдесят рублей). Не ходить же в такую погоду в резиновых шлепанцах!

Он долго думал, брать ли с собой «Мальборо» (в чемодане лежали последние две пачки), но потом решил не позориться перед Олегом: не Виталик, понимает разницу. Однако трешку все же из заначки вытащил и перед тем, как идти в «Айвазовское», спустился на Солнечную — в магазине за лишний рубль несовершеннолетнему с радостью продали массандровский мускат.

Родители Кристинки оказались на удивление приветливыми и приятными людьми. Отец сразу похвалил вино и спросил, где такое можно купить (немало Латышева поразив), а «маман», против ожидания,

не разглядывала его скептически, а мило ворковала о двух своих бульдогах, брошенных в Москве на попечение подруги. Латышев слушал вежливо и чувствовал себя неловко, пока Кристинка не утащила его за камни, к мангалу, над которым колдовали Олег с другом.

Ветер помаленьку стихал, небо прояснялось, и облака за каменным медведем окрасились в багровые тона заката, только море все так же зло билось в берег, отчего говорить приходилось громче обычного. Впрочем, Латышев предпочитал помалкивать. Не они одни устраивали пикник на пляже — со всех сторон уже тянуло дымком и жареным мясом. Выпив же сухого вина, которым Олег сбрызгивал шашлыки, Латышев почувствовал себя намного лучше. И Кристинка от вина тоже осмелела и перестала недовольно оглядываться на родителей.

В общем, вечер шел своим чередом — с байками, анекдотами (содержание которых тщательно выверялось ввиду присутствия родителей), шутками и долгими рассказами Кристинкиного отца о молодости и службе в армии. Олег перемигивался с Латышевым и изредка намекал отцу, что тот чересчур многословен. Разве что немного раздражал друг Олега, Макс, — замашками напоминал Дэниса и заигрывал с Кристинкой. Впрочем, она на него внимания не обращала.

Все было бы хорошо, если бы на пляже не появилась Наташка! И хотя солнце давно ушло за горы, сумерки еще не наступили, поэтому Латышев разглядел ее издалека. Он, конечно, надеялся, что она пройдет мимо, но надежда оказалась напрасной — Наташка разыскивала на пляже именно его. А он стоял у мангала, держа Кристинку за талию, и спрятаться ему было некуда.

— Саня, мне надо с тобой поговорить, — твердо (и громко) сказала Наташка, подойдя едва ли не вплотную.

— Что это за чучело? — поинтересовалась Кристинка с едкой улыбочкой.

А та и вправду была похожа на чучело: в невообразимой вязаной кофте с вытянутыми полами, красном ситцевом платье с желтыми цветочками и в сандалиях на босу ногу. Да еще и с мокрыми, взлохмаченными волосами.

— Кристина, ты ведешь себя отвратительно, — не преминул заметить ее отец.

— Как хочу, так и веду. Саня, что ей здесь надо?

— Не видишь, — усмехнулся Латышев, — ей надо со мной поговорить.

— Ты с ней знаком??? — Кристинка картинно выкатила глаза.

— Я его сестра, — с вызовом ответила Наташка.

Этого только не хватало! Ладно Кристинка — ей даже полезно немного поревновать, хотя ревновать, в сущности, не к чему. Но что подумает Олег? Что подумают его родители? Если у Латышева такая сестра, то что у него за семейка?

— Никакая она мне не сестра, — он сплюнул, хотя обычно такого не делал — не верблюд. Но иначе не удалось бы достоверно изобразить равнодушия и непринужденности.

У Наташки загорелись щеки, по-кошачьи вспыхнули глаза и задрожал подбородок — от возмущения, конечно, а не от слез.

— Ах так? — она перевела дух. — Не сестра?

— Конечно не сестра, — флегматично повторил Латышев.

— Значит, и ты мне не брат!

Она долго возилась с кожаным ремешком для часов (и пауза неприлично затягивалась, красивого театрального жеста не получалось), а потом смешно, неловко размахнулась и швырнула часы на острые камни, прикрывавшие мангал от ветра. Между прочим, часы Латышеву подарил отец...

Латышев не долго думал, как за это отомстить: сгреб в кулак серебряную цепочку, висевшую на шее, и, рванув посильней, тут же отправил в мутную пену набежавшей волны. Получилось легко, красиво и бесстрастно.

Наташка, сузив глаза, гордо развернулась и пошла прочь, но через несколько шагов остановилась и выкрикнула, отчаянно, чуть ли не со слезами на глазах:

— Это потому что пропащий бес забрал твою душу!

Ну не дура ли? Кристинка расхохоталась, и Латышев тоже скроил высокомерную усмешку. И дальше все пошло бы своим чередом, но Наташка снова остановилась и крикнула:

— Учти, я все знаю! И про сумку знаю, которую тебе вот этот (она вульгарно показала пальцем на Олега) велел в Ялту за сто рублей отвезти! Я все слышала!

Олег глянул на Латышева так, что тому захотелось немедленно умереть. Это потом он рассудил, что его вины здесь нет: кто угодно мог подслушать, в кафе народу было — яблоку некуда упасть. И снизу, на пляже, люди тоже стояли. Но в первый миг Латышев очень хотел догнать Наташку и придушить.

— Олег, какую сумку? — неожиданно серьезно и строго спросил его отец. — Отвечай мне быстро, о какой сумке речь!

— Пап, да ты что? — Олег рассмеялся. — Девочка меня с кем-то перепутала.

— Она на самом деле перепутала, — быстро нашелся Латышев. — Это нашему соседу должны из Ялты передать сумку с вином, он попросил меня встретить автобус и отдать за вино сто рублей. Наш сосед тоже джинсовый костюм носит, вот она и перепутала.

Он только потом прикинул, сколько же вина должно быть в сумке — на сто-то рублей! Но никто не заметил этой оплошности, а взгляд Олега в сторону Латышева стал немного помягче.

— Так она сестра тебе или не сестра? — насмешливо спросила Кристинка.

— Это дочка физрука, — проворчал Латышев, чтобы хоть немного поднять Наташку в ее глазах.

— Не может быть, — озадаченно сказала Кристинка и замолчала.

— Смотри, — ее отец подозрительно посмотрел на Олега и покачал головой, — если узна ю, что ты за старое взялся, — пальцем не шевельну. Сам будешь выпутываться, как хочешь.

— Да пап, ерунда это, — Олег улыбнулся примирительно. — Тебе теперь во всем будет уголовщина мерещиться?

— И кто ж такой физрук, что ты так смутилась? — насмешливо спросил Макс у Кристинки, окончательно разрядив обстановку.

— Виктор Семенович, инструктор ЛФК, — скривив лицо, ответила она. — И я вовсе не смущалась. Он нас в теннис учит играть. И в волейбол.

— Да, Виктор Семенович — очень порядочный мужчина, — включилась в разговор ее мама. — И это хорошо, что дети здесь не слоняются без дела, а занимаются физкультурой.

Она пустилась в рассуждения о вреде спорта и пользе физкультуры и говорила так долго, что Макс совсем заскучал и незаметно, бочком, покинул компанию.

Латышев вернулся домой часов в десять и не успел поздороваться с мамой, как в комнату к ним без стука зашел физрук.

— Саня, у тебя что-то случилось? — начал он с порога.

Латышев опешил и не нашелся что ответить — просто помотал головой.

— Посмотри, — физрук протянул ему клочок бумаги.

На заляпанном обрывке бумаги в клеточку было написано: «Папка, сегодня меня не жди. Мне надо спасти Саню. Твоя дочь Ната». Латышев поморщился — детский садик, как есть детский садик!

— Ну? — набычился физрук.

— Что «ну»? Я понятия не имею, что в голове у вашей дочки!

— И где ее искать?

— Время детское еще, может, она в кино пошла, — проворчал Латышев, собираясь уйти на лоджию.

— Ты прекрасно знаешь, что ни в какое кино она не пошла, — устало и грустно сказал физрук. И плечи у него вдруг опустились.

— Ну а я-то причем? У меня все нормально! Понятно? — рыкнул Латышев, не снимая кроссовок протопал на лоджию и хлопнул дверью, пока мама тоже не начала к нему приставать.

Но там его ждала вторая половинка заляпанной бумажки в клеточку: «Я найду пропащего беса и заставлю его вернуть твою душу». Латышев заскрипел зубами: ну какая же она дура! Дура, дура, дура! Он скомкал листочек и сунул его в карман, проходя через комнату к выходу.

— Саня! Ты куда? — мама не успела подняться из-за стола, когда он открыл дверь в прихожую.

Он и сам не знал, куда направляется, а главное — зачем.

— Куда пошел-то? — крикнул ему вслед физрук.

— Пойду вашу дочку из кино встречу, — проворчал Латышев и добавил сквозь зубы: — Тоже мне Герда!

И виноватым он себя вовсе не чувствовал — сама напросилась! Нашла время, когда разговаривать... Нашла что говорить! А если из-за ее трепа Олег больше не захочет иметь с ним дела? Может, Олег уже передумал, но не смог сказать об этом при родителях? Дура, дура, дура! Найти ее и придушить!

Но злость на Наташку почему-то не избавляла от странной тревоги. И найти ее очень хотелось. Конечно, не ради спокойствия физрука, а... просто найти. Ну что она, в самом деле, по ночам шляется? Пропащего беса ищет... Мало гопников во Фрунзенском? Глупое, конечно, было

оправдание — позавчера она из кино вернулась гораздо позже. Но лучшего Латышев найти не сумел.

А внутренний голос и вовсе повел себя непонятно, противно шипя: «Люди гибнут за металл». Латышев слышал эту фразу исключительно в отношении heavy-metal и не мог взять в толк, с чего она вдруг появилась в голове.

Только оказавшись на Партенитской улице и остановившись на повороте к Фрунзенскому шоссе, Латышев понял, куда пойдет и у кого спросит, где сейчас Наташка.

На небе высыпали звезды, умытые дневным дождем. Сегодня оплавленный асфальт не перебивал запахов южных цветов и зелени, и из «Крыма» доносились звуки «Синей песни» — в разгаре была советская дискотека с идеологически выверенным репертуаром. Всю дорогу до первого корпуса Латышев чувствовал тоску и страх, для которых не находил никакого повода.

Парень в сером костюме, казалось, ждал Латышева, потому что нисколько не удивился его приходу, а выключил телевизор и указал глазами на кресло.

— Где Наташка? — спросил Латышев без обиняков.

— Зачем тебе Наташка? — парень широко улыбнулся. — У тебя получше девушка есть. Да ты садись, садись, раз зашел.

— Она была здесь?

— Ну и была. И что теперь?

Рассказала она про сумку или нет? Если рассказала, Олег точно работать с Латышевым не станет.

В ванной шумела вода — парень в сером костюме был в номере не один. Хороший ему достался номер, трехкомнатный, с холодильником и телевизором. Полулюкс.

— Что ты ей наговорил? — Латышев все же сел в предложенное кресло.

— То же, что скажу тебе. Никакой души пропащий бес у тебя не забирал. Потому что ты не смог убить собаку. Убил бы собаку — был бы совсем другой разговор.

— Но... — Латышев смешался: он не ожидал такой откровенности. — Но ведь что-то он мне все-таки дал...

— Дал. За честно нарисованную на зеркале дверь пропащий бес исполнил одно твое нехитрое желание. Думаю, ты должен быть доволен — девочка тебе досталась что надо!

— Да я бы и без него... Да она бы и без пропащего беса...

— Кто же теперь может точно сказать? — глаза парня смеялись.

— Я думал, он дал мне... удачу... — Латышев вопросительно глянул на парня в костюме.

— Удачу? Ха-ха три раза! За такую удачу мало дохлой черной собаки, это стоит дороже... Минимум — убитая девственница.

Зловеще это прозвучало. Так зловеще, что Латышев почувствовал, как кровь отливает от лица и по телу волной бежит озноб. После этих слов он не сомневался, что этот парень знает о сумке, но вспомнил вовсе не об этом. А о том, как думал придушить Наташку. Ведь думал, думал!

— Издеваешься? — спросил он чуть дрогнувшим голосом.

— Разумеется, — парень стал вдруг серьезным. — Но легкие деньги всегда стоят дорого.

Легкие деньги... Знает, конечно о сумке уже знает...

В ванной перестала шуметь вода и послышалась возня.

— Что, за них надо обязательно продать душу? — спросил Латышев, неуверенно усмехаясь.

— Душу? Никто не заберет твою душу, пока ты сам ее не отдашь. А отдашь ты ее незаметно, без клятв и кровавых подписей. И будешь плясать вокруг пьедестала золотого тельца вместе со всеми, и возносить ему хвалу, и приносить ему жертвы, и думать, что он — оправдание всему: и лжи, и подлости, и убийству. — Парень помолчал, а потом продекламировал, вскинув руку: — «И людская кровь рекой по клинку течет булата!»

И хотя жест этот был нарочито театральным, глаза парня полыхнули вдруг злым, холодным огнем, и хитринка, прятавшаяся на дне его взгляда, исчезла, а Латышева снова передернуло — от необъяснимого, иррационального страха. Но тут дверь из ванной распахнулась, и в комнату шагнул невысокий толстый человек — тот, что вчера приехал на черной «Волге». Только теперь он был в махровом халате и босиком.

— Генка, что ты ребенку голову дуришь, а? — спросил он ворчливо, но беззлобно.

— Я на курорте. Считай, что я так развлекаюсь, — парень хитро улыбнулся, оглянувшись на своего соседа.

— Ты в первую очередь на работе, а потом уже на курорте. Не слушай его, мальчик. Он городит чушь. Никаких пропащих бесов в природе не существует, душа — это абстракция, которая не продается, не покупается и не может быть украдена или отдана. А Генка — просто шутник.

— Я говорю со школьником на понятном ему языке, — парень хитро изогнул губы, и неясно было, сдерживает он смех или негодование. И Латышев подумал вдруг, что ему не тридцать лет, а гораздо больше...

Захотелось уйти. Срочно уйти, убежать — как будто он куда-то спешил. Нет, не спешил — опаздывал.

— Ох, сдается мне, ты сам этот язык только что придумал... И никому, кроме тебя самого, он непонятен. И не засиживайся тут, у тебе дел невпроворот.

— Дела подождут, — тот махнул рукой и повернулся к Латышеву: — Кстати, меня зовут не Генка, а Геннадий Иванович.

Латышев же с приоткрытым ртом уставился на толстяка: ему вдруг показалось, что глаза у того разного цвета. Но толстяк уже повернулся к нему спиной, прошел в соседнюю комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

— А Наташка твоя по поселку рыщет, ищет черную собаку. Хочет выкупить у пропащего беса твою душу. Я ей сказал, что собаку убивать не обязательно, сойдет и живая... — «Геннадий Иванович» расхохотался.

— Чего ты над ней издеваешься? — вспылил Латышев неожиданно для себя.

— Да как же над вами не издеваться? Говорил ей: нет никакого пропащего беса, никто не забирал душу у Сани Латышева, — не верила. А сказал, что нужна черная собака, — поверила тут же!

И тут Латышев вспомнил, что не говорил Наташке, где живет парень в сером костюме. Значит, она не могла сама к нему прийти.

— А... как она тебя нашла?

— А как ты меня нашел? Так же и она. Меня всегда находят, если я этого хочу. Рисовать двери на зеркалах для этого необязательно.

И тогда Латышев робко задал вертевшийся на языке вопрос:

— А ты — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо?..

— О как загнул... — протянул «Геннадий Иванович». — Я за свою жизнь не встретил ни одного человека, который хочет зла. Однако это не мешает людям его совершать. Разве хочет зла наивный старшеклассник, клеящий экспортные этикетки на «Массандру»? Он просто денег хочет, а вовсе не зла.

— И много зла в этих этикетках? — неуверенно осклабился Латышев.

— Нет, не много. Просто обман и надувательство. Статья сто восемьдесят семь — мошенничество и сто пятьдесят четыре — спекуляция.

Он и про «Мастера» под подушкой знал... Откуда? Про «Массандру»-то откуда? Ведь это год назад было... Наташка могла про сумку и не рассказывать — этот Гена и без нее все знал. Если... если он в самом деле... как Азазелло, то и говорить ничего не нужно.

В соседней комнате раздались скорые тяжелые шаги, дверь приоткрылась и толстяк проворчал:

— Кончай треп. А про девочку и черную собаку я с тобой потом поговорю.

Латышев едва оглянулся, как дверь закрылась снова, и глаз толстяка он рассмотреть не успел.

«Геннадий Иванович» слов своего начальника будто и не заметил. И в зрачках его снова на миг вспыхнул зловещий огонь.

— Все предопределено заранее, Саня Латышев... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть — несчастье... Легкие деньги, убитая девственница. Все предопределено.

Латышев похолодел, хотя в другой раз посмеялся бы над мистификацией.

— Все это полная ерунда... — выговорил он, только чтобы успокоить самого себя.

Но Гена улыбнулся вдруг, рассеивая наваждение:

— Ладно. Иди домой, мне в самом деле пора.

Только тревога от его улыбки не прошла... Латышев поднялся, понимая, что больше ничего ему тут не скажут, но на пороге «Геннадий Иванович» его окликнул:

— Слышь, Саня Латышев... Ты только дома ее жди, ладно? Искать не ходи.

И голос у него при этом был добрый и просительный, а не хитрый и глумливый. Да Латышев искать ее и не собирался! Впрочем, как и ждать.

Он спустился по лестнице быстро, перескакивая через ступеньку — ему хотелось убежать как можно скорей. Избавится от холодка, гулявшего между лопаток. Может, этот страх и был необъяснимым, но вовсе не иррациональным. Что-то свербело внутри, неясное еще чувство вины... И,

конечно, надо было рассказать Олегу о том, что «Геннадий Иванович» знает о сумке. Можно не приплетать никаких сказок — Наташка рассказала, и все тут... И, конечно, Латышев был ни в чем не виноват — почему это он должен отвечать за Наташкину глупость? Да и Олег тоже хорош: нашел, где говорить о делах — при всем честном народе. Но прийти к Олегу и прямо все рассказать? Нет, это представлялось Латышеву совершенно невозможным. Особенно если он вспоминал взгляд Олега на пляже, когда Наташка заявила о сумке во всеуслышание.

Он хотел бежать еще быстрей, но вдруг остановился между двух зеркал в вестибюле: ему почудилось, что нарисованная и смытая со стекла дверь приоткрывается бесшумно и...

Убитая девственница! Если такое простое поручение стоит столько же, сколько мама получает в месяц, то что в ней, в этой сумке? За такую удачу мало черной собаки... Кто позволит Наташке кричать об этом на каждом углу?

Латышев обмер и медленно, на не гнувшихся ногах добрался до выхода из корпуса. Все предопределено? Так же, как была предопределена смерть черной собаки? Он ведь думал, думал Наташку придушить! Пусть несерьезно... Собаку он тоже собирался задушить, и то, что он передумал, ее от смерти не спасло.

Но Олег? Он же не бандит. Он совершенно не похож на бандита. Не может быть, чтобы... Нет, не может, не может! Все это полная ерунда!

А друг Олега ушел с пляжа через несколько минут после Наташкиных слов... Зачем?

Входная дверь показалась неимоверно тяжелой, Латышев вышел на улицу и остановился — дыхание перехватило, не хватало воздуха, будто он только что вынырнул из-под воды.

В голове мелькнула спасительная мысль: а зачем Наташку убивать, если она обо всем уже рассказала? Ведь это теперь бессмысленно... Но пресловутый внутренний голос ехидно заметил: «А кто, интересно, знает о том, что она все рассказала? У нее на лбу это не написано».

Люди гибнут за металл?

Наверное, Олег далеко не главный в этом деле... А начальник «Геннадия Ивановича» приехал чуть ли не одновременно с появлением Олега. И, понятно, не для того, чтобы подслушивать политические анекдоты на вечеринках подростков...

Надо сообщить Олегу. Это по-честному, и Наташке ничто угрожать не будет. Латышев попытался подобрать слова, которые скажет Олегу, но запнулся тут же: а как Наташка догадалась рассказать об этом именно Гене? «Меня всегда находят, если я этого хочу» — неубедительно. Глупо. Не рассказывать же о черной собаке и толстяке с разными глазами. Глупо. И вообще... Это невозможно! Невозможно посмотреть в глаза Олегу! Зачем нужно было переться к этому Гене? Зачем откровенничать? Понятно, что с Латышевым после этого Олег работать не захочет, никогда...

Латышев опустился на ступеньки у входа, обхватив голову руками. Да и шут бы с ней, с этой работой у Олега... Дураку ясно, что за сумкой

после этого ехать нельзя. Не этого Латышев боялся — он боялся глупо выглядеть в глазах Олега. В глазах Кристинки. Черт его понес с этому Гене!

Вот уж точно, черт понес... «Меня всегда находят, если я этого хочу». Все предопределено. Латышеву захотелось вернуться, спросить у Гены, что делать, как изменить предопределенность... Не может быть, чтобы ничего нельзя было изменить!

Он уже собирался встать и подняться обратно на второй этаж, но тут в глаза ему ударил свет фар: к корпусу подъезжала та самая черная «Волга», Латышев узнал водителя... И одновременно с этим распахнулась дверь и по ступенькам вниз сбежал «Геннадий Иванович» в неизменном сером костюме.

Латышев думал, он пройдет мимо, но Гена оглянулся и сказал укоризненно:

— Я же сказал тебе идти домой. Чего ты тут сидишь?

— Погоди, — Латышев поднялся. — Не может быть, чтобы все было предопределено. Что-то же можно сделать?

Гена вздохнул, нарочито приподняв и опустив плечи:

— Иди домой немедленно. Я пошутил. Я тебя разыгрывал. Неужели непонятно?

Врет. Однозначно врет!

— А зачем тогда ты сбил черную собаку? — спросил Латышев, уверенный, что его вопрос выведет «Геннадия Ивановича» на чистую воду.

— Я не сбивал никакой черной собаки. Мне некогда. Мы бы тебя подвезли, но едем в другую сторону, уж извини.

— А куда ты ее дел?

— Кого?

— Дохлую собаку! Ты ее своему начальнику отдал, я видел, видел!

— Слушай, Саня Латышев... Вряд ли товарищ полковник оценил бы такую тонкую шутку, как презент в виде вонючего дохлого пса. Ха-ха три раза...

Конечно, глупо это. И, конечно, он теперь будет все отрицать!

— Ладно. Я понял, — Латышев прокатил по скулам желваки. — Только два слова: что делать?

— Извечный вопрос русской интеллигенции... Я отвечу: идти домой. Но на твоем месте я бы подумал над другим извечным вопросом: кто виноват?

— Да пошел ты! — сквозь зубы прошипел Латышев.

— Пошел, — усмехнулся Гена и направился к черной «Волге».

Латышев от отчаянья сжал кулаки и бросился назад, в корпус.

Пусть это будет глупо. Пусть Олег посчитает его дураком. Пусть. Но промолчать подло и по отношению к Олегу, и... Вдруг это изменит предопределенность?

Кристинкин номер был на пятом этаже, но воспользоваться лифтом Латышев не догадался. Взлетел по лестнице через ступеньку, запыхался, вспотел — боялся растерять решимость. И только перед дверью в номер замер с поднятым кулаком — испугался постучать.

«Тварь ли я дрожащая?» — снова мелькнуло в голове. Постучать в дверь было значительно трудней, чем задушить шелудивую собаку. Он перебирал в голове слова, которые скажет Олегу, и не мог найти нужных, правильных. Которые не выставят его дураком и предателем...

Наверное, не было таких слов. Латышев постоял перед дверью с минуту, и, повернувшись спиной к стене, опустился на корточки, сжимая руками виски. Все предопределено! Даже то, что он не постучит в дверь...

И надо же было такому случиться, чтобы в именно в эту минуту в коридор вышел Дэнис! Да не один, а с тремя товарищами! Похоже, они были выпивши.

— Ты опять здесь? — осклабился Дэнис — и снова он смотрел на Латышева сверху вниз!

— Давай, зови охрану, — проворчал Латышев равнодушно.

— А зачем нам охрана? Мы и сами тебя отсюда вышвырнем. Правда, ребята?

Его товарищи нашли затею забавной — это всегда весело, если четверо на одного... Знали бы они, насколько Латышеву было не до них! Может, поэтому он так и разозлился — драка вышла шумной и короткой: в коридор тут же повыскочили отдыхающие из соседних номеров, и одним из них был отец Кристинки. Дэнис не стал дожидаться обещанной милиции и быстро ретировался, посулив Латышеву встречу внизу.

— Саня? — с улыбкой спросил Кристинкин отец, — А ты что тут делаешь?

Латышев еще толком не отдышался, еще сжимал кулаки, и думать над ответом было некогда. Сказать, что пришел к Олегу? Но тогда у его отца снова возникнут подозрения насчет сумки...

— Я... так. Думал Кристину встретить...

Он бы ничего подобного никогда не выдумал, если бы не боялся выдать Олега. И, конечно, ни за что бы сюда не потащился ради случайной встречи с Кристинкой...

— А этим что от тебя надо?

— Они считают, что я посторонний и в «Айвазовском» мне не место, — честно признался Латышев.

— Если хочешь, я тебя потом провожу до ворот, — предложил отец Кристинки.

— Чего? — не понял Латышев. — Зачем?

— Ну, их четверо, а ты один. И Олега позовем, если он еще не спит.

— Вот еще, — хмыкнул Латышев. — С этим козлом я и сам разберусь.

Кристинка вышла из номера, сильно удивившись появлению Латышева.

— Как это романтично, — игриво протянула она, когда ее отец вежливо прикрыл дверь, оставив их одних в коридоре. — Бродить под моей дверью в надежде на встречу... Почти как петь серенады под окнами.

— Да иди ты... Мне Олег срочно нужен, — оборвал Латышев. — Можешь его позвать? Только незаметно как-нибудь.

— У Олега номер на четвертом этаже, вместе с Максом. Четыреста шестой, — Кристинка надула губы, развернулась и хотела уйти, но, догадавшись, что Латышев ее держать не станет, оглянулась: — Ты что, с Дэнисом подрался?

— А тебе-то что?

— Мне показалось, или мы с тобой встречаемся?

— Встречаемся, встречаемся. Но про Дэниса — не твое дело, ясно?

Она снова надулась и на этот раз ушла не оглядываясь. Латышеву было не до нее — он вдруг снова подумал, что опаздывает... И на этот раз знал: он опаздывает изменить предопределенность. Может быть, поэтому и постучал в дверь четыреста шестого номера без лишних раздумий.

Дверь оказалась запертой, но Олег открыл почти сразу: он был в халате, с мокрой головой — наверное, только что из душа, — и с широкой рюмкой между пальцев.

— Тебе чего? — спросил он, зевнув и поставив рюмку на тумбочку у входа. И когда он нагибался, Латышев увидел у него на груди обыкновенный железный рубль, даже не юбилейный, просверленный и повешенный на простую серебряную цепочку. И подумалось вдруг, что такому человеку ничего не стоит убить черную собаку... Не похож Олег на «тварь дрожащую», которая будет распускать нюни над невинной жертвой.

Слова, которые Латышев безуспешно пытался подобрать на пятом этаже, вдруг нашлись сами собой:

— Послушай, я тут подумал. Про Наташку.

— Про какую еще Наташку? — Олег поморщился.

— Ну, вдруг она расскажет кому-нибудь о сумке...

— А, про эту... — Олег снова зевнул. — И что?

— Я поговорю с ней, она не расскажет.

— Поговори, — кивнул Олег — верней, уронил голову на грудь, потому что был изрядно пьян.

— Она правда никому не расскажет, я тебе слово даю.

— Да и хрен с ней. Слушай, я спать хочу, всю ночь в дороге...

Латышев набрал в грудь побольше воздуха, прежде чем спросить:

— Скажи мне честно: ее не убьют?

С Олега слетела сонливость и он рассмеялся — но как-то натянуто, неестественно.

— Да ты чего, пацан? Я чего, по-твоему, мафиозо? Кому нужна эта идиотка...

Он врал! К бабке не ходи.

— Точно? — переспросил Латышев.

— Не выдумывай ерунду, — вздохнул Олег и пьяно осклабился.

Он врал... Латышев секунду раздумывал, говорить про Гену или не говорить, а Олег смотрел на него пьяными глазами на добром и жалостливом лице.

Но как только Латышев собрался развернуться и уйти, на его плечо с другой стороны легла чья-то рука.

— Стучишь помаленьку?

Он оглянулся: позади стоял друг Олега, Макс, — его взгляд был совершенно трезвым и вовсе не добрым.

— Не понял, — пробормотал Латышев, а Макс резким движением втолкнул его в номер, вошел сам и запер дверь.

— Ты о чем с конторским базланил, дятел? — спросил он, остановившись у входа.

— Чего? — на этот раз Латышев в самом деле не понял ни слова.

— Макс, я тебя предупреждал: оставь свои блатные замашки, — рявкнул Олег. — Мне проблемы не нужны.

Он подхватил свою рюмку и плюхнулся в кресло.

— Сорвалось, — безо всякого раскаяния ответил Макс. — Я его у входа с конторским видал. Минут двадцать назад. Так о чем ты ему стучал?

— На кого мне стучать? — пробормотал Латышев, постепенно догадываясь, что «конторский» — это Гена. Если Олег на бандита не похож, то этот Макс — настоящий уголовник.

— То есть ты просто с приятелем поболтал? Так, что ли? — Макс не угрожал, даже криво улыбался, но захотелось отступить на шаг. И глаза его были пустыми, как у манекена. Страшные глаза.

В этот миг Латышев отчетливо понял: пропащему бесу не нужна черная собака. Без разницы, есть на ней белые пятна или нет — он забирает душу не в обмен на неразменный рубль. У тебя, считай, уже нет души, если ты можешь убить собаку... И вовсе не пропащему бесу нужна убитая девственница — она нужна Олегу и Максу. А душ у них уже давно нет, зато есть удача и богатство. И цена их завтрашней удачи — убитая девственница.

Сказать, что он все расскажет Гене, если Наташку убьют? Глупо. Тогда его самого убьют, прямо здесь. Глядя в пустые глаза Макса, Латышев в этом ни на секунду не усомнился. А может, Гена с ними заодно? Если он все знает о сумке и о Наташке, то почему толкует о предопределенности? Милиции, что ли, во Фрунзенском мало, одну девчонку защитить не могут? И зачем он отправил ее искать черную собаку? Вместо того чтобы отвести домой, к физруку?

— Твоего «конторского» я послал. Разве ты не слышал? — пробормотал Латышев сквозь зубы.

Если начальник Гены приехал одновременно с Олегом, если он все знает о сумке, об Олеге и Максе, то почему их не арестуют? Латышев смотрел немало детективов и догадался, что бандитов берут с поличным. С сумкой. Для того Олегу и потребовался дурачок, готовый за сто рублей тащить эту сумку из Симферополя в Ялту. Если сумку он довезет — честь ему и хвала, а нет — значит, судьба его такая. Но если милиция не даст убить Наташку, то никакой сумки из Ялты никто не повезет и никакого взятия с поличным не будет! Неужели? Да нет, такого просто не может быть! Получается, и Гене, и его начальнику, и милиции тоже нужна убитая девственница? Все предопределено?

Найти Наташку. Предупредить. Отвести домой. Это же самое очевидное! Самое простое! И незачем было тратить столько времени, расспрашивать Гену, пытаться в чем-то убедить Олега... Знать бы только, где ее искать!

— Мне идти надо, — Латышев взглянул на Макса у запертой двери.

— Да ну? Куда это?

— Оставь его, Макс, — скривился Олег. — Я спать хочу.

— Уверен? — Макс смерил Олега взглядом.

Олег не ответил.

Выйти отсюда любой ценой и как можно быстрей!

— На самом деле, они все про вас знают, — Латышев кашлянул — голос почему-то осип. — Эти конторские. И толстяк вчера ночью приехал ради этого. И Наташку они охраняют, и что я сюда пошел, тоже видели. Я им ничего не говорил, и Наташка ничего не говорила. Они сами все знали.

Макс шагнул вперед слишком быстро, Латышев не успел и дернуться, как жесткая рука сжала ему горло.

— А ну-ка быстро повтори, что ты сказал... — Макс развернул его одним движением и от души жахнул затылком о стенку. Воздуха уже не хватало, а от удара по голове лицо Макса поплыло перед глазами. Ничего сказать, очевидно, Латышев не мог — да и не пытался.

— Ну? — Макс разжал хватку, и, не услышав ответа, коротко и больно ударил Латышева по лицу. Затылок снова приложился о стенку, Латышев судорожно вдохнул и понял, что сползает на пол, закрыв лицо руками. Упасть ему не дали — Макс сгреб его за волосы пятерней и, развернув, припечатал лицом о стену. Удар пришелся по пальцам, и Латышев завыл от боли.

— Обалдел? — вскрикнул Олег. — Нашел место!

— Пусть по порядку все расскажет, — Макс шумно перевел дух и толкнул Латышева в кресло напротив Олега.

Пожалуй, Латышев слегка растерял уверенность в себе... Если не сказать грубей и конкретней. Хотелось подтянуть колени к животу и прикрыть голову руками. Помешала этому, разве что, злость, потому он только зажмурился. И сказать ничего не мог, даже если бы и хотел, — губы разъезжались. Впрочем, он боялся не только разреветься, но и плохо соврать.

— Макс! — нервно рявкнул Олег. — Хватит. Пацан честно предупредил. Чего тебе еще надо?

— Честно? Честности я пока не вижу.

— В соседних номерах все слышно. И папаша, чего доброго, припрется.

— Тебя кроме папаши еще что-нибудь волнует, ты, мажор хренов?

— У них на нас ничего нет. А если пацан что-то ляпнет, я ему в лицо плюну и скажу, что он врет.

— Это на тебя у них ничего нет, — проворчал Макс и выдернул Латышева из кресла за воротник. — Если ты только одно слово скажешь, недоносок, я тебя на куски порежу. Ты понял?

Латышев не только понял, но и поверил. И когда вылетел в коридор, хлопнувшись на четвереньки, все еще продолжал верить.

Тошнило. Глотать было неудобно. И почему-то сильней всего болели пальцы, а не голова. А еще мерзенько тряслись коленки и губы. Латышев нетвердо встал на ноги, утешая себя мыслью, что пока легко отделался. А еще радовался, что из носа не пошла кровь и не испортила пусер — но, скорей, по привычке.

Двери в холл перед лифтом были открыты с обеих сторон коридора, освещенного странно тускло — Латышев не сразу сообразил, что по режиму

в одиннадцать часов в «Айвазовском» отбой и пора гасить свет. Противоположный конец коридора терялся в сумеречном свете, как вдруг в темном окне на секунду мелькнул язык пламени. И на его фоне Латышев отчетливо увидел грузную фигуру в махровом халате... Он сделал несколько неуверенных шагов к холлу, всматриваясь вперед — не было сомнений, у окна, неотрывно глядя на Латышева, кто-то стоял. И Латышев мог поклясться, что это начальник «Геннадия Ивановича», толстяк с разными глазами!

А из-за двери четыреста второго номера доносились зловещие звуки неизвестной Латышеву песни: он разобрал только «ave, ave versus Christus» — наверное, что-то вроде «Иисус Христос — суперзвезда»...

Окно снова осветилось огнем, и показалось, что снаружи его освещают горящие факелы — и черный их чад поднимается вверх вместе со сполохами пламени. Человек в конце коридора не двигался и — Латышев был уверен! — не моргал.

Нет, не в махровом халате... На толстяке была надета черная хламида с широким капюшоном, а когда новый язык пламени мелькнул за стеклом, на его бедре блеснуло что-то длинное и тонкое. Шпага... Не хватало только чаши из человеческого черепа, наполненной кровью.

Он ни во что не вмешивается. Он лишь наблюдает. Как «людская кровь рекой по клинку течет булата»... Да ему и не нужно вмешиваться — Макс и Олег действуют без его подсказки. И Латышев без его подсказки соглашался везти в Ялту эту чертову сумку! И чертову ли?

Не чувствуя боли в разбитых пальцах, Латышев сжал кулаки и бросился вперед: если кто-то может изменить предопределенность, то только этот надменный, неподвижный наблюдатель. Он же всесилен! Всесилен! Наташка же ни в чем не виновата! Она просто глупая и честная!

Споткнувшись о порог в холле, Латышев растянулся на ковре, а когда поднял голову, не увидел ничего, кроме темного окна в конце коридора... Никаких горящих факелов, никакого толстяка в черной хламиде со шпагой... А внутренний голос насмешливо произнес: «Здорово же тебя головой о стенку приложили — чертики мерещатся».

Вместо зловещей музыки из-за двери четыреста второго номера полилась английская речь — там просто смотрели какой-то западный фильм. Люди в «Айвазовском» отдыхают не бедные, наверное и видеомагнитофоны имеют...

Спуститься на второй этаж? Упасть толстяку в ноги, потребовать, чтобы он изменил предопределенность? Или хотя бы приказал милиционерам защитить Наташку? Как-то не сочетается: упасть в ноги и потребовать...

Латышев представил себе, как врывается в номер к серьезному человеку, большому начальнику, и понял, что тот ему ответит. «Иди домой, мальчик». Или резонно спросит: «Кто виноват?»

Он ни во что не вмешивается. Он только наблюдает. И глупо его о чем-то просить, если сам виноват в том, что происходит.

Если бы Латышев знал, как найти Наташку! Где она может искать черную собаку? На Солнечной, скорей всего на Солнечной, там магазины, и бездомным собакам есть где подъедаться... Сбегая по лестнице, он

успел разработать план поисков — несовершенный, конечно, но, наверное, единственно возможный: по Объездной дороге на Солнечную, по ней — к берегу, а там... А там будет видно. Но больше всего Латышева пугала мысль: вдруг он уже опоздал?

На площадке между первым и вторым этажом он вспомнил о Дэнисе и его друзьях — вот только не хватало сейчас еще одной драки! Заведомо безнадежной... Распухшие пальцы заныли сильней, а в затылке зашевелилось что-то тошнотворное. В другой раз он бы посчитал ниже своего достоинства выбираться из корпуса через окно, а тем более бочком пробираться мимо вестибюля на первом этаже...

Окно в конце коридора было забито гвоздями, и Латышев сначала растерялся, но присмотревшись понял, что он не первый покидает корпус именно здесь — гвозди были расшатаны, их ничего не стоило повернуть.

В распахнутое окно потянуло отвратительным и смутно знакомым запахом, от которого стало неуютно и немного жутковато. Высокие деревья с торца корпуса закрывали свет фонарей из парка — Латышев вылез наружу в полной темноте. И первое, что он увидел, оказавшись на газоне, — два горящих зеленых огонька в десяти шагах впереди. Он потряс головой в надежде, что видение исчезнет, но от этого только затошнило сильней. Зеленые огоньки в ночи на миг погасли и снова зажглись.

Глаза быстро привыкли к темноте, тем более что в коридоре было сумрачно, и Латышев разглядел вокруг зеленых огоньков очертания сидящей собаки. Он бы и посмеялся над своим страхом — ведь подумал почему-то про волка, — но слишком уж эти очертания напомнили сбитого «Волгой» черного пса...

Латышев неуверенно свистнул и чмокнул губами, но пес не пошевелился, только сморгнул. Запах... Отвратительный запах протухшей крови и гниющей на жаре плоти... Лучше бы это был волк! Некстати вспомнилось, что наволочку с телом собаки он в мусорных баках так и не нашел. Лучше бы он вышел через дверь, на освещенную фонарями дорожку... Даже попятиться было некуда!

И сколько Латышев ни убеждал себя, что бояться нечего, что мертвые собаки не моргают и по паркам ночами не бегают, что страшилками столь низкого пошиба пугают только младшеклассниц в пионерских лагерях, — ему было гораздо страшней, чем пять минут назад в номере Олега. Он и шевельнуться не мог. Горящие глаза смотрели неотрывно, запах мертвечины ощущался все отчетливей, и Латышев вспоминал, как в полутьме вестибюля блестел желтый клык дохлого пса. А внутренний голос радостно воскликнул: «Ага, попался!»

— Слушай... — выговорил Латышев полушепотом, обращаясь то ли к внутреннему голосу, то ли к дохлому псу, — мне очень надо идти. Правда, очень...

Пес мигнул, шевельнулся, встал на четыре лапы и... махнул хвостом.

— Ведь я же тебя не убивал... — взмолился Латышев. — Ну уйди, а?

Пес развернулся и потрусил в темноту. Послушался?

Нет. Пропав на секунду, он вернулся назад, остановился в десяти шагах, все так же виляя хвостом. Потом снова исчез в темноте, и снова

возвратился, заглядывая в глаза зелеными огоньками... Латышев редко имел дело с собаками и не очень разбирался в их поведении, но тут отчетливо понял: пес зовет его за собой. Куда? Прямо в преисподнюю? В существование преисподней Латышев не очень-то верил...

Нет, не в ад — пес повел его за ворота «Айвазовского», но вовсе не на Объездную дорогу, а совсем в другую сторону по Фрунзенскому шоссе — к Партенитской. И если сначала Латышев шел за ним на негнувшихся ногах, а пес оглядывался, забегал вперед и возвращался, то в свете фонарей (вполне убедившись, что перед ним та самая сбитая «Волгой» собака!) Латышев припустил за ней во весь дух. И чем быстрей он бежал, тем меньше рассуждал о реальности дохлой собаки, и больше — о том, что опаздывает. И о том, как хороши его кроссовки — спасибо фирме «Адидас».

Пес держался в тени (а может, и был тенью?), иногда пропадал из виду, но неизменно появлялся вновь. Латышев задыхался, спотыкался, сомневался, что поступает правильно, ведь пес ведет его домой — туда, куда ему велел отправляться Гена! И все равно бежал за псом — потому что не знал, куда еще ему бежать. План пройти по всей Солнечной сверху донизу теперь казался ему глупым.

А пес выбирал самую короткую дорогу к дому — в этом Латышев убедился, когда бежать за ним пришлось не по асфальту, а «дворами», мимо каких-то домов, через кусты, без дорожек — еще раз спасибо кроссовкам.

Нет, не домой — пес вывел Латышева на угол Фрунзенского шоссе и Партенитской. И... исчез. Латышев, валившийся с ног от усталости, надеялся, что пес появится снова, остановился на развилке, не зная, куда двигаться дальше, смотрел в растерянности по сторонам, надеялся отдышаться... Пес не появлялся.

Латышев хорошо видел то место, на котором «Волга» сбила собаку. Неужели он так спешил только ради этого? Чтобы еще раз вспомнить, кто виноват в том, что пес оказался на дороге, а не в тени своей родной пятиэтажки?

Дыхание постепенно выравнивалось, в «Крыме» еще продолжалась дискотека — пел идеологически невредный Джо Дассен. А с ним соперничал «Гуляка», доносившийся из опущенного окошка припаркованных возле магазина красных «жигулей». Мирный вечер в курортном поселке: никаких ужасов, дохлых собак, уголовников... Наваждение растворялось в теплом ветерке, перестал мерещится отвратительный запах мертвечины...

Латышев медленно двинулся вниз, все еще озираясь в поисках черной собаки. И тут увидел Наташку! Она шла ему наперерез, вдоль бетонного забора — возвращалась домой. Живая и здоровая. В той же невообразимой кофте, что и на пляже, только волосы у нее высохли и плавно легли на плечи. И была она такой же несчастной, как тогда, когда Латышев целовал ее возле лифта. Нет, не несчастной — маленькой какой-то, беззащитной... И подходила к тому самому месту, где черная «Волга» сбила черную собаку.

Он собирался вздохнуть с облегчением и пойти за ней потихоньку, чтобы Наташка его не видела — убедиться, что она дошла до дома, и заявиться туда минут на десять попозже...

Но в тот миг, когда мощные скрипки прервали голос французского шансонье, с обочины тронулись красные «жигули», сразу набирая скорость, и Латышев понял, что сейчас произойдет. Все предопределено! Где еще они могли ждать Наташку? Он ведь сам сказал, что она дочка физрука, а выяснить, где живет сотрудник «Айвазовского» совсем нетрудно!

Латышев рванул с места, надеясь, что машина его не обгонит, и ему казалось, что бежит он очень долго и медленно.

Наташка повернула голову и приостановилась. Точно на том самом месте! Все предопределено!

— Беги, сестренка! — что есть силы выкрикнул Латышев и тут же понял, что бежать ей некуда — догонят. И ему самому тоже нет никакого смысла бежать, ведь единственное, что он может сделать, — встать на пути «жигулей» (он не подумал тогда, что машину это не остановит).

До Наташки оставалось каких-то пять шагов, когда Латышев развернулся к машине лицом и развел руки в стороны, будто в самом деле надеялся закрыть Наташку от удара. Будто этим мог изменить предопределенность...

Он не заметил, что со всех сторон к ним бегут люди в серой форме, — его ослепил свет фар, глянувший прямо в глаза. И, может быть, в тот миг он даже испугался, но сделать все равно ничего не успел. Оглушительно завизжали тормоза — водитель, в отличие от Латышева, увидел, что попался. Но спасло Латышева не это — снизу, с Партенитской, в бок «жигулям» на полной скорости врезалась черная «Волга». Ее развернуло от удара, и Латышева бросил на дорогу не бампер «жигулей», а багажник «Волги». И он успел подумать, обдирая об асфальт локти и колени: конец и пусеру, и джинсам.

— Я так и знал, ребята, что о машине вы не подумали... — далеко за спиной раздался хлопок дверцы, и голос «Геннадия Ивановича» (насмешливый и спокойный) вернул Латышева к действительности.

Наташка ревела навзрыд — испугалась, наверное. Людей было много, голосов много. Рации шикали, а в них кричали о «скорой» и труповозке, заглушая далекую дискотеку. И Латышев решил было, что труповозка предназначена для него, и попробовал сесть, морщась и шипя сквозь зубы, — чтобы убедиться в том, что жив. Но хотя удар багажником показался ему сильным, на самом-то деле пришелся вскользь.

Водитель «Волги» не вышел из машины и сидел, опустив голову на руль. И Латышев понял почему (верней, ему сказал об этом внутренний голос): потому что минуту назад убил человека. Того, который вел «жигули». И хотелось узнать, кто сидел за рулем «жигулей», но Латышев побоялся взглянуть в ту сторону.

— Танк, а не машина, — «Геннадий Иванович» (в неизменном сером костюме) похлопал «Волгу» по капоту и подмигнул Латышеву: — Мы бок хотели подставить — не успели.

А Латышев подумал, что если бы он не сунулся, то «Волге» как раз хватило бы места, чтобы подставить бок.

— Не, ты так не думай, — «Геннадий Иванович» подошел к Латышеву и сел на асфальт рядом с ним (в брюках-то со стрелками!). — Дурак ты, конечно, но все равно молодец. Сильно ушибся?

Латышев покачал головой.

— К врачу надо обязательно. Может, ты просто не чувствуешь. — «Геннадий Иванович» помолчал, глядя на смятые «жигули». — Люди гибнут за металл...

Наташку обнимала и успокаивала женщина в милицейской форме, а когда они вдвоем двинулись в сторону дома, Гена, посмотрев им вслед, сказал:

— Вот так одна маленькая глупая девчонка срывает операцию двух серьезных силовых структур. Прав был папа Мюллер, невозможно понять логику непрофессионала.

— Почему невозможно? По-моему, все просто...

— Ох, конечно же просто! Как в сказке. Ни один профессионал недотумкает, что Герда пойдет вызволять Кая. Это нелогично!

Он и про Герду знал? Подслушивал? Латышев подумал об этом устало и беспомощно.

— А ведь она тебя в самом деле спасла, Саня Латышев, — хмыкнул Гена. Его голос тоже постепенно терял бодрость и оптимизм. Он замолкал на полуслове, думал о чем-то, то улыбался сам себе, то морщился.

— Почему это? — в глубине души Латышев считал, что все же приложился к спасению Наташки, но никак не наоборот.

— Одно дело — экспортные этикетки на «Массандру», и совсем другое — перевозка наркотиков с целью сбыта, группой лиц, по предварительному сговору, да еще и в крупных размерах... Знаешь, насколько это тянет?

— Наркотиков? — Латышев вздрогнул и поднял глаза.

— А ты думал, персики за сто рублей в Ялту повезешь? Или тут двумя ведомствами торговцев жвачкой пасут?

— Я думал... вам тоже выгодно, чтобы ее убили.

— Не без этого, — Гена скроил подобие кривой улыбки, и Латышев отчетливо увидел мелькнувший клык. — Но если бы об этом узнали наверху, никому из нас мало бы не показалось. Все надеялись, что она отсидится дома, что не придется таскаться за ней по Фрунзенскому до самой ночи...

Гена пригнулся к Латышеву и продолжил вполголоса:

— Понимаешь, никто не верил, что все предопределено, что девственница должна умереть там же, где и черная собака. И так же...

— Откуда ты знал, что девственница должна умереть там же, где черная собака?

— Это же очевидно! Это закономерно. Если мы не можем отследить причинно-следственную связь, это не означает, что ее нет.

— По-моему, это вовсе не очевидно... — пробормотал Латышев.

— Да брось. Ты-то как раз поверил. Ведь поверил!

Латышев вскинул голову:

— Скажи, ты нарочно все это подстроил?

— Я? Даже если бы я захотел, то так подстроить не сумел бы... Да я вообще не при делах — я совсем другим занимался, пока товарищ полковник

не приехал. Так, спустили сверху рекомендацию к твоей Кристине присмотреться, и только. Но кто-то определенно это подстроил.

— Кто?

— Не знаю, — хмыкнул Гена. — Тыщу лет живу на свете, и до сих пор не знаю.

— Может быть, та сила, что вечно хочет зла?..

— Да нет такой силы. Ни бога нет, ни черта. Миром управляют причинно-следственные связи, поверь мне.

Латышев не поверил.

— Зачем ты отправил ее искать черную собаку? Зачем? Почему домой не отвел?

Гена пожал плечами и усмехнулся:

— Если честно — не знаю. Наитие. Она бы все равно дома сидеть не стала. Считай, чтоб менты не расслаблялись.

— А если бы... если бы вы не успели?

— Как это — не успели? — Гена воззрился на Латышева исподлобья. — А впрочем... Это был бы конец моей карьеры. Товарищ полковник тоже на меня орал...

— Послушай, но ведь ты с самого начала... Это ведь ты про пропащего беса сказал, про черную собаку, про неразменный рубль...

— Я пошутил. В самом деле. Тогда еще можно было шутить — я же не знал об этой операции.

— Зачем ты сбил собаку?

— Я не сбивал собаку, — равнодушно и честно ответил Гена.

— Но я же видел — ее сбила черная «Волга»!

— Батюшки мои, мало черных «Волг» приезжает в «Айвазовское»? — Гена смерил Латышева насмешливым взглядом. — Вон, гляди-ка. Это не за тобой?

Мама бежала смешно, косолапо, в домашних шлепанцах, не вытирая, а будто сбрасывая слезы с лица, — растрепанная, в застиранном ситцевом халатике, — и Латышеву казалось, что она того и гляди упадет. Он думал, что не встанет ни за что — не столько из-за ободранных локтей и коленок, сколько от навалившейся усталости, ватной слабости во всем теле. Но смотреть, как мама бежит, и не подняться ей на встречу было бы гнусно.

Она обхватила его за шею с разбега (пришлось поддержать ее под локти, чтобы она не сбила его с ног) и целовала, как сумасшедшая (хотя всегда считала, что это ни к чему), и ревела совсем как маленькая, громко, навзрыд. И повторяла как заведенная:

— Санька, Санька, боже мой, Санька...

Лицо стало мокрым от ее слез. Латышев был бы рад провалиться сквозь землю — столько людей со всех сторон на это смотрело, — но только шипел сквозь зубы:

— Мам, ну прекрати... Ты чего? Ну перестань же...

Оказалось, это Наташка ляпнула, будто Латышева сбила машина... Дура... Потом мама ощупала его с головы до ног и (это при

всегдашнем-то ее самообладании!) даже вскрикнула, увидев кровь на рваных джинсах.

— Ма, я просто коленки разбил. Ты чего? Успокойся, ладно?

И тут она сказала такое, от чего Латышев просто обалдел:

— Санька, ты не переживай, я тебе новые джинсы куплю, самые фирменные, честное слово.

— Да иди ты... — фыркнул он, ощущая, как горло перекрывает твердый болезненный ком. — Ты хоть представляешь, сколько это стоит?

А он-то считал, что мама никогда этого не поймет...

Когда они с мамой вернулись из травмы, где Латышеву сделали рентген и укол против столбняка, Наташка уже спала — ей дали какое-то сильное успокоительное. И это было к лучшему, потому что объясняться с ней не хотелось. Физрук собирался о чем-то спросить, но мама вытолкала его вон (вежливо, впрочем), сунула Латышеву таблетку валерьянки и, зачем-то перевязав бинтом ссадины, уложила его спать. Да еще и сидела рядом с раскладушкой, поглаживала по голове редко и осторожно — наверное, надеялась, что Латышев спит и не замечает. И, конечно, было неловко немного — он же не маленький, — но зато хорошо и спокойно. Словно все произошло не на самом деле.

После шторма возле берега толклись медузы — купаться было противно. А солнце, между тем, пекло нещадно. Латышев стирал о камень третий рапан — из них получались классные подвески. Нет, не для продажи — слишком уж хлопотно. Для продажи надо покупать точило с меленьким наждаком, руками на этом много не заработаешь.

Легкие волны шлепали о камень, с которого Латышев свесил ноги, чавкали и причмокивали, потому он не заметил шагов за спиной и вздрогнул, услышав:

— Я так и знала, что ты здесь.

Латышев медленно повернулся и смерил Кристинку долгим взглядом: красивая, стерва...

— Что тебе надо? — спросил он холодно, продолжая ее разглядывать.

Она не нашлась, что ответить: просто стояла, отводила глаза и теребила поясок короткого сарафана.

Латышев выдержал паузу и вернулся к своему монотонному занятию. Кристинка не выдержала молчания первой:

— Послушай, я правда тут не при чем... Я не знала про наркотики.

— Да ну? — Латышев не поднял глаз. — А теперь вот узнала?

— Папа сказал. У него же связи... В общем, его потихоньку предупредили, что Олег вляпался по-крупному. Он сначала орал, что пальцем не шевельнет, а потом маме с сердцем плохо стало, и он ей обещал, что все сделает.

— А от меня тебе чего надо?

— Сань, я не знала, что это подстава, — Кристинка села на камень неподалеку, подобрав под себя стройные загорелые ноги.

— Без разницы... — бросил Латышев сквозь зубы.

Он ей почти поверил. В общем-то, он не на подставу вовсе обижался — просто противно было чувствовать себя лопухом. В ее глазах. А думать, что она всегда держала его за лопуха — еще противней.

— Я попросить хотела... Папа сегодня к тебе собирался. И к твоей маме. Извиняться, ну и вообще... — она помолчала.

— И что?

— Понимаешь, папа — он честный. Для него это позор, понимаешь? Просить за Олега...

— У кухаркиных детей? — Латышев бросил на нее короткий взгляд.

— Да нет же! Папа сказал, что ты настоящий парень, а Олег — подонок.

— И о чем же ты хочешь попросить?

Кристинка вздохнула и помялась.

— Не говори папе, что это я тебе сказала про работу у Олега. Скажи, что я вас просто познакомила.

А ведь он почти поверил... Подумал, что просьба ее — только повод для встречи. Ерунда какая-нибудь.

— Не беспокойся, я вообще не собираюсь говорить с твоим папой. У тебя все?

Если бы она не врала, то давно обиделась бы и ушла. Она не ушла.

— Сань, а правда, что ты под машину бросился, чтобы эту девчонку спасти?

— Какую девчонку?

— Дочку физрука.

Латышев находил этот поступок глупым и бессмысленным. И отчитываться за него перед Кристинкой не собирался.

— Нет, не правда. А кто тебе об этом сказал?

— Пропащий бес.

— Какой еще пропащий бес?

— Как какой? В сером костюме, — Кристинка загадочно улыбнулась. — А знаешь, мне жаль, что не я была на ее месте.

— Ты не могла быть на ее месте. Ты не девственница.

Пожалуй, тут Латышев перебрал.

— Ах вот как? — Кристинка встала и гордо выпрямилась. — Ну что ж, спасибо за прямоту.

— Всегда пожалуйста, — пробормотал Латышев ей в спину — уходила она по камням оступаясь и балансируя руками. Не очень-то красиво получалось.

Он продолжал с остервенением тереть рапан еще несколько минут — от жары уже тошнило, но Латышев продолжал уверять себя в том, что не купается из-за медуз, а не потому что соленая вода слишком чувствительно ест ссадины.

А когда он поднял голову, чтобы вытереть пот со лба, то неожиданно увидел в трех шагах Гену, сидевшего на камне. Конечно, Латышев мог и не услышать его шагов — ведь не заметил же он приближения Кристинки. Но... почему-то подумал, что этих шагов и не было вовсе.

Нет, не в костюме — «Геннадий Иванович» был в грубом сером халате с капюшоном. И легких сандалиях на худых загорелых ступнях. Впрочем, это одеяние показалось Латышеву еще более странным.

— А знаешь, она ведь в самом деле не хотела тебе ничего плохого, — сказал Гена, будто продолжил давно начатый разговор.

— Кристинка, что ли? — переспросил Латышев так, будто совсем не удивился.

— Она вовсе не считала тебя лопухом и была уверена, что вы с Олегом поладите. И про наркотики она тоже не знала. Но в этой истории она на стороне Олега, и теперь ты для нее придурок, запоровший ему все дело.

— Да и черт с ней, — проворчал Латышев, не показывая вида, что уязвлен.

— Это ты верно подметил, — хмыкнул Гена, глядя на горизонт.

— Почему она назвала тебя пропащим бесом?

— А кто я такой, по-твоему?

Это от жары. Все это мерещится от жары. Особенно халат и сандалии.

— Бес девятого чина, искуситель и злопыхатель, — продолжил Гена. — Прошу любить и жаловать.

— У вас там все такие?

— Где? В аду? Или в конторе?

Латышев, наверное, слишком откровенно тряхнул головой, Гена расхохотался так, что капюшон халата сполз с головы на спину. Никакой короткой стрижки — на плечи падали длинные патлы, как у битломанов или рокеров, а сквозь них проглядывали махонькие острые рожки.

Это от жары... Надо окунуться, и наваждение пройдет...

— Значит, это все-таки ты убил пса, — пробормотал Латышев.

— Что ты прицепился? Какая разница, кто убил пса? Важно, что это сделал не ты. Ведь ты же понял, что неразменный рубль — это абстракция. Понял, что душу отдаешь не за белые пятнышки на черной собаке. Ведь понял? Не важно, кто управляет событиями, — важно, что никто не управляет тобой.

— А... твой начальник... Значит, я думал правильно?

Гена вскинул глаза, и на дне его взгляда вместо хитринки снова полыхнул холодный огонь:

— Ты подумал правильно: он ни во что не вмешивается. Он только наблюдает.

Латышев зажмурился от накатившей вдруг головной боли, а открыв глаза увидел, что лежит в тени камня, под головой у него что-то мягкое и мокрое, а Гена (в обычных плавках и босиком, а главное — с нормальной стрижкой) отжимает ему на лоб носовой платок.

— Здорово же тебя головой о стенку приложили — чертики мерещатся. Панамочку нужно надевать, раз торчишь на солнце. С такой-то шишкой на затылке...

* * *

Мокрый снег шлепал по лобовому стеклу «копейки», в паршивом приемнике хрипло и громко плакала Таня Буланова, Латышев зевал

и ежился — так и не привык вставать в пять утра, чтобы к половине седьмого появляться на рынке. Ме ста на парковке в это время хватало, но на въезде образовался затор, и он даже обрадовался этой неожиданной задержке — не хотелось выходить на холод и под дождь (или снег?). Для торговли — отвратительный день.

Музыка смолкла ненадолго и грянула снова: «Феличита» — уже давно не модные итальянцы были так же счастливы, как и десять лет назад. Только немного похрипывали. Латышев смотрел на серую пелену за стеклом, длиннющий бетонный забор вокруг рынка, на ряды контейнеров и поржавевших лотков — пока еще пустых. Где оно, счастье? Навсегда осталось у теплого моря, среди южных цветов и трав, под жгучим июльским солнцем. Знать бы тогда, что это было счастье!

Ветер сносил тяжелые мокрые снежинки под крышу контейнера: в мороз и то не так зябко. Обычно днем мимо контейнеров валит плотная толпа, кто-нибудь нет-нет да и заинтересуется АОНом или автоответчиком... А тут — одно только кидалово. Кто еще потащится на рынок в такую погоду? С утра малолетки предложили десять финских марок с пририсованным нулем — на что надеялись, непонятно. Потом пришел «фокусник» с пачкой долларов — Латышев и в руки их брать не стал, фальшивки по цвету видно. А в руки возьмешь, скажут, что подменил. Потом солидный дядька пытался запродать ему ящик тушенки из стратегических запасов, даешь деньги — через час получаешь тушенку. Латышев избавился от него с трудом. Это со стороны кажется, что смешно, — на самом деле, такие продавцы лучше многих компостируют мозги.

Латышев честно оплачивал право на торговлю, потому не опасался проверяющих, но часов в десять по рядам прошлись альтернативные «хозяева» — забрали не только положенные двадцать баксов, но и один АОН. К столику скотчем был приклеен муляж (чтобы мальчишки не тырили — они тащили с прилавков все, что не приколочено, в прямом смысле), а гордый собой браток хотел подхватить вещицу непринужденным жестом. Облажался — скотча не заметил. Латышев спрашивал: «Может, не надо?», но браток не поленился, отковырял муляж от столика, ломая ногти. И только потом понял, что вытащил пустышку.

— Это АОНы для лохов, — усмехнулся Латышев в ответ на выжидающий взгляд братка. — Для конкретных пацанов с деньгами я АОНы в сумке держу.

Пришлось отдать. А сосед по контейнеру, посмотрев вслед уходившим браткам, покрутил пальцем у виска:

— За такие дурацкие шутки пулю в живот получить — нефиг делать.

— Да брось. Он не понял, что это шутка.

К полудню Латышев так продрог, что не сумел толком отсчитать сдачу покупателю — пальцы не гнулись. И, в отличие от соседа, не мог даже тяпнуть сто грамм, потому что был за рулем. Чай в термосе кончился, и Латышев, улучив минуту, сбегал в разливуху — погреться и выпить кофейку с холодным черствым пирожком. На обратном пути видел, как

братки сцепились меж собой, пальнули раза два в воздух — толпа прянула в стороны, сминая продавцов вместе со столиками, кто-то дурным голосом заорал «Ложись», и многие послушались, падая в грязь.

Под конец дня Латышев подсчитал доходы — неважно выходило. Но все равно больше, чем мама зарабатывала в месяц. Она тут вздумала взять еще и ставку уборщицы — стоило большого труда убедить ее в том, что это ну никак не поможет семейному бюджету. Лучше бы с внучкой сидела...

Паршивый оказался день. У соседки — наемной продавщицы, студентки — срезали поясную сумку с дневной выручкой. Она ревела — еще бы, ей теперь полгода бесплатно работать. Латышев часто встречал здесь плачущих женщин: украли, кинули, развели... Женщин он особенно жалел — наивных, которые не понимали, куда суются. Потому никогда не брал на рынок жену, хотя она была бы рада ему помогать.

И когда он собирался запирать контейнер (сосед уже уехал, а толпа давно схлынула), к Латышеву подкатил мужичок в засаленном петушке и потертой куртке. Мелкий такой, суетливый. И с желанием похмелиться на лице.

— Слышь, парень, купи у меня кой-что, — мужичок заглянул в лицо снизу вверх, по-собачьи. Но Латышеву почему-то померещилась странная хитринка у него в глазах.

— Вали отсюда, — огрызнулся Латышев. — Достали...

— Я серьезно. Во, погляди, — он полез в карман, в котором зазвенели монеты (Латышев уже и забыл, что деньги могут быть не только бумажными), и выудил юбилейный советский рубль. — Во, сто двадцать лет со дня рождения Горького!

— Потрясно. Даже доллара не дам.

— Погоди. Это не простой рубль, а неразменный. Можешь его хоть тыщу раз продать, а он обратно к тебе вернется. А стоит он три бакса. Вот и считай...

— Три бакса он не стоит, — Латышев вдруг развеселился. — И что же ты за него хочешь, пропащий бес?

— Не, я не бес. Пропащий — это ты верно заметил. Но не бес. А хочу всего ничего — пятьдесят баксов.

— И много ты за день неразменных рублей продаешь? — спросил Латышев, усмехаясь.

— За выходные — штук пять или шесть, если повезет.

— Неплохо. И где ты их берешь?

— Все честно, не думай. Знаешь, наверное: если в полночь выйти на перекресток и принести дохлого черного пса, то черт обменяет его на неразменный рубль.

— Да не может быть! — рассмеялся Латышев.

— Что ржешь? Знаешь, сколько тут собак вокруг рынка бродит? Вот я и наладил... обмен, так сказать. А чё? Душа уже пропала, чего теряться?

— Так ты мне его продашь, а он к тебе назад вернется? Так, что ли?

— Не, все честно. Я тебе дарю рубль, а ты мне — пятьдесят баксов. Никакой продажи.

— Договор дарения кровью не надо подписывать?

— Ни-ни... За все... уплочено. Так как? Возьмешь?

— Неа, — ответил Латышев. — Но идея интересная.

Это тебе не тушенка из стратегических запасов...

За квартал от поворота к дому образовался затор — проспект перекрыли вроде как из-за аварии. Машин было не много (суббота), потому, наверное, гаишники и не спешили. Латышев постоял немного в надежде, что объезжать не придется, и даже вышел поглядеть, что к чему. Надежда оказалась напрасной: посреди перекрестка толпились милицейские жигули и скорые, а на носилки грузили то, что соскребали с асфальта — похоже, тут взорвалась машина с изрядным числом пассажиров. Люди гибнут за металл? В последнее время это стало даже привычным... Латышев присвистнул и хотел вернуться к своей «копейке», как вдруг заметил припаркованную у перекрестка двадцать четвертую «Волгу», а возле нее — грузного человека в сером пальто и шляпе. Тот просто стоял и смотрел, опустив руки в карманы.

Он ни во что не вмешивался. Он только наблюдал.

Георгий Михалевский

ХАН И ТЕНГРИ

Летим к базовому лагерю через белые вершины Тенгри-Тага. Внизу — ледовый поток, который низвергается застывшей рекой с горных склонов. Ребята насуплено молчат, а я не лезу с расспросами, хватило того, что услышал на базе. И уж если Женька надумал позвать меня, то дела совсем плохи.

Сита ничего не объяснил, если не считать коротко брошенного: «Мистика какая-то». В горах со всеми мистика случается от яркого солнца, кислородного голодания, резкого холода и стука крови в ушах. Но Сита другое имел в виду. Я знаю. Смотрю в маленькое круглое оконце Ми-8 и вижу впереди на каменистой морене в стороне от растрескавшегося потока ледника синие цилиндры палаток-полубочек. Прилетели. Стрекоза пошла вниз на посадку к еще одному пятнисто-зеленому вертолету. И чем ниже спускаемся, тем сильнее давит тревога чувством неотвратимого несчастья, заползает в грудь и вьет там мерзкое гнездо.

Выскакиваю из вертолета вслед за крепкой широкой фигурой Ситы и иду прямо к нашим, стоящим сине-оранжевой толпой вокруг Женьки. Мелькают белые буквы МЧС на спинах, черные очки, красные флаги на рукавах. Суровый бородач Женька инструктирует как всегда коротко, резко, машет рукой куда-то на север в сторону торчащего зуба Хан-Тенгри, потом разворачивается к склону пика Победы и тут замечает меня.

— А он тут откуда? — грохочет в разреженном воздухе вопрос.

Так, меня Женька не звал. Интересно. Все обернулись, и лица расплылись в улыбках. Тянут руки, здороваюсь, Женьке не отвечаю. Понимаю, тот случай с Аленой он мне не простит. А Сита пусть сам объясняет, зачем позвал.

— Я спрашиваю, ты что тут делаешь? — персонализирует вопрос Женька.

— Без него не обойдемся, Борода, — Сита выходит вперед, словно загораживает меня от гнева начальника.

Тот набирает воздух в легкие, но худощавый, юркий Болотбек как всегда опережает:

— Точно! Юр, слышать, да? У нас тут на Победа пять погибать за месяц. Не можем поляков найти больше три сутки. Веревки натянуть не успеть, будто ножом резаный. Ты это... ходил бы наверх?

Киваю:

— Ладно, а сейчас что?

— Двое сорвались с карниза, — неохотно буркнул начальник.

— Понятно. И что стоим?

— Никак! Там так крутить, все черти ада выбегать, — Бека ткнул рукой вверх.

Смотрю на облако, закрывающее склон. Капризна Победа, ох капризна. По пять раз за сутки погода меняется, похоже, там ветер не шуточный, вертолетом рисковать не стоит, и так в прошлом году двух вертушек

лишились. Значит, Женька решил идти по карнизу. Да чтоб меня!

Вертушки «подкинули» нас до второго лагеря на пять тысяч метров, дальше идем по снежному гребню, вдоль хорошо заметных следов обоих альпинистов. Гора гудит, где-то выше, на высоте шести тысяч, ярится ураган. А здесь дует лишь слабый ветер, и припекает ослепительное солнце, жарит в спину так, что хочется скинуть куртку. Жадно вдыхаю чистый воздух земли за облаками. Здесь все мне знакомо, все родное. Я чувствую каждый камень, каждую трещину на леднике. Но сегодня вместо радости — тревога, вместо счастья — тоска. Что-то случилось, пока я не был дома. Но почему брат не позвал меня, если тут нехорошее творится? Как обычно, решил разобраться сам? Или я так увлекся своей ролью, что стал глух к его голосу? Прислушиваюсь, лишь ветер свистит в ушах. Брат молчит. Ладно, братишка, вытащу людей и — сразу к тебе.

Гребем по рыхлому снегу, и вот она — рваная рана обвала, где снежный навес рухнул вниз, унося с собой ребят. Порванные веревки. Беру один из концов и невольно машу рукой Сите:

— Глянь!

Сомнений никаких: веревки обрезаны острым лезвием. Ну не рвутся они так! Хоть убейте меня. Сита пожимает широкими плечами:

— Поэтому тебя и позвали. Мы сейчас вытащим этих, а потом — иди наверх. Надо проверить, кто там, или что там. Из альпинистов никто выше второго лагеря не поднялся. Начальство послало меня к дьяволу, когда я про албасты сказал. Но ты-то не пошлешь.

На грани восприятия ощущаю шевеление карниза. Хватаю Ситу, веревку Беки и катимся от обрыва в сторону, Бека повис над пропастью, Сита вместе со мной одной рукой вцепился в веревку, второй вогнал ледоруб в белый бок горы. Все нормально. Держим. Вот над карнизом появляются вязаная шапка, очки и поднятый вверх палец варежки:

— Спускайте!

Сита удержит, знаю. Осторожно отпускаю веревку и иду к треклятому карнизу. Закрепляюсь, и вместе с Бекой скользим на карабинах вниз. Прыгаем, отталкиваемся от шершавой скалы, снова скользим. Морщинистый гранит, покрытый белыми снежными трещинами, плывет перед глазами. Поглядываем на дно пропасти, там везде синеватый рыхлый снег, только что свалившийся сверху. Лежат где-то ребята, не шевелятся. Не нравится мне это. Бека мрачно бросает:

— Какая-то похоронный отряд, а не спасатели. Знаешь, сколько вылетов у нас на Победа?

Отрицательно мотаю головой, напарник продолжает:

— Сорок шесть этот. За месяц!

Мозг отказывается понимать, переспрашиваю:

— За месяц?

— Да! Весь июль тут торчать! Албасты, говорю, албасты заводиться на гора. Борода не слушать. Сита молодец, тебя звать.

Я тихо присвистнул и посмотрел наверх, добрались ли еще двое наших с «корзинкой». Стоят уже, наблюдают, как мы спускаемся. И вот

ноги, наконец, утонули в мягком пушистом снегу. Бека смотрит на меня с надеждой:

— Ну, что чуйка говорить?

Внутренне собираюсь, ощущение тревоги не покидает. На физическом уровне слышу, как на Диком грохочет лавина, гудит весь массив Победы под штормовым ветром, и где-то рядом чуть слышно журчит вода: тает ледник. От скалы, едва заметно дрожа, поднимается теплый воздух и струится вверх, к вершине, чтобы стать облаком. Стягиваю шапку. Холодный ветер кусает за уши, но мешает мне она, не могу в шапке работать. Сажусь прямо в снег, и совсем близко, в нескольких метрах, ощущаю человека, живого под обвалом! Это чувство невозможно ни с чем спутать. Вскакиваю и быстро иду в ту сторону, где вижу внутренним зрением засыпанного альпиниста. Бека торопится за мной, утопая в рыхлом сухом снегу.

— Здесь! — тычу рукой под ноги.

Лопатки пошли в ход, и вот показался красный рукав с зелеными полосами, быстро разгребаем снег, вытаскиваем. Парень хлопает глазами, даже сознания не потерял. Молодец, какой. Улыбается и быстро что-то лопочет, вроде бы на французском. Бека тут же ему:

—Уи, уи.

Верткая бестия! По-русски с акцентом говорит, но с таким же акцентом еще на шести языках. Можно смело мой оксфордский засунуть куда подальше.

— Он сказать, русский альпинист одиночка был. Впереди него шел, сорвался. Мишель спасатели из лагеря вызывать, и сам летать с карниза.

Бека показывает рукой крутую параболу:

—Уууx!

Француз кивает, улыбается и повторяет:

— Уууx!

Будто я не знаю, как с горы падают. Это вам не «уууx» а большой бада-бум. Из вашего же французского кино. Спрашиваю на английском — может ли встать, Мишель бегло отвечает, что может. Опирается на мою руку и, охнув, оседает в снег. Тут же поясняет, что, кажется, нога сломана. Включаю рацию:

— Спускайте корзинку. Тут француз с переломом. Сейчас поднимать будете.

Бека открывает аптечку и достает ампулу кетонала. Показывает французу. Тот кивает, и Бека быстро расстегивает пуховик француза, делает укол куда-то в плечо. Ждем немного, пока подействует обезболивающее. Француз с подробностями рассказывает, как летел с горы и как рад нас видеть. И наконец говорит, что перестал чувствовать боль. Подхватываю его под мышки с одной стороны, Бека с другой. Тащим. Парень кряхтит, а я смотрю на его левую руку, и не нравится мне, как она висит. Спрашиваю, чувствует ли руку. Отвечает, что нет. Эх, Мишель, не повезло тебе. Он тем временем пытается рассказать, что видел перед падением какого-то быка. Быка? На высоте пяти тысяч? Яка, что ли? Никогда не слышал, чтобы яки сюда забредали. Что им тут среди снега и льда делать?

А вот и Сита с двумя спасателями из лагеря, уже спустились, идут нам навстречу. Сита перехватил нашего француза поудобнее, как невесту, и понес на руках к корзинке. Через плечо кинул мне:

— Второго ищите, этого сами поднимем.

Бека смотрит на меня выжидательно:

— Чуйка не видеть второго?

Не видит. Значит, нет уже второго. Нужно поглубже просканировать местность. Какое-то странное ощущение шевелится в груди, будто знал я этого альпиниста-одиночку. Спрашиваю у Беки фамилию автономщика.

— Не знаю. Борода знает.

Сажусь в снег. Перед глазами четко встает фото одного парня, который в интернете спрашивал у меня маршрут на Победу. Не могу отвязаться от этого образа, поэтому просто впускаю его в ментальную сферу. Фото оживает, парень грустно так улыбается:

— Ты был прав, Победа — это не Эльбрус.

Значит, не послушал меня! И вот теперь лежит тут под слоем снега, а мы ходи, ищи его... Найду — убью.

Погружаюсь в сканирование еще глубже. Не может быть! Что там мне Бека про поляков говорил? Чувствую их след, уходит в трещину на леднике Звездочка, сверху — слой лавинной массы. И полное отсутствие ауры смерти. Непонятно. Неужели живы? Их будто хранит кто-то, бережет... Брат? Тянусь мысленно к нему. Но теплое чувство скользнуло и растаяло. Кто-то встал между нами. Кто-то темный и сильный. Заслонил брата от меня, и теперь я вижу только польских альпинистов под снегом. Странно, живыми их тоже не ощущаю. Возможно, слишком далеко лежат. Засыпало их на высоте четырех тысяч, вот обидно-то! Не могу больше сканировать, боль разрывает черепную коробку, прекращаю свою экстрасенсорику, наваливаюсь на скалистый уступ. Бека озабоченно так смотрит:

— Что? Чуйка не найти его?

— Нашла чуйка. И еще тех поляков. Трое их было?

— Да, трое! Нашел их? Ух, ты!

Снова включаю рацию:

— Борода!

— Да, что там у тебя?

— Поляки под лавиной на Звездочке. Возможно, живы.

— Да ну! Ты рехнулся? Почти четверо суток прошло!

— Не уверен, что живы. Но знаю, где искать.

Женька несколько мгновений молчит, потом с недоверием отвечает:

— Когда спуститесь — расскажешь. Русского альпиниста найди мне.

Встаю и гребу по снегу вдоль гранитной стены, парень свалился метров за двадцать впереди француза в расщелину. Очень надеюсь, что мы сможем его вытащить. Бека решил развеять мое пасмурное состояние и тему выбрал самую подходящую:

— Этот год совсем чокнутый. Знаешь, землетрясение на Эверест?

Кто не знает? Киваю, напарник продолжает:

— Эверест закрыть. Все альпинисты сюда ходить. Прямо из Непал в Киргизия. Все-все. Американец один Корона Мира покорять. А он там с самого... какой-такой слово? Знаешь, такой праздник, когда много-много жертва делают, корова режут?

— Гадхимаи?

— Да-да, этот самый какой-такой гад. Вот он с этой праздник вершина ходил. Землетрясения помешала, вместо К-2 — наш пик Ленина пошел.

Гадхимаи? В голове возникает какая-то смутная мысль и тут же исчезает, а Бека дальше рассказывает:

— Вот. С этой американца все и началось. Он на пик Ленина пропадать. Спасатели из США прилетать его найти. Нашел. И как пошло, пошло... И все на Победа. Испанец погибать, потом русский, потом поляки, потом...

— Ты ж говорил, пять погибших.

— Это только русский альпинист пять. Всего, — Бека забормотал, подсчитывая, — бир, эки, уч, — потом перешел на шепот, и я услышал только, — сегиз, о... жок-жок, тогуз, тогуз киши.

Разволновался, по-киргизски заговорил. Девять человек за месяц на одной только Победе? Я встал как вкопанный, Бека поравнялся со мной:

— Чего стал?

— Да так, — я отправился дальше к кромке обрыва.

Остановились на краю, заглядываем. Оранжевое пятно маячит на глубине метров пятнадцати. Переглядываемся, Бека кричит в расщелину, а я знаю, что это бесполезно. Молча пошел крепить веревку со страховкой к скале. Бека суетится, думает, что парень в расщелине жив. Хлопочет. Не смотрю на него. Карабин щелкнул, и я пошел вниз. Бека остался на подстраховке. Спускаюсь, а погибший так и стоит перед глазами. Что ж ты наделал, желторотый? «Барсом» вот так сразу захотел стать? Злюсь от безысходности и беспомощности. Ведь писал ему, говорил, что вершина очень серьезная и без подготовки сюда не лезут. Посоветовал сходить для тренировки на горы попроще... Так нет же! Такое мерзкое ощущение, будто я его сам с обрыва столкнул.

Упираюсь ногами в стены трещины. Это не лед. Это скальный монолит. Тут все надежно. Парень лежит на остром уступе, в неестественной позе с перегнутой спиной и откинутой назад, странно вывернутой головой. Двойной перелом позвоночника? Я не врач, но, похоже, что именно так.

Странное пятно мелькает слева от меня. Резко поворачиваю голову и замечаю неясную рогатую тень, скользнувшую за край выступа. По спине пробежал морозец. Я не подвержен высокогорным галлюцинациям, и от этой мысли становится совсем не по себе. Ребята тоже что-то такое видели, не иначе. Да и француз про быка говорил. Закрываю глаза, отключаюсь на мгновение от реальности и мысленно зову брата. Его ответ, к моей радости, приходит мгновенно: «Вытаскивай людей, братишка. У меня все в порядке. Жду тебя завтра на вершине».

Сверху падают веревки. Спускаются Сита и Бека. Видят погибшего и, не говоря ни слова, помогают мне накинуть петли на ноги, поперек туловища, аккуратно завести под руки. Все происходит быстро и слажено.

Вытащили тело, я отошел в сторону и навалился на стену, прислушиваясь к энергетическому потоку гор. Нехорошее ощущение чего-то странного угнездилось внутри меня, и эту загадку надо решить как можно быстрее.

— Ты знал его? — коротко спросил Сита, я кивнул.

Ребята больше ничего не спрашивали до самого лагеря. Здесь, отправив француза на вертолете в Каракол, я, наконец, смог показать Бороде, где искать поляков. Он недоверчиво выслушал мой рассказ, поглядывая на карту и на поток Иныльчека. Его злость и ревность заметно поутихли за год, но все еще ощущались, как незажившая рана. Похоже, старый друг до конца дней будет считать меня врагом.

Бека, видя недоверие начальства, нервничает, напоминает Женьке то, что совсем напоминать не стоило. Сколько раз «чуйка» помогала найти пропавших людей, когда все другие способы оказывались бессильны. Женька от доводов Беки только больше хмурится. И бурчит что-то в бороду. Затем резко отвечает:

— Понял я уже. Идем все на Звездочку. Но если их там не будет...

— Будут, — бросаю через плечо, — и они не мертвы. Не вздумайте их в мешки упаковать. Всех в больницу отправить надо.

— А ты, так понимаю, не идешь? — вскинулся Женька.

— Иду, только с народом пообщаюсь, — и, не оглядываясь, отправляюсь к палаткам альпинистов.

— Кто у вас тут высокогорный гид? — спрашиваю, поздоровавшись.

Подошли команды спортсменов, вижу нашивки соседнего Казахстана, России, Украины, Америки. Ребята окружили меня. Серьезно так смотрят, пытаются скрыть тревогу. И автономщики тут — это те, кто поднимаются не в команде, в одиночку. Позвали гидов. Я стою злой заранее, готов просто придушить этих ротозеев, какого лешего разрешают выход в такую погоду?

Но когда вижу их, успокаиваюсь. Два опытных бывалых альпиниста: Борис и Алексей. Оба со званием «снежных барсов». Вместо нагоняя — радушно улыбаюсь им, жму руки. Они со смехом восклицают:

— О, маг-экстрасенс восьмидесятого левела пожаловал! Ну всё, пора вещи паковать! Ты где пропадал-то?

— На базе в Караколе.

— О! — Алексей перестает улыбаться. — Что с Евгением-то не поделили?

— С чего взял? Все нормально.

— Конечно, нормально, — сухо возражает Борис, — ты и база в Караколе. Пешие туристы и бабушки? Смеешься?

— Почему? Зимой там экстремалы на горнолыжной базе. Весело было. А летом, да... Пешие туристы и мамы с детишками.

Хотел сказать совсем другое, но правда зачем-то спрыгнула с языка. Оба смотрят на меня так, будто я — осужденный на каторжные работы. Усмехаюсь и добавляю:

— Да не берите в голову. На прошлой неделе парусную регату открывали. Это вам не по горам скакать, архары.

Делают вид, что шутку поняли, натянуто улыбаются. Борис серьезно говорит:

— Всё из-за Хан-Тенгри? Когда ты самовольно закрыл лагерь и отправил всех людей назад в Каркару. Тебе же никто не разрешал этого делать?

— Ну... — на этом мое красноречие заканчивается, так как с удивлением обнаруживаю, что люди заметили наши нетеплые отношения с начальником и строят собственные гипотезы.

— И Евгений тебя уволил из отряда, — подытожил Алексей. — Мы так и подумали, когда не увидели тебя с остальными. И вот ты здесь. Опять лагерь закроешь? Уволят же совсем.

— Забыли, за что Хан-Тенгри Кровавым прозвали? — недовольно хмурюсь и отвожу взгляд в сторону. — И как статистика за последние два года?

— Ни одного несчастного случая. Мы даже спасателей ни разу не вызывали.

— И чем недовольны?

Оба переглядываются. Борис усмехается:

— Всем довольны. Не знаю, как ты это сделал, но оно сработало. Извини, но ты ведь не за этим нас позвал?

Спрашиваю, как вообще такое возможно: девять погибших за сезон? В ответ оба разводят руками:

— За автономщиков не несем ответственности, они сами по себе и никого не слушают. Мы их можем только на выходе зарегистрировать, и если что — попытаться спасти. А команды, как видишь, все здесь. Разрешаем только радиальные выходы. Вверх никого не пускаем.

— Все погибшие — автономщики?

— Нет, — Борис еле сдерживает вздох и вдруг начинает быстро говорить, словно хочет облегчить душу. — Две команды поднимались. Шли очень хорошо. На самом верху погода испортилась, и они уже после покорения потеряли троих.

— Как?

— У одного сердце отказало. Ушел мгновенно. Они ничего не смогли сделать. Хотели вытащить его сами, и двое просто закоченели, схватили кашель, и на обратном пути сорвались с гребня. Видимо, сильно ослабли. А что мы могли сделать, когда они были уже за Пшавелом? Вышли им навстречу и помогли донести погибших.

Слышу фамилии и не верю ушам. Покорители Эвереста, «снежные барсы», за плечами все семитысячники Памира, и полегли тут на Победе. Поворачиваюсь к молчаливо стоящим альпинистам:

— Так ребята, все слышали? Я закрываю пик до конца недели.

— Я ж говорил, — усмехается Борис, — пора вещи паковать.

— Как? — вырывается у нескольких человек. — А что же...

— Ты кто вообще? — выскакивает долговязый парень.

Не обращая внимания на вопросы, продолжаю:

— К концу недели решим, будет сезон продолжен, или поедете на Иссык-Куль купаться вместо восхождения. Всё. Никаких покорений в ближайшие дни.

— Ты мужик, че? — все тот же долговязый, — самый умный, что ль?

Ребята рядом одергивают его, смущенно поглядывают на меня.

Борис отвечает:

— Юрий — старший инструктор МЧС Кыргызстана; один из людей, входящих в совет по безопасности горных маршрутов. В тот самый совет, который решает — разрешить нам доступ к горе или нет.

Друзья долговязого краснеют, он приоткрывает рот, но не извиняется. Смотрю с усмешкой:

— Так, дорогой, я сейчас решу, что тебя надо снять с маршрута и отправить домой, — парень отступает от меня на шаг, все так же с открытым ртом. А я спокойно продолжаю: — А теперь серьезно поговорим. Я вижу тут все новички, — ребята кивают, — тогда поясняю, в чем сложность. Сам по себе маршрут не такой уж тяжелый с точки зрения скалолазания. Но здесь против вас играет несколько факторов. Первый — климат. Это — центр Евразии. До ближайшего океана — три тысячи километров. Вокруг — пустыни. Воздух разрежен уже у самого подножия, а это — нехватка кислорода, сами знаете. Второй фактор — высота. Тянь-Шань коварен тем, что вы не замечаете, как оказались очень высоко без должной акклиматизации. Не забывайте об этом. Помните о режиме дыхания и следите за своим самочувствием. И третье, самое главное, — я посмотрел в их светлые внимательные глаза и на мгновение задумался, говорить ли? Но все-таки скажу. Всем говорил, и этим скажу, — и третье, ребята, запомните: не вы покоряете гору, а она вас. Покоряет навсегда. Она останется в вашем сердце, в ваших воспоминаниях. На ваших фото. Но вы не останетесь в ее памяти. Ей глубоко безразлично ваше тщетное стремление подняться на вершину. Она стояла тут миллионы лет и еще простоит, когда от вас не останется даже воспоминания. Вы покоряете себя, и она — гора — позволяет вам это сделать. Позволяет вам ощутить себя живыми людьми, способными на такой подвиг. Она дарит вам радость победы, дарит возможность познать настоящую жизнь. И будьте благодарны ей за это. Отнеситесь с уважением, поднимайтесь с почтением, не стоит говорить необдуманных слов на ее крутых склонах. И упаси вас Бог, смеяться над ее величием или кричать ей, что вы ее покорите. Она найдет способ отомстить, поверьте мне.

В полной тишине разворачиваюсь и шагаю к вертолету, где, поминая меня нелестными словами, расхаживает Женька.

— Ну что, произнес речь? — усмехается он, — напугал пацанов? Про горного духа сказал им?

— На этот раз нет, — поднимаюсь в вертолет, и рев лопастей глушит Женькины колкости.

Поляков мы находим точно на том месте, где я их «увидел». Правда, копать пришлось долго, лавина засыпала их основательно, и, похоже, за последние сутки тут сошло три лавины, а не одна. Под первым слоем снега — застывшая кровь и ледовая мешанина, на которой не разберешь следов.

— Смотрите! — резко восклицает Сита, распрямляясь и указывая рукой на легкую поземку, что метет прочь от нас, а вслед за поземкой бежит цепочка следов невидимого барса.

Ребята оглядываются, слышу, как Бека восклицает:

— Ак-илбирс!

И тут же за ним другие подхватывают:

— Дух гор!

А затем каждый тихо шепчет древние слова просьбы о помощи и отведении несчастья. Старые слова, полузабытые, истертые временем и людьми.

Нехотя поворачиваюсь и встречаюсь с Женькими глазами. Смотрит на меня внимательно, словно хочет что-то разгадать. Перевожу взгляд на ледник, и вижу, как тают следы барса, исчезают, словно никогда их не было. Женька задумчиво говорит:

— Я уже видел такое. На склоне Хан-Тенгри много лет назад. И следы бежали ко мне, — он продолжает смотреть мне в глаза чуть суеверно, но настойчиво и пытливо, — они пробежали мимо, а потом...

— Я догнал тебя и сказал, что надвигается шторм, — улыбаюсь воспоминанию, и хмуро добавляю, заметив, что ребята стоят вокруг с приоткрытыми ртами. — Глазеть на снег будем или поляков откапывать?

Это подействовало, лопатки замелькали быстрее и вот мы уже докопались до альпинистов. Они лежат как неживые, холодные, бледные. Никакого дыхания и реакции на свет. Внимательно осматриваем их. На телах нет повреждений или ран, откуда же столько крови? Ничего не понятно. Женька и ребята смотрят на меня вопросительно, не верят, что поляки живы. Но я знаю, чувствую, не могу ошибиться. И повторяю, что спасенных надо отправить в больницу.

Уже темнеет. Длинные синие тени накрывают Южный Инильчек, вершина Победы вспыхивает оранжевым пламенем и горит костром над безмолвием гор. Женька хмуро смотрит на этот пожар и неохотно бросает:

— Ночь уже. Наш пилот сказал, что рискнет отвести поляков до Каракола, но при условии, что они реально живые. Юр, ты извини, но если он привезет трупы в больницу ночью... Я тебя никогда больше не приму назад в отряд, — последние слова он выдохнул со странной смесью сдержанного гнева и сожаления.

Согласно киваю, в конце концов, Женькин отряд не единственный в МЧС.

Идем вдоль морены назад. Дорога относительно хорошая, трещин практически нет. А те, что есть, — легко перепрыгиваем. Впереди горят огни базового лагеря. Там народ готовится к ужину. А сверху над лагерем висят звезды в ощутимой темно-синей пустоте. Млечный Путь рассыпается на отдельные искры, сверкающие как просочившиеся из мешка бисеринки. И кажется, что взгляд уходит так далеко в глубину Вселенной, что можно разглядеть другие планеты, бегущие вокруг звезд.

Останавливаюсь и поднимаю голову. Всегда ощущаю, что я их такими яркими еще не видел. И такими сверкающими. Сита кричит мне, чтоб не отставал, но игнорируя его, стою посреди ледника и смотрю на россыпь Млечного Пути. Слушаю голос неба, голос звезд и облаков, спящих на склонах гор. Спрашиваю их о том, что происходит, но ответы стекают по расщелинам. Уходят, боятся неназванного страха. Разгоняю ураган на

вершине, что пришел не по времени. И облака укладываются вокруг пика круглой шапкой, отдыхают. Сита снова кричит мне, чтоб я поторопился, хорошо, звезды никуда не денутся, поговорим после, надо идти в лагерь.

Женька встречает меня у крайней палатки с рацией в руках:

— Ты прав оказался, шельма, — в голосе первые за день теплые нотки. — Живы твои поляки! Но, увы, в коме.

Ребята толкают в бока и радостно колотят меня по спине, называя «Гендальфом» и «ведуном». Невольно улыбаюсь. Это хорошая новость. Как они там не замерзли — не знаю, можно только гадать. Или спросить завтра у брата.

Растягиваюсь на чистой постели гостиничной палатки лагеря (хорошо тут все устроено) и уже засыпаю, когда неугомонный Бека спрашивает:

— Борода на тебя сердит. Чем насолил?

— Солью, — отвечаю и отворачиваюсь к стене.

Сита бормочет из-под одеяла:

— Бека, шайтан, отстань от человека и свет выключи, а?

Болотбек шепчет недовольно что-то и выключает свет. Посреди темноты и тишины раздается его вопрос:

— Юр, а Юр, ты теперь опять с нами или возвращаться в Каракол?

Не отвечаю, потому что не знаю. Бека стоит несколько мгновений посреди палатки, потом уходит. Не иначе в палаточный бар отправился. Когда заглохли его шаги, Сита тихо говорит:

— Ленка в городе про тебя спрашивала, просила, чтоб не сердился на нее.

Сажусь на постели и молча смотрю на белеющее в темноте лицо Ситы. Он несколько мгновений ждет моей реакции и, не дождавшись, продолжает:

— У них с Женькой сын будет, скоро.

— Чудно, — укладываюсь назад и натягиваю одеяло, — хорошо, что не развелись.

— А должны были?

Черт, проговорился.

Сита усмехается:

— Я ведь как все думал, что за самоуправство с тем лагерем Женька на тебя косо смотрит. А тут вон что.

Молчу.

Сита все так же тихо:

— Борода сам дурак. Не надо было орать на нее тогда. Юр, она реально утопиться хотела?

— Как утопиться?!

— Ну, я думал, ты знаешь.

Прощай сон. Сажусь на постели и начинаю одеваться. Сита молчит, слышит, как застегиваю молнию на куртке и шепчет:

— Не хочешь об этом говорить? Я в ту ночь не спал. Все слышал.

Останавливаюсь перед выходом из палатки и замираю:

— Все слышал?

— Да.

Смеюсь:

— Тогда ты сам все знаешь, о чем говорить? А Женька мне ее не простит. Так что не светит мне вернуться в отряд.

Выхожу под звезды на холодный воздух, хорошо тут. Здесь — мой дом. И когда я в горах, мне вообще-то безразлично все остальное, а тем более чужие жены, к которым я не имею никакого отношения. Знал бы, что так получится, в жизни не подошел бы к ней тогда. Хотя... Неужели правда хотела утопиться? Постоял несколько минут, вдыхая чистый горный воздух, и вспоминая ту ночь и те ощущения. А ведь Сита прав. Она не просто сидела там и рыдала, смерть была в ее мыслях. Это-то меня подняло и бросило к реке. Я же прибежал туда, сам не зная зачем. Бека сказал бы — «чуйка» привела. Увел ее плачущую с берега, и мы сидели до утра у стенки палатки, считали звезды в далекой галактике. Знал бы Женька. Мысленно ржу: похититель чужих жен.

Слышу чьи-то шаги за спиной. Чувствую, что это Сита. Подходит, останавливается рядом и смотрит на темный контур Хан-Тенгри. Молчим. Вдруг Сита, посмеиваясь, говорит:

— Я даже не знал, что ты можешь за ночь весь сюжет Звездных Войн пересказать. Фанат, однако. И рассказываешь хорошо, будто книгу читаешь. Я аж заслушался и про сон забыл.

Невольно усмехаюсь. Да, Сита не соврал, он все слышал в ту ночь. И вот уже оба тихо смеемся, и чем дальше, тем сильнее.

— Меня выгнать, а сами смеяться, — словно пародируя Джа-Джа Бингса, говорит незаметно подошедший Бека, — смешно меня выгнать, да?

Ничего ему не объясняем; Сита тут же нашелся и пересказал Беке какой-то бородатый анекдот, и вот уже смеемся в три голоса.

Утром меня будит шум вертолета, привезли новых альпинистов. Сейчас их обрадуют, что восхождение запретил инструктор МЧС. Беки и Ситы уже нет. Что-то я разоспался. Одеваюсь, выхожу наружу, солнце слепит глаза, прекрасный синий день, какой бывает только после бури. Победа сияет свежим снегом, могучий Хан-Тенгри смотрит на нее, любуется, упираясь островерхой шапкой в небо. Лучше погоды для восхождения не придумаешь.

Иду к вертолету встречать прибывших. Алексей и Борис уже там, наши все — тоже. Улетят на этом вертолете в Бишкек, а я останусь для проверки маршрута. Вчерашний долговязый выскочка окликает меня по имени-отчеству:

— Юрий Сергеевич, а Юрий Сергеевич!

Оглядываюсь, парень бежит вприскочку, улыбается, счастливый, машет рукой. Жду его. Он подходит:

— Простите, а это правда, что вы можете уговорить гору пропустить альпинистов?

Улыбаюсь вместо ответа. Парень не смущается:

— Говорят, что вы и погоду хорошей делаете. Три дня было пасмурно, а вы приехали и вот... А по прогнозу сегодня снег. А вы пойдете сегодня туда? Да? С горным духом говорить. А он что — правда существует?

— Не выдумывайте, молодой человек. Я просто проверю маршрут.

Парень улыбается:

— Я думал, вы — шаман. И все такое, бубен там, напевы...

Меня прорывает. Ржу в голос, представив себя на горе с бубном. Весельчак парень. Машу на него рукой и иду дальше. Ну наговорили за ночь в лагере, ну нагородили! Сочинители.

Парень не отстает, быстро идет за мной:

— Юрий Сергеевич!

Останавливаюсь, смотрю на него, он смущенно улыбается:

— Говорят, вы историю района хорошо знаете?

— Есть такое.

— А правда, что у Победы и Хан-Тенгри перепутали названия?

— Была такая история с географией, — думаю, что парень, наверное, без меня литературы начитался, но раз спрашивает, так и быть скажу. — Бытует мнение, что самая высокая точка Тянь-Шаня — пик Победы — и есть настоящий, Хан-Тенгри, воспетый караванщиками. А Семенов-Тянь-шаньский перепутал пики. Но никто не стал идти против его авторитета.

Подходит Сита, слышит последнюю фразу и добавляет:

— А в действительности все еще запутаннее, и Хан-Тенгри вообще неправильное название.

— Да вы что? И эта гора не Хан-Тенгри? — парень указывает рукой на Победу, — и не эта? — машет в сторону Хан-Тенгри.

Я поддерживаю Ситу:

— «Хан-Тенгри» вдобавок и не тюркское слово, оно — монгольское. Переводят как «Властелин неба». Но это не правильно. В названии фигурируют два разных, никак не связанных друг с другом слова — «хан» и «тенгри». Правильный перевод звучит «властелин», «небо». Через запятую. Понимаешь?

— Ага, ну может, это для удобства произношения?

— Нет. Тебе удобно вместо Нижний Новгород сказать Низ Новый Город?

Парень смеется.

— Ну а почему тюркам или кому еще удобно так говорить? Не потому ли, что это две горы? Хан, — указываю рукой на Победу, — и Тенгри, — указываю на Хан-Тенгри. За столетия все перепуталось и смешалось.

— А еще забылось, — вставляет Сита, — но у киргизов до сих пор есть легенда о двух братьях Хане и Тенгри, охраняющих горы Киргизии от злых духов. Хан и Тенгри — духи-стражи — белые барсы без пятен и очень крупные. Ак-илбирс, называем мы их.

— Здорово. Такого я еще не слышал. Два брата смотрят друг на друга через ледник.

Переглядываюсь с Ситой, улыбаюсь альпинисту:

— Быстро схватываешь. Именно так гласит легенда.

— Спасибо, Юрий Сергеевич.

— Да не за что.

Уходим, оставив парня разглядывать величественный пик Тенгри.

Возле вертолета вижу команду из Чехии, и издалека радостные крики:

— Юрка, привет!

Ускоряю шаги, это же — мои чехи! Так прозвали команду, которой пришлось ночевать у меня в подъезде в спальных мешках прямо на лестничной клетке. Потому что я ошибся со временем прилета и ждал их в аэропорту, а они меня — дома у закрытой двери. Не растерялись, достали мешки и легли спать. Приезжаю под утро и вижу картину маслом: подъезд, четыре спальника, костерка не хватает.

Обнимаемся с жизнерадостными чехами, они уже знают, что я закрыл маршрут, но смеются вместо того, чтобы расстраиваться.

Ловлю себя на мысли, что смеюсь со вчерашнего вечера. Смеюсь, чтобы заглушить тревогу и чувство неминуемой потери, которое гонит меня в горы. Там что-то совсем нехорошее происходит.

Пока комендант лагеря размещает чехов, собираюсь и ухожу. Но за крайними палатками меня нагоняет Женька.

— Юр, осторожнее там. Говорят, странные тени видели. Бык не бык... Что-то рогатое. А еще следы, такие как возле поляков. Весь лагерь об ак-илбирсе говорит. Я б списал на галлюцинации, если б не у всех одно и то же. И это... прости, что взъелся на тебя. Я не знал, просто увидев вас с Аленкой вместе, вспылил. Не поверил. И...

Протягиваю ему руку, он ее крепко сжимает. Говорю в ответ:

— Я рад, что ты нашел силы поверить. Но кто тебе сказал?

— Сита. Он не спал, оказывается, в ту ночь. Вчера в баре разговорились. Он мне все рассказал.

Сита... Теплое чувство благодарности разливается в груди. А Женька вдруг сгребает меня в охапку и хлопает по спине:

— Черт везучий, иди и разберись, что там происходит. Когда ждать тебя назад?

— Послезавтра к вечеру. Я взял рацию, но если что... Ищите меня ниже Важа Пшавела. Я выше не пойду.

— Хорошо, барс. Иди. Я буду ждать тебя здесь, как в тот день, когда ты первый раз спустился к людям с Хан-Тенгри.

Вздрагиваю и смотрю в голубые Женькины глаза. Он тепло улыбается. Знает? Понял? Или просто так вырвалось под наплывом чувств? Не спрашиваю, киваю и ухожу по леднику на юг, к Победе.

* * *

Минуя пустующий лагерь номер один и иду по льду Дикого. Здесь меня уже не видно. Останавливаюсь, оглядываясь на долину. Могучие хребты Тенгри-Таг и Кокшаал-Тау смотрят друг на друга через ледник. Захватывающая дух панорама безмолвного величия. Тишина. Яркое солнце. Ветер молчит. Горы ждут меня. Чувствую, как соскучился Хан. Я — не меньше. Ненужный рюкзак, теплую куртку и снаряжение скинул возле крайней палатки. Найдут их там, конечно, в случае чего. Испугаются: вещи тут, а человека нет. Но я постараюсь, чтобы «чего» не случилось. Жду ответа от горы, но она молчит. Что же происходит? У меня дома — на Хан-Тенгри — все тихо и спокойно. Почему же брат молчит? Какое-то

чужое движение, незнакомое, опасное и темное. Скользит в трещинах, ползет змеей вдоль троп. Мерзкий чужак, что тебе нужно в моих горах?

Смотрю на вершину Хан-Тенгри, пирамидой врезающуюся в небо, шепчу ее имя, ее настоящее имя, и свет солнца проходит сквозь меня, уничтожая мою тень. Теперь я свободен и не связан человеческим телом. Слышу тоскливый зов брата с вершины Победы. Белым барсом мчусь вверх, не оставляя следов, перемахивая через расщелины и пропасти, замечая следы людей на диких тропах, ощущая опасность и тревогу, и чужой недобрый взгляд.

Пещера под пиком Важа Пшавела. О ней люди не знают. Она под толстым слоем вечного льда, прохожу сквозь него в синие чертоги брата:

— Хан!

Он лежит, не двигаясь, большой белый барс без пятен, с темными подушечками лап. Точно такой, как я.

— Брат? — осторожно подхожу ближе, перешагивая через красные пятна крови, такие яркие на светлом льду. Трогаю лапой бок Хана, чувствую, что он пока жив.

Брат приподнимает голову, и два синих глаза вспыхивают на белой морде:

— Ты пришел, Тенгри? Хорошо. Я думал, люди не отпустят тебя. Думал, не дождусь и уйду один. Зря мы их пустили сюда, брат.

Сажусь человеком в белых одеждах рядом с ним и глажу по голове:

— Кто это сделал с тобой?

— Бык. Он пришел за людьми. Это они его привели! — Хан рычит, и горы вздрагивают, с Дикого падает лавина, над пиками взмывают вверх облака, вскипает вода под ледником.

— Спокойно, Хан. Люди не водятся с духами. Они в них не очень-то верят.

Брат переворачивается на спину, лапами вверх, вижу рваную рану на его боку. Пропоротую чем-то острым грудь, перебитую лапу. И не могу в это поверить. Духи неуязвимы и бессмертны. Он читает мои мысли, медленно принимает облик человека и мысленно отвечает:

— Мы не справились. Нас послали охранять горы. Ты помнишь, брат? Белый мир, такой тихий, такой прекрасный. Тысячи лет мы стерегли его покой. Но пришли люди, с веревками, крючками, ледорубами. Полезли на священные высоты. Шумят, гадят кругом, мусорят. Мерзкие, мерзкие создания. А за ними пришли их мерзкие низинные духи, что вьются рядом с ними и питаются их отбросами. Давай сбросим их всех? Зачем ты уговорил меня помогать им? — глаза брата тускнеют, лицо становится прозрачным, чуть слышно шевелит губами. — Я ухожу. Прощай. Я вижу твои мысли, ты будешь драться за них. Быка не победить. Он тут и там... сразу.

Хан рассыпается на сверкающие искорки и исчезает. Закрываю глаза и сдерживаю крик, что рвется из груди. Там внизу десятки людей, нельзя кричать, горы убьют их. Нельзя. Сжимаюсь в комок и молча кричу, беззвучно. Гора вздрагивает, глыбы снега падают с вершины. Ушел брат. Но я знаю: не удержит смерть бессмертного духа, не бывать такому.

Надо спросить у гор, что тут произошло. У снега и камней. У вечного льда. Пусть расскажут. Выхожу из пещеры сквозь ледовую завесу, взлетаю в несколько прыжков на пик. Осматриваю свой дом за облаками. Спрашиваю. Скалы и льды вздыхают, отвечают, отдают свои тайны. И я вижу, что здесь произошло.

Двуногий черный бык пришел не так давно. Пришел вслед за людьми. Издалека. Рыщет по горе, брат его останавливает, но бык не слушает, отмахивается и переходит из мира духов в мир людей. Шатается по склонам, рогами-кинжалами веревки рвет, сталкивает камни и ледовые карнизы на восходителей, мерзко ухмыляется. Вызывает темные тучи и холодные ветра. Что за тварь?

Брат несколько раз перехватывает его, сражаются, но бык легко переходит из мира в мир и нападает там и там. Вот о чем говорил Хан! И вот почему он погиб. Переходя в мир людей, мы становимся такими же уязвимыми, как они. И такими же слабыми. Теряем часть своих способностей, пока снова не возвращаемся в мир духов. А брат отдал свою силу, всю до капли, едва хватило добраться до логова.

Задумываюсь. Внимательно смотрю вокруг. Чужака нигде нет. Тишина, и где-то очень тихо кто-то зовет меня. Осматриваю поток ледника и понимаю, почему поляки до сих пор в коме. Вот они, их жизни, сидят тут, вмерзшие в лед. Вчера Хан хотел их спасти, кинулся белой стрелой между быком и людьми, прикрыл своим телом, отдал силу, не дал замерзнуть... Ждал, пока я приду и найду их. Истекал кровью вместо того, чтобы перейти в мир духов и спастись. Не уберег тех, что вчера сорвались, не мог разорваться между ними. Не знал, кого же стоит охранять. А мне сказал, что у него все в порядке. Эх, брат!

Прыжком слетаю с карниза и несусь вниз в долину. Люди меня не видят, может, заметят, как поземка бежит по льду с исчезающим следом и только. Прихожу на наши вчерашние раскопки, теперь я знаю, откуда здесь столько крови, выдергиваю из небытия замерзшие души, они смотрят на меня детскими беспомощными глазами, не знают куда идти и что делать. Врата на небе не открылись, а тел для жизни рядом нет. Показываю им дорогу, они взмывают к вершинам и исчезают серебристыми полосками. Облегченно вздыхаю, знаю, что польские альпинисты теперь спасены. Кажется, с этим покончено, пора разыскать быка, где же он прячется?

Внезапно меня сбивает с ног, кувыркаюсь по снегу и вскакиваю. Черный дух навис надо мной, рога острые, как два гнутых меча. В глазах адское пламя. Неужто сам дьявол? Зачем пожаловал?

Отвечать не собирается. Нагибает голову и несется вперед. Подпрыгиваю в воздух, и острые рога проходят подо мной, а я уже вскочил на спину быка и вонзил клыки в его шею. Падаю на лед, быка нигде нет, лишь неясная тень скользит вдоль морены. Ушел в мир людей.

Странный он какой-то, этот бык. Рассматриваю его следы, пытаюсь разобраться в ощущениях, пока бык не вернулся. Боль в нем, обида, ярость. Нет, это не дьявол, это что-то другое. Совсем другое. Не древнее,

что-то молодое и мстительное. Выскакивает на меня неожиданно сзади. Изворачиваюсь и кричу ему:

— Кто ты? И что тебе надо?

Пролетает мимо, тормозит на льду, катится и тут же разворачивается ко мне.

— Кто ты? — повторяю вопрос.

Тварь, кажется, немая, не отвечает, но останавливается и, нагнув голову, исподлобья смотрит на меня. Вижу его мысли. И невольно отступаю. Тысячи бычьих туш лежат передо мной до самого горизонта. Их принесли в жертву в честь праздника Гадхимаи у подножия нашего старшего брата — Джомолунгмы. Вспоминаю слова Беки об американском альпинисте, и головоломка складывается! Да, брат прав, за людьми пришел сюда бык. В слепой ярости мстил и уничтожал всех, кто был там. Преследовал от самых Гималаев. Но там, в Гималаях, ярость духов обрушилась не на тех людей. И здесь — тоже. Даже тот парнишка из интернета попал под эту слепую месть, а его и рядом не было в Непале. Пытаюсь быку объяснить, что альпинисты животных в жертву не приносят. Но он слишком недалек. Он — лишь дух животной ярости. Он не понимает. И не хочет понимать.

— Уходи. Это мой дом. Уходи.

Считает, что я заодно с теми, кто породил его. И кидается вперед. Катимся по льду, но все мои попытки свернуть ему шею бесполезны. Мы — духи. Мы неуязвимы. Он выскакивает в мир людей, исчезая у меня из-под лап, вижу теперь лишь его тень на гранях мира. Пытаюсь напасть на нее — бесполезно. Кувыркаюсь через голову и, став человеком, сразу ощущаю холод, идущий от ледника — тонкий свитер не спасает. Бык и здесь лишь тень, скользящая вдоль расщелин. Ну, породили тварь своими обрядами!

Черная тень идет на меня в атаку, хватаю его за рога, они осязаемы! Руки сжимают толстые костистые изгибы снизу, там, где нет острых лезвий. Заворачиваю ему голову, слышу треск, бык вырвался, и острый рог прошел в миллиметре от моего бока, отпрыгиваю и по барсьей привычке взлетаю на спину быку. Катимся по снегу, тварь исчезает из моих рук, уйдя снова в мир духов. Да как же с ним справиться?

Бык делает то, чего я не смогу никогда. Он атакует мою тень в мире духов, и я здесь, в мире людей, падаю от удара. Если он попадет в меня рогом, мне конец. Вскакиваю, на грани восприятия чувствую, что он где-то рядом, прыгаю как безумный из стороны в сторону — нет, долго я так не протяну. Резкая боль пронзила плечо, отлетаю в сторону, и красные брызги покрывают снег вокруг. На руке рваная рана, перед глазами неясная рогатая тень, кувыркаюсь через спину, и вот мы оба — раненый барс и черный бык — стоим друг пред другом в мире духов. И я вижу кое-что: у быка обломан рог. Мне удалось это. Усмехаюсь, он, кажется, тоже устал. Мычит, нагибает голову и идет в атаку; отпрыгиваю, кувыркаюсь и падаю на черную тень уже в мире людей. Падаю барсом. Вгрызаюсь в черную шею, победа близка, но... он ускользнул, каким-то образом полностью уйдя в мир духов. Оглядываюсь по сторонам, рычу, хвост разметает снег, быка нигде нет. Если он сейчас кинется на меня там, я обречен.

В небе блестит яркий сполох. И рядом в снег падает что-то стремительное. В тот же миг я вижу черную тень, но слишком поздно — лезвие рога сверкает на солнце, успеваю только вскинуть лапу для удара и... Белая молния сверкает меж двух миров, сбивает быка в сторону. Не раздумывая, кидаюсь на черную тварь и ударом здоровой лапы сворачиваю бычью шею здесь в мире людей. Пока неожиданный помощник держит его сразу в двух мирах. Под тушей появляется мой брат Хан, улыбка на застывшем лице, кровь на снегу и белом свитере. Он снова ранен. Не удержала тебя смерть в первый раз, не удержит и во второй! Я не позволю. Не отдам на этот раз.

Сталкиваю тушу быка в сторону, и она красным туманом исчезает из обоих миров. Поднимаюсь на задние лапы и становлюсь человеком.

— Хан?! — склоняюсь над братом, ощущаю его дыхание.

Поднимаю на руки. Хан сделал то, что делал всегда: встал между опасностью и жертвой, принял удар острого лезвия на себя. Вернулся с удвоенной силой, чтобы помочь мне. Не ощущаю его тяжести. Иду с ним вниз по склону. Как мы тут оказались? Были же на леднике.

Иду слишком медленно, надо быстрее... Быстрее... Еще быстрее. Рыхлый снег вокруг, впереди лагерь номер один, но там нет людей. Мне никто не поможет. Я могу перекинуться в мир духов, но Хан не может, он без сознания. Пока очнется — умрет человеком. Снова умрет. Не хочу видеть это опять. Падаю в снег. Правую руку пронзает боль, я сгоряча забыл о ране, и она дала о себе знать.

Поднимаюсь, взваливаю брата на плечи и иду вниз.

Зеленые круги перед глазами, солнце слишком яркое. Снег пронзительно белый, пятна кругом. Кровь стучит в висках, иду к ярким куполам палаток, все странно шевелится в лагере. Кажется, я узнаю, что такое высокогорная галлюцинация. Трудно быть человеком. Усмехаюсь и упрямо шагаю дальше.

Из лагеря ко мне навстречу бегут люди. Реальные такие. Я всегда думал, что галлюцинации менее зрелищные. А тут всё как настоящее: Женька, Сита, Бека. О, Борис с Алексеем. Удивительно. Продолжаю шагать. Навстречу такому реальному видению.

— Юрка, живой! — Женька первым подбегает ко мне. — Мы не знали, что думать, когда твой рюкзак нашли!

Смотрю на него и медленно оседаю в снег. Осторожно снимаю брата с плеча. Ребята окружают меня, слышу встревоженные вопросы о лавинах, сошедших за последний час, красном тумане в горах и чудовищном рыке. Сита садится рядом и берет за плечо:

— Юра, да ты слышишь нас? — слегка встряхивает меня. — Кто это? Кого ты принес? Откуда? Там же на горе никого нет?

Не отвечаю ему. Медленно доходит, что ребята настоящие. Обвожу их взглядом, они оторопело смотрят на Хана, ничего не понимают. Мы с братом очень похожи, как и положено братьям. Тихо спрашиваю:

— Андреич с вами? — было бы слишком хорошо, если б и врач пришел.

— Нет, — Женька приседает на корточки рядом со мной, смотрит на

разорванную окровавленную одежду Хана, осторожно отводит рукой в сторону обрывки одежды, рана ужасающая. Начальник не теряется:

— Носилки сюда, быстро!

И когда Борис с Алексеем бросаются назад в лагерь, он спрашивает:

— Кто это, Юра?

— Мой брат — Хан.

— Э? — Борода вопросительно смотрит на Ситу, Сита пожимает плечами и странно улыбается. Словно догадался о чем-то, но говорить не спешит.

Бека щурит глаза, тихо рассуждает:

— Если он — твой брат Хан, то... ты — Тенгри. Как такой может быть? Это — жомок, как по-русски жомок?

— Сказка, — нетерпеливо подсказывает Сита, и добавляет: — а Бека прав. Получается, что ты — горный дух. Да мы слепые были! Чуйка, погода всегда налаживается, лавины останавливаются, несчастья отступают...

— И я думать всегда, какой-такой Юрка странный, — Бека смотрит на меня с почтением, — дух гор... ак-илбирс, — и шепчет на киргизском полузабытые слова обращения.

Чувствую бекину веру, и от этого сам становлюсь сильнее, мощь гор поднимается от скал, бежит по венам, растекается по телу. На глазах у друзей рана на моем плече исчезает, кровавые пятна растворяются, и свитер сверкает первозданной белизной. Жаль не могу брата сейчас вылечить. Нет у меня таких способностей.

Ребята суеверно отступают на шаг. Сита сдерживает вздох, Бека испуганно замолкает. Женька вздрагивает, но не отодвигается, смотрит на меня пристально, как тогда на леднике, когда поляков откапывали:

— Мы вчера следы Хана видели?

— Да, он спас тех ребят.

— Угу, — Женька мычит что-то в бороду, затем неуверенно спрашивает: — твое настоящее имя — Тенгри, как в легенде?

Улыбаюсь в ответ.

Борода вглядывается, будто ищет ответы в моих глазах:

— Эх, Юрка, Юрка. Я всегда думал, что с тобой не так. С первой встречи на Хан-Тенгри думал, когда ты ниоткуда появился позади меня. Прямо из барсьих следов. Что ж ты столько лет молчал?

— А ты бы поверил?

— Наверное, — начальник встает, и резко командует: — быстро тащим Хана до площадки, некогда рассиживаться!

Ребята подхватывают Хана, хотят нести вниз, но уже подходят Борис с Алексеем, укладывают брата на носилки и несут в базовый лагерь.

Поднимаюсь на ноги, смотрю им в след. Женька останавливается, оборачивается:

— Ты остаешься? Брата куда? В Каракол?

— Нет. Брат без горы не может. Обработайте раны, окажите первую помощь. Он придет в себя, возьмет силу гор... Только не мешайте ему и верьте.

Борода молча кивает. Потом стоит несколько мгновений и шагает ко мне. Протягивает руку для прощания, я жму ее в ответ:

— Иди, барс. И возвращайся скорее. Сам знаешь, дел много. А что с маршрутом?

— Путь открыт. Можно подниматься. Хан разрешит.

— А ты?

— Я уже давно разрешил.

Улыбнувшись, отступаю от друга, и свет солнца проходит сквозь меня. А Женька остается смотреть, как легкая поземка заметает следы барса, убегающие к вершине.

Словарик

Тенгри-Таг — горный хребет Тянь-Шаня; наивысшая точка хребта — пик Хан-Тенгри.

Ледовый поток — имеется ввиду крупнейший на Тянь-Шане ледник — Иныльчек.

Пик Хан-Тенгри — высота 6995 м. По последним данным — 7010 м, но считается, что это неточность из-за ледовой шапки.

Пик Победы — самый северный семитысячник мира. Высота 7439 м. Расположен в 16 км от Хан-Тенгри.

Албасты — злой дух. Встречается в легендах разных народов. У киргизов албасты приписываются «удушения» спящего человека, а так же разные необъяснимые происшествия.

Перевал Дикий — ледовый перевал между первым и вторым лагерем. Опасен частыми сходами лавин.

Ледник Звездочка — неофициальное название части ледника Южный Иныльчек, в месте его слияния с ледником Пика Дружбы.

Снежный Барс — звание в альпинизме. Дается за покорение пяти высочайших вершин СНГ, не путать со званием «снежный барс России».

Пик Важа Пшавела (западная Победа) — высота 6918 м., находится на классической трассе восхождения на Победу перед 6-м лагерем.

Гадхимаи — фестиваль Гадхимаи проходит раз в пять лет. Во время праздника приносятся в жертву тысячи крупных и мелких животных. В 2014 г. было забито 250000 буйволов в этот праздник.

Вершина К2 (Чогори) — высота 8 611 м. Вторая по высоте после Джомолунгмы, но по сложности восхождения намного труднее.

Землетрясение в Непале 2015 года — сильнейшее землетрясение за столетие, унесшее около 8000 жизней.

Ак-илбирс (кирг.) — дословно: белый барс. Синоним горного духа, символ свободы и красоты дикой природы Киргизстана.

Александр Сержан

СЕРАЯ ГОНЧАЯ

Он, конечно, виноват. Но он — не виноват. Не виноват Никитин в том, что кобель. С природой не поспоришь. Никитин и слабый пол испытывают друг к другу неразделенные чувства. Даже Клавка его, как с другой бабой застукает, то сперва по фейсу настучит, а через девять месяцев уже следующую девчонку рожает. Провал операции «поход налево», бросок через бедро об радиатор центрального отопления, чемодан перед закрытой дверью, неделя холостяцкого загула, цветы, слабое женское сердце, «Клавочка-Димочка», девять месяцев, дочь. Еще одна. Жена, три дочери, теща. Чем больше в доме женщин, тем сильнее толкает бес мозолистое ребро. Замкнутый круг.

Но я-то здесь причем? Каким боком меня касаются страсти-мордасти четы Никитиных? Почему из-за лилового уха и присыпанного крахмалом фингала должен накрываться тазом чужой выходной?

— Хорош, нечего сказать, — начальник закончил разглядывать хохлому Димкиной физиономии, покачал головой и сочувственно поинтересовался: — Чем это она тебя так? Трактором переехала?

— Лучше бы трактором! — ввернул я. — Уборки меньше!

Все в автопарке знали, что Димкина Клавка мастер спорта по самбо, и что перед каждым секосом, в результате которого на свет появляется новая Таня, Маша, Вера, Никитин выкидывает на свалку разбитую мебель.

— Да чего вы? — зашмыгал Димка разбитым носом. — Я в этот раз совсем ни при чем...

— Угу, — тут же согласился начальник, — и в прошлый раз был ни при чем. И в позапрошлый...

— И когда женился на Клавке, — напомнил я, — ты тоже был ни при чем!

Никитина я не жалел. Весь парк наблюдал за выражением Клавкиного лица, когда девица прилюдно повисла у Димки на шее. Сам-то я не видел, но ребята рассказывали. Это каким надо быть отморозком, чтобы изменять мастеру спорта по самбо у нее на глазах?

— Вот что я тебе скажу, Никитин! — с ударением на фамилию заключил начальник. — В рейс с нынешней рожей можешь пойти только одним путем!

— Каким, Виктор Семенович? — с надеждой посмотрел на него Димка поверх фингала.

— Через мой холодеющий труп! — взорвался Семеныч, грохнув кулаком по конторке. — Знал же, стервец, чем твои шуры-муры заканчиваются, так нет же — прямо перед женой лобызания устроил! И не ври мне! Сам видел!

— Да она сама..., — начал, было, Димка, но Семеныч махнул на него рукой.

— Да иди ты... Сама...

— Антонов, — усталым голосом обратился ко мне начальник. — Выручай, а? Ведь никто кроме вас двоих эту «Борзую» водить не умеет! А у нас заказ! Корпоративный выезд, чистый нал...

— Виктор Семенович, — подобрался я, услыхав волшебное слово, — ничего не получится! У меня театр завтра. Утренник. Дочери обещал!

— Ну, хочешь, я вам билеты в цирк организую? Вместо утренника...

— Да ты что, Семеныч? — испугался я. — Моя бывшая мне самому цирк устроит! На две недели ребенка лишит!

— А давай я ей позвоню, а? — не сдавался начальник.

— Не вопрос, звони! — подыграл я, вытаскивая мобильник. — Только помни, что Катьке мороженное и газировку нельзя. От первого у нее диатез, а от второго — газики могут образоваться. Мамаша тебе этого не простит.

— Что значит — не простит? — изумился Семеныч.

— То и значит, что раз я в рейс ухожу, то Катерину на утренник сам поведешь, — объяснил я и потянулся в боковой карман. — Я тебе сейчас контрамарочки выдам...Где-то они у меня тут были...

— Какая же ты сволочь, Антонов! — укорил меня Виктор Семенович. — Ведь знаешь, что по воскресеньям у нас с Колькой рыбалка!

— А ведь верно..., — вспомнила сволочь внутри меня, — у вас же самого есть сын...

И тут же весело решила проблему:

— Тогда все отменяется! В смысле — корпоратив, чистый нал и все такое! Я дочери утренник обещал, ты — сыну рыбалку.

— Никитин, а ты чего здесь отсвечиваешь? — неожиданно развернулся Семеныч к понурому Димке. — Пшел вон! Чтобы я тебя неделю в автопарке не видел!

— Да как же это, Семеныч? — плаксиво начал Димка. — Нет у меня денег неделю за свой счет болтаться!

— Черт с тобой! — сжалился начальник. — Пойдешь в ремзону гайки солидолом смазывать. Хоть какой прок с тебя выйдет. Запишем по среднему. Дуй давай!

— Спасибо, Виктор Семенович! — крикнул обрадованный Димка и выскочил за дверь кабинета.

Начальник отсутствующим взором посмотрел в окно и сделал мне предложение.

— Десять процентов.

* * *

Спустя пять минут, выторговав себе пятнадцать процентов чистого, хотя и левого, нала, я покинул кабинет. Забрал в конторе путевые листы и прочую волокиту и только собрался идти к гаражу, как наткнулся на Димку.

— Алексей, — загородил он мне дорогу, — Мне в этот рейс позарез нужно. Не хочу домой возвращаться...

— А чего тебе возвращаться, спи в ремонтной. Там и душ есть, и туалет. И даже топчан. Все удобства, живи — не хочу.

Я попытался пройти его напрямик, но Никитин словно прирос к асфальту.

— Не пущу! — завопил он, растопыривая руки. — Я этот заказ три месяца ждал! Понимаешь?

Чего это он так разволновался? Я выхватил из стопки заказ, пробежал глазами и, осознав ситуацию, треснул всей документацией по самому больному месту. В смысле — по Димкиной голове. Она у него точно больная.

— Да ты через три минуты коньки отбросишь с такими пассажирами! — заорал я, надвигаясь на него подобно карающей Немезиде. — От гидроудара. Который сразу после спермотоксикоза. А у тебя жена! Дети! Теща, наконец!

Листок заказа гласил: « ...корпоративный выезд на турбазу «Долгое» представителей чирлидерского клуба «Новые амазонки». Представляете? Фингал с ушами еще не прижились, а губу уже раскатал!

— Чем у тебя так воняет? — осведомился я, дотащив Димку до цели и открыв дверь автобуса. По тону моего голоса Никитин понял, что все кончено и «Серая гончая» уйдет без него.

— Воняет? — прогудел он убитым голосом.— Не знаю. Может, конфетами? Представителей области на кондитерский комбинат возили.

— Чего не проветрил? — укорил я.

— Да проветривал. Наверное, кто-то подарки забыл.

Мы отправились бродить по салону, искать забытые «подарки». И вскоре нашли.

— Забирай! — милостиво уступил я, вытаскивая из-под сиденья 11В объемный пакет кило на шесть. — Клавке по одной будешь скармливать, глядишь, и простит через год-полтора!

— Сволочь ты, Антонов! — устало, безо всякой злобы попрощался со мной выдохшийся Никитин, беря пакет. — Чтобы ты себе левое колено расшиб!

— Жене мое нижайшее! — крикнул я, закрывая рычагом входную дверь. Та с хрустом перерубила Димкин ответ пополам, и в уши попало только «Да пошел ты на...»

* * *

Умели, умели раньше делать технику! Два яруса, серебристо-серые борта с летящим барбосом породы гончих, автобус Дженерал Моторс образца девятьсот пятьдесят седьмого года имел официальное название «Сценикрузер», что в переводе означает «Театрал — бродяга».

Понятное дело, что никто из шоферюг не желал кататься на «Театрале», чтобы не выслушивать вечное «Куда уехал цирк? Он был еще вчера!», а потому на вопрос — «Что за пепелац?» мы отвечали небрежно: «Серая гончая!», чем вызывали определенное к себе уважение.

Наш пепелац долгие годы трудился на американских капиталистов, прежде чем попасть в Германию, а там быть выкупленным охочим до автоэкзотики руководством и начать свою Российскую автокарьеру. Я вам так скажу: «Бродягу», откатавшего без малого семь миллионов километров по скоростным автострадам, нисколько не смутили ни наши дороги, ни дураки. Ему было совершенно наплевать на обе национальные особенности. Два дизеля, лишенная синхронизаторов коробка,

неубиваемая пневмоподвеска и межсервисный интервал в пятьдесят тысяч километров — Катькины внуки своих детей катать будут!

Конечно, за все хорошее надо платить. Димка не зря возжелал разбить мое левое колено. Знаете, что такое коробка без синхронизации? Это двойной выжим педали сцепления при каждом переключении и танец с бубнами для исполнения заднего хода. Могучая пружина сцепления так накачивает ногу, что к концу рейса можно смело перешивать левую штанину на два размера больше. Вот поэтому и пятнадцать процентов!

Ворота открылись, я прокачал дьявольски тугую педаль и величаво тронулся в путь.

* * *

Парадную клуба «Новые амазонки», делившего помещение краеведческого музея еще с пятком заведений, видно издалека. Мимо кучки девчонок, чьи стройные ножки росли прямо из-под коротеньких юбок, проехал бы только слепой. Я эффектно осадил «Серую гончую» возле самой рыжей красавицы и повернул рычаг двери.

И даже успел изобразить коронную улыбку и воскликнуть — «Эх-прокачу!», прежде чем вход перегородила еще одна дверь. Вся из себя квадратная, метр девяносто по диагонали, и весом под центнер.

— Я те «прокачу»! — гаркнула дверь басом Жоры Полунина. — Хорош скалиться, документы показывай!

С Жоркой, охранником «Новых Амазонок», лучше не спорить. Это такой псих, что совершенно не понимает никаких шуток, а потому я молча протянул ему кипу бумаг.

— А где Димка? Я думал, сегодня его смена.

— Клавка застукала. С бабой. Опять.

— От дурак! Чего ему в семье не живется?

— Когда можно загружаться? — спросили сзади.

— Здравствуйте, Павел Васильевич! Вы уже пять минут назад могли загрузиться.

— Багажник откройте, пожалуйста, — попросил руководитель клуба. — Тот, который сзади.

— Как раз задний открыть не могу, — отрезал я, — У меня ключа нет, он у Никитина на шее висит. Вместо распятья.

— Послушайте, Алексей, ваши шутки совершенно неуместны. В прошлый раз, когда мы выезжали на пикник, мой баул был полностью забит пылью и...

— Не надо волноваться, вас здесь всего пятнадцать человек на сорок пять посадочных мест. Смело заносите вещи в салон!

— Алексей, видите ли, тут такое дело, — интимным полушепотом начал объяснять Павел Васильевич, — дорога не близкая и я опасаюсь, как бы девочки не начали злоупотреблять алкоголем...

— Во время поездки распитие спиртных напитков запрещено! — строго указал я на жестяную табличку с правилами пользования туалетной

кабинкой. Ее привинтили туда еще в Германии, и крупно выведенное «Ахтунг» вполне могло запретить всякие дринки на борту.

В ответ Павел Васильевич страдальчески махнул рукой и крикнул забытым девчонкам:

— Заходим, барышни!

* * *

Серая гончая» урча и мягко покачиваясь вылетела на пригородное шоссе. И раньше чем я добрался до четвертой передачи, за спиной началась грандиозная пьянка.

Виски мешалось с пивом и разбавлялось воплями пополам с эсэмэсками. «Вы где?» «Бухаем!» «И как?» «Ваще!». А-ха-ха-ха!

Рыжая девица, я украдкой подглядывал в салонное зеркало, так как очень неравнодушен к рыжей породе, бесстрашно присасывалась к пивной бутылке после каждой опрокинутой по назначению стопки. После пятого опрокидывания мне стало грустно, и я мысленно задернул зеркало траурной тканью. О, времена. О, нравы...

* * *

— Дышит? — спросил я Жору, который поднимал Рыжую, опрокинувшуюся на пол вместе с последней стопкой. Воистину, как говорил классик, на свете не известны только две вещи. Что будет после того, как мужчина выпьет в первый раз в жизни, и что будет после того, как женщина выпьет в последний...

Мы стояли на технической остановке, так как дам потянуло в соседний лесок припудрить носик. Всех. Сразу. А туалет на борту был только один. Уйти сумели все.

Не повезло только рыжей. Падала из верхнего салона уже в бессознательном состоянии. Бог миловал. Шею себе не свернула и то ладно.

— Знаете, Павел Васильевич, — решил я, — мне это все очень не нравится. Я ее в таком виде дальше не повезу. Хотите — стреляйте, хотите — жалуйтесь.

— Алексей, но что же делать? — отчаялся Павел Васильевич.

— Что делать, что делать.... Впереди мотель будет, там и оставим.

Руководитель клуба «Новые Амазонки» укоризненно покачал головой и согласился.

* * *

Когда над вами нависает квадратный шкаф с диагональю метр девяносто, трудно найти аргумент не давать ключ от номера для очень выпившей девушки. Мы с Жорой устроили Рыжую со всеми удобствами, то есть с пачкой аспирина, двумя литрами минералки и тазиком. С чувством выполненного долга вернулись в автобус, где я в ожидании Павла Васильевича, ушедшего на поиски своих подопечных, принялся убирать салон. Пивные бутылки, газетные клочки, раздавленные помидоры, семечки, чипсы. Я отпер туалет, и нашел там еще две пустые бутылки.

Одна — со следами ярко-красной помады. Только у Рыжей была такая. Яркая, почти вызывающая. Украдкой обернулся на дверь, взял бутылку, принюхался. Странно. Ничем не пахнет. Даже пивом. Вымыла она ее, что ли? Наверное, чистюля по жизни. В сосиску пьяная, а посуду за собой вымыть — святое дело. В антиалкогольном варианте хорошая жена получилась бы. Ответственная.

* * *

Заколдованное это место. После него в салоне всегда наступает тихий час до самой базы. Сколько уже этих выездов было, кого только не возили, а расписание всегда одно и то же. Сначала дым коромыслом, а потом хоть из гаубицы под ухом пали — никого не добудишься.

Хорошо идем. Размашисто. Как ладный корабль по морю. Фары выхватывают прячущийся в вечернем тумане проселок, гудят могучие дизеля, пищит где-то надоедливая морзянка.

— Да выключи ты эту хрень наконец, — недовольно бурчит проснувшийся Жора. — Только засыпать начал...

— А это не у меня, — говорю. — Это у кого-то телефон сзади пищит. Сходи, проверь — кому не спится в ночь глухую...

Жора человек военный. Пусть и бывший. Дай такому конкретную цель, укажи направление, он и пойдет. И сделает все, как надо.

Грохот упавшего тела лишний раз подтвердил, что чем больше шкаф, тем громче он падает. Я щелкнул тумблером ночного освещения и бросил взгляд в салонное зеркало. Скупо подсвеченный синими лампочками Жора выглядел таким одиноким в узком проходе, что я сразу ударил по тормозам. Инстинктивно, конечно, а вовсе не потому, что решил его пожалеть и уронить сверху пару-тройку девочек для компании. Серая гончая» остановилась на обочине гравийного полупроселка, что партизанскими тропами вел к базе отдыха. Возле павшего Жоры мы с аптечкой оказались первыми и единственными. Немного нашатыря приподняли бравого майора, позволив обойтись без домкрата.... Как сейчас помню: в призрачно-синей подсветке мертвеет широкое лицо, глаза выражают ужас, дрожащая рука показывает в направлении пикающей коробочки.

Опутанная проводами, мигая красными огоньками, она была прикручена снизу к сиденью номер 11В. Вместе с тремя прямоугольными брусками неопределенного цвета.

— Развлекаетесь, мальчики? — сонно раздалось сверху. В проход склонилась девичья головка.

— А чем это у нас так пахнет? М-м-м... Марципанчиком! Не буду мешать, проказники, только дайте пройти в туалет, а то я сейчас описаюсь...

И вот тут меня накрыло по-настоящему. Страх мощной волной сокрушил диафрагму, до краев наполнив гортань сухой отвратительной рвотой.

Марципан. Запах пластита. Запах смерти. Я никогда не видел его прежде, но знал, что взрывчатка на желатиновой основе должна пахнуть марципаном.

«Си-4?»

«Сэмтэкс. Это чешский», — выхватывает память давно прочитанные строки. Да, память. Обычно полусонная, задавленная бытом, в такие моменты она оборачивается библиотекой прожитых лет. Литр адреналина, и четкость воспоминаний может поспорить с телевидением высокого разрешения. Катенька, мама, отец, друзья, бывшая, подруга, подружки... Яркий хоровод образов кружит голову, затягивая стонущее горло тугой петлей ужаса.

Хлесткий удар по щеке проясняет сознание. Это Жора. На широкой ладони маленькая таблетка.

— А ну! Быстро!

Крошечная доза химикатов затягивает страх обратно в пупок.

Сознание начинает крутиться в деятельном поиске выхода.

— Что за дрянь? — спрашиваю Жору.

— Тебе лучше не знать, — отвечает Полунин.

Передо мной бывший майор вооруженных сил. Рассудительный. Деятельный. Успевший, по-видимому, принять на широкую грудь целую горсть волшебных таблеток.

* * *

У каждого свой порог. Собственный предел возможностей. Десять килограммов пластита оказались для Жоры его персональным рубежом, после которого организм сказал — «Ша!». Полунин прикрывал отход своей группы. Последнее, что он помнил, были чудовищной силы взрыв и куски человечины, хлещущие по спине. В живых не осталось никого. Грузовик, который предполагалось использовать для эвакуации, был заминирован. Госпиталь. Долгое психиатрическое обследование. Комиссия. Пачка таблеток во внутреннем кармане. С трудом полученное место охранника клуба «Новые Амазонки». И личный дьявол, три года ждавший своего выхода.

* * *

— Откуда? Можешь себе представить? — спрашивает Жора, внимательно изучая адскую машинку под сиденьем 11В. Я не успел ничего ответить, как где-то над нами зазвонил телефон. К нему присоединился еще один. А через десять секунд салон буквально утонул в рингтонах самого разнообразного стиля. Никакая гаубица не способна так разбудить мертвецки спящую девушку, как музыка входящего вызова.

— Алло? Говорите, я вас слушаю! Кто это? Танька? Ты? Алло? Чего ты молчишь? Дура, блин! — неслось по всему автобусу.

— Что у вас случилось? — строго поинтересовался Павел Васильевич, нажимая кнопку отбоя.

— Ничего не случилось, Павел Васильевич, — изобразил Жора улыбку висельника. — Главное — без паники!

Павел Васильевич нагнулся полюбопытствовать, осознал увиденное, икнул и замер.

Телефоны заголосили вновь. На этот раз входящими сообщениями.

— Не поняла, — поперхнулась самая проворная из девушек. — Это что, шутка?

— «Умри, сука», — прочитала она вполголоса.

— И у меня такое же, — воскликнули в глубине салона.

— «Умри, сука», «Умри, сука», «Умри..», — нарастала волна недоумения. — Что это? Что?

— Это... это... бомба, — выдал военную тайну Павел Васильевич, и тут же кинулся к выходу. Немая сцена длилась мгновенье. Визжащий девичий поток рванул к спасительной двери, но Жора принял его на себя.

С таким же грохотом прибой разбивается о гранитный валун мола. Волна нахлынула, отпрянула и упала.

— А ну, тихо! — Полунин заорал так страшно, что на время заткнул даже морзянку. Но та скоро оправилась и зачастила уже с ускорением.

Мы с Жорой синхронно обернулись и увидели Павла Васильевича. Он несся по освещенной фарами дороге, и трель нарастала по мере его удаления от автобуса. Я никогда прежде не попадал под локомотив, но усвоил все быстро и сразу. Легко, словно пушинку меня смахнуло в сторону, когда Жора внезапно взял старт. Падая лицом в чьи-то роскошные коленки, я услышал его зычный, затихающий вдали рев.

— Никому не покидать автобус! Взорвемся!

Размышлять времени не было. Я мигом вскочил на ноги, прыгнул к своему сиденью и в мгновение ока сорвал гончую с места. Чем быстрее мы приближались к Павлу Васильевичу, тем медленнее пищала морзянка. Меня опередил Жора. Вернее, чей-то баул, который он захватил с собой. Запущенная баллистой его могучей руки, тяжелая сумка пролетела шагов тридцать и, найдя затылок Павла Васильевича, отправила последнего в глубокий нокаут. В принципе сам руководитель был нам не нужен. Понятное дело, что пикающая коробочка не могла реагировать на отдельно взятое убегающее тело, если у этого тела не имелось при себе какого-нибудь специального датчика. Таковым оказался телефон. Появившись в салоне, он сразу снизил частоту морзянки до обычного метронома.

— Вопросы есть? — спросил Жора притихших девушек. Вопросов ни у кого не нашлось. Протрезвевший салон мгновенно усвоил, что покидать автобус с Айфоном Павла Васильевича на руках — смерти подобно. Эксперимента ради за дверь отправился я со своим телефоном,

и тут же был возвращен общей командой: «Назад!!!!». Орали все. Даже очнувшийся Павел Васильевич.

* * *

Жора подробно разъяснил план эвакуации. Оставляем мобильники на местах и быстро расходимся двумя группами. Первая идет обратно к шоссе, где перекрывает въезд на проселок и вызывает помощь, голосуя случайный транспорт, вторая перекрывает подъезд к автобусу со стороны базы. Никто и ничто не должно приближаться к заминированному пепелацу ближе чем на пятьсот метров.

— Так чего ждать, давайте сейчас позвоним и вызовем..., — нашлась одна недальновидная.

— Совсем рехнулась? — поинтересовался Жора. — Звонить рядом с взрывателем? Так, внимание, всем! Никому не звонить! Входящие сообщения и вызовы не принимать! И вообще, девушки, сдаем звонилки!

Никто из нас не спросил — «кто и зачем сделал «это». Уйти, бежать от готового взорваться в любой момент чудовища — было единственной мыслью. Одной на всех.

* * *

Я покидал автобус последним. Вздохнул, прощаясь с «Гончей», встал на ступеньку.... И тут за спиной зачастил метроном. Жора разбивал девчонок на партии в опасной близости от автобуса и если рванет.... Один или пятнадцать? Простая арифметика, не правда ли? Дизеля взревели сразу, едва я утопил кнопку запуска. «Только не подведи», — взмолился я, отпуская сцепление. Автобус не подвел, и Жоркин вопль быстро исчез в ночи. Едва стрелка спидометра дошла до тридцати миль в час, как бешеная трель за спиной успокоилась. Кино. Заминированный автобус, Сандра Баллок, крутящая баранку, минимальный порог скорости до взрыва — не вспомню сколько, и Киану Ривз, приказывающий «Ехай прямо». Все как в фильме «Скорость». За одним исключением. В России не бывает прямых проселков, где можно «Ехай прямо», и это грустно. Не выпрыгнуть. Остается держать скорость и петлять насколько хватит этого самого проселка.

* * *

— «И что это было?» — начало задавать вопросы сознание, успокоенное баранкой с рычагами-педалями.

В коллекционный автобус, стоящий в охраняемом гараже, пронесли несколько килограммов пластита вместе с хитрой музыкальной шкатулкой. Кому это потребовалось? Конкурентам? Так у нас единственное автохозяйство в области. До ближайшего автобусного парка шестьсот верст. Маньяку, возненавидившему чирлидерский клуб «Новые амазонки?» Может быть. Но зачем такие сложности? Подорвать могли без шума и пыли, к чему пугать огоньками и трелями? Все получили эсэмэски. Кроме меня и Жоры. А коробочка реагировала на все трубки без исключения.

«Кому-то потребовалось, чтобы автобус оказался пустым», — осенило меня в тот момент, когда мы с «Серой гончей» ввинчивались в крутой поворот. — «Со всеми средствами связи на борту. Время позднее, никто в этот час, кроме бешеных собак, ни с базы, ни на базу не ездит. До шоссе от места падения Жоры километров тридцать. Пока вызовешь помощь, часов шесть пройдет. Рано или поздно дорога приведет нас на базу, и все будет кончено.... «Вот черт!» — мы с «Гончей» даже подпрыгнули на кочке, от перевозбуждения. — «База!»

Турбаза «Долгое». Расположена на берегу прекрасного озера. Природа, охота, рыбалка. А кроме этого корпоративы, праздники, свадьбы — все

значимые гулянки населения нашего и трех соседних с ним городков проводились именно там. Вот где может быть конкуренция. Значит, берем пластит, радиовзрыватель, реагирующий на сотовые сигналы, заставляем пассажиров покинуть автобус и направляем последний с дураком водителем в это благословенное место. Бум! Я с хрустом переключил передачу. Какая чушь! С чего это затейники настолько уверены, что водитель больше дурак, чем трус? Вот взял бы я и кинулся куда подальше, с криком «Ложись! Рванет!» И потом, если я угнал автобус, спасая одних людей, то зачем же мчусь с «пламенным» приветом к другим? База-то полная — сезон...

«Так, давай сосредоточимся», — приказал я себе, — «Еще раз. Берем пластит и далее по списку, а потом начинаем играть в фильму «Скорость» с одним единственным водилой». Говорят, есть такие чудаки. Любят все натуральное. Восстанавливают баталии, ходят с мечами согласно сюжетам прочитанных книг. А что? Одни продвинутые читатели, используя Форсайтовскую книгу «Псы войны», в африкании вооруженный переворот устроили. Эксперты потом утверждали, что еще чуть-чуть — и это бы им удалось...

И вот тут я обеими ногами вжал педаль тормоза в пол. «Серая гончая» взбрыкнула, встала на дыбы и остановилась поперек дороги. Задний ход, как я говорил, включается с бубнами, чутье нужно так педалью сыграть, чтобы.... Вот. Получилось. С первого раза. Автобус рванул назад и въехал подвесным багажником в сосну. Не сильно. Так, чтобы изнутри крышку нельзя было открыть.

Не обращая внимания на морзянку, я подошел к сиденью, отломил кусочек «пластита» и храбро сунул его за щеку. Полностью соглашусь с Куином из Форсайтовского же романа «Переговоры» — у марципана слишком приторный вкус.

* * *

Пластит.... Да откуда? Проще сервировать стол бруском-другим марципановой массы. Той же кондитерской фабрики, что и найденные конфеты. Я отвинтил адскую машинку и основательно прощупал кресло. Автобус где только не ездил. И кого только не возил. Помню, с ребятами мы долго искали контрабандную заначку. Все перерыли, но кроме насмерть засохшей жвачки ничего путного не нашли. Вот только в кресла не заглядывали.

Что ж, злыдни. Если вам потребовалось кресло, то у нас их целых сорок пять штук. На любой вкус.

Я выволок кресло со свежепривернутым номером 11В и марципановой бомбой в ночь, сел за баранку и в два приема развернул автобус в обратном направлении. За ревом дизелей я не услышал, как хлопнула крышка багажника, но мне почудилось, как в призрачном свете взметнулась копна рыжих волос. «Моет после себя посуду», отметил я. Это из фильма одного. Название уже и не помню.... Там был один бар, где работали зазывалы-девчонки, которые обязаны были пить вместе с клиентами, и одна новенькая жаловалась на судьбу. Тогда ее опытная коллега поделилась

своим секретом — «запивать» стопки пивом. Сплевывая высокооктановый алкоголь в темную пивную бутылку.

* * *

— Оксана, — ответили на мое «Кто там»?

Я открыл дверь и отступил в сторону, приглашая гостью войти.

— Где? — прямо с порога грозно спросила меня Оксана. Она же рыжеволосая пьянчуга-чирлидерша, она же сотрудница бывшего краеведческого музея, она же причина Димкиного фингала. После ночи в холодном лесу в компании с «не тем» креслом прекрасно растрепанная и злая, как черт. Интересно, как она так быстро меня нашла?

Я кивнул на стол. На нем, придавленная томиком сочинений Фредерика Форсайта, лежала картина. Ранний Левитан. Холст. Масло.

Оксана подошла к картине и остановилась, не смея коснуться холста.

— И что потом? — небрежно спросил я, рассматривая ладную фигурку гостьи. Ничего поделать с собой не могу. Люблю рыжих и все.

— А? — очнулась сотрудница бывшего краеведческого музея. — Дальше?

— Да, да, что мы будем делать дальше? Как ты намерена распорядиться этой картиной? Продать на аукционе? Тогда я в доле.

— Дурак ты, Антонов, — обиделась Оксана. — Эта картина была похищена из музея во время войны! А теперь возвращается обратно. Какой еще аукцион?

— Куда обратно? — поинтересовался я. — Ваш музей существует только на бумаге, а, по сути, там располагается спортивный комплекс, большая часть которого отведена клубу «Новые Амазонки».

— Клуб закрыт. Девчонки больше не хотят заниматься этой смертельно опасной дурью. Немного адреналина, два часа в глухом лесу — и мысли начинают течь в правильном направлении. Арендованное помещение возвращается к нам.

Я выудил из холодильника пару бутылок пива и предложил:

— Чувствуй себя как дома. И рассказывай.

Оксана вздохнула, присела на диван, взяла пиво. И начала рассказ.

— Левитан был в наших краях, много рисовал и на прощанье подарил одну из своих картин городу. Я пыталась найти ее, но холст нигде не всплывал. Аукционы, музеи, частные коллекции — нигде ничего. И вот тут один мой корреспондент из Америки прислал копию любопытного нотариального письма, в котором немецкий офицер завещал своим потомкам картину Левитана, спрятанную в подушке кресла под номером 11В автобуса, принадлежащего компании «ГрейХаунд». Представляешь? Ни номера, ни рейса...

Нацист, вывезший картину из СССР, после войны бежал в Мексику. К счастью ему не удалось найти состоятельного покупателя в этой стране, и он вывез холст в Соединенные Штаты в подушке автобуса международного направления. Не знаю, как удалось ему вшить...

— Очень просто, — разъяснил я. — Когда я совершал подмену, то обратил внимание, что бирка 11В прикручена к креслу, отличающемуся

цветом рамы от остальных. Ну, по крайней мере, от номера 12В, которое я «всучил» тебе, поменяв бирки. Скорее всего полотно Левитана зашили внутрь демонтированного кресла на станции тех обслуживания, где, как я уверен, полковник и влачил свое существование. И там же, на станции, произвели рокировку сиденьями, когда наша «Серая гончая» пришла туда, скажем, на плановую замену масла. Продолжай.

— Когда я узнала, что в автопарк нашего городка занесло «Сценикрузер», то подумала, а почему бы и нет? Затесалась на пару выездов, прощупала кресла. Таких совпадений, конечно, не бывает, но, как выяснилось, иногда чудеса случаются.

Она показала на томик Форсайта.

— Мне тоже его детективы нравятся. Там можно найти кучу полезных сведений.

— О марципане, например, который пахнет так же, как и любой уважающий себя пластит, — уточнил я.

— Да, и о нем, тоже, — согласилась Оксана. — Не спрашивай, как я попала в состав комиссии и как удалось стащить с кондитерской фабрики три бруска марципановой массы.

— Запах потрясающий, — кивнул я. — Засунуть под то же сиденье пакет конфет, чтобы оправдать аромат, гениальная идея! А как ловко ты нас разыграла с мобильниками. Сначала устроила групповой вызов, а затем и «Умри су...». Даже Павла Васильевича не пожалела!

— Представителя городской администрации в первую очередь! Закрывшийся музей — его рук дело. Клуб — это прикрытие. Как ты думаешь, чем там девушки занимаются?

— Понятно чем. Проституцией на корпоративах. Чем же еще? — я внимательно посмотрел на Оксану, она поняла намек и запротестовала.

— Думаешь и я — тоже? Да ты что? Да я — никогда! Это вообще мой первый выезд с клубом. Когда музей стали закрывать, я придумала, как можно вернуть картину. В общем, «согласилась» принять предложение нашего Павла Васильевича. Он меня давно уламывал забросить музей и начать новую жизнь...

— Жора, когда твою коробочку вскрыл, чуть не умер со смеха, — перевел я разговор на менее щекотливые рельсы. — Говорит, что ничего, кроме мобильника, там не было! И как ты успевала за народом следить и «пи-пи-пи» исполнять?

— В щелочку подглядывала. А звуки — заранее рингтоны ввела. На разные номера. С трех телефонов на «коробочку» звонила. Самое сложное было трубкой не ошибиться.

— Самое главное было с водителем не ошибиться, — поддел я ее. — Чем тебе Димка не угодил? Зачем было перед его женой маскарад с поцелуями разыгрывать?

— Ну, во-первых, мне нужен был ключ от заднего багажника, а во-вторых, в этом деле на бабника трудно положиться. Запросто мог сразу из автобуса выпрыгнуть и убежать. В смысле — раньше времени. Когда трель запустила, решила, что кинетесь куда подальше, а я тем временем

из багажника вылезу и картину заберу.... А ты вон какой герой. Рванул с автобусом вместе. Я уже думала тебе позвонить...

Мы немного помолчали. Картина найдена, музей откроют и что же дальше?

— Да, кстати, — я протянул руку, взял Оксану за подбородок и требовательно посмотрел в большие серые глаза. Она не отпрянула и не оттолкнула меня, что было хорошим знаком.

— Жора... Он после этого случая полностью восстановился. Вторую медкомиссию прошел. Уходит служить.

— И?

— Попросил меня об одолжении.

— О каком же?

— Доктора поцеловать...

Наши губы встретились, в тот самый момент, когда свежий весенний ветер распахнул окно. Придавленный томиком холст затрепетал, и если бы у нас не было неотложного дела, то мы бы заметили, как ожила на картине серая борзая...

Светлана Тулина

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ШТУКА МЕТРО!

Нет, что ни говори, восхитительная это штука — метро! Тёмные тоннели, уходящие в бесконечность, вертикальные лампы, отражающиеся в мраморном зеркале пола и плывущие назад — всё быстрее, быстрее, быстрее... дробное стаккато вагонных колёс, мелькающие во тьме огонёчки, и даже листовка на стекле: «ушла из дома и не вернулась...»

Почему-то они листовки эти постоянно именно на мой вагон клеят. Будто чувствуют что. Хотя — что они могут чувствовать? Так, совпадение.

— Да... Да, я уже еду, да... да, в метро... ты сейчас пропадёшь...

Ну вот что за...

Только-только расслабился.

И ведь приятная с виду девочка, синий беретик, шарфик в тон пальтишке, голубенький такой, и вообще вся такая воздушная и трепетная... а туда же.

Ладно, наше дело маленькое.

Тянусь через развёрнутый мобильник. Не люблю я эти чёрные дырки, пальцы от них сводит, но приходится, заказчик всегда прав; пока он в вагоне и если вошёл именно через *желанную* дверь, его высказывания — закон. Или — её.

Удачно, что на другом конце связи квартира, хуже нет, когда приходится работать на публике. Вопли потом, слухи разные...

Какая-то женщина — мать? Тётка? Соседка? Просто знакомая? Не знаю и не хочу знать — как и то, чем именно она так насолила моей заказчице, такой приятной с виду девочке, что ту именно в мой вагон занесло и именно через нужную дверь. Случайные пассажиры у меня — редкость, и чёрных дырок они не заказывают. Так, по мелочи что-нибудь. И телефоны у них не звонят.

Накрываю тётку чёрной дырой и жду, пока окончательно схлопнется.

Удачно так получилось, аккуратненько. Я давно уже не промахиваюсь, но всё равно приятно. А по первости, помнится, полруки клиенту как-то отрубил краем схлопывающейся сингулярности, кровищи было...

Девочка в синем беретике убирает телефон в сумочку. Но я уже продёрнулся обратно, хотя и не люблю по выключенным линиям, шершавые они, потом всё тело чешется.

— Что б тебя черти побрали, индюк усатый!..

Восхитительная штука метро — но без людей была бы куда приятнее.

Впрочем, черти — это не моя, как сейчас выражаться любят, пре-рогатива. Слово-то какое, и не выговоришь сразу-то... и смыслов набито — ну вот под завязку просто, и рогатый тут тебе, и та леди, что нагишом скакала.

Но, как бы там ни было, черти — забота не моя, у них своё начальство, вот пусть оно и реагирует. Поскольку заявка адресована достаточно определённо и недвусмысленно. Мне же можно пока и расслабиться, наслаждаясь перестукиванием колёс и восхищаясь человеческим гением.

Нет, ну вот надо же такого-всякого понапридумывать?! Большинство наших метро опасается — шумно, толпно, того и гляди в работу припрягут. Снаружи, говорят, потише...

Не знаю.

Я снаружи если и бываю, так только по работе когда пошлют, да и то частично, а раздваиваться и само по себе не слишком приятно. Да и работа... Грязь, кровь, крики. Не люблю. Всё время жду не дождусь, когда же заявку закроют и обратно отпустят. В метро тише и чище.

Я родился тут, по мне — так самое лучшее место. Ну и что, что толпа, где и прятаться-то, как не в ней, родимой? А ночью — так и вообще красотища... тишина... пустота... одинокие уборщицы машинками гудят, обходчики по рельсам ключами бенькают, но это не в счёт, по сравнению с дневным-то лязгом и грохотом. Я бы вообще не совался наружу, если бы некоторым не приспичивало...

Во! Опять...

— Чтоб тебе твоя корова так же ногу отдавила! А ещё шляпу надел!..

Вот ведь... до вечера ещё далеко, а уже третью длительную заявку словил. Да ещё и с такой вот формулировочкой. Хорошо бы хотя бы этот, который, шляпу к груди прижимая, к выходу протискивается и уже затянут на моей рабочей схеме жёлтеньким узелочком, одиноким оказался. А то ведь придётся его законную раскармливать до указанных заказчицей габаритов и следить, чтобы таки наступила... это долго и муторно, особливо если женщина попадётся упёртая и несклонная к полноте, иногда несколько лет проваландаться можно. Я по юности как-то влип с подобной формулировкой заказа — пять лет закрыть не мог. Пришлось в итоге договариваться с лотереечником на сельскохозяйственной ярмарке и всучивать клиенту выигрышный билет, вот же мороки было... Но травму копытом призовая тёлка ему таки нанесла правильную, заявку закрыли, жёлтый узелок распутался потихоньку, хотя и не сразу. Да и не до конца — затяжка так и осталась, перед плохой погодой ноет теперь каждый раз.

Нет уж.

Лучше не затягивать.

А ведь у этого шляпоносца супружница тоже тоща, и никакой рядом упитанной соседки или начальницы, которую можно было бы, пусть и со скрипом, но втиснуть под оглашенное заказчицей понятие «твоя»... Нет, я теперь учёный, с женой связываться — себе дороже! Надо будет срочно свести клиента с какой-нибудь крупногабаритной мадам, пусть она заявку и закрывает. Вот прямо сегодня ночью и свести. Чтобы не было потом мучительно больно ещё пять лет, и далее каждый раз перед скверной погодой.

На долю секунды оказываюсь на плече у пробирающегося к эскалатору мужчины и нашёптываю ему приятную мыслишку заглянуть по дороге в стрипбар, что на углу... ну и что, что далеко и крюк делать придётся, зато там как раз новенькая появилась с арбузными грудями. Говорят, у шеста такое творит...

Подействовало.

Мужик по эскалатору вверх попёр, что твой броненосец, разве что пар из ушей только мне и виден. Попозже загляну к ним, прослежу, чтобы действительно наступила, нечего затягивать... Интересно, что он жене наврёт? Впрочем, люди — существа изобретательные, придумает что-нибудь...

— Але, Серёга? Ага, алё!

А вот мобильников могли бы и не изобретать... Одно зло от них, от мобильников-то. И как это я проворонил? Обычно-то я их у себя в вагоне глушу сразу и намертво — нечего тренькать тут всякой пакости. А сейчас вот отвлёкся...

— Я в метро, ага! Ага, сейчас оборвётся! Я тебе попозже, ага... обана, оборвалась...

Хихикаю тихонько, хотя мог бы и громко — он меня всё равно не услышит, пока я не захочу. Конечно, оборвалась! Желание заказчика — закон! С такой заявкой грех медлить, просто конфетка-мороженка, а не заявка. Все бы заказчики просили подобное, вот бы радости было, но как же, дождёшься от них! Иногда такого поназаказывают, что просто волосы дыбом.

Ну вот, к примеру...

«Ты всё время пропадаешь» — как это исполнить?!?

Не «тебя не слышно», не «сейчас пропадёшь», не «здесь связь плохая» — это всё нетрудно, так, забавка детская! А вот именно что «ты всё время *пропадаешь*»...

Понимаете, да?

То есть не просто разовая заявка — а заявка на ВСЁ ВРЕМЯ...

Ночной кошмар любого вагонного.

А попробуй не исполни, если заказчик в твой вагон через правильную дверь вошёл?! Вот же тянет их, зараз, именно к этой, правильной, словно других и нету!

Нет уж, лучше глушить паскудные аппаратики в зародыше, чем хоть раз на такое нарваться. Вот и сейчас задавил парочку — пискнуть не успели. Пусть хозяева потом всё, что хотят, высказывают — уже на поверхности. А у меня — не надо.

Да, это неправильно.

Да, я ленивый.

И никогда мне не выбиться в кабинные или тем более в станционные. Да только я и не хочу. Мне куда приятнее посидеть в уголочке, послушать, как стучат колёса и шипят раскрываемые двери. Вот я лучше и посижу, порадуюсь возможности не бегать по вашим заявкам с высунутым до пупка языком. Даже если для этого и понадобится придавить десяток-другой расплодившихся по карманам и сумочкам пластиковых паразитов...

— Да чтоб тебя приподняло и пришлёпнуло!

Обожаю такие заявки! Это легко, это мы прямо сейчас...

Вагон резко повело на стыке, задняя часть пола взбрыкнула, заставив пассажиров слегка шатнуться. Клиенту «повезло» больше других — его ноги на секунду потеряли связь с полом, и как раз в этот момент вагон выровнялся, дёрнувшись ещё раз. Клиента чувствительно припечатало

боком о двери, благо стоял он рядом и никого более исполнение заявки не зацепило. И толком даже не успевший завязаться узелочек на моей схеме более не существует, работа не только ювелирная, но и проведена оперативно, даже складочки не останется...

— Да чтоб тебя!

Пропускаю мимо ушей — заявка не оформлена.

Двух собравшихся было пиликнуть паразитов давлю намертво, ибо разозлили. Мне ещё со стриптиз-баром разбираться, потом подгонять домушников клиенту, которому пожилая заказчица с кошёлкой с утра пораньше пустоты нажелала, да ещё придумать что-нибудь с дном и покрышкой, от этой же заказчицы, но клиент другой... а они тут пиликать вознамерились.

Заказал бы кто чего хорошего этой самой бабке с кошёлкой — исполнил бы с удовольствием, ибо достала уже. Можно сказать, постоянная заказчица. Чуть ли не каждый день в вагон рвётся — и никогда порожняком не проедет, обязательно одним, а то и двумя-тремя заказами меня осчастливит. И нет бы простое что — обязательно с подвывертом. Вот и сейчас — мне надо найти дно с покрышкой, сделать так, чтобы они оказались жизненно необходимы студенту четвёртого курса юрфака, а потом ещё и умудриться как-то его этих самых вожделенных предметов лишить. Ибо желание заказчица высказала явственно и оформила правильно, не придерёшься...

— Алё, Серёга! Ага, опять я!..

Да что ж ты будешь делать! Неугомонный какой. На этот раз входящего звонка не было — он сам кнопочки жал, вот ведь паскуда... Ну пожелай же ты что-нибудь простенькое, я выполню, и убери эту пакость в карман с глаз долой...

— Я чё звоню-то... Ты пива взял? Ага! И я тоже! Не, я ещё в метро! Ты это, жди, короче, я сейчас пропаду...

Вот и славненько...

Улыбаясь, достаю из кармана вневременья чёрную дырку подходящего размера и делаю шаг вперёд...

Ольга Сафонова

ЗОВ КРОВИ

Женя с трудом разлепил веки: по потолку широкими лучами расходилась трещина, справа кряхтел над газетой мужик с синюшно-красным лицом, слева на койке свернулась калачиком худенькая девчонка. Она спала поверх одеяла, накрыв голову джинсовой курткой в грязно бурых пятнах. Яркий напульсник на её свесившейся руке показался Жене знакомым. В проходе методично водила по полу шваброй тётка в белом халате. Больница! Так это был не сон. Сбросив изношенное одеяло, он чуть не завыл, но не столько от боли, хотя и она была неслабой, сколько от досады: через весь его торс по диагонали, пересекая верхний и нижний пресс, топорщилась многослойная повязка. Боль — ерунда, пройдет. Но... Сколько сил потрачено на создание идеально-кирпичного пресса, а теперь придется всю эту красоту заново восстанавливать! Да еще и шрам наверняка останется!

События вчерашнего дня вспоминались неохотно. Вечерняя тренировка: скакалка, гантели, турник. Гопники поржать подошли: «йоу, москвич, покажи что можешь!». Он вначале на них внимания не обратил — зачем из-за ерунды темп терять? Не стоило в драку лезть, но такой соблазн отработать навыки на хилых отморозках! Кто ж знал, что у них нож.

— Очнулся, счастливчик, — констатировала уборщица, откровенно разглядывая его.

Счастливчик? Только насмешек ему не хватало! Женя был готов огрызнуться, но тётка приложила палец к губам:

— Смотри, невесту не буди. Она, бедняжка, натерпелась.

— Какую невесту?! — Женя резко приподнялся и тут же рухнул назад, скривившись от боли.

–У, да тебе, дорогой, ещё и память отшибли.

Тётка подсела к нему и забормотала, дыша в лицо квашеной капустой:

— Ты девочку то береги, она тебе свою кровь отдала, если б не она, в морге бы сейчас отдыхал.

— Перестаньте, — с досадой выдохнул Женя, отодвигаясь насколько возможно от наглой уборщицы, — Нет у меня невесты, и на переливание я согласия не подписывал. Прекрасно и так бы оклемался.

— Ишь, гордый какой! — возмутилась женщина, — Тебе тут не Москва, без бумажек обходимся, а донора четвёртой отрицательной днём с огнём не сыщешь. Я уж не знаю, какие у вас отношения, а только жизнью ты ей обязан!

Тётка смерила его уничижительным взглядом и ушла из палаты, громко хлопнув дверью.

— Да не москвич я! — взорвался Женя, сам не зная, на кого злится больше: на лезущую не в своё дело уборщицу, незваную спасительницу или на себя — за то, что вляпался в такое дерьмо.

Девушка на соседней койке зашевелилась во сне, сбросив куртку. Вглядевшись в бледное лицо, облепленное спутанными русыми волосами, Женя обомлел: Ленка! Значит, всё-таки дошёл к ней вчера.

* * *

Женю перевели в Энск руководить недавно открытым филиалом БиТс год назад. Три точки в городе и еще четырнадцать по окрестным деревням. Целыми днями на колёсах, горы документации, но тяжелее всего, оказалось «построить» сотрудников. Временами Жене казалось, что он руководит шестьюдесятью тремя ленивыми тупыми улитками. Немного утешало то, что сорок восемь из них были девушки, и легко нашлась готовая задерживаться после работы с начальником. Был он невысок, худ и жилист. Девчонки обычно западали на него из-за сходства с популярным актёром, но Жене нравилось думать, что дело в атлетической фигуре. Впрочем, косить под «вампира из фильма» он тоже привык: стрижка полубокс, трёхдневная щетина и даже пальто как у кумира девичьих грёз.

Работа над фигурой была куда тяжелей, зато и удовольствие доставляла сама по себе. Женя тягал железо в тренажёрном зале, бегал кроссы. Он мог отжаться тридцать раз от пола и двадцать на брусьях, а вот на турнике всего пять. Не давались ему подтягивания, ни с рывками, ни без.

Найти дворовую площадку с хорошими турниками в Энске ему повезло не сразу, зато находка принесла нежданный сюрприз. Рядом с ним пристроился разминаться пацанёнок лет двенадцати — четырнадцати в растянутых трениках и толстовке. Не мешал, под руками не путался, только усмехнулся, глядя на Женин новенький спортивный костюм с надписью на груди «Super Sw». Злиться вроде бы не на что, откуда этой деревенской школоте знать, что уличная гимнастика «стрит воркаут» называется, а всё равно неприятно, и Женя решил класс на брусьях показать. Пацан тем временем раскачался на турнике, вытянулся во весь рост параллельно земле и принялся отжиматься, а затем провернулся и продолжил на одной руке, подтянув стопы к голове. Женя ошалело уставился, пытаясь понять, как эта мелочь использует элементы, о которых он и не мечтал.

— Тебе... сколько лет? — спросил он пацана, когда тот закончил.

— Через месяц восемнадцать будет. А тебе?

— Двадцать семь... — ответил Женя, немного успокоившись, и протянул руку для знакомства, — я — Жека.

— Лена.

— Ааа, значит ты... вы..., — Женя смутился окончательно и промямлил, — Очень приятно.

С того дня они начали тренироваться вдвоём, а на то что его новый друг — девушка, Женя скоро перестал обращать внимание: и секретами делился, и пенделя мог отвесить. Лена тоже с ним не церемонилась и здорово помогла с турником. Она занималась давно, периодически ездила на соревнования и готовилась через год участвовать в кубке федерации России.

Однажды Лена не появилась на тренировке во вторник. Шла череда праздников, и Женя работал с утра до ночи, организуя акции для клиентов.

В следующий раз он добрался до спортплощадки только в пятницу. Лены опять не было, и по телефону она не отвечала. Не пришла Лена и в субботу, и в воскресенье. Женя злился: новые элементы без партнёра никак не получались. Уехала на очередной батл — думал Женя, — а мобилу или зарядку дома забыла. Раздолбайка!

Она позвонила сама через неделю с незнакомого номера. Её голос прорывался сквозь попсовую мелодию:

— Что, сачкуешь без меня?

— Ещё чего, передний вис почти отработал, и «самолёт»... Просто сейчас навалилось всё, но я в среду занимался и завтра пойду.

— Балда! Тренить хотя бы через день надо, ну или два дня тренишь — один отдыхаешь...

Она продолжила ругаться, но фоновая песенка сменилась громким бабским трёпом, и Женя не услышал и половины.

— Телевизор выключи! — прокричал Женя, — Ты где, кстати?

— Не мо-гу! Подожди, сейчас в коридор выйду. Я в больничке.

— Где? — переспросил Женя, решив что не расслышал.

— В больнице. Но со мной всё уже в порядке, жива — здорова. Даже кровь обновили, — Лена нервно хихикнула.

— Как это?

— Аппендицит сразу не заметила, он и пробил дырку. Вооооот... и кровь переливать пришлось, но у меня самая популярная группа: вторая положительная, донора сразу нашли. И теперь всё хорошо.

Женя спросил, не нужно ли ей чего, и она твёрдо ответила — нет. Он хотел ещё поболтать с Ленкой, как вдруг позвонили по второй линии с работы, и разговор пришлось закончить. Женя собирался перенабрать на следующий день, но вспомнил, что она звонила с чужого номера. А потом закрутила предпраздничная суета, и он решил: ничего, сама позвонит.

В следующий раз Женя увидел подругу только в апреле. Лена похудела и двигалась немного неуверенно, но глаза сияли, притягивая. Вместо другана перед ним стояла изящная невысокая девушка: пушистые русые волосы шапкой закрывали лоб и уши, тонкая шея в открытом вороте казалось трогательно беззащитной и дальше... ниже в вырезе... грудь! Красивая женская грудь, двойка или даже тройка. Пожимая ей руку, Женя заметил новый белый напульсник с изображением двух сливающихся красных капель:

— Крутая обновочка! — похвалил он с преувеличенным восторгом, стараясь отвлечься от мыслей о Ленкиной фигуре.

— Знак донора. Теперь моя кровь изменилась и я должна ей делиться, так гласит наш устав.

— Окей, мне пол-литра венозной пожалуйста! — рассмеялся Женя, но, заглянув в лицо подруги, вдруг понял: не шутит, — С ума сошла?! Тебе ещё восстанавливаться к соревнованиям!

— Восстановлюсь, кровь поможет.

Женя попытался воззвать к её здравому смыслу, но она продолжала нести чушь. «Ндаа, мозги и сиськи несовместимы»,– резюмировал Женя,

а Ленка в сердцах послала его в Москву, обрисовав радужные перспективы карьерного роста.

Больше Лена с ним заниматься не приходила. Оставшись без партнёра, Женя сократил уличные тренировки и переключился на секцию бокса. В одно июньское утро он собрался на пробежку раньше обычного, хотел проветрить голову перед квартальным отчётом. Рассветало, галдели вороны, торопились на завод работяги, умывали город поливальные машины. Прыгая через лужи, Женя ощущал, как тревоги уходят, а мозги проясняются. И тут в сотне метров перед собой он увидел Лену. Она бежала между двумя крепкими парнями и что-то весело кричала, повернув голову к одному из них. Ндаа... новые два друга лучше одного старого — с тоской подумал Женя. Споткнувшись, Ленка ухватилась за руку одного из спутников, и на его запястье мелькнул знакомый напульсник с красными каплями. Присмотревшись, Женя увидел такой же и на втором парне. На повороте к их пробежке присоединилась компания ещё из трёх ребят и пяти девчонок. Все они радостно приветствовали Лену и её спутников, и на каждом из них красовались бело-красные напульсники. Ого! Целая секта — Жене стало не по себе, и он свернул на соседнюю улицу, не желая быть пойманным за слежкой.

Женя собирался позвонить: расспросить, извиниться, уговорить. Однако в его расписанном по минутам графике каждый раз находилось что-то важнее, и всегда оставалась надежда: «может, она сама?» Только в ту злополучную ночь, зажав рану, он добрался до её дома. Второй час ночи, мобильник украден, на улице никого, и в ускользающем сознании единственная мысль: Лена.

Ленка проснулась и посмотрела на него с ласковым полузевком-полуулыбкой.

— Что, оклемался?

— Да... всё-таки я до тебя дошёл!

— Дошёл? — она звонко расхохоталась, — Ты десять метров от площадки прошёл и в клумбу завалился! Я сама тебя нашла.

И добавила. Тихо. Серьёзно.

— Больше никогда не теряйся. Хорошо?

— Хорошо. И спасибо за кровь... за помощь... за всё.

— Не за что, это кровь благодарить надо, не меня.

— О чём ты? Подожди..., — Женя почувствовал, как здравый смысл ускользает, — Ты говорила у тебя вторая группа крови. А у меня четвёртая. Как же тогда...

— Кровь. Она решает, какой быть и чьей. Мы только доноры.

Лена соскочила с кровати легко, как бывало с турника и, нагнувшись над ним, чмокнула в щёку.

— Ты станешь одним из нас, — шепнула она, — скоро.

* * *

Восстанавливался он на удивление быстро. Из больницы выписался досрочно, на работу сорвался тут же, а на следующий день подскочил, будто внутри будильник прозвенел, в шесть утра и — на пробежку с Ленкиной

компанией.

— Наш новый друг — Женя, — представила Лена.

Доноры обступили его плотным кольцом, наперебой называя свои имена, они улыбались, жали руки, хлопали по плечу. Давно привыкший управлять людьми, он неожиданно растерялся. Успел забыть, как это, когда тебе просто рады. На работе его за глаза называли упырём, а тут — друг. Просто так, без раздачи премий и отгулов. Высокий рыжий парень вцепился в его руку крепче остальных и загромыхал:

— Ба! Знакомые всё лица!

Ну вот, сейчас начнётся: «а не ты ли играл вампира в том фильме?» — подумал Женя с облегчением и разочарованием. Но вместо этого парень с силой тряхнул его за плечи:

— Не узнаёшь? Чё, правда не узнал? Пять лет за одной партой! Я у тебя алгебру списывал, а ты у меня диктанты! Нууу? Помнишь!?

Женя уставился на великана. Если бы не улыбка с приметной щербиной между передними зубами — в жизни бы не признал старого друга.

— Дрон!? Ты... ты так изменился.

— Да и ты уже не тот дрищ, — расхохотался Дрон, — Ну, рассказывай, где пропадал столько лет? Чем занимался?

— В Москве. Отца перевели, и мы с ним... Ничего особенного: универ, работа... Сейчас вернулся филиалом БиТс руководить...

Женя вдруг почувствовал, как все его достижения теряют смысл, съёживаясь до скучных формулировок некролога: родился-учился-трудился... Ничего стоящего, о чём можно рассказать старому товарищу. Десять лет он представлял своё триумфальное возвращение в родной город. Шок и зависть гнобивших его одноклассников, горькие сожаления Танюши Федотовой из третьей квартиры, радость бабушки. Ради этого менялся, прокачивая мозг и тело. «Приеду, и вначале меня никто не узнает...» — воображал он. Получилось. Его действительно не узнали, даже соседка приняла за москвича-квартиросъёмщика. Только бабушка умерла, одноклассники — кто спился, кто разъехался, а Танюша вышла замуж. Он увидел её однажды на улице и не подошёл. Не было больше недоступной красавицы — располневшая сварливая баба отчитывала малыша в заляпанном грязью розовом комбинезончике. Метать бисер перед свиньями. Зачем? — пронеслось в его голове. Так и остался «приезжим», жил в постоянном ожидании: ну вот сейчас, сейчас... Узнают, оценят по достоинству, позавидуют.

А Дрон не оценивал и не завидовал, он успехам Жени радовался, и Ленка тоже. Рядом с ним бежали (хотя какое бежали, тащились чуть не шагом, чтобы ему не тяжело было темп держать) друзья. И напряжение последнего года таяло, уступая место тихому счастью возвращения домой.

* * *

Женя стал донором на следующее лето. И хоть никогда прежде не слышал «зов крови» сразу понял — оно. Накрыло, когда он распекал нерадивого сотрудника, в самом дальнем от Энска посёлке. Его бросило

в жар, перед глазами замелькали красные мушки, вычерчивая в воздухе линии, и словно магнитом потянуло вперёд. Женя замер на полуслове и бросился бежать, следуя за красными стрелами в воздухе. Они привели его в медпункт, к женщине, спасенной из пожара.

В коридоре металась девочка–подросток, кусал губы мужчина с забинтованными руками, в голос причитали две старухи. Ожоги глубокие... места живого нет... головой ударилась... всё в руках божьих... — услышал Женя и бросился в кабинет к врачу.

Только стань нужной, только совпади — умолял он кровь, не спуская глаз с блюдца с четырьмя каплями, на котором определяли группу.

— Первая, резус отрицательный, — облегчённо выдохнула медсестра, — ложитесь на кушетку.

Когда часть его крови перекачалась в прозрачный мешочек и медсестра подошла отсоединять систему, Женя удивился:

— Это всё? Я могу сдать больше.

Он не чувствовал ни боли, ни слабости. Только эйфорию и бесконечную благодарность крови. Не подвела.

— Больше не положено...

— А нужно?

— Вообще-то, — неуверенно начала медсестра.

— Да! — с порога оглушил басом Дрон. И кровь радостно забурлила в венах Жени. Теперь точно всё будет хорошо, вместе мы справимся.

Злата Линник

ПУТЬ АНГЕЛА

— И что с тобой делать? — в который раз повторил мой собеседник, от возмущения наливаясь золотистым сиянием. — Помер ты, неужели не понятно? Поиграл в супермена и хватит. Смирись уже.

— Непобедимый дух — моя крепость, направленная воля — моё оружие, — процитировал я молитву буддийских монахов.

— Он здесь ещё и пропаганду разводит! — недовольно замахал на меня крыльями оппонент. — И, между прочим, чуждой идеологии. Раз такой упёртый, я отказываюсь тобой заниматься. Всё! Умываю крылья!

— Так я пошёл? — спросил я, понимая, что добровольно меня отсюда никто не выпустит. — Мне ещё вечером тренировку проводить. Ребята только в нормальную работу втянулись.

— Какие ещё тренировки?! — возопил ангел, вспархивая с вертящегося офисного кресла. — У тебя черепно-мозговая травма, состояние безнадёжное. И на земле тебя держит только твоё идиотское ослиное упрямство.

Тело, опутанное трубками и проводами, осциллограф выдаёт ритмичную светящуюся кривую. Зря они показывали мне это в качестве основного довода, лишь укрепили уверенность. Значит, где-то там, на земле, сердце у меня бьётся. А раз так — ещё повоюем!

— Ну, понял теперь?

— Невозможно победить того, кто сам не признал себя побеждённым.

Но даже самурайская мудрость не стала достаточным аргументом для ангела на ресепшен.

— Короче, так, — произнёс он, устало поправляя блондинистый локон. — В ад тебя отправлять не за что. Особо плохих поступков за тобой пока не числится. К тому же сейчас ты ещё не совсем наш клиент. От рая упорно отказываешься, а рабочий день, он и здесь не резиновый. Разбирайся как знаешь, образумишься — сигнализируй.

Ангел протянул мне что-то вроде мобильника одной из ранних моделей и растворился в воздухе, оставив после себя целое облако приторно-сладкого запаха, в котором угадывались южные цветы, корица и почему-то петушки на палочке.

Я внимательно огляделся вокруг в поисках выхода. Пора и в самом деле валить. Вечером ученики ждут, а потом Наташка обещала за вещами заехать. Мы же с ней договорились, что останемся друзьями. А друзей подводить нехорошо.

Так, куда это меня занесло? Холл, какие можно увидеть в каждом бизнес-центре: белые стены, чёрная мебель, плафоны дневного света, пустующая стойка ресепшен. Окна отсутствуют, одна из дверей приглашающе открыта. Меня не заперли — уже хорошо. Вдруг и в самом деле удастся отыскать какой-нибудь чёрный ход, запасной выход или на худой конец пожарную лестницу.

Вздохнув и вобрав в себя побольше жизненной энергии, я шагнул за дверь.

Длинный коридор, оба конца за пределами поля зрения... Ничего, любой коридор когда-нибудь да заканчивается. Иначе каким образом сюда попадают те, кто трудится за пронумерованными дверями? Кстати говоря, запертыми.

Но один коридор плавно перетёк в другой, а за поворотом вообще разделился надвое. Ни души: никто не попался мне навстречу, никто не вышел из-за двери. Отчаявшись, я принялся выглядывать места, традиционно используемые в качестве курилки. Не обнаружил, как и туалетов.

Проплутав около часа, я оказался на галерее, проходящей по верху зала размером с небольшое футбольное поле. На таком мы однажды проводили всем клубом показательные выступления в рамках городского мероприятия. Наташка тогда на спор сделала высокую страховку на жёстком полиуретановом покрытии.

Помещение напомнило мне один из культовых фильмов, без просмотра которого у многих не обходится ни один семейный праздник. Много столов, за каждым трудолюбиво сгорбился сотрудник потусторонней фирмы или как она ещё называется. В отличие от фильма на каждом столе слабо мерцает монитор; ну конечно, в семидесятые персональных компьютеров у нас не было. Как восточных единоборств и многого другого. А ещё, в отличие от старого фильма, помещение разгорожено множеством низеньких стенок наподобие лабиринта. Популярный американский офисный прикол: ты одновременно и в коллективе, и наедине с работой.

Когда глаза у меня окончательно привыкли к полумраку, я разглядел и сотрудников, напряжённо вглядывающихся в мониторы. Все как один ангелы! Причём — разные. Пухлые, розовощекие, будто сошедшие с рождественской открытки; мачо в элегантных одеяниях; нелепые суроволицые персонажи в давно вышедших из моды костюмах... Крылья одних напоминают хлопья сладкой ваты, у других — сверхзвуковой самолет явно не мирного назначения. Третьи снабжены чем-то формально-рудиментарным; на таких даже не взлетишь — так, для проформы присутствуют, раз по дресс-коду положено...

Напротив меня галерея была плотно закрыта светло-персиковыми занавесками. Ага, кабинет начальника. Почти как в фильме, только вряд ли там находится Лия Ахеджакова в образе импозантной секретарши. К начальству ещё успею, посмотрим лучше, чем тут занимаются.

Офис как офис, даже забываешь, что всё это происходит, как бы помягче выразиться, в другом измерении. Вот солидный дяденька в клетчатом пиджаке украдкой играет в старую как мир «бродилку», у его соседа из уха тянется проводок, а сам он еле заметно дёргается в такт музыке. Стройный черноволосый господин, устроившийся в ячейке напротив, выхлебал уже четвёртую чашку кофе. Похоже, внутренняя связь у них тоже в почёте — все активно переписываются, опасливо косясь на занавешенное окно. Всё-таки жаль, что у них нет курилки: сплетни и новости лучше всего узнавать именно там. Надо же, как зрение обострилось: галерея на уровне четвёртого этажа, а разглядеть могу всё, до последней чешуйки на хвосте у дракона из компьютерной игрушки.

Интересно, в чём состоят их основные служебные обязанности? Кроме бродилок, окна внутренней связи и музыкальной программы, на каждом мониторе мелькают кадры какого-то фильма. Худосочный юноша, от волнения подёргивая крыльями, смотрит милицейский боевик, где герой неизменно выкручивается из неприятностей и в самый последний момент избегает грозящих ему нешуточных опасностей. У представительного господина в белом костюме нечто вроде латиноамериканского сериала. Это понятно даже без звука: герои кричат друг на друга, затем бурно мирятся, тут же начиная всё заново.

Стоп! Главная героиня псевдомексиканскокй драмы... Показалось или нет? Да нет, точно! Это же вылитая серёгина соседка, из квартиры этажом выше. Он ещё жаловался, что из-за её постоянных громогласных разборок с «приходящим мужем» перепуганный кот начал гадить во всех углах.

Приглядевшись, я заметил, что сотрудники потустороннего ведомства не только наблюдают за происходящими событиями, но и активно на них влияют. Худая истеричка постбальзаковского возраста, судя по выражению лица, собиралась высказать своему оппоненту что-то не очень приятное, но ангел поспешно застучал по клавишам. Недовольство на лице женщины сменилось кокетливой улыбкой. Грациозным кошачьим движением она подошла к собеседнику и чмокнула его в щеку. Набычившийся было здоровяк растаял и неловко сгрёб даму в объятия. На экране возникла надпись «опасность класса Б ликвидирована, прогноз на ближайшие два часа — устойчивый позитив».

Вот, значит, как работают современные ангелы! Прогресс добрался и до метафизического ведомства.

Закуток в дальнем углу пустовал. Светился монитор, горела крохотная настольная лампочка, в окошке внутренней связи возникали новые записи, но за столом никого не было. Что значит правильно сформулировать желание! Хотел получить источник информации — он прямо перед тобой, получи и распишись.

Задействовав технику «призрак», я спустился с галереи. Ты будто скользишь сквозь пространство, и никто тебя в упор не замечает. Лет пять назад, когда денег хронически не хватало, таким образом проходил бесплатно в метро, и в автобусах ни один контролёр меня не замечал. Правда, когда крупногабаритная тётенька попыталась усесться на занятое мной место, было совсем не весело... Ещё несколько шагов, скользнуть в кабинку и мимикрировать под окружающую среду. Для этого есть множество методов: окружающие даже не заметят, что у меня нет крыльев.

А ты что бездельничаешь? — неожиданно раздался строгий голос прямо за моей спиной.

Оглянувшись, я увидел ангела в очках в золотой оправе и строгом офисном костюме.

— Я, это... газировки отошел выпить. На минутку.

— Понятно, новенький. Что же, осматривайся, вникай в рабочий процесс. А потом тебе персонального подопечного выделят. И, кстати говоря, форма одежды обязательна даже для стажеров. И нечего увиливать, костюм

подбирается индивидуально с учётом особенностей личности — добавил ангел, проводя рукой над моим плечом.

Странное какое-то ощущение... Вместо застиранной больничной пижамы на мне теперь был костюм, в котором я проводил лучшие часы жизни. Кимоно, а поверх него хакама и хаори. И плевать на тех, кто смеётся, будто в штанах, похожих на юбку-брюки, и курточке с карманами на рукавах вид у меня недостаточно современный. Хаори запахнуто на мне правой полой кверху, как на покойнике, но это уже детали. Устройство связи, которое выдали на ресепшен, на поясе, там, где положено висеть самурайскому мечу.

А что это у меня за спиной? Неужели крылья? Точно, они! Как у аиста со старинного японского рисунка, будто обозначенные парой росчерков кисточки с китайской тушью ...

— Так-то лучше, — продолжал ангел. — Включайся в процесс. Будешь пока на подхвате: где кому вдруг потребуется помочь. Зашиваемся, а сотрудников катастрофически не хватает.

Я уже было протянул руку к клавиатуре, но вдруг замер, поражённый необычным зрелищем. У дальней стенки под самой галереей находилась загородка вроде «обезьянника» в отделении полиции. Там на длинной скамье, печально понурившись, сидели ангелы. Вид у всех был как после многодневного пьяного загула. Крылья одного были загипсованы до самых кончиков, у другого — практически лишены перьев, лицо украшали синяки и царапины. На хитоне третьего красовался след от кроссовки небольшого размера.

— Подождите, а это кто?

— Это, — вздохнул наставник, — отказники. — Которые хотели как лучше, а получилось сам видишь как. Вот этот, ощипанный, заявил своей подопечной, что её предназначение — наука, а не семейная жизнь. А встреча с нынешним предметом нежных чувств дана ей, чтобы получить стимул для написания монографии. Результат, как говорится, на лице. А вон тот, с побитой физиономией, наоборот, пытался убедить одного юношу, что его шансы получить высшее образование близки к нулю, а если он продолжит семейную династию, его ждёт постоянное умеренное благополучие. Кстати, здесь и бывший хозяин этого рабочего места. Проворонил, упустил человека! Вроде живой и здоровый а всё равно потерян для мира... Одним словом, постарайся не повторять их ошибок. Все, приступай, время не ждёт!

Я устроился на жёстком вертящемся кресле. Посреди тёмного экрана крутилось яблоко, такое как у известной компьютерной фирмы. Единственным отличием был змей, который кольцом обвивал аппетитный фрукт, ехидно подмигивая и помахивая кончиком хвоста.

Пароль мне сообщить почему-то не удосужились. Ничего, попробуем что-нибудь типовое: хотя бы слово «рай». Сработало с первого раза. Рабочая программа, как и положено, загружается автоматом.

То, что я увидел на мониторе, больше всего напоминало видовое документальное кино. Камера плавно скользит над такими знакомыми

питерскими крышами, над вершинами деревьев, головами пешеходов. Это же Московский проспект: до клуба рукой подать, а рядом чебуречная, так удобно расположенная на полпути от метро.

А вот и мой любимый ученик Лёшка. Всегда в позитиве, к тому же артистичный парень, ему бы в кино сниматься, в комедийных боевиках. Джеки Чан отдыхает однозначно. Все бы тренировались с таким увлечением. Правда, палка от швабры в качестве учебного оружия — это уже перебор... Чем он сейчас занят? Ну конечно же: практикует искусство внутренней улыбки, переходя дорогу. И при этом напрочь утратив контроль реальности.

Моя рука машинально потянулась к клавиатуре. Интересно, что нужно нажать, чтобы показали вид сверху? Логичнее всего стрелка наверх. Получилось! А что это за грузовик, который движется, будто красный свет не для него включили?!

Да что там происходит? Я машинально набрал комбинацию, вызывающую диспетчер задач. Экран разделился надвое. На правой половине я продолжал видеть безмятежное Лешкино лицо, на левой возникло внутреннее пространство кабины грузовика. Водитель — молодой парнишка, почти подросток — снова и снова нажимает на тормоз, бормоча на непонятном языке молитвы вперемежку с ругательствами. В правом верхнем углу замигала надпись «ситуация безнадёжная, благоприятные перспективы отсутствуют». Судя по прилагаемому графику, жить обоим осталось около трёх минут. Надо срочно разруливать ситуацию, и, похоже, на этот раз в самом буквальном смысле этого слова.

Лёшка, так твою, выходи из астрала! Не слышит! Ну конечно: он там, а я непонятно где. Мне нужно туда! Изучать функции программы нет времени. Нажму «энтер», вдруг получится войти в ситуацию...

Я там, то есть здесь! На Московском, напротив метро Фрунзенская. Грузовик в нескольких метрах отсюда, я слышу, как он приближается. Посреди проезжей части один Лёшка, движется не спеша. Подбежать, вернуть в реальность, а потом отругать как следует...

Но тут выяснилась одна неприятная вещь: я нематериален. Никто меня не видит и не слышит, сквозь меня проходят, будто я стал пустотой. Зато двигаться теперь могу чуть ли не со скоростью мысли, хоть какой-то плюс. И с левитацией тоже полный порядок.

— Матэ![1] Хватит ворон считать! Лёшка, блин!!!

Не слышит! Моя рука прошла сквозь тощую спину. Передёрнул плечами как от сквозняка и движется себе дальше. У него ещё и плеер в ушах — китаро и «звуки природы». Нашёл место...

Раздался пронзительный женский визг. Грузовик, оглушительно сигналя, въехал одним колесом на тротуар, чудом не задев овощной ларёк, расплющил несколько ящиков с помидорами и продолжил движение. Левое переднее колесо теперь оставляло на асфальте чёткий красный след. Хорошо, что только сока... Пока ещё.

[1] команда «прекратить» в восточных единоборствах

Мой ученик продолжал так же неспешно переходить улицу. Ещё мгновение и станет поздно, непоправимо поздно. Грузовик уже близко, спасти Лёшку теперь может только сальто с переворотом и приземлением на тротуаре.

Собрав все силы, я издал ки-ай с максимальным выплеском энергии. Как раз недавно в группе начинающих пришлось прочитать целую лекцию о пользе боевого крика...

Получилось! Молодец он всё-таки: не стал терять время на то, чтобы вынимать наушники, оглядываться по сторонам — просто чётко и быстро сделал, что от него требовалось. Приземлившись в безопасном месте, он поклонился и произнёс:

— Аригато, сенсей! А где вы? Это из ниндзюцу? Потом научите?

Но мне уже было не до него. Грузовик неуклюже развернулся и, не сбавляя хода, направился назад, в сторону Обводного канала. Водитель решил утопить взбесившегося механического монстра, пока тот не натворил бед. Тоже мне камикадзе!

Материализовавшись в кабине рядом с впавшим в отчаяние пареньком, я постарался докричаться до него. Нет, не реагирует.

Интересно, кто мог бы на него подействовать? На приборной доске картинка с причудливой арабской вязью — это мимо. А вот тут кое-что поинтереснее: седобородый старик, чем-то похожий на Ходжу Насреддина из старого чёрно-белого фильма; у него на коленях улыбающийся во весь рот мальчик. Интересно, могут ли ангелы менять внешний облик? Хотя какая разница, у меня здесь форс-мажорные обстоятельства! Как раз недавно объяснял ребятам технику как внушать страх, не произнося ни слова и сохраняя полную неподвижность. Как потом выяснилось, кто-то представлял себя драконом, кто-то — гибридом Терминатора и Гондзиллы.

Старательно проявился на пассажирском сидении, положил руку водителю на плечо.

— Спокойно, парень! Ситуация под контролем!

Ну почему из меня вдруг полезли фразы из третьеразрядного американского боевика? Главное, что сработало. Безграничный ужас на лице парнишки сменился почтением и обожанием. Он ждёт, что я возьму управление на себя. Но что я ему посоветую, водить машину я так и не успел научиться. Если бы можно было так же оперативно подключиться к источнику информации. Как раз за углом автошкола...

Перед глазами, не заслоняя общей картины, возникли страницы чьего-то неаккуратно записанного конспекта. Тема «Экстренное торможение». Не найдя ничего лучше, я принялся читать их водителю на ухо. Только бы он понял, что я говорю! Хотя в моей любимой газете про аномальные явления была статья, что каждый, кто встречался с потусторонними личностями, утверждали потом, что те говорили на их родном языке...

— Когда набираем скорость, то выжимаем сцепление и увеличиваем передачу, начиная с первой и выше, чем выше передача, тем больше обороты двигателя, а если тормозить передачами, то есть понижать обороты, то двигатель будет тормозить машину.

Понял, что-то поспешно переключает. Грузовик чуть замедлил скорость, но до безопасной ситуации ещё очень далеко. Что там следующим пунктом на самый поганый случай?

— *Если водитель знает заранее о поломке не в самый последний момент, а секундами десятью раньше...* — нет, здесь явно не та ситуация. Но главное не замолкать, пусть он не оставляет попыток. Продолжаю: — *можно тормозить «юзом», также можно нажать на ручник, он блокирует задние колеса, на большой скорости грузовик, правда, занесет и он может перевернуться, но шанс выжить есть. Разумней всего будет просто напросто врезаться в стену. Водитель с некоторой вероятностью выживет, грузовик нет.*

Последняя фраза проиллюстрирована забавной картинкой: смятый в лепешку грузовик, разрушенная стена и довольно улыбающийся водитель.

Судя по всему, парнишка воспринял картинку как руководство к действию. С набережной он резко свернул налево, в сторону полузаброшенного маслозавода. А смелости ему не занимать, самообладания тоже. Пожалуй, взял бы его к себе в группу без вопросов. Но до этого надо ещё дожить, причём нам обоим.

Перед лобовым стеклом возник остов кирпичного здания. Он стремительно увеличивается, сейчас... Сейчас самое время прыгать; чтобы рассчитать траекторию не требуется и недавно обретённых сверхспособностей. Пошёл! Хаджимем![1]

Дальнейшее произошло очень быстро даже для меня. Водитель распахнул дверцу и сиганул наружу, приземлившись рядом с кучей битого кирпича. Ловко перекатившись через плечо, он поднялся на ноги. Я едва успел взлететь сквозь крышу кабины и наблюдал дальнейшее уже с высоты третьего этажа.

Оставшийся без управления грузовик въехал внутрь того, что когда-то было заводским цехом, несколько раз подпрыгнул на кучах строительного мусора, а затем аккуратно впечатался в стенку лежащего на боку агрегата.

Громадная железная махина чуть сдвинулась с места, обрушив на себя и на грузовик остававшуюся целой стену. От грохота даже у меня заложило уши, в соседних дворах отчаянно завопила сигнализация. Мой подопечный уже пришёл в себя и, хромая, торопился убраться с места происшествия. Навстречу ему из соседнего квартала спешили пожарная и машина МЧС.

Перелетев через Обводный канал, я плавно опустился в нашем любимом сквере. Судя по тому, что там не было никого кроме бабуль с детьми, тренировка уже началась.

Я взглянул на часы над аркой старинного дома; надо же, вся операция заняла не больше четверти часа. В клуб, что ли, заглянуть? Интересно, кто ведёт тренировку вместо меня? А может, сразу в больницу, воссоединиться, так сказать, с самим собой?

[1] Начали! (искаж. яп.)

Но тут неумолимая сила потянула меня вверх, под ногами снова замелькали крыши, а затем вокруг наступила полная темнота.

— Все вы, новенькие, такие. Одного-двух вытащили, а остальной работы будто не существует! Вот прикрепят к определённому человеку — и нянчись с ним хоть круглые сутки. А вообще молодец — не скрою, порадовал.

Аура главного ангела искрилась всеми цветами радуги.

— Хотя должен сказать, методы у тебя какие-то не канонические, да и с точки зрения основной идеологии тоже не того... Ладно, с заданием ты справился. Назначаю пока что внештатным.

Гордый собой, я вернулся на рабочее место. Следующая экстремальная ситуация не заставила себя долго ждать.

Немолодая курьерша прижалась к двери строительного вагончика, неловко отмахиваясь сумкой с документами от здоровенного барбоса. Тот, настроенный сперва не особенно агрессивно, впадал в раж, дурея от собственной безнаказанности. Подскочив, он схватил за полу старенького пальто и дёрнул на себя.

Треск разрываемой ткани громко прозвучал у меня в наушниках. Ещё немного — и порванной одеждой дело не ограничится.

Материализовавшись за спиной перепуганной женщины, я чётко и раздельно произнес ей в самое ухо:

— Быстро на четвереньки и гавкать на него! Рычать как можно страшнее!

— Ой, а как же... — начала она, вжимаясь в дверь вагончика и поднимая сумку над головой. Тоже мне, жертва хорошего воспитания! Между прочим, такие быстрее всего и погибают. Им, видите ли, в детстве объяснили, что кричать нехорошо...

— Быстро! Представь себе, что это твой муж пришел пьяным.

Такого артистизма не ожидал даже я. Рухнув на четвереньки, тетка залилась настолько убедительным лаем, что пес сперва застыл с выпученными от изумления глазами, поперхнувшись своим рычанием, а затем удрал, прижав уши и вскидывая задние ноги подобно гигантскому кролику.

Женщина поднялась на ноги, отряхивая одежду.

— Батюшки, что же это я?... — начала она, но тут дверь за ее спиной открылась и на пороге появился заспанный мужчина в спецовке поверх помятой офисной рубашки с галстуком.

— Что за бардак здесь?

Лицо курьерши приняло настолько грозное выражение, что даже мне захотелось убраться подальше, завернувшись в крылья. Худенькая невзрачная тетка наступала на крупного мужика, глядя на него как полицейская овчарка на злостного нарушителя порядка. Судя по звукам, долетевшим из вагончика, такого разноса его хозяину давно не устраивали. Досталось ему и за то, что дрыхнет в рабочее время, и что проявил трусость, предоставив беззащитной женщине самой выпутываться из опасной ситуации...

Уже взлетая над территорией стройки, я заметил барбоса, забившегося между штабелями досок. Пес поднял глаза и, готов спорить, увидел меня. Интересно, а способность понимать животных мне тоже дана?

— Не надо так делать, — внушительно произнес я. — Нападать на женщин — это «фу»!

Вместо ответа пес заскулил, словно пытаясь сказать, что он больше так никогда не будет.

С высоты полуметра я спланировал на свое кресло. Ситуация начинала мне нравиться. В конце концов, путь ангела — чем плохо? Место сенсэя, оно ведь не только на тренировке.

— Будь другом, — прервал мои размышления ангел в костюме из «варенки» — самого модного прикида в начале девяностых. — Мне тут слетать надо ненадолго, не присмотришь за моей подопечной? Здесь все на мази: запас жертвенности и долготерпения пополнен, особого экстрима не ожидается. Просто на случай форс-мажора.

Не дождавшись ответа, он растаял в воздухе, грациозно помахав джинсовыми крыльями, сплошь разрисованными автографами знаменитых в тот же исторический период поп-звезд.

Ничего не поделаешь, стакан газировки пока отменяется, есть дела поважнее. Посмотрим, кого тут мне подбросили. Ох, как все запущено! Как сказал бы Толик — специалист по семейным проблемам — комплекс жертвы в хронической форме. Женщина, которой по виду можно с одинаковым успехом дать и двадцать пять и сорок пять лет, терпеливо тащит на себе... так, кто у нас здесь, если по классификации Толика? Ага, энергетический вампир лунного типа, то есть болтливый зануда. А что за установки оставил мой с позволения сказать коллега своей подопечной?

Будто услышав мой вопрос, женщина обернулась к экрану, и с готовностью произнесла заученным тоном:

— Зато он положительный человек, не пьяница, желает мне добра, заботится. Потом, кому я еще нужна, немолодая и совсем не красавица. А оставаться старой девой...

— Ты еще классика процитируй: «я люблю этот камень и пойду с ним на дно», — не выдержал я. — А как насчет того, что человек создан для счастья, как птица для полета? Вот только из Некрасова мне не надо про стан погибающих. Он там совсем не это имел в виду.

Но меня, похоже, не услышали. Устроившись перед экраном, я принялся наблюдать за происходящим. Моя временная подопечная добросовестно занималась самокопанием, переходящим в самоедство. В квартиру ввалился рыхлый толстяк в дорогом костюме. Отстранив женщину, которая попыталась его встретить, как и положено любящей спутнице жизни, он протопал по коридору, на ходу отпустив ядовитое замечание по поводу домашнего наряда женщины и кухонных запахов в квартире. Та, подавив самую на мой взгляд, адекватную реакцию, украдкой взглянула в зеркало, чтобы убедиться, что ее приветливое выражение лица выглядит достаточно естественно.

Вполголоса высказавшись по этому поводу, я заметил, что в нижнем углу экрана замигал красный индикатор. «Уровень лжи близок к критическому. Рекомендуется срочно пополнить запас самопожертвования».

Значит, самопожертвование? Вот жертвы сейчас точно будут! Где тут пульт управления? А все не так плохо: самоуважение присутствует, только блок снять... Лозунг «они желают мне добра» заменяем на более актуальный «так жить нельзя». Жертвенность — ага, когда-то была поставлена как паразитическая программа, посылаем... нет, такое слово при женщинах нельзя, даже виртуально. Все, сидим и любуемся результатом.

— Что это она? — дрожащим голосом спросил ангел в варенке, кутаясь в свои разрисованные крылья.

— Она наконец-то стала сама собой! — ответил я, вставая с кресла и уступая место хозяину. — Ты только посмотри: совсем другой человек. Какая энергия в движениях! А ты видел, как она ловко его выкинула из комнаты? Чистейший лоу-кик, его еще новенькие называют «русским пенделем». А какой ки-ай! Я у своих такого боевого крика несколько месяцев не мог добиться. Да она прирожденный воин, я бы такую сразу в старшую группу...

Между тем моя временная подопечная, выкинув агрессивного зануду и его шмотки, продолжала изменение интерьера. Затем, остановившись, протянула руку к мобильнику. На экране тут же возникли субтитры, правда, почему-то на английском.

Насколько я понял, звонила пожилая родственница, попытки урезонить и призвать к порядку с классическими аргументами «кому ты такая нужна» «останешься одна на старости лет». В ответ женщина произнесла короткую и на редкость энергичную фразу, которая в большинстве переводов почему-то звучит как «пошел к черту!».

— Вот это прокол! — застонал ангел. — Это же надо: жертвенность и терпение на нуле. Экстренное пополнение... ну ни фига себе, заблокировано! Полетел разбираться, если меня кто спросит, я на выезде.

Подпрыгнув, он растаял в воздухе. Так вот как здесь путешествуют по мирам! Приблизившись к его компьютеру, я заметил, что, исчезнув здесь, ангел появился уже на экране. Впрочем, скоро выяснилось, что приблизился не один я: здесь столпилась добрая половина трудового коллектива.

Отсутствие было недолгим; вернувшись, ангел сразу оказался на «скамейке отказников». Вид у него был, прямо скажем, не очень...

По местной почте на меня обрушился целый шквал сообщений:

— Чувак, ты реально крут!

— Даешь новые методы! Сбросим ослизм и жертвенность с парохода современности.

— Поздравляю, коллега, за такое короткое время вам удалось добиться поистине впечатляющих успехов.

— А вы отдаете себе отчет, что это отступление от генеральной линии? К тому же противопоставление себя коллективу. Имейте в виду, за такую самодеятельность начальство по перышкам не погладит.

Ряд аплодирующих смайликов — от рыжего ангела в косухе с ярколимонными крыльями, по форме напоминающими электрогитары. Сердитые рожицы явно прислали из другого угла, не иначе как мрачный тип

в тщательно отглаженном балахоне с четким стрелками, под которым так и просвечивают погоны.

Внезапно ожило переговорное устройство на моем поясе.

— К шефу, срочно! — произнес чей-то гнусавый голос.

Что же, воин всегда готов встретить трудности лицом к лицу. Ничего, прорвемся. Когда-то начальник цеха вызвал меня, тогда еще молодого специалиста, и принялся упражнять голосовые связки, обидно и не по делу. Я не возражал ни единым словом. Просто смотрел и представлял себе, что смотрю на эту жирную красную рожу сквозь прорезь прицела.

— Ну и что с тобой делать? — устало повторил ангел, которому для полноты картины не хватало только бейджика «Типичный функционер».

— Повысить в должности, — моментально отреагировал я, — расширить круг полномочий. Назначит ответственным за выработку новой идеологии.

— Ты это что себе позволяешь? –задохнулся собеседник, трепеща бумажными крыльями с четко различимым машинописным текстом.

Ну и ну! Характеристика: «морально устойчив, регулярно смотрит программу «Время»...

— Один тут, между прочим, уже довыделывался, — продолжил начальствующий ангел, устало снимая очки в роговой оправе и кладя перед собой на темный полированный стол. — Упорствуешь, значит...

Внезапное головокружение и темнота в глазах меня уже не удивили. Значит, снова за работу. А раз так — продолжу выполнение миссии.

Где это я? Окно, стены, выкрашенные светло-бежевой краской. Где-то я все это уже видел, причем совсем недавно. Сейчас вспорхну повыше... Но мало того, что я напрочь утратил полетные качества — тело стало на удивление тяжелым и неповоротливым. Я лежу, привязанный и опутанный проводами. С трудом повернув голову, я замечаю осциллограф, который теперь выдаётбодрый зигзаг. Значит, все-таки уволили!

— Сенсей, наконец-то! — раздалось над самым ухом.

— Ура! Вы снова с нами!

— А мы без вас сами тренировались, ни одного раза не пропустили, с Костиком по очереди вели...

Лешка, Костик и кто-то из младшей группы, не разглядеть. На тумбочке гора всевозможных лакомств. Апельсины, йогурты в ярких бутылочках и почему-то новогодняя коробка конфет с ангелом.

Алекс Гагаринова

КОРРЕКТОР

О золотом шаре Гвоздь услышал ещё на зоне, незадолго до конца второго срока. Тем вечером он сидел на корточках, прислонившись спиной к нагретой апрельским солнцем стене барака, и щурился от яркого света. Бетонная дорожка, ведущая к больничке, за погожий день подсохла. Смотреть на неё, на осевшие ноздреватые сугробы, на обнажившуюся полоску раскисшей почвы было приятно, как на приметы весны. В воздухе пахло свежевыстиранным бельём и немного хвоей.

Разомлевшие от тепла заключённые бродили по территории, как очнувшиеся после зимовки черные мухи. Гвоздь расстегнул фуфайку. Захотелось курить. Затянулся, держа сигарету большим и указательным пальцами, прикрывая её ладонью от легкого ветерка. Хотелось растянуть удовольствие — курева, как и денег, оставалось мало. «На воле брошу», — подумал он, заранее сожалея о расставании с приятной привычкой. Но Гвоздь намеревался жить долго.

Рядом присел Скиф, запрокинув лицо, закрыл глаза. Закурил, выдыхая ароматный дым. Гвоздь не раз замечал — один и тот же табак у разных курильщиков пахнет по-разному. Дым Скифа пахнул вкусно.

— Когда откидываешься? — спросил Скиф, не открывая глаз.

Гвоздь, покосившись на скуластый профиль соседа, в очередной раз подивился меткости лагерных кличек.

— Через месяц.

— Куда, надумал? Обратно в Питер?

Гвоздь знал, что Скиф порожняк гонять не станет, раз спрашивает, значит, есть причина.

— Скорей всего. Родня в области, первое время у них перекантуюсь. А что?

— Наводку могу дать.

— За так, что ли?

— Почему за так? За долю. Год чалиться осталось.

Помолчали. Солнце скатывалось к иззубренной кайме темнеющего леса, заменявшего обитателям колонии горизонт.

— Говори, — Гвоздь щелчком среднего пальца отправил окурок в ближний сугроб.

Столько слов от молчаливого Скифа Гвоздь не слышал за всё время отсидки. Негромко, едва разжимая узкие губы, Скиф поведал ему о некоем баснословной цены золотом шаре, о котором слышали все наводчики Питера. Но, по непонятным причинам, никто не может его сработать.

— Откуда знаешь?

Скиф, не открывая глаз, хмыкнул:

— Воробышек начирикал.

И шепнул на ухо телефон наводчика.

— Привет ему от меня передашь, если пойдёшь на скок.

Гвоздь кивнул, не подозревая, что в этот момент бесповоротно свернул с накатанной колеи своей жизни.

Полтора месяца спустя он неспешно гулял по совсем летнему Петербургу. Родня встретила его сдержанно. Выделили, конечно, раскладушку, но брат без обиняков предупредил: «На неделю-две, пока не найдёшь работу. Сам видишь, у нас повернуться негде». Ну да, два пацана, племянники. В их комнате он и ночевал. Утром уезжал в Питер. В районном центре за 101-м километром ловить было нечего.

Целыми днями гулял по улицам, привыкая к свободе, навещал старых знакомых, присматривался к сдаваемым квартирам. Вечером на электричке возвращался. Снять жильё было пока не на что. В один из приездов, позвонив, зашел к мужику, о котором говорил Скиф. После привета из Мордовии замкнутое лицо хозяина немного расслабилось.

— Борис, — протянул ладонь для рукопожатия и провёл в темноватую комнату с высоким потолком. Предложил кофе. Пока хозяин колдовал на кухне, Гвоздь профессиональным глазом оценил обстановку. Ничего в ней не выдавало ни больших доходов владельца, ни его занятия. Скромно и чисто.

За кофе Борис спросил, давно ли освободился гость, не думает ли завязать с рискованным промыслом. Наводчик избегал тюремной терминологии, пришлось Гвоздю подлаживаться. В принципе, даже полезно следить за базаром. Незачем лишний раз светить ходками.

— На завод пойти, что ли? — осклабился Гвоздь и перешел к цели визита — спросил о золотом шаре.

— От Скифа знаешь? — снова подозрительно глянул новый знакомый.

Гвоздь кивнул:

— Так как?

— Могу дать адресок. Но учти, раз пять я его уже давал, а вещь до сих пор на месте.

— Почему? Не вскрыть?

Борис пожал плечами:

— Спросить не у кого. Те, кто пытались, уезжают куда-то, где-то затаиваются. Непонятно. Не боишься?

Гвоздь коротко хмыкнул. Ему нужны были деньги.

Расспросил о деталях, о том, кому загнать добычу и за сколько. Борис брался найти покупателя и назвал примерную сумму, от величины которой напускное безразличие на лице Гвоздя сменилось живейшим нетерпением.

— Когда можно идти?

— Завтра, если готов.

От близкой перспективы обогащения Гвоздь почувствовал себя опьяневшим. Какими-то закоулками вышел из тёмного двора-колодца прямо на Невский и остановился, ослеплённый.

Огромное, неправдоподобно близкое закатное солнце скатилось в створ проспекта, расплавило сиянием шпиль Адмиралтейства. Золотой поток,

заливавший парадную часть Невского, рассекался обелиском торжественного кольца площади Восстания, разбивался о грудь здания на изломе проспекта и осколками оконных отражений отбрызгивался обратно, слепя фланирующих.

Несколько минут Гвоздь ошеломленно моргал, пытаясь привыкнуть к обилию света и унять запрыгавшее под горлом радостное предчувствие близкой и огромной, сказочной удачи. Потом решительно зашагал по полноводному тротуару, уворачиваясь от столкновений с прохожими. Ему казалось, что раньше в Питере народу было поменьше. Может, из-за пришедшего в город лета каждый стремился встретить его на Невском, будто лето на Невском теплей и особенней?

Шедший спиной к солнцу Гвоздь пинал перед собой свою изломанную тень. У встречных были молодые, позолоченные закатом лица. Сколько красивых девушек! Гвоздь скользил по ним жадным взглядом, задерживаясь на самых привлекательных. Вслед одной обернулся и тут же пожалел, опять заполучив порцию зеленых пятен на ослеплённой сетчатке.

Осторожно пересек с толпой проезжую часть. Из-за низко висящего солнца круглые глаза светофоров сделались одинаково тусклыми и сбитые с толку машины двигались замедленно, будто их влекло ленивое придонное течение. Автомобили ползли осторожно, прижимаясь брюхом к асфальту. Внутри них, припав к амбразурам между торпедами и опущенными солнцезащитными козырьками, водители исходили страхом задавить пешеходов, мелькающих юркими рыбками в залившем проспект жидком золоте. «Куплю себе машину», — подумал Гвоздь, присматриваясь к незнакомым моделям.

Миновал Думскую, уставленную большими экскурсионными автобусами. Внимание привлек плакатик с объявлением: «Приглашаем на экскурсию на остров Коневец с посещением монастыря». «Съезжу, — шевельнулась мысль, — скоро я смогу делать всё, что захочу!»

Утро следующего дня встретило вышедшего из электрички Гвоздя блестящим асфальтом и раскрытыми зонтами. Гвоздь улыбнулся: дождь — воровская погода. Хорошая примета, проверено.

Новые джинсы приятно сопротивлялись движениям бёдер, в глубинах висящей на плече сумки изредка позвякивали его «мальчики» — набор ключей и отмычек. Гвоздь с удовольствием поглядывал на ладные фигурки девушек, лиц не было видно из-за зонтов. «Ишь ты, невесты какие. Жениха ждёте? Скоро уж, скоро», — шептал он им вслед фразу из многократно виденной «Калины красной», фильма, обязательного к просмотру в колонии.

Вера в успех предстоящего дела, уверенность в себе переполняли его. Никогда он так остро не ощущал молодость, силу и власть над своей судьбой. Гвоздь откуда-то знал — теперь в его жизни всё пойдет по-другому.

Несколько остановок на метро — и он уже в спальном районе, у нужного дома, утопающего в зелени. Кто бы мог подумать, что в таком безликом панельном здании находится вещь, кража которой станет венцом его воровской карьеры и обеспечит на долгие годы?

Старушек на скамейке у парадной не было, спасибо дождю. Впрочем, в таких микрорайонах по утрам всегда малолюдно, все на работе. Код домофона оказался до смешного очевиден, три кнопки вытерты до блеска. Лифтом пользоваться не стал. По узкой лестнице неторопливо поднялся на третий этаж, как старожил, не осматриваясь. Перед нужной дверью замер, прислушиваясь, надел перчатки и вынул инструмент.

Первое подозрение возникло, когда отмычка легко повернулась в замке. Замок щёлкнул, открывшись. Такая неприступная на вид металлическая дверь на площадке была одна. Он и сам выбрал бы эту квартиру, без наводки. Но простейший замок с цилиндровым механизмом в дорогой двери — тут была неправильность. Опыт подсказывал: если в начале всё идёт гладко, дальше жди проблем. Надо быть настороже. Может, даже лучше совсем уйти. Но быть так близко к цели и не попытаться? Постоял, прислушиваясь. Чьи-то неуверенные руки играли на фортепиано гаммы, где-то затявкала собачонка, громыхнул лифт. По лестнице никто не спускался и не поднимался.

Гвоздь вошёл, втянул в себя затхлый воздух нежилого помещения. Нашарил на стене выключатель, нажал клавишу. Под потолком прихожей тускло засветилась энергосберегающая лампочка. Днём никто не заметит зажжённого электричества в пустой квартире. Да и вряд ли в большом доме соседи знают друг друга.

Осмотрелся. Судя по количеству дверей, квартира однокомнатная. Простенькие обои, дешёвая мебель из ДСП, вытертый, местами до белёсости, паркет. Пальцем в перчатке провёл по поверхности тумбы — белый латекс посерел от пыли. В голове прозвучал второй звоночек. Гвоздь снова подавил желание уйти, он доверял и Скифу, и наводчику. По отработанному алгоритму заглянул в туалет — проверить сливной бачок, затем на кухню. В кухонных шкафах, кроме разнокалиберной посуды, ничего не было, допотопный, ещё советских времён, холодильник стоял, отключённый, с распахнутой дверцей.

Открывая дверь в комнату, Гвоздь уже примерно представлял, что увидит. Комната была почти пуста. Под прибитой к стене книжной полкой стояли два продавленных кресла и журнальный столик. Перетряхивать книги в поисках спрятанных денег смысла, конечно же, не имело. Даже переступать порог не стоило, настолько очевидной была ловушка. В голове раздавался уже не звоночек, в ней, предупреждая об опасности, ревела пожарная сирена. Но в комнате находилось то, за чем он пришёл.

Блестящий золотой шар, размером с большое яблоко, уютно лежал в лунке чёрной мраморной подставки, стоящей на столике. Никаких сомнений в том, что он сделан из золота, не возникало. Солнечный блеск благородного металла вор-домушник уж как-нибудь, да отличит. Если что-то выглядит как ловушка, скорей всего, это и есть ловушка. «Не боишься?» — всплыли в памяти слова наводчика. Но тут же вспомнилось обещавшее удачу золотое великолепие заката на Невском, утренние надежды на обеспеченную жизнь... Упустить такой шанс?

Гвоздь решительно подошёл к столику, взял шар и взвесил его на ладони, прикидывая вес. Под ложечкой вдруг болезненно ёкнуло, он даже

согнулся. Отравление? Расстройство желудка? Не хватало ещё маяться животом в обносимой им хате! Обносимой? Он застыл, непонимающе моргая, как внезапно разбуженный. Боль стихла, но теперь Гвоздя бросило в жар. Что он такое придумал? Зачем сюда пришёл? Что он тут делает, в чужой квартире? Надо немедленно уходить! Его же примут за вора, если застанут! Он бережно положил увесистый шар на место и спешно покинул квартиру, аккуратно погасив в прихожей свет.

* * *

Седой человек с аккуратной бородкой остановил видеопроектор. На экране застыло изображение золотого шара на фоне опустевшей комнаты. Мужчина повернулся к собеседнику:

— Ну, что, Иван Павлович, запускаем?

Воздух в кабинете, охлаждённый кондиционером до лёгкой зябкости, становился ещё холоднее от выражения лица начальника областного ГУ МВД. За его спиной висела большая карта области. С противоположной стены на генерала щурился портрет президента. Сбоку, выстроенные в ряд, целились навершиями в потолок флаги города, области и страны, с живописными драпированными складками полотнищ. «До чего же здесь неуютно целыми днями находиться!» — неожиданно посочувствовал профессор хозяину кабинета.

— Согласитесь, видеозапись весьма красноречива. Нами составлен отчёт о проведённых испытаниях, с подробными справками на наших подопечных, с видеоматериалами и статистическими данными. Эффективность прибора «КН-прим» экспериментально подтверждена.

Генерал-лейтенант отвёл глаза и уклонился от ответа:

— А он что, и вправду золотой, этот ваш... прибор?

— Да помилуйте, Иван Павлович! Бериллиевая бронза. Внешне привлекательный и относительно недорогой сплав.

Генерал склонился к кнопке селектора:

— Принесите нам две чашки... Вам чай, кофе?

— Кофе, пожалуйста.

— ...принесите нам кофе.

В ожидании заказанного напитка собеседники неловко молчали. Матвей Николаевич не хотел быть прерванным на полуслове, а Иван Павлович, откинувшийся на спинку кресла, похоже, продолжения рассказа не жаждал.

Девушка в строгом костюме внесла сервировочный поднос, сочувственно улыбнулась визитёру, видимо, хорошо зная характер шефа. Подала мужчинам дымящиеся чашки. От кофейного аромата в холодном кабинете стало немного уютнее.

— Вы рассказывали о приборе...

— Да, так на чём я остановился? Наши опыты показали, что в результате воздействия биомагнитными импульсами на гипоталамус происходит сглаживание или, можно сказать, корректировка экстремумов мю-ритма. Таким образом, мы получили возможность влиять на особенности

индивидуумов с ярко выраженным антисоциальным поведением. Не воспользоваться такой возможностью было бы преступлением! Поэтому, Иван Павлович, я повторю свой вопрос: когда мы сможем запустить наш прибор в производство?

Разговор вернулся к старательно избегаемому моменту. Но генерал сдаваться не был намерен:

— Видите ли... Всё не так просто, — хозяин кабинета привычно описывал сложности решения вопроса. — Сначала нужно заручиться поддержкой министерства, произвести сертификацию вашего прибора, обосновать необходимость и целесообразность его выпуска, внести в план закупок на следующий год, объявить конкурсную процедуру на изготовление...

— Я всё понимаю! Но ведь начинать надо! Чем раньше мы снабдим все учреждения, подведомственные УФСИН, нашим прибором...

Начальник украдкой взглянул на часы:

— Матвей Николаевич, может, стоит ещё раз все проверить, провести ещё один цикл испытаний?

— Иван Павлович, голубчик! Я же вам говорю, наш прибор доказал свою эффективность и полностью готов к массовому внедрению! И, знаете, хоть это нескромно, но я просто не могу на него налюбоваться! — голос профессора дрогнул. Он вынул из портфеля коробку и, открыв её, как шкатулку с драгоценностями, подвинул к собеседнику. Глаза генерала восхищённо расширились, рука потянулась к золотому шару, коснулась сияющей поверхности... Неожиданно его лицо исказила гримаса боли, шея над тугим белоснежным воротничком покраснела. Но через мгновение начальник овладел собой и широко заулыбался.

Обогнув стол, он подбежал к профессору и, тряся его за руку, заговорил с неподдельным энтузиазмом:

— Дорогой Матвей Николаевич, я сегодня же напишу в Москву! Нет, нет, сам полечу! Я добьюсь приёма у министра! А лучше — у президента!

Генерал возбуждённо зашагал по кабинету, всё больше вдохновляясь:

— Я предъявлю им данные статистики квартирных краж за время испытания вашего прибора! Я смогу убедить их в необходимости немедленного запуска в производство вашего прибора! Как, кстати, расшифровывается его название?

— «КН-прим» — это рабочее название. Оно несколько... эээ... пафосное, но суть отражает: «Корректор нравов, модель первая», — профессор лукаво улыбнулся. — Думаю, образец вам стоит взять с собой.

Павел Алексеев

НОВЫЕ ПРАВИЛА

Санкт-Петербург. День близился к ночи. Мужчина вынул ключи с брелоком от домофона, подходя к парадной. Из темноты ему навстречу шагнули трое в строгих костюмах, и очень вежливо один спросил:

— Не подскажете, как пройти в библиотеку?

— Чё? — не понял прохожий.

Резкий удар справа. И темнота.

На следующий день на отделении травматологии потерпевший узнал от других пострадавших, что в городе уже нельзя говорить «чё?» и лучше досконально знать, как пройти в библиотеку, и неплохо на карте показать, если потребуется, кратчайший маршрут, иначе можно получить и в челюсть.

— Кто они? — побледнел наш герой

— Учителя русского языка, — вздохнули все.

— Культурная столица должна быть культурной! И баста! — возглашал очкастый предводитель педагогов, немного красуясь перед телекамерами.

Тревога охватила город. Ведь первый встречный на пустынной улице мог задать вам негромко вопрос:

— А читали ли вы Достоевского?

И если вы неуверенно кивнёте в ответ, то и уточнить мог с многообещающей и сладкой угрозой в голосе:

— А что именно?

И нужно было тогда не ошибиться в названии.

Учите русский язык. Читайте. На всякий случай. Пожалуйста.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Или нет

Юлия Зонис

КОНТРА

Земля — это просто идиотский шарик, Мик. Шар, который мы вращаем ногами. Совсем как в детстве — помнишь, эти здоровые бобины во дворе? Пустые барабаны, надо было держаться за поручни и переступать, а они крутились под ногами. Ты был на том, что повыше, я — на том, что пониже, ты всегда был выше ростом, Мик, всегда, всегда. Земля может пыжиться, может считать, что она вертится сама по себе, удерживая нас силой притяжения, но мы-то знаем правду, Мик. Это мы вращаем Землю.

Про. Церковь на болоте

Говнодавы погружались в жижу сантиметра на два, а дальше уже было твердое. Будто и не по болоту идешь, а по хребтине утонувшего здесь черт знает когда зверя. Тварь упала в болото, бросила свой скелет от края до края. Ее затянуло грязью, дичью, но все же отчетливо ощущается под ногами острый хребет.

Слега была, в общем-то, не нужна. Тот, кто знал дорогу, так и шагал, будто по струнке, а по сторонам жадно чавкала хлябь. Оступишься, не поможет и палка. Но Андрею оступаться незачем, не раз здесь ходил.

К ночи затуманило, ползло по ногам, на уровне колен, серое волгло. Не мешало.

Дорогу Андрей чуял, вбок не смотрел, хотя там прорезались уже и загуляли болотные огни. Здесь они были тусклее, чем на Границе, бледные, зеленоватые, противные огоньки. Странно, думал Андрей, странно, что там, за Границей, огни красивые, яркие, синие. Хотя должно же там быть хоть что-то красивое.

На полпути сделал остановку. Присел на торчащий из болота то ли корень, то ли камень, то ли все же позвонок умершего дракона. Вытащил сигареты, спички. Пришлось сложить руку домиком, чтобы прикрыть огонек — над поверхностью болота ощутимо тянуло сквознячком. Это было неприятно, и, главное, неожиданно — обычно чем ближе к Границе, тем недвижней воздух, будто и не по лесу идешь. Сквознячок попахивал. Ой-вэй, как сказал бы коллега из маленькой, но гордой страны, Шимшон. Ой-вэй. Неужели Граница опять поползла?

Граница была на месте. Стена дрожащего воздуха, чуть размывающего контуры предметов с другой стороны. Она пролегала прямо по болоту, по воде, по низким островкам травы и рогоза. Говорят, когда-то здесь было озеро. И сейчас сохранились кой-какие ключи, один ручеек даже пересекал Границу, сочился медленно, вяло, дно его было илистым и бурым. Андрей встал подальше от ручейка.

По ту сторону всегда была ночь. По эту тоже солнышко не жарило, светило кое-как сквозь болотную хмарь. А сейчас и вовсе вечерело. Церковь, старая церква, стоящая прямо на границе и лишь чуть-чуть перекосившаяся на ночную сторону, осталась слева от Андрея. В сумерках перекос

был почему-то более заметен, и от этого становилось неспокойно. Правое крыло церкви уходило за стену, мерцающая граница проходила точно по островерхой маковке и кресту. Левое крыло оставалось на андреевой стороне болота. Там поднимались из топи высокие деревянные ступени. Ни одна камышина не прорастала сквозь щели в досках. Давно уже никто не ступал на это крыльцо. Дверь с Андреевой стороны была заколочена крест-накрест, и вдобавок заперта на большой амбарный замок. Открыта ли дверь с той стороны, Андрей не знал, и каждый раз забывал спросить.

Сейчас он выбрал кочку побольше, так, чтобы не слишком уж предательски пружинила под ногами, и стал ждать. Ждать пришлось недолго. С той стороны замигало огоньком, тем самым, ярким, синим. Через некоторое время показалась человеческая фигура. Человек шел, время от времени наклоняясь, будто вытаскивал что-то из воды. Когда он подошел поближе, стало ясно, что в руке его что-то вроде небольшого котелка. Туда человек складывал подвернувшиеся ему на пути болотные огоньки.

Андрей бросил окурок под ноги. Сколько уже здесь бывал, а всякий раз надо сделать усилие, заставить себя шагнуть ближе к мерцающей стене. Иначе и не разглядишь. А увидеть Андрею хотелось. Он поежился, привычно отгоняя страх, и шагнул.

Пришедший с той стороны не изменился. Все та же потрепанная десантная форма, разве что за то время, что они не виделись, гость разжился новой курткой. Та была велика и болталась у него на плечах, сразу видно — не по нему сшита. Один глаз — знакомый, голубой — увидеть это сейчас было невозможно, но Андрей-то знал — смотрел прямо в лицо пришедшему с дневной стороны. Второго глаза не было. На месте его чернела дыра, по краям раны бугрилась обожженная плоть. Увидев это впервые, Андрей не выдержал, всхлипнул, спрятал лицо в ладонях. Сейчас смотрел спокойно. Привык. В руке у гостя был человеческий череп. Верхушка его была аккуратно отпилена, туда-то и складывались огоньки. Из глазниц черепа били снопы света. Некстати припомнился Хеллоуин, глупый и чужой праздник. Только там в череп-тыквину вставляли свечу, и горела она теплым человеческим светом. Здесь же свет был холодный и напоминал о мертвецкой. Там бы и увидел Андрей гостя в последний раз, если бы тот умер не так далеко от дома.

— Андрюха.

А голос был прежним. Это причиняло боль, и к боли привыкнуть было трудней, чем к простреленному глазу. Андрей знал — голос живого почти не меняется с возрастом, разве что в детстве, превращаясь из дисканта в уверенный басок. Оказалось, что и у мертвых сохраняется все тот же знакомый голос.

— Митяй.

Андрея качнуло к Границе. Потребовалось усилие, чтобы удержаться, не вляпаться в мерцание. Андрей не знал, что случилось бы, если бы однажды он оступился. Но он не оступится.

Пришедший помахал черепом.

— Света у нас мало. Вот, решил заодно затовариться.

Он положил череп на кочку, присел на корточки. Вытащил пачку сигарет. Усмехнулся:

— Огоньку не кинешь?

Андрей полез за спичками в карман, прежде чем осознал, что опять купился на эту шутку. Сколько раз ходил, столько и попадался. Митька за Границей заржал. Андрей поморщился:

— Не надоело?

Митяй пожал плечами, прикурил от собственной зажигалки.

— Скучно тут у нас. Ты вон редко приходишь. Да не дергайся, нормально все. К другим вообще не ходят. Таких отчаянных, как ты, поди, и нет уже.

Это правда. Ходили к Границе немногие. Разве что лесничие захаживали по осени, после первых холодов — выше по течению ручья болото порастало красным мхом, и там водилась особенно крупная и сладкая клюква.

— Ну, вот и скучаем. Сейчас вообще пиздец — у вас лето там, а у нас и солнце не светит. Зимой еще кое-как, а летом ни хрена. Огни эти дурацкие собираем, но на всех не хватает. Так и сидим в темноте.

Митька затянулся. Андрею казалось, что черная дыра на месте выбитого глаза тоже втягивает дым. По спине пробежали мурашки. Вот ведь херня. Родной брат. Никогда бы Андрей не признался, что боится его. А боялся. Митяй, кажется, что-то почувствовал, поглядел единственным своим голубым глазом, но ничего не сказал. Андрей передохнул, откашлялся. В горле першило, то ли от сигаретного дыма, то ли от застарелой горечи.

— Аленка тебя помнит. Я ей твои слова передавал, что ты ничего, не обидишься, а она — нет и нет. Другого, говорит, не надо мне. Ну, пенсия ей хорошая идет, так что они с Димкой не бедствуют. Я им, когда приезжаю, тоже подкидываю. Нормально живут. Квартиру покупать собирается...

Брат порылся в кармане. Большая куртка была неудобной; он качнулся, перенес вес на левую ногу.

— Письма опять не возьмешь?

Андрей мотнул головой.

— Нет. Ты же знаешь — нельзя. Извини.

— Ничего я не знаю.

Митька нахмурился, отчего кожа над раной сморщилась и лицо стало пугающе уродливым. В синем мертвецком свете оно казалось неживым, да и было таким, давно было, пять лет как, а если Андрей сейчас говорил с братом и видел его — так это же Граница. Только на Границе и можно, да не со всяким, да не всякий и решится. И на минуту показалось — оно и правильно. Андрей прогнал трусливую мысль. Просто глядел, как Митька вынимает из кармана пачку писем и швыряет их в ручей. Небыстрое течение подхватило листки. Но они быстро набухали, напитывались влагой, словно и не бумага это была, а вата. Большая часть ушла на дно. Границу пересек лишь один. Его прибило к берегу недалеко от Андрея. Если бы тот напрягся, то смог бы прочесть первые слова письма, пока вода не размыла их и листок не слился с комками мусора и травы. Неожиданно Андрею стало жалко письма — он представил, как там, в бессветном и мертвом городе, Митька старательно выводил эти строки, как морщился, подбирая слова — и вот письмо уже часть болота. Почти против воли Андрей нагнулся, потянулся, и пальцы его коснулись мокрой,

водой сочащейся бумаги, сжались, выжимая влагу — и тут ладонь его, предплечье и плечо пробило таким холодом, что...

...что он проснулся. Истошно заливался будильник на тумбочке рядом с кроватью. В окно сочилось прокисшее рассветное молочко. Со стены пялилась на Андрея географическая карта — смотрела в оба полушария, и красные зоны на ней казались лопнувшими от напряжения сосудами. Андрей сел на кровати, запустил пальцы в слипшиеся от пота волосы. Ладонь еще помнила холод мертвой воды, однако сон медленно уплывал, рассеивался туманом — как и в прошлый раз, и в позапрошлый, и сотню раз до того.

1

Голова птицы свешивалась набок, как у изрядно перебравшего алкаша. На клюве запеклась кровь.

— Опять с падалью возишься? — спросил Андрей.

Печник неспешно разогнулся. Голубиный трупик в его руке снова мотнул башкой.

— Ай, не говори так, начальник. Видишь — полезное дело делаю, мусор убираю.

Южный акцент Печника казался искусственным. На скуластом лице щурился правый глаз — а левый, пустой и мертвый, смотрел куда-то вверх. Когда Андрей увидел Печника впервые, такое странное косоглазие показалось почти комичным. Почти.

— Мусор, говоришь?

Шрамовник усмехнулся и кивнул на переполненную урну. Тротуар рядом с урной был усыпан окурками и надорванными бумажными пакетами в масляных пятнах — на углу бойко торговал чебуречник.

— Вот тебе мусор. Бери — не хочу.

— Э-э, ты же все знаешь, начальник, зачем прикидываешься? Это совсем ненужный мусор, никудышный, что бедный человек с ним делать будет?

— А с падалью что?

На самом деле Андрей отлично знал, что Печник Рахмад будет делать с падалью. Наберет сейчас еще два десятка задавленных голубей. На худой конец сгодятся и вороны. Птицы, умершие естественной смертью, Печника не интересовали. Если повезет, набредет в каком-нибудь дворе на повешенную мальчишками кошку — окостеневшую, с тусклой шерстью и мучительно распахнутой пастью. А если уж совсем повезет, наткнется и на размазанный по разделительной полосе собачий труп. Андрей подозревал, что у Печника обширная агентура, и дохлятину к нему свозят со всего города. Мертвых зверей Рахмад аккуратно сложит в черные полиэтиленовые мешки и переправит своему подельнику — Ефиму Кривошпатову. Тот подрабатывает ночным сторожем в морге. Мешки аккуратно составят в угол в темном и холодном зале, и будут они дожидаться своей очереди, когда старший сын Рахмада вернется из рейса и подбросит отца на точку. Там мусорщик разложит мешки — и останется только подождать, пока медленно, незаметно Граница не проползет оставшиеся метры и не проглотит приношение. А с той стороны по узкому и быстрому ручью

поплывут бумажные кораблики... Андрея давно занимал вопрос, почему Печник предпочитает убитую живность сдохшей от старости. Может, за Границей только такие и оживают — если можно назвать это жизнью?

— У племянника попугайчик волнистый сдох. Тебе не надо?

Печник скривился-усмехнулся.

— Мальчик голову попугаю открутил? Раз-два: схватил — оторвал?

— Ты что, старый? — возмутился Андрей. — Пацан и мухи не обидит. От старости попугай сдох.

— А-а, — с деланным разочарованием протянул Печник, — тогда не надо, нет, спасибо большое.

Андрей оттолкнулся от ствола липы, на который опирался, и навис над стариком.

— А почему не надо? Хороший попугай, бери, даром отдаю. Не то что твой Кривошпат — по полтиннику за ворону дохлую.

Печник сжался, по-черепашьи втянул в плечи плешивую голову.

— Ай, начальник, мне подарков не надо — я честно торгую, за все рублями плачу, и налог плачу, и пошлину плачу, и деньги на приюты ваши даю.

— Письма носишь...

— Какие письма?

— А такие. Митька письмо передавал?

Печник пожал плечами. Голова его нырнула и вновь выскочила, как вспугнутая лягушка.

— Не знаю никаких писем.

— И опять ты врешь, — тихо и терпеливо сказал Андрей. — Вечно врешь. Зачем мальчонке своему глаз выколол?

Печник отшатнулся.

— Что ты такое говоришь, начальник? Я Камилю глаз выколол?

От волнения фальшивый акцент Печника исчез, и его русская речь зазвучала вполне чисто.

— Я собственному сыну буду глаз колоть? Да я пальцем его не трону, пылинки сдуваю, он у меня в ботиночках новых ходит, не то что некоторые...

И прикусил язык, сообразив, что сболтнул лишнее. Андрей смотрел на старика, тяжело и неприятно смотрел.

— Так. И где ты Димкины ботинки видел?

— А я ничего и не видел.

Печник вздохнул. Тощая грудь поднялась и опала, пахнуло псиной от старого пиджачка. Показалась торчащая из расползшегося шва соломинка, и на секунду Андрею представилось, что старик этот — и не старик вовсе, а неопрятное чучело, и в прорехи высовывается мякина и соломенная гниль.

Шрамовник смотрел на смуглую луковичную лысину и ждал. Минуту, две. Наконец Печник снова вздохнул и пробормотал, не поднимая головы:

— Что вам от меня надо, Андрей Дмитрич? Зачем мучаете, почему жить не даете?

Андрей качнулся с носка на пятку. Неширокая улица пылила двумя рядами автомобилей, лениво перемигивались светофоры на углу, и тихо, на самой границе слышимости, звенел спрессованный летней жарой

воздух. Тень от липовых листьев скользила по лицу Печника, и казалось, что мертвый глаз его лукаво поблескивает.

— От Митьки письмо принес?

Печник чуть помедлил и кивнул.

— Передал уже?

Старик мотнул головой.

— А где оставил? Дома?

Кивок. Андрей поморщился и приказал:

— Ну, так пригласи меня к себе в гости.

2

Дома у Печника было нехорошо. Дело не в отклеившихся полосках обоев и темных пятнах на мебели — видал Андрей квартирки и похуже. Здесь неприятно пахло. С кухни несло восточной едой, жирной, на подгоревшем жиру, воняли ботинки в прихожей, из ванной тонко и безнадежно тянуло плесенью и дешевым шампунем. За стенкой перхало и шаркало, невнятно гудел телевизор. Когда Андрей с Печником поднимались по заплеванной лестнице, высунувшаяся из соседней двери бабка подозрительно сощурилась и прошипела: «Лимита. Понаехали тут!» Впрочем, наткнувшись на взгляд Андрея, бдительная старуха тут же нырнула обратно и загремела цепочкой.

И вправду, лимита. В столовой окна были занавешены тяжелыми шторами, темными, бархатными, неуместными в этой бедности и грязи. Тускло светила лампа с пыльным плафоном. Не успел Андрей усесться на предложенный стул, как откуда-то пришаркала древняя бабка. Пожевывая сухими губами и мотая немытыми космами, она протянула к Андрею когтистую клешню и прошамкала: «Ай, добрый человек, дай погадаю, всю правду скажу, ничего не скрою». На секунду шрамовника пробрало детской жутью. Откуда-то всплыло воспоминание: мать, указывая на таких же бабок-гадалок, толпящихся у вокзала, торопливо тащит маленького Андрея за руку и шепчет: «Не смотри на них, Андрюша, не смотри, а то сглазят». Андрей отвернулся со смесью жалости и отвращения. Из кухни выбежала толстая черноволосая женщина в засаленном фартуке и, подхватив старуху под руку, повела ее вглубь дома. Старуха что-то бормотала не по-русски, а младшая ей втолковывала: «Это важный гость, имамма, очень важный, не нужно ему твое гадание». Потом она перешла на другой язык, с многочисленными «ы» и «у» — то ли тюркские, то ли монгольские корни.

Спровадив старуху, женщина вернулась и смахнула со стола хлебный мусор.

— Устраивайтесь поудобней, пожалуйста, сейчас чай будет.

Андрей хотел сказать, что не надо чая, но хозяйка уже скрылась на кухне.

— Фатима лепешки сегодня пекла. Попробуете свежих. А на мать не обращайте внимания, она и гадать не умеет.

Шрамовник обернулся. У себя дома Печник выглядел по-другому, будто в здешней серости и тоске ему и было самое место. Акцент исчез напрочь, а сам мусорщик распрямился, стал выше ростом. И лицо разгладилось, помолодело. Андрей неожиданно понял, что Печник Рахмад вовсе и не старик — вряд

ли ему было больше сорока. Мешок он оставил в прихожей и успел уже вымыть руки и переодеться в домашнее. Андрей поморщился.

— Не надо мне лепешек. Лучше письмо принеси.

Печник мягко возразил:

— У нас так не принято, Андрей Дмитрич. Вы гость. Гостя голодным отпустить — семь лет счастья не знать. И Фатима обидится.

Шрамовник хмыкнул:

— Вот скажи мне, Печник — зачем ты, русский человек, прикидываешься то ли туркменом, то ли таджиком? Я же знаю — ты родился в Москве.

— Восточных людей здесь не любят. Моя жена и дети — восточные люди, чем же я лучше них?

Андрей не нашелся, что ответить. Из кухни уже спешила Фатима. В руках у нее был поднос, уставленный чашками и блюдами. Споро сгрузив свою ношу на стол, женщина вернулась на кухню и принесла высокий медный кувшинчик с кипятком. Печник неодобрительно покачал головой.

— Вот вам пример. Так заваривать чай, как в Кажганде, нигде не умеют. А что мы будем пить? «Липтон» в пакетиках. Восточных людей не любят, и они хотят забыть, что это такое — быть восточным человеком.

— А воду кипятите в кувшине. Что, на электрочайник не хватает?

Печник промолчал. Андрей с брезгливостью смотрел на блюдо с лепешками. Большие, желтые, они маслянисто поблескивали, и так и казалось, что мелькнет сейчас между ними лаково-черный таракан. Андрей с детства ненавидел всякую нечистоту. Перед едой мыл руки по два или три раза и ежедневно менял полотенца в ванной. В грязи мерещились и зачатки болезней, и зерна распада. Недаром же там, во сне, Граница всегда проходила по болоту... Шрамовник рефлекторно вытащил из кармана белоснежный платок и вытер пальцы.

— Спасибо, я сыт. Письмо принеси, и я пойду.

— Оно там.

Печник кивнул на слабо освещенный прямоугольник двери.

— Там, на столе. Найдете конверт по адресу. Да их и немного, не ошибетесь.

Андрей с облегчением встал. Он уже сделал несколько шагов к двери, когда оттуда послышался деревянный стук и сопение. Спустя пару секунд показалась игрушечная лошадка-каталка. На лошадке сидел мальчик лет трех. Сидел как-то странно, кособоко, напряженно вытянув шею и отталкиваясь от пола правой ногой. Бледное до синюшности, худенькое лицо мальчика искажала гримаса. Левый уголок рта был оттянут вниз, а левый глаз, полузакрытый веком, поблескивал обнаженным белком. Левая рука малыша, ссохшаяся и неживая, бессильно свисала — но правой он решительно вцепился в лошадиную гриву. Андрей испугался, что мальчик сейчас упадет. Непонятно было, каким чудом он удерживается на лошади. Шрамовник наклонился к малышу, но сзади уже набежала Фатима, и, причитая на все том же незнакомом языке, унесла мальчика вместе с лошадкой в комнату.

Андрей обернулся. Печник смотрел бесстрастно.

— Вот так. Камилю нельзя выходить на улицу — закидают камнями. Да и свет он плохо переносит, видите, как у нас все зашторено.

— Он ыырк?

— Он поставлен на учет. Мальчик никому не причиняет вреда.

— Я просто спросил. Я никогда не видел... таких молодых. Думаете...

Андрей и сам не заметил, как перешел на «вы».

— ...это из-за Границы?

— Камиля проверяли в институте генетики. Говорят, случайная мутация.

Андрею хотелось сказать, что, скорее всего, Печник зря тешит себя иллюзиями — оборотнями просто так не рождаются. Но он удержался. Димка был лишь чуть старше Камиля. По последним данным, среди посмертных детей ыырков рождалось в четыре раза больше. Племянник Андрея вполне мог бы сейчас прятаться за плотными шторами и кататься на лошадке, отталкиваясь от пола одной ногой. Шрамовнику уже не хотелось идти в комнату за письмом. Охотней всего он покинул бы сейчас этот дом, бегом бы спустился по лестнице, распахнул подъездную дверь и вдохнул наконец жаркого летнего воздуха. Позволил бы солнцу выжечь тьму, накопившуюся снаружи и изнутри. Долго стоял бы посреди двора, а вокруг бы колесили на велосипедах обычные четырехлетки — такие, каким был и сам Андрей четверть века назад.

Печник поднялся из-за стола.

— Подождите здесь. Может, все же выпьете чаю? Я принесу письмо.

И опять пришлось Андрею гадать — случайно ли мусорщик отправил его в комнату, и, если нет — что тот хотел сказать. Шрамовник устало опустился на стул и налил кипятка в чашку. Положил туда пакетик с чаем и долго смотрел, как коричневое облачко расползается, окрашивая воду в болотный цвет. Когда шрамовник поднял глаза, перед ним лежало письмо. На измятом конверте крупным, будто бы детским почерком было написано: «Алене Первозвановой, Кутузовский пр-т, д.26 кв.22». Андрей почерка не узнал. Митька писал не так. Еще с детства Андрей запомнил мелкие, уверенные буквы — все контрольные он списывал со старых Митькиных тетрадей. Наверное, там мало света, подумал Андрей. Солнца там нет наверняка, а вот как с электричеством? Да, и откуда они берут бумагу? Некоторое время шрамовник тупо размышлял об этом, представляя огромные бумажные фабрики под бессолнечным и беззвездным небом. Потом встряхнулся, прогоняя нелепую мысль. Скорее всего, бумагу, как и все другое, приносят им мусорщики. Такие, как Печник.

Андрей сгреб письмо со стола и, скомкав, сунул в карман. Печник покачал головой:

— Ты бы все же передал ей. Ждет ведь.

Шрамовник скривил губы.

— Подождет и перестанет. И не носи их больше. Не носи, понял? А то пожалеешь. Тебя пока обходят с обыском, а могут и заглянуть.

— Не пугай, начальник.

Суетливая повадка мусорщика вернулась, и здоровый глаз его опять хитро сощурился.

— Не пугай, пуганые. Лучше бы о сестре подумал.

— Я о ней и думаю. Молодая ведь баба. Может, без этих писем мужика себе найдет нормального...

— Не тебя ли?

— А?

Андрею показалось, что он ослышался. А Печник уже съежился, отвел глаза.

— Говорю, еще чаю?

Шрамовник побарабанил пальцами по столешнице. Блюдца и чашки зазвенели.

— Нет, спасибо. Сыт.

Печник вышел проводить гостя. Уже в прихожей — за стеной все так же бормотал телевизор, шаркали и сморкались — мусорщик неожиданно вцепился в локоть шрамовнику и забормотал, жалобно сморщившись:

— То, что вы затеяли, большой бедой кончится. Большой бедой. Мне бабка нагадала, мудрая женщина, ышкызын.

Андрей отшатнулся:

— Ты о чем?

Печник некоторое время вглядывался в лицо шрамовнику, помаргивая воспаленным глазом. Потом удивленно сказал:

— А ведь ты не знаешь. Едешь, и не знаешь. Совсем тебя, видно, в управлении вашем не любят, угробить хотят...

— Чего не знаю? — взорвался наконец Андрей.

Печник подумал еще немного и ответил:

— Неважно. Ты вот что. Ты меня с собой возьми.

Андрей стряхнул с локтя цепкую руку и вышел, захлопнув дверь. Но, даже выскочив из подъезда, он все еще чувствовал лопатками внимательный взгляд.

3

У Алены был хороший двор. Обычно в этих серых сталинках дворы пыльные, качели пузырятся облезлой краской, а от мусорных баков невыносимо несет тухлятиной и кошками. А в аленином дворе — в бывшем дворе Андрея, и Митьки, и их отца, и деда — в аленином дворе зелено курчавились каштаны, и от вертушек забористо пахло свежей машинной смазкой. В песочнице ковырялись малыши. Компания детишек постарше столпилась у въездной арки. Оттуда доносились крики и визгливая брань. Андрей пригляделся. Мальчишки плотно окружили пьяницу в грязной рванине. Тот пытался пробиться к выходу, но дети не пускали. Кто-то из компании затянул высоким голоском: «Две бомжихи, два бомжа родили вчера ежа, у бомжихи мертвый глаз, бомж козел и пидорас». Остальные тут же подхватили.

— Хорошие дети.

Андрей оглянулся. Спешившая через двор тетка с авоськами остановилась рядом с Андреем.

— Хорошие дети, говорю. Давеча шла от Студенческой, из продуктового — так там детишки оборотня камнями забили. А наши ничего, посмеются и отпустят.

Андрей снова всмотрелся. Он надеялся, что Димки среди этих не было — да нет, и быть не могло, тут собрались пацаны постарше. Из подъезда показалась дворничиха и шуганула мальчишек метлой.

— Ну! Распелись тут!

Пацаны разбежались. Бомж, приволакивая ногу, поспешил убраться.

— Хороший был двор, — процедил сквозь зубы Андрей и пошел ко второму подъезду вслед за теткой с авоськами.

Дома у Алены было бедно и чисто. Даже занавески на окнах, дешевые тюлевые занавески, были отстираны до почти альпийской белизны. Андрей любил этот дом. Он здесь родился. А еще раньше здесь родился его старший брат Митька. Родился, рос, мужал, привел молодую жену. Аленку. Бледная молодая женщина, встретившая Андрея на пороге, была почти не похожа на ту юную, улыбчивую, яркоглазую — но все так же красива.

— Заходи, Андрюша.

Из комнаты набежал Димка, обнял с разбегу и мгновенно вскарабкался на плечи.

— Дядя Андрей!

— Видишь, как бесится, — вздохнула невестка. — Я его дома держу. Ухитрился простудиться в такую жару, представляешь? Он уже от скуки на ушах ходит.

— Ну вот. А я ему принес по погоде.

Андрей порылся в кармане и вытащил небольшой водяной пистолет. Димка скатился на пол и заныл:

— Ну, дядя Андрей, ну, пожалуйста, ну я чуть-чуть и только горячей водой, честно, да я уже почти здоров.

Алена улыбнулась. Последние пять лет Андрей нечасто видел эту улыбку. Димка, воспользовавшись замешательством, выхватил пистолет и умчался в ванную. Тут же загудел кран.

— Воет он у вас. Надо бы прокладку поменять, — механически заметил Андрей.

— Только не заводись сейчас. Потом поменяешь. Идем на кухню, я чайник поставлю.

— Спасибо, я уже на сегодня напился чаю.

— С кем это ты чаи гонял?

Улыбка Алены стала почти игривой. Андрей хмыкнул:

— Тебе бы там не понравилось.

— Ну просто так посиди. Я из-за Димки отгул взяла, даже и поговорить не с кем. А хочешь, я тебе его художества покажу? Представляешь, всю стену над плитой изрисовал, я даже и глазом моргнуть не успела. Теперь не знаю, чем отмывать.

Андрей шел за Аленой по коридору, и, кажется, в миллионный раз обещал себе не приходить сюда, просто переводить деньги на счет и подарки Димке отправлять по почте. Обещал, но, глядя на узкую полоску загара над воротничком халата, знал, что нарушит это обещание.

От чая все же отвертеться не удалось. Аленка заваривала его по старинке: сначала обдала чайничек крутым кипятком, затем бросила туда ложку крупных коричневых листьев и плотно закрыла крышкой. Засекла ровно пять минут по большим настенным часам. Кукушку из этих часов выковырял Митька, когда Андрея еще на свете не было. Маленький Андрей обижался на брата — так хотелось посмотреть, как выскакивает

из дверцы деревянная птица. Ему даже снилась эта кукушка. Над плитой — новенькой, Андрей купил пару месяцев назад вместо старой развалины — кафельную плитку украшал рисунок. Похоже, у Димки под рукой оказались только зеленый и красный фломастеры, но уж ими он постарался вволю. На зеленую танковую колонну пикировал с кафельного неба красный бомбардировщик, и танки задирали все выше и выше кривоватые пушечные стволы. В зеленоватых облачках разрывов второй бомбардировщик зарывался носом и падал за красную гору.

Сквозь занавески било белое солнце. Алена разлила чай. Андрею, как всегда, в его старую кружку с щербинкой на ручке. Выставила на стол сахар, конфеты, из холодильника вытащила остатки кремового торта. Размешала сахар в своей чашке и спросила:

— Ты опять уезжаешь?

— С чего это ты так решила?

— А ты всегда заходишь перед командировками. Куда теперь?

Андрей пожал плечами.

— Куда пошлют.

Он положил на стол несколько стодолларовых купюр.

— Димке на день рождения купи что-нибудь. Ботинки у парня уже на ногах разваливаются.

Алена будто и не слушала. Она поводила ложечкой в чашке и неожиданно сказала:

— Знаешь, а мне сегодня сон такой нехороший снился. Как раз про твою поездку. И про Митьку. Он играл в песочнице с каким-то мальчиком, маленьким, но не Димкой. И со мной заговорил, не помню о чем — но так страшно стало... Ты уж будь там поосторожней.

Андрею вспомнился Печник. Что-то нынче все грозят бедой.

— Буду. Я вообще очень осторожен.

Аленка глянула куда-то поверх его головы, на изрисованную кафельную стену. На секунду глаза ее затуманились. Потом она перевела взгляд на Андрея и чуть улыбнулась.

— Ты... да. Ты осторожный.

Привычно и глухо заныло в груди. Осторожный. Ага.

— Все еще не можешь простить мне Митьку?

Алена удивленно вскинула брови.

— Причем здесь ты?

— Ну как же. Я жив. Он — нет.

Из глубины квартиры донесся грохот и истошный мяв — это Димка открыл военные действия против кота. Алена покачала головой:

— Зачем ты себя мучаешь? Ты же знаешь — я так не думаю, и не думала никогда.

— Думаешь.

Андрею внезапно захотелось встать и уйти, но вместо этого он сунул руку в карман и нащупал письмо.

— Писем давно не получала?

— Каких писем?

— Митькиных.

Глаза у Алены расширились, потемнели, и лицо скрылось за ними. Андрей подумал, что сейчас она похожа на скорбящую богоматерь со старых деревенских икон.

— Испугалась?

— Тебя?

И такое в ее голосе прозвучало презрение, что Андрей понял: он прав. Всегда, за искренними вроде бы улыбками и радостью от его прихода стояло это — ты жив, а Митька — нет. Андрей вытащил из кармана скомканное письмо и швырнул на стол.

— На, читай. Наслаждайся.

А Алена не обращала больше на него внимания, и Андрей закусил губу от горькой зависти — так рванулась вдова-невдова к письму, так впилась глазами в корявые строчки.

— Читай, — он вновь забарабанил по столу, как там, в норе у Печника. — Обманывай себя. Переписывайся с умертвием, или кто он там теперь. Кто угодно, только не Митька.

Аленка оторвалась от письма. Погладила грязную бумагу кончиками пальцев и спокойно ответила:

— Это Митя. Ты же и сам знаешь.

И, помолчав, добавила:

— Ты бы хоть раз сходил к нему. Сходил бы и посмотрел. Я же знаю, вам можно.

И Андрею снова послышалось: «Ты трус».

4

Выходя от Алены, Андрей всегда стремился прикрыть дверь потише и побыстрей спуститься по лестнице. Фокус этот проходил с переменным успехом, но сегодня не удался. На верхней площадке хлопнула дверь, простучали торопливые шаги, и задыхающийся голос спросил:

— Вы уже уходите, Андрей Дмитриевич? К дедушке не зайдете? Вы знаете, он вас так ждет всегда.

Андрей обреченно вздохнул и обернулся. Внучка профессора Малышева, Даша, стояла на ступеньках. Очень рослая для своих шестнадцати лет, русокосая, с карими глазами, опушенными длиннющими ресницами, она смотрела безнадежно и преданно. По ее лимонно-желтому сарафану расплывались темные пятна пота.

— А ты почему не в школе?

— Географичка заболела. Нас отпустили с последнего урока.

Она говорила, теребя пушистую, выбившуюся из косы прядь и безотчетно слизывая капельки пота с верхней губы. Язык у нее был нежно-розовый, но почему-то напоминал коровий.

— На пять минут, больше не могу, — сказал Андрей и, протиснувшись мимо Даши, начал подниматься по лестнице.

В квартире профессора пахло нафталином и ландышами от сердечных капель. Домработница Ксения, пышная и голосистая тетка лет сорока,

увидев Андрея, шмыгнула на кухню и задергала там защелкой. Подобно большинству деревенских, Ксения опасалась шрамовников.

— Вы проходите. Дедушка в кабинете. Я сейчас чаю принесу.

— Не надо чаю, — взмолился Андрей.

Оставив Дашу изумленно хлопать глазами, он прошел в кабинет. Георгий Петрович уже шагал ему навстречу, широко разведя руки. До объятий, впрочем, дело не дошло. Андрей твердо пожал протянутую руку и опустился в кресло, демонстративно глянув на часы.

— Спешите? Все куда-то спешат, — прогудел Малышев. — Один я никуда не тороплюсь. Сижу тут, бирюк-бирюком, не знаю даже, что в мире делается.

Андрей кивнул на разбросанные по столу бумаги и стопки книг.

— Опять пишете?

— Пишу, пишу, куда денусь.

Малышев повел плечами, и, усевшись, вытянул длинные ноги. Черты лица у него были мелкие, вовсе не подходящие для огромной головы и высокого лба с залысинами.

— Вот, задумал что-то вроде эссе. И как раз по вашей части. Я, видите ли, давно уже вас подстерегаю. Чуть дверь внизу хлопнет, посылаю Дашку проверить — не Андрей ли Дмитриевич пожаловал. И у невестки вашей спрашивал, но она особа молчаливая.

— Алена не знает, где я.

— И ради бога. Ну да я много времени у вас не отниму. Так, хочу проверить пару мыслишек. Вы ведь, в силу вашей... хмм... профессиональной деятельности, являетесь чем-то вроде эксперта по Границе.

— Почему вы так думаете?

Профессор замахал длинными руками.

— Ни в коей мере не хочу нарушать вашу секретность, и не претендую...

— Служба контроля рождаемости не работает с Границей.

— Даже так? Ну и славно. Тогда просто послушайте, как новый человек, свежий, так сказать. А то ведь глаз замыливается, а Дашке мои выкладки неинтересны.

— Я плохо разбираюсь в социологии.

— А это не совсем социология. И не история. Это, если хотите, размышления о будущем.

Андрей поморщился.

— В некотором роде кустарщина, но, кажется, я нащупал парочку интересных аналогий. Я хочу опубликовать это в каком-нибудь популярном издании, может, в еженедельнике...

Сзади брякнуло. Андрей обернулся и увидел стоящую на пороге Дашу. В руках у нее был поднос с чашками. Профессор поспешно расчистил место на столе.

— Извините, пьем только красный и зеленый. Черного не держу, вредно для сердца. А варенья абрикосового хотите? Замечательное варенье, свежее, Ксения Павловна сама делала. Она у нас мастерица. Правда, Дашенька?

Дашка мотнула косой и вышла из комнаты. Домработницу она недолюбливала. Андрей угрюмо посмотрел на поднос и подумал, что

с сегодняшнего дня будет пить только кофе. Профессор звучно отхлебнул, развернул шоколадную конфету и откусил. Зажевал, старательно клацая зубными протезами. По лицу его разлилось блаженство. Андрей нетерпеливо шевельнулся в кресле.

— Вы говорили о статье.

— Да. Позвольте... где-то тут у меня было монетка. У вас нет мелочи?

Андрей порылся в кармане и вытащил серебристую пятирублевку.

— Отлично, просто отлично. Дайте ее мне.

Андрей протянул монетку через стол. Профессор принял ее и зажал между большим и указательным пальцами.

— Это для наглядности. В статье я так и пишу. Представим, что решка — это наша Жиль, а орел, соответственно, Нежиль. Они никогда, я подчеркиваю, никогда и нигде не пересекаются.

Андрей уставился на монетку. Меньше всего пятак напоминал Нежиль и Жиль.

— А вы ничего не путаете? Как же тогда Граница?

— Дойдем и до этого. Так было... до Второй Мировой, если я не ошибаюсь. Хотя есть кое-какие указания и на то, что целостность и раньше нарушалась. Но для простоты предположим, что равновесие сохранялось вплоть до последних десятилетий. А затем произошел прорыв. Слишком много смертей. Нежиль переполняется, и...

Жестом фокусника профессор спрятал блестящую монетку в кулаке, а оттуда показалась другая. Тоже пятирублевка, но, похоже, фальшивая. Одна сторона у нее целиком заржавела, и на второй проступили первые пятна ржавчины. Профессор повертел монетку, а затем кинул Андрею. Тот автоматически поймал.

— Похоже?

Андрей поглядел на монету, лежащую на ладони. Пятна ржавчины. Черные пятна Границы там, на севере, на болотах. И на юге, в пустынях и среди гор. Ржавчина, медленно разъедающая светлый металл. Да, это было похоже.

— Сначала я думал о ноже. Это очень распространенный мифологический мотив: брат или друг при расставании вручает остающемуся нож. Пока лезвие чистое, ушедший вне опасности. Ржавчина на лезвии означает болезнь или смерть. Я удивился, насколько это точная аллегория нашего мира. И насколько древняя. Видимо, даже египетские маги и вавилонские гностики что-то подозревали. Сначала я думал использовать нож, но потом мне подвернулась эта монетка.

Андрей смотрел на пятирублевку, и ему казалось, что даже сейчас, пока профессор говорит, ржавые пятна расширяются.

— Процесс нельзя остановить. Мертвых всегда будет больше, чем живых. Вы в СКР должны понимать это лучше, чем где-либо. Все ваши меры, простите, смешны. Надо либо вовсе запретить рожать детей, и тогда человечество вымрет быстро, либо нас со временем вытеснят. Уже сейчас Граница проходит по заселенным территориям. Представьте, что будет, когда она начнет проступать в центре городов. Нет, дослушайте, прежде

чем возражать. Два ребенка на семью, мальчик и девочка — это позволяет худо-бедно поддерживать популяцию, но проблемы с Границей не решает. Кстати, численность населения все равно сокращается. Возьмем хоть ваш случай — вы ведь второй сын в семье, так? Сейчас вам бы не дали появиться на свет или отправили бы в этот ваш ужасный приют, где людей уродуют. Вы знаете, что, когда я еще был депутатам, я голосовал против приютов? Это нарушение прав человека и извращение человеческого естества, это хуже Границы.

Андрей хотел возразить, но профессор властно поднял руку.

— Помолчите. Я знаю, что вы сейчас скажете. Вынужденные меры, временные, пока не будет найдено решение. Кстати, ваши же аналитики, из СКР, выпустили недавно закрытый бюллетень. Согласно нему, через пятнадцать лет наша численность сократится на десять процентов, а еще пять будут составлять ыырки. Некоторые мои коллеги сейчас строят модели нового общества. Они считают, что через пятьдесят лет три четверти населения Земли будет ыырками, и Граница исчезнет. Якобы потому, что ыырки интегрируют в себе оба мира. Я считаю, что это глупость. Они такие же люди, как мы, просто со странными способностями. И они тоже умирают. Граница будет ползти, чем дальше, тем медленней, но будет, пока не захватит весь мир. И тогда останутся одни мертвые. У меня нет достаточно данных с той стороны, чтобы делать прогнозы, но, полагаю, ничего хорошего человечество не ждет. Мертвые не рожают детей. У них нет мотивации — ни инстинкта сохранения рода, ни жажды познания. Цивилизация мертвецов обречена. Сейчас они еще проявляют слабый интерес к жизни, из-за того, что их близкие пока здесь. Но лишь немногие из них, и лишь временно. Когда живых не останется, наш мир погибнет.

Андрей смотрел на монету и думал о Митьке. Не о мертвом с глазами — огоньками, не о Митьке-из-сна. О живом Митьке. Митьке, играющем в песочнице с маленьким мальчиком. Этим мальчиком был сам Андрей. Когда шрамовник поднял голову, профессор протирал очки, смущенно пофыркивая.

— Вы извините меня, Андрей. Что-то я заговорился и погорячился.

Он напялил очки на нос. Те все время сползали с переносицы, потому что оправа не подходила — шельма-мастер обманул. Десять лет профессор носил все те же очки, лишь изредка меняя стекла. С возрастом он становился все более близоруким, и это было странно, ведь обычно все происходит наоборот.

Андрей пожал плечами:

— Не за что извиняться. Я не обижен.

— Нет, мне надо извиниться, — настойчиво повторил профессор. — Вы ведь хороший молодой человек. Чистый, честный. Я вижу. Так что вы уж простите брюзжание старика. Это от бессилия. Доктора мне обещали от силы еще два-три месяца. Я ухожу, осознавая, в каком страшном беспорядке оставляю мир. И я ничего, ничего не могу поделать. Наверное, это общая беда моего поколения — нам все казалось, что надо что-то делать, что-то изменять, что от нас зависит сделать мир лучше. А это не так. Вы

знаете, Андрей, по ночам мне очень страшно. Я совсем один, лежу и думаю о смерти. Сто лет назад люди были счастливы. Они ведь не знали наверняка, что их ждет.

— Мы тоже не знаем наверняка, — тихо заметил Андрей.

Профессор, кажется, не расслышал.

— Да, так вот я лежу и размышляю, и мне иногда кажется, что весь наш мир — это какая-то чудовищная ошибка, уродливый эксперимент. Какой-то высший, простите за банальность, разум. Инопланетные вивисекторы, пришельцы — да кто угодно — решили испытать нас. Но для чего? Зачем? Я думаю и не нахожу ответа. Может быть, у вас есть ответ?

Андрей покачал головой и встал. Профессор приподнялся в кресле.

— Уже уходите?

— Да, надо идти.

Он поколебался несколько секунд и соврал:

— Я зайду к вам на той неделе.

Профессор оживился:

— Заходите непременно. Мы еще потолкуем. Может, вместе выберемся на дачу и Димку с Аленой Валерьевной прихватим...

Уже у дверей Андрей обернулся.

— Не публикуйте эссе. У вас будут неприятности. Вам, может, ничего и не сделают, но подумайте о Даше и ее матери. К тому же все равно ваш труд в печать не пойдет.

— Да, да...

Профессор растерянно завозился в кресле.

— Вы так думаете?

— Уверен. Вы ведь для этого меня и позвали?

Малышев потупился и снова принялся протирать очки.

— Вы мне так и не сказали... Чем вы собирались закончить вашу работу? Какой выход вы видите?

Профессор взглянул на Андрея, близоруко щурясь.

— Я не вижу выхода. Если только... Это странная, нелепая мысль, пришедшая ко мне во время игры с монеткой. Я сам толком не понимаю...

Малышев поднял монету и поставил ее на ребро.

— Смотрите.

Он резко крутанул пятирублевку большим и указательным пальцами, и маленький кружок завертелся, заплясал, превратившись в серебряную сферу.

5

Андрей с трудом отделался от Даши у дверей подъезда. Та смотрела преданными собачьими глазами и никак не хотела уходить. Только сурово рыкнув, шрамовник заставил девушку убежать вверх по лестнице. Кажется, на площадке второго этажа она разревелась.

Шрамовник остановился посреди двора и посмотрел на часы. Можно было еще успеть заскочить к Вике — та жила недалеко. Однако идти не хотелось. Опять пятиминутные ласки и скомканное прощание. Вика плакать не будет, это точно, только вот приходить к ней с пустыми руками Андрей не привык.

Да и не при параде. Андрей провел рукой по щеке. Пальцы кольнула щетина. Он не брился уже дня три. Утром будили звонками и вызывали в управление, требовали вносить в рапорт бесконечные мелкие поправки. Что-то им там не по душе пришлось в его последнем деле. Шрамовник недовольно поскреб подбородок. Если взять такси, можно успеть к Гагарычу. Там старомодно и просто, там подают отличный кофе в маленьких чашках, и притом работает последняя в Москве цирюльня. Там можно позволить себе расслабиться и хотя бы час-полтора ни о чем не думать. Андрей потянулся так, что хрустнули суставы, и решительно зашагал к въездной арке.

В кафе было пустовато — середина рабочего дня. Со стен глянцевито улыбались фотографии черных саксофонистов. Андрей миновал стойку бара и прошел в комнату, где среди зеркал и высоких кожаных кресел хозяйничал сам Гагарыч. Из динамиков лился знойный джаз. Поговаривали, что сам хозяин некоторое время подвизался в джаз-банде, но неудачно. Длинноносый, рыжеватый и веснущатый, он уже спешил навстречу Андрею.

— Какие люди!

Лошадиное лицо Гагарыча расплылось в улыбке.

— Что будем делать? Стрижка, бритье? Вам, Андрей Дмитриевич, не мешало бы подстричься.

— Побрей пока, а потом видно будет. И попроси там кофе сварить, у меня от этой духоты глаза слипаются.

— Да, жара страшная. Адская жара. Я бывал в Лос-Анджелесе, так вот даже там не так жарко.

Гагарыч мигнул расторопному пареньку-помощнику, а сам уже ловко взбивал пену в чашечке. Брил он по-старинному, преострыми опасными бритвами. Распаривал кожу на щеках собственным травяным настоем, и одеколон у него был тоже свой, сделанный на заказ. Андрею нравился тонкий запах пены, ее нежное пощипывание, нравилось откидывать голову в кресле, подставляя горло под лезвие. Это создавало иллюзию беспомощности, полной беззащитности и зависимости от руки мастера. Расслабляющая, приятная иллюзия.

— И в Алжире жары такой не было, и в Марокко, — продолжал болтать Гагарыч. — Только в Монголии на Халхин-Голе, в первое военное лето — вот тогда была такая же жара, у танков броня горела, и пить хотелось ужасно.

Гагарыч был слегка чокнутым — по крайней мере, его воспоминания наводили на такую мысль. Сам он утверждал, что родился двенадцатого апреля, в День Космонавтики, но какого года, точно припомнить не мог. Возможно, поэтому клиентов в маленькой цирюльне всегда было немного. А вот Андрей любил Гагарыча и доверял ему, как мало кому доверял.

— Мы, помнится, заходили тогда на «курносом» на позиции японцев...

Паренек-подмастерье притащил кофе. Андрей втянул горьковатый аромат и прикрыл глаза. Под ухом гундосил Гагарыч, щеки горели в предвкушении одеколона, и вяло, медленно вращались под потолком лопасти вентилятора. Монетка-монетка крутилась на столе, где-то гудел вертолет, и Митька улыбался из песочницы ощеренным мертвым ртом. Андрей вздрогнул и проснулся.

— Ай, — взвизгнул Гагарыч, отдергивая бритву.

На лезвии темнела капелька крови.

— Ну что ж вы так, Андрей Дмитриевич? Еще бы чуть–чуть — и порезал бы вас. Головку-то держать надо.

— Задремал, — виновато сказал Андрей.

Гагарыч уже прижег ранку одеколоном и махал над лицом Андрея полотенцем.

— Заклеивать не буду — некрасиво получится. Ну, все, неосторожный вы мой человек. Пейте кофе, а то заснете так, и бах — под машину. А я пока за геликоном схожу.

Андрей улыбнулся. Когда-то у него был друг, Виктор. Они учились вместе в школе. Сейчас тот стал довольно известным художником, но в былые времена, еще до того, как Андрей пошел работать в СКР, они часто собирались в мастерской у Виктора. Пили пиво и трепались ни о чем. Однажды заговорили о гениях, и Виктор сказал: «Вот, Андрюха, все говорят: талант, талант. Талант не бережется, талант разбрасывает себя. И правда, талантливые люди начинают черпать из себя смолоду. Им кажется, у таланта нету дна, они спешат поделиться. И часто, чаще, чем кажется, вычерпывают все досуха. А маленький человек, серенький — он не черпает, он все копит. Копит, всю жизнь копит, а жизнь у него горькая, трудная, и много всякого скапливается. И вот однажды он возьмется за перо или за смычок, и как выплеснет все это! И сразу понятно — гений. А он не гений. Он просто много успел скопить»

Гагарыч писал симфонию. Он писал ее много лет, дольше, чем Андрей его знал. Последние несколько месяцев цирюльник все намекал, осторожно, ненавязчиво. Наконец Андрей понял, что Гагарыч хочет, чтобы его послушали. И обещал выслушать. Похоже, тот наконец решился.

«А что, — весело подумал Андрей, — вдруг и вправду — копил в себе человек, копил, и сейчас выплеснет в мир такое, что никому и не снилось».

Гагарыч вернулся, опутанный геликоном. Геликон был похож на сияющую золотую змею, и раструб ее казался змеиным зевом, пожирающим особенно робкого и смиренного кролика. Гагарыч протер лысину, пригладил жидкие рыжие волосы, набрал в грудь воздуха и заиграл. Из зева вырвались жалкие, сипящие звуки, в которых с трудом угадывалась мелодия. Звуки бурлили и клокотали под потолком, Гагарыч отчаянно раздувал щеки — и под этот печальный рев Андрей неожиданно осознал, что его поездка и впрямь ничем хорошим не кончится.

6

СКР занимала бывшее здание Университета на Моховой. Десять лет назад желтые корпуса выгорели почти дотла, и приунывшие журналисты переехали на Воробьевы Горы. А спустя несколько месяцев старое здание засияло новенькой краской, а у ворот появилась незаметная будка. У входа было налеплено десятка два разноцветных вывесок, начиная от «Мостранспроекта» и кончая «АОО «Клубничка». И среди них притулилась одна, не самая яркая. На ней значилось «СКР, Московский филиал».

Под надписью были указаны часы работы. Человек со стороны предположил бы, что контора СКР занимает две, от силы три комнаты где-нибудь в левом крыле. Что ламповые плафоны там засижены мухами, а на столе секретарши, между телефоном и тюбиком с помадой, видны несмываемые кофейные полукружья. Человек со стороны ошибся бы. СКР — СКАР, давно и прочно прозванная москвичами «Орденом Шрама», — занимала все здание, включая четыре подвальных этажа. Остальные вывески были фальшивками. А человека со стороны и близко бы не подпустил охранник, дежурящий в незаметной будке у ворот.

Андрей подмахнул на выходе пропуск, сбежал по ступеням крыльца и пошел к своей серой служебной иномарке. Та была припаркована на противоположной стороне улицы на частной стоянке. У парковочного автомата, прислонившись к нему спиной и неловко скособочившись, стоял Печник. Рядом валялся мешок. Дежурный, прохаживающийся за турникетом, то и дело поглядывал на мусорщика, но гнать отчего-то не гнал. Андрей остановился, побрякивая ключами.

— Дожидаешься?

— Возьми меня с собой, — без выражения сказал Печник. — Возьми, пригожусь.

— Ты как, в багаже у меня полетишь?

— Возьми.

— Вот упрямая бестия, — пробормотал Андрей.

Он скормил автомату мелочь и, обогнув турникет, распахнул пассажирскую дверцу.

— Давай садись.

Печник подобрал мешок, и, слегка прихрамывая, пошел к машине.

7

Сильно трясло. Андрею до этого приходилось летать на вертолете, но с этим что-то было не так. Рев двигателя то и дело срывался в скрипучий вой, и тогда старый КА-32 ощутимо дергало. Печник, сидящий рядом, на скачки вовсе не обращал внимания. Он закрыл глаза и, похоже, спал — не выпуская при этом мешок.

Андрей сорвал наушники и склонился к сопровождавшему их лейтенанту.

— Чего трясет так?

— А?

— Трясет чего? — проорал Андрей.

— Над горами летим, — завопил в ответ лейтенант. — К тому же Граница. Дыры.

— Чего?

— Воздух разреженный, говорю. Как на большой высоте.

Андрей кивнул и снова нацепил заглушки. Вой стал потише. Внизу разворачивалась горная цепь. Солнце уже зашло, но последние розовые лучи пробивались из-за хребта, и тем темнее на их фоне казались ущелья и низкие предгорья.

Лейтенант открыл рот и прокричал что-то. Андрей освободил одно ухо.

— А?

— Садимся сейчас. Скажи своему калмыку, чтобы бошку под винт не совал.

Печник приоткрыл черный глаз. В ту же секунду вертолет ухнул вниз. Двигатель отчаянно взревел, но тут же выправился, и КА-32 грохнулся на узкую площадку. У Андрея клацнули зубы, и он чуть не прикусил язык.

— Пилоты, блин!

Лейтенант уже выскочил и, пригибаясь, побежал к палаткам. Андрей выпрыгнул за ним. Под ногами хрустнул мелкий щебень, и обдало сильным ветром. Вжав голову в плечи, он оглянулся на Печника. Тот не спеша поднял мешок и боком сполз к дверце. В кабине матерился летчик. На краю поля хлопал конус, и над лагерем бешено и потерянно метались прожекторные лучи.

— Ваше удостоверение я вижу, и не суйте мне его под нос. А это кто?

Полковник в артиллерийских погонах дернул щекой в сторону Печника. Тот стоял, потупившись и теребя мешок. Под потолком палатки мигал фонарь «летучая мышь». Задняя стенка полоскалась — похоже, недостаточно растянули и поленились исправлять. В предбаннике орал в телефон связник.

— Вы понимаете, что я вас обоих должен арестовать и отправить в штаб округа? Притаскиваете черт знает кого, без документов. А потом жалуетесь: ах, военные нас обидели, ах, наши полномочия. Так?

Последнее было сказано на полтона тише. Андрей решил, что полковник Разинцев из тех начальников, которые успокаиваются, хорошенько наорав на подчиненных. Вот и сейчас военный смягчился и посмотрел на Андрея почти милостиво:

— Ну, что вы молчите?

— СКР не отчитывается перед армией. Ни перед вами, полковник, ни перед штабом округа. Я взял с собой специалиста, потому что считаю, что его присутствие может оказаться полезным и даже необходимым.

— Специалиста?

Полковник всмотрелся в одноглазое, будто сведенное судорогой лицо. Глаза у него расширились, и он даже чуть попятился. Андрей подумал, что не зря про армейских ходят скверные анекдоты. Бедняга и вправду суеверен.

— Вы хотите сказать, он...

— Нет, он не ыырк, конечно.

Показалось, или артиллерист действительно вздохнул с облегчением?

— Ну и шуточки у вас... Ладно. Я вам доверяю, но в случае чего вы за него отвечаете. Забирайте вашего специалиста. Операция начинается в шесть утра, в пять тридцать сбор на наблюдательном пункте. Лейтенант Суворов вам покажет. До этого постарайтесь не путаться под ногами и не вздумайте распоряжаться...

— Я знаю свои полномочия.

— Вот-вот. И отлично. Эй! Суворов!

Он обернулся в сторону предбанника. Полог вздернулся, и под него поднырнул давешний лейтенант.

— Покажите этим двоим, что и как.

Он снова глянул на Андрея:

— Палаток лишних у нас нет, так что переночуете в кухонной. Заодно поужинаете. Что-нибудь еще вам от меня надо?

Андрей замялся на секунду, затем сделал Печнику знак выйти. Полковник кивнул лейтенанту, и тот вывел контрабандиста, старательно опустив полог.

— Что?

Андрей поморщился.

— Мне сообщили, что вы собираетесь вскрыть Границу.

— И?

— Как вы хотите это сделать?

Полковник моргнул, а потом ухмыльнулся. Его верхняя губа вытянулась, придав ему поразительное сходство с лошадью.

— Ваше начальство вам не сообщило?

Андрей покачал головой.

— Мне сказали, что дадут ориентировку на месте.

— Завтра. В пять тридцать утра.

В голосе полковника звучало чувство глубокого удовлетворения. Когда Андрей выходил, тот еще улыбался.

Полевая кухня была холодна, как айсберг. Дежурные убрались в палатку и, несмотря на увещевания лейтенанта Суворова, заявили, что никакого ужина для уполномоченных из Москвы у них нет. Кончилось это тем, что лейтенант наорал на повара, и тот неохотно выдал буханку черствого хлеба. Костер задувало ледяным ветром. Андрей дрожал, съежившись под одолженной у Суворова плащ-палаткой. Печник, казалось, не чувствовал холода. Лейтенант отошел куда-то и вернулся с котелком чуть теплого чая.

— Можно разогреть, — предложил он, нацепил котелок на длинную ветку и поднял над костром.

Печник, не говоря ни слова, развязал мешок. Оттуда показалась бутылка водки, колбаса, несколько длинных огурцов и знаменитые, так и не опробованные Андреем лепешки.

— О, да вы богато живете! — восхитился лейтенант.

На вид ему было лет двадцать, и на его курносом, незагорелом лице смешно оттопыривались пухлые детские губы. Печник порылся еще и вытащил пластиковые стаканы. Лейтенант быстро разлил водку.

— Ну, за здоровье... Как вас, уважаемый?

Он поднял свой стакан и улыбнулся Печнику. Андрей не ожидал, что тот ответит, но мусорщик приветливо кивнул:

— Рахмад Акмамбекович.

— Рахмад Акмамбекович, твое здоровье.

Не чокаясь, выпили. Андрей ощутил, как водка огнем прокатилась по пищеводу и взорвалась в желудке маленькой бомбой. Только тут он сообразил, что, кроме трех чашек чая и Гагарычева кофе с бисквитом, ничего с утра не ел. Поспешно потянулся к лепешке, уже чувствуя, как ударяет в голову хмель.

Печник разделывался с ужином не спеша, обстоятельно. Лейтенант жадно откусывал куски колбасы, жевал хлеб, роняя крошки на острые камни.

— Нежирно вас тут кормят, солдатик, — покачал головой Печник. — Вижу, совсем ты голодный.

Суворов опрокинул второй стакан, утерся рукавом.

— Да уже неделю тут стоим, ни тыр, ни пыр. Говорят, какие-то части из Кажганды подгоняют.

Андрей насторожился. Отложил лепешку, отставил едва початый стакан.

— Из Кажганды? А кто у нас там стоит?

— Вроде пехтура. И эти... чурки. Ой, ты извини, батя.

Он виновато взглянул на Печника. Тот махнул рукой, ничего, мол.

— Наши части и местные. Учения какие-то собираются проводить, черт-те что. А у меня дружок на аэродроме в Кажганде механиком. Так, говорит, им тоже пришла разнарядка: к утру шестого все перебрать, самолеты заправить и ждать приказа. Значит, еще и авиацию подключили.

Недоброе предчувствие, мучившее Андрея весь день, пробудилось и царапнуло под ребрами.

— Зачем авиацию?

— А хрен их знает. Над Границей не полетаешь. Собирались еще неделю назад эвакуироваться, а тут — нате, пожалуйста. Дружок мой уже губу раскатал. Думал, пока суть да дело, смотается в увольнительную к себе в Рязань. Нет, запрягли всех. Масштабные, бля, учения всех родов войск. В жопу пусть себе засунут эти масштабные.

Парнишка стремительно хмелел. Он снова потянулся к бутылке. Там уже плескалось на самом донышке.

— Слышь, — лейтенант обернулся к Андрею и хитро сощурился, — а чего вы с батей вообще здесь? Ты извини, брат, но я у полкана твой пропуск подглядел. Ты же из этих... люди в штатском. Шрамовник, да?

Андрей не смотрел на паренька. Стряхнув с колен крошки, он встал и пошел за палатку. Там гора скатывалась вниз двухсотметровым обрывом. Весь их лагерь примостился на неширокой полке между пропастью и скальной стеной, уходящей вверх и вверх, к седловине перевала. Долина под горой была погружена во тьму, лишь чуть серел серпантин ведущей к перевалу дороги. И там, внизу, в черноте, помаргивали светляки. Огни пехотного лагеря? Для чего загнали в эту щель между горой и Границей не сто, не двести человек — судя по ярким точкам, не меньше двух, а то и трех полков. Дай бог, чтобы не целая дивизия жалась в долине. Зачем?

Сзади зашелестели падающие с тропы камешки и послышались неровные шаги. Голос с легким восточным акцентом спросил:

— Ну что, Андрей Дмитрич, уже догадались? Или подсказать?

Андрей поддел носком ботинка скальный осколок, столкнул его в пропасть. По камням внизу застучало.

— Был один такой умный человек, — продолжил голос, — а, может, и не очень умный. Звали его то ли Иваном, то ли Йонаханом, то ли вообще Павлом, и написал он одну книжку. Эту книжку очень любят у вас на Моховой.

Недоброе предчувствие взвыло во весь голос. Андрей так резко крутанулся, что чуть не потерял равновесие. На секунду представилось, как, раскинув руки, его тело валится на острые камни внизу. Потом видение смыло волной ярости.

— Они собираются их всех угробить? Открыть Границу кровью? Они что, спятили?! Это же безумие!

— Ну почему же?

В темноте шрамовник не мог сказать наверняка, но, кажется, Печник улыбался.

— Это вовсе не безумие. Это просто одна из теорий. Наверное, вам не раз говорил ваш профессор... Георгий Петрович, кажется? Если на Границе пролить очень много человеческой крови, она разомкнется. Это пробовали проделать уже не раз. Но никто до сих пор не думал, что понадобится столько крови.

Он кивнул на долину. Андрей ошалело вглядывался в спокойное скуластое лицо.

— Кто вы такой, Печник? Кто вы, черт побери, такой?

Печник пожал плечами.

— Я простой мусорщик. Не забирайте в голову. Пойдемте лучше чай пить.

— Мне надо поговорить с полковником.

— Не надо.

Но Андрей уже шагал к лагерю.

На сей раз полковник орал так, что «летучая мышь» под потолком выплясывала дикую пляску, а часовой то и дело норовил заглянуть вовнутрь. Когда ушастая, наголо выбритая голова в очередной раз скрылась за пологом, полковник перевел дух и громко зашипел:

— Вы думаете, мне это нравится? Думаете, я тут чем-то распоряжаюсь? Да вы что, идиот? Я бы и сам всех по домам распустил, первый бы сбежал отсюда, только бы меня и видели. Не могу. Приказ. И у вас приказ. И, между прочим, у вас там все знают и все одобрили.

— Не может быть, — возразил Андрей, понимая, что так оно и есть.

Полковник пропустил это мимо ушей.

— Послушайте, нам бога надо молить, чтобы эта дрянь сюда не добралась. А вы мне тут панику разводите.

— А что же с ребятами в долине? Вы утром просто прикажете открыть огонь по лагерю, сбросите на них пару бомб...

— И прикажу! — снова взорвался полковник. — Прикажу! Мне же приказали, и я прикажу! И вы не будете совать свой нос, будете делать, что вам велено.

Он приблизил лицо к Андрею и снова зашептал:

— Вы что думаете, мне приятно по своим стрелять? Я радость получаю от этой бойни? Да вы знаете, что штаб делал запрос в ваш чертов СКАР. Просили дать нам приютских — все равно им подыхать, так хоть быстро помрут, не на каких-нибудь урановых рудниках. Нет, отказали! Ваша,

говорят, операция, вы и расхлебывайте. А у нас этика-эстетика. А похоронки по всем этим мальчишкам кто будет рассылать, вы?!

Андрей подумал, что если бы внизу были дети из приютов, ему пришлось бы пристрелить полковника. И почувствовал недостойное облегчение.

— Ну что, успокоились? — прогудел полковник. — Тогда идите, идите, не мешайте. Мне еще летучку проводить, а я не спал три дня. И никто из офицеров не спал. Идите хоть вы отоспитесь. Завтра нам силы понадобятся. Вдруг она, сука, и впрямь откроется?

Андрей шел от палатки, опустив голову и пиная мелкие камешки. Небо на востоке уже чуть светлело. Он шел и корил себя. Бормотал сквозь зубы: «Что, брат, сдулся? Спекся? А надо ведь было старого хрыча прибить». Можно было, конечно, нагнать сюда газетчиков. Так наверняка поступил бы Митька. Он ведь и сам был из их братии. Верил в силу произнесенного слова. Андрей вытащил мобильник и взглянул на табло. Без четверти пять. Не успеть. Даже если разбудить звонком Левку Первушкина, Митькиного оператора и закадычного друга — все равно не успеть. Пока тот глаза продерет, пока поймет, что к чему, пока дозвонится до редакции... Оставалось только ждать.

У костра Печник допивал чай. Лейтенант Суворов лежал, положив голову на согнутый локоть, и блаженно посапывал. Увидев Андрея, мусорщик выплеснул из второго стакана остатки водки, протер салфеткой и налил мутноватого кипятку.

— Вот, выпей, Андрей-багдасар.

Андрей устало опустился на плащ-палатку и сказал:

— Как вы мне надоели своими ужимками, Печник. Как вы все мне надоели.

Чай, однако, он взял и с отвращением выпил. Горло саднило от крика.

— Хотите, анекдот расскажу, Андрей Дмитрич? — невозмутимо предложил мусорщик.

— Валяйте, — вяло согласился Андрей.

— Приходит ангел смерти к молдованину, к японцу и к русскому. И спрашивает: «Чего бы вам такого из выпивки и закуски принести напоследок, чтоб умирать легче было?» Молдованин попросил вино и мамалыгу, японец сакэ и вареную рыбу, а русский — стакан живой воды и селедку. Ангел все это принес. Молдованин выпил вино, съел мамалыгу и умер. Японец выпил сакэ, съел рыбу и умер. А русский селедку в стакан с живой водой положил, пригорюнился и говорит: «Одни мы с тобой, золотая рыбка, остались!»

Шрамовник угрюмо посмотрел на Печника:

— А смысл в чем?

— А вам еще и смысл нужен?

— Тьфу!

Андрей сплюнул. Отпихнув разметавшегося во сне лейтенанта, он завернулся в плащ-палатку и закрыл глаза.

Интер. Церковь на болоте

...Заскрипев, распахнулась тяжелая дверь. Из-под церковного свода посыпалась труха и разлетелись голуби (откуда голуби на болоте, подумал

Андрей), узкие лучи света ударили в щелястый пол (откуда свет?).

Ноги помнили, как пружинят ступеньки — не ступеньки, болотные кочки, выжимающие из себя соленую влагу. Андрей прищурился, вглядываясь в полумрак. За невысокой кафедрой, там, где должен был быть иконостас и алтарь, высился деревянный крест. У креста маячила фигура батюшки с кадилом. Батюшка, чернорясый, долгобородый, бормотал неразборчиво, кадило покачивалось в его руке. За крестом, в полушаге от батюшки, воздух начинал дрожать и плавиться — там уходил вверх темный купол Границы. На Границе стоял Митька и держал за руку...

— Камиль?

— Папа!

Только сейчас Андрей сообразил, что и в его руке зажата детская ладошка. Глянул вниз, на светлый хохолок на Димкиной макушке. Папа. Как Андрею хотелось, чтобы этот мальчик называл так его — но Димка тянулся к высокой фигуре за крестом.

— Приидет искупитель, — бормотал батюшка, поклакивали его зубные протезы, поблескивал высокий лоб с залысинами.

— Георгий Петрович?

— Искупитель приидет, и кровью своею нас всех причастит, и живых и умерших. И распахнутся врата...

Андрей знал, что спит, и сон этот ему не нравился. Он попытался проснуться, но воздух стал горяч и вязок, как расплавленное стекло. Сон не отпускал.

— Прошу.

Батюшка сделал рукой приглашающий жест, и Андрей почувствовал, как ноги сами несут его к алтарю и кресту.

— И молоточек-то, молоточек не забудьте.

— Папа?

Маленький Димка недоуменно смотрел, как его отец подхватывает под мышки второго мальчишку. Бледное личико Камиля было сосредоточенным. Он и не подумал вырываться, когда Митька приложил его левую, сухую ручку к кресту и нанес первый удар. На пол закапало.

— Кровью своей... А что же вы, Андрей Дмитриевыч, что же вы? Ваша очередь.

Непонятно как в руке у Андрея оказался молоток — возможно, его успел втиснуть в ладонь назойливый батюшка. Димка смотрел снизу недоуменно и обиженно.

— Что же вы. Раньше сядем — раньше слезем, как говорили латиняне. Один гвоздик в одну ручку, другой гвоздик в другую. Потом за поперечину возьметесь с братцем вашим, он с той стороны, вы с этой, поднатужитесь — оно и завертится. А так никак. Присохло. Без смазки-то, без кровушки, не раскрутите. Монетка, монетка...

Кровь маленького ыырка стекала к подножию креста темной струйкой. Митька выжидающе смотрел единственным глазом, и суетился священник, и тянулся к отцу Димка. Андрей поднял молоток. Размахнулся и что было силы опустил его на поперечину креста, там, где она сходилась

с основанием. Взметнулась вековая пыль. От грохота заложило уши. Стены церквушки дрогнули, зарябили, и по болоту прокатилось...

...задохнувшись, Андрей откинул с лица плащ-палатку. Вокруг ревело так, что, казалось, рушатся горы — но это всего лишь началась бомбардировка.

8

Долина кипела. Андрей отобрал полевой бинокль у лейтенанта, блюющего за грудой мешков с песком. Зачем нужны мешки, Андрей не понимал, пока одна из бомб не разорвалась в скалах внизу, и НП не окатило каменным крошевом.

— Могли бы зэков каких-нибудь нагнать, — прохрипел рядом немолодой майор.

И выматерился. Из-под его фуражки, с седоватых волос ручейками стекал пот.

— Зэки давно бы уже разбежались. Выковыривай их потом отсюда.

Голос у полковника был спокойный, но странным образом перекрывал царящий в долине ад. Андрей мельком взглянул на него и понял, что Разинцев уже все для себя решил. Откроется Граница, не откроется — вернется к себе домой, нальет коньяку и застрелится. Шрамовник навел бинокль на бывший пехотный лагерь. На месте палаток и вчерашних костров висело облако пыли. Что-то горело, хотя, казалось, гореть было уже нечему. Обильно сдобренный кровью камень потрескался, обуглились невысокие деревца, и несло оттуда гарью и пороховым дымом. Запаха сгоревшей плоти пока не было, но он будет. К вечеру потянет мертвечиной...

— Ну вот, кажется, и все, — так же ровно сказал полковник. — Ждем.

— Чего ждем? — истерически взвизгнул майор. — Ты что, не видишь? Этих перебили, сейчас за нас возьмутся. Думаешь, им нужны свидетели?

Словно в подтверждение, неподалеку грохнуло. С обрыва посыпались камешки. Майор вскочил и кинулся было бежать, но полковник ухватил его за шиворот и швырнул обратно на землю.

— Сиди.

Майор тихонько заныл. Полковник повел головой, будто воротник натирал ему шею, и повторил:

— Всем сидеть. Ждем, наблюдаем за Границей.

Долго ждать не пришлось. Андрей увидел в бинокль, как над медленно оседающей пылью зарябил воздух. Это напоминало мираж, висящий над шоссейными дорогами в особо жаркие дни. То же мельтешение на грани видимости, и черный асфальт превращается в озерную гладь. Казалось, по предгорьям разливается прорвавшая плотину вода. Не темными кляксами, как на снимках со спутника — живой волной текла по земле чернота.

Рядом охнул лейтенант. Откашлялся, но голос его все равно пустил петуха:

— Скалы... это удержат?

Андрей пожал плечами. Камень держал Границу лучше, чем земля. У плеча завозился Печник. Привстал, вытянул тощую шею и уставился на сжирающее долину черное озеро.

— Не удержат. Надо уходить.

— Без паники. Никто никуда не уйдет.

В глазах полковника бегали сумасшедшие огоньки. Печник поднялся, и, отряхнув колени, полез на груду мешков.

— Назад!

Андрей перехватил руку полковника и вырвал пистолет.

— Ах ты су...

— А-а!

Лейтенант что было силы боднул Разинцева головой в живот. Тот выдохнул и тяжело осел. Майор, не переставая скулить, поднялся на четвереньки.

— Тикать надо. Тика-ать.

Андрей понял, что у него в руке зажат пистолет полковника, и что все смотрят на него.

— Испытание прошло неудачно.

Он откашлялся, чувствуя, что еще немного — и заголосит, как мальчишка-лейтенант.

— Надо эвакуировать лагерь. И быстро. Майор, распорядитесь.

Седоватый вскочил и рванул вверх по склону, крича на бегу. Андрей продолжил:

— Лейтенант, ведите командующего. Грузитесь в вертолет.

Суворов попробовал поднять полковника. Тот мешком осел на землю. Лейтенант беспомощно оглянулся.

— Он не идет.

— Печник, помогайте.

Андрей, крякнув, вздернул Разинцева на ноги и потащил к лагерю. Голова у полковника моталась, как у дохлой птицы. Он что-то бормотал, но у шрамовника не было желания прислушиваться. С другого боку пристроился Печник, и стало полегче.

Едва они дошли до первого ряда палаток, их чуть не сшибли с ног. Метались солдаты. Гудя, в небо ушел переполненный вертолет. У второго стояла давка — летчика выкинули из кабины, и он кричал пронзительно и жалобно, извиваясь под ногами дерущихся. Печник, осевший под грузным Разинцевым, прохрипел:

— Бросьте его, Андрей Дмитрич. Бросьте.

— Помолчите. Давайте к скалам. Если заберемся достаточно высоко...

Когда они пробились к скальной стене, стало ясно, что полковника не утащить. Грузное тело обвисло у них на руках. Разинцев и не пытался двигаться.

— Черт! Че-ерт!

На гору гроздьями карабкались солдаты в пятнистой форме. Это напоминало турнир по дикому скалолазанью — разве что то один, то другой участник турнира с криком срывался вниз. Других звуков на плато не было. Только сейчас Андрей заметил, что гул в долине стих и замолчал лагерь.

— Лезьте!

Наконец и Печник не выдержал.

— Что вы смотрите, лезьте быстрее.

Андрей осторожно опустил полковника на землю и полез. Рыхлая порода крошилась под пальцами, ноги в скользких ботинках срывались. Впереди споро карабкался Печник. Даже и сейчас он не бросил мешка, и тот болтался у него за плечами. Андрей толкал себя вверх. Скоро дыхания стало не хватать, губы посолонели от пота. Пот стекал в глаза, мешая разглядеть неровности скалы. Пальцы обшаривали склон в поисках мельчайших выемок.

— Лезьте, у вас хорошо получается.

— Заткнитесь, — прохрипел Андрей, распластываясь по скале.

Мимоходом глянув вниз, он увидел, что там уже все почернело. Граница накрыла сбитые отступлением палатки и посадочную площадку, и сейчас медленно поднималась вверх, как вода, наполняющая шлюз. С удивлением Андрей понял, что забрался уже высоко. Солдаты остались внизу, и одно за другим зеленые пятна тонули в черноте. Шрамовнику даже показалось, что он видит расходящиеся круги — и тут рука сорвалась. Одно ужасное мгновение он провисел над пропастью, цепляясь одной рукой, но потом все же сумел ухватиться и подтянуться. Ноги нашли опору. Андрей прижался к камню и понял, что весь дрожит. Ободранная ладонь кровоточила.

— Все, не могу. Лезьте без меня.

Печник остановился — и стал спускаться.

— Куда?!

Не говоря ни слова, мусорщик ухватил Андрея за ворот и с неожиданной силой потянул вверх.

— Лезьте! Давайте, впереди меня, ну!

И, подчинившись этой силе, Андрей снова пополз вверх. И тут подъем неожиданно кончился. Он перевалился через край и распластался на камнях, вжавшись лицом в острое крошево. Но рука снова затеребила, не давая покоя.

— Лезьте!

— Куда?!

— Ко мне на плечи! Ну!

Андрей, уже ничего не соображая, ухватил Печника за плечо и наступил ботинком на согнутую спину.

— Держите!

Шрамовник не сразу понял, что Печник сует ему сигнальный факел.

— Давайте, зажигайте. Вертолет за вами спустится. Меня вытащит Камиль, но двоих он не удержит.

Задыхаясь, Андрей смотрел, как черная волна захлестывает скалу и растекается под ногами.

— Ну же!

Когда Граница коснулась ног Печника, тот напрягся и задрожал.

— Зажигайте!

Андрею передалась дрожь. Он сумел отломить верхушку факела только с третьей попытки, и в небо ударил сноп красных искр. Кругом уже царила ночь, и в этой ночи вдруг засветился проем. Бледная детская ручка вцепилась в ладонь Печника и потянула. Тот закричал:

— Подожди, Камиль, подожди! — но рука уже утягивала его туда, в свет.

Андрей почувствовал, что опора под ногами исчезла, и он падает. Со странным спокойствием он подумал — когда эта штука сомкнется над головой, что будет? Сразу ли остановится сердце, или еще придется помучиться, как солдатикам там, внизу? Неожиданно подошвы наткнулись на твердое, и Андрей понял, что снова стоит на чьих-то плечах. Чьи-то руки крепко сжимали его лодыжки, и пальцы этих рук были холодны. Андрей опустил глаза. Митька смотрел в лицо брату, и оба его глаза были на месте, а губы кривились и дрожали от усилия.

Сверху загудело. Канат, упавший из вертолетной двери, ударил Андрея по щеке. Поднятая винтами буря на мгновение разогнала черноту. Уже проваливаясь в свет, Андрей успел увидеть, как Митька машет ему снизу рукой и кричит что-то — но что? — и за митькиными плечами стоят сотни, тысячи... А потом вертолет ушел в натруженное, самим Господом распаханное небо.

Пост. Церковь на болоте

Топь в очередной раз чавкнула, и сапоги Малышева погрузились по колено. Андрей выругался и протянул профессору слегу, но тот только беззаботно махнул рукой:

— Ничего-ничего, не беспокойтесь, сейчас сам выберусь. Как там в анекдоте? Пользы никакой, зато к земле привыкаю.

Андрей пожал плечами и зашагал вперед, пробуя неверную почву слегой и обходя заросли рогоза. Все было похоже и не похоже на сон. Так же чавкало под ногами, так же несло распаренной топью, так же гудело комариное облако. Не было лишь огоньков.

Церкви тоже не было. Вместо нее высилась посреди болотища одинокая стена, и за дверным проемом ее, проемом без двери, дрожало зыбкое марево. Андрей смахнул со лба пот и облизнул соленые губы.

— Это и есть она?

Благоговение в голосе профессора его позабавило. Он даже хмыкнул.

— Не смейтесь, Андрей Дмитриевич. Вам-то не в новинку, а я столько думал о ней, столько писал — а вижу впервые.

— Я не смеюсь. А вы не расслабляйтесь пока. Видите, где осока густо растет? Нам к тому ручью. Не стойте только на месте, засосет.

Они пробирались по болоту еще четверть часа, и профессор совсем выдохся, хотя и старался держаться бодро. Наконец они добрались до ручья. Малышев уронил слегу в грязь и тяжело опустился на вросшее в землю бревно. Андрей присел у воды. Подобрав гибкий прутик, он принялся ворошить прибившиеся к берегу листья.

— Вам, наверное, интересно, зачем я за вами увязался. А вы так и не спросили.

Андрей не отвечал. Он смотрел на приближавшегося с той стороны человека. У ног человека крутился небольшой пес, даже, кажется, щенок.

— Я не знал, что там есть собаки.

Щенок, похоже, заметил в воде какую-то живность — он тявкнул, подбежал к тростнику и принялся рыть лапами, разбрасывая грязь. Человек с той стороны подошел к ручью и остановился, не доходя несколько шагов до воды.

— Все-таки пришел.

Андрей ударил прутиком по воде, не поднимая глаз.

— А я собаку завел. Дункан! Дункан, к ноге.

Щенок перестал рыть и потрусил к хозяину.

— Андрюха. Посмотри на меня.

Андрей поднял голову.

Митька был не таким, как во сне, и не таким, как в горах. Но это был, несомненно, Митька. За спиною шумно дышал Малышев. Мертвый подошел ближе и присел на корточки напротив Андрея. Голос его звучал раздраженно-укоризненно:

— Ты меня боишься? Меня? Я тебя таскал сопляком у себя на горбу, когда ты орал и когда мать уставала тебя нести. Сочинял тебе какие-то дурацкие колыбельные, чинил твоих роботов. Я нос тебе подтирал, и задницу, кстати, тоже. И ты все-таки боишься меня.

Андрей хлестнул прутом по воде.

— Почему?

Профессор за спиной кашлянул.

— Простите, Дмитрий Дмитриевич, что вмешиваюсь. Видите ли, я тоже вас боюсь. Это в генах. Какая-то дремучая память предков. С этим сложно бороться, но, как видите, мы справляемся. У Андрея Дмитриевича получается гораздо лучше, чем у меня. Еще немного... Дайте нам еще немного времени, и мы научимся.

Митька помолчал, и потом, уже тише, попросил:

— Если придешь еще раз, фотку Аленкину принеси, а? И Димкину. Здесь плохо видно, но я уж как-нибудь разгляжу.

В ручье плеснуло. Связка писем, перевязанных бечевкой, медленно отделилась от противоположного берега и поплыла к Андрею. Он прикинул расстояние, нацелился прутиком и подогнал их к пучку травы у самых мысков своих болотных сапог. Андрей вылавливал письма из воды долго, слишком долго — достаточно долго, чтобы синеватые буквы адреса успели поплыть. Когда он снова взглянул на другой берег, Митьки там уже не было.

— Вы его огорчили.

Андрей смял в руке мокрую бумагу.

— По-вашему, он способен огорчаться?

— По-моему, да. Знаете, он не так уж отличается от нас с вами.

Андрей оглянулся. Профессор удобно расположился на бревне, вытянул длинные ноги и уже успел вытащить из кармана трубку.

— Не знал, что вы курите.

— Двадцать лет не курил. Врачи запретили. А теперь что уж.

Малышев чиркнул спичкой, раздул щеки — и над болотом поплыло облачко ароматного дыма.

— Знаете что, Андрей Дмитриевич? Вы идите. А я тут посижу.

— Как?

— А вот так. Даше я уже все объяснил, Ксения Павловна в деревню уехала, а когда вернется, Даша ей скажет... что-нибудь скажет. А кто еще у меня есть? Разве что вот вы.

Андрей мотнул головой.

— Я вас здесь не оставлю

— Да мне не сегодня-завтра все равно туда. Не жадничайте, Андрюша. Вы ведь уже видели, как она подходит, а я — нет.

За ручьем плясало марево, плясало и не могло пересечь полоску текущей воды. Малышев вытянул руку.

— Я отойду дальше, к той стене. Там она, кажется, пошустрее.

— Зачем вам так умирать?

— Умирать — оно, Андрюшенька, всегда неприятно. Но мне почему-то кажется, что если войдешь туда сознательно, с открытыми глазами... что-то будет по-другому. Не возражайте, пожалуйста, я уже все решил.

Андрей запихнул письма в карман и подобрал слегу.

— До свиданья, профессор.

— До свиданья. Надеюсь, нескорого. Приглядите там за моей Дашкой.

Когда шрамовник уже отошел на несколько шагов, Малышев его окликнул:

— Знаете, о чем я думал в последние дни, после вашего возвращения?

— О чем?

— Помните, я упоминал эксперимент. Что, если у тех, кто его поставил... кто ставит его сейчас. Что, если они вовсе не столь жестоки и бесчеловечны, как нам представлялось? Что, если у них есть цель?

— Какая цель?

— Примирение, Андрей. Примирение и понимание. Им надо зачем-то, чтобы мы научились жить в мире с мертвыми. Может быть, даже работать вместе, потому что мы можем то, что не могут они, и наоборот. Что, если человечество ждет некая опасность, и это — единственный способ ей противостоять? Подумайте об этом, Андрей.

И Андрей подумал. Он думал об этом всю обратную дорогу, пока вечер расцвечивал небо над верхушками сосен в зеленый и в розовый и зажигал на дальнем краю топи белесые огоньки.

Максим Тихомиров

ПОЕЗДА ДИАКОЛЫ

1. Оригамист

Из соседней системы пришёл запрос на переход, и оригамист Диаколы очнулся от цветного сна, полного волнующейся зелени и перестука колес. Ощупав пространство своими странными органами чувств, он выделил нужный сектор на периферии, убедился в мирных намерениях тех, кто стучал в многомерность ворот его системы и приготовился к приёму гостей.

Пространство встопорщилось, вздыбилось, пошло волнами складок, смялось по незримым линиям струн — горы-долины, долины-горы, — которые сошлись в одной координате на самой границе системы, и там сложилось в журавлика-оригами. Журавлик приблизился к солнцу и оказался межзвёздным лайнером, который расправил пилоны энергосборников, жадно впитывая излучение светила перед новым прыжком сквозь ничто.

Бездонные утробы накопителей были заполнены ещё до пересечения орбит газовых гигантов системы — но лайнер продолжал свой путь и вскоре достиг внутренних планет. На орбите четвёртой от солнца он высеял десяток малых кораблей, немедленно устремившихся к ближайшему шароцвету, откуда им навстречу уже мчался рой мелких судёнышек, контейнеров и вольных торговцев-пустотников верхом на газовых ракетах. Шароцвет гостеприимно распахнул устьица шлюзов навстречу прибывшим и поглотил их всех.

Лайнер принял на борт пассажиров и груз, отмахнулся от пляшущих вокруг торговцев ленивыми шлепками силовых полей и продолжил свой путь сквозь систему, пересекая её по плоскости эклиптики. Очутившись среди ледяных планетоидов внешнего края, корабль послал запрос на переход.

Несколько мгновений спустя было получено разрешение, и накопители корабля отдали собранные гигаджоули энергии пустоте. Развернувшись в плоскостную выкройку самого себя, лайнер перестал существовать в занимаемой им мгновением раньше координате.

В одной из ближайших звёздных систем пробудилось могущественное сознание и принялось деловито сминать ткань пространства в журавлика-оригами.

Горы — долины, долины — горы...

Ритм привычных манипуляций дружественного разума убаюкал оригамиста Диаколы, и, внеся в свою бездонную копилку полученную за переход плату, он провалился в сон, полный волнующихся колес и перестука зелени.

До следующего корабля.

2. Джонатан

Путешествие получилось сумбурным.

Не успел Джонатан отойти от выворачивающей наизнанку встряски перехода, как — раз, два, три! — и система пронеслась мимо него за

обзорными панелями корабельного салона, подмигнув ему озорным светлячком солнца, мигом выросшего в золотистый шар. Планеты-гиганты мимолетно состроили ему глазки вечных атмосферных вихрей, подразнили многоцветными плоскостями колец — и вуаля! Поезд прибыл, дамы и господа, освободите, пожалуйста, вагоны!..

Вместе с остальными пассажирами, летевшими до Диаколы, Джонатан проплыл к посадочной палубе и занял место в хрупком пузырьке шлюпки. Перистальтика шлюзового яйцеклада метким толчком послала шлюпку навстречу невидимой туше орбитали. Замерев в середине великого Ничто, словно муха в патоке, несмотря на головокружительную скорость собственного полета, Джонатан в какой-то момент обнаружил у себя над головой изумрудный с пробелью облаков диск древомира Диакола.

Ажурный, просвечивающий насквозь в отражённом ликом планеты свете, сфероид шароцвета заслонил обзор и принял гостей сквозь влажно блестящую смазкой щель устьица в свои внутренности. Джонатан нетерпеливо выпорхнул из раскрывшейся шлюпки и, опережая прочих пассажиров, первым оказался у регистрационной стойки транзитного зала. Женщина-або, с огромными лемурьими глазами на мохнатой мордашке, оскалилась ему навстречу, и Джонатан не сразу понял, что это местное подражание человеческой улыбке. Что было сил он заулыбался в ответ, и усердие его было вознаграждено — совсем скоро он уже порхал взад и вперёд по обзорной галерее одного из ярусов шароцвета в ожидании планетарного челнока.

Здесь и там среди звёзд видимого с галереи сектора небесной сферы парили подсвеченные светом солнца и планеты шароцветы самых разных форм и очертаний. Джонатан помнил их наизусть, безошибочно узнавая по силуэтам. Как и всё, связанное с Диаколой, шароцветы были объектом его пристального интереса. Несмотря на то что это было первым посещением системы, Джонатан мог со уверенностью и без ложной скромности утверждать, что является одним из наиболее компетентных экспертов по Диаколе во всех её проявлениях.

Мимо проплывали громоздкие многогранники ульев, ажурные фермы воспиясель и ощетинившиеся радиальными шипами старт-катапульт спороносцы, напоминающие многократно увеличенных радиолярий сгинувшей в веках Земли. Пространство вокруг них кишело хаосом жизни — на отчаянно парящих хвостах реактивных струй, размахивая жгутиками и вцепляясь друг в друга крючьями и присосками, в поисках попутного паразитного трансфера во всех направлениях носились обсеменники и прилипальцы, проникапельки и засеятели, громовержки и ползунцы.

Древомолодь наполняла пространство суетой, для беглого взгляда лишённой всякого смысла. Но Джонатан знал, что бестолковое кишение этих бесчисленных полурастений-полумашин-полуживотных подчинено четко определённой, пусть и совершенно нечеловеческой логике. Если запастись терпением, спустя некоторое время можно было даже научиться видеть систему в мельтешении причудливых тел. Однако терпением Джонатан явно был обделён ещё при рождении — впрочем,

самому себе он объяснял собственную неусидчивость и нетерпеливость хронической нехваткой времени на всё, заслуживающее его внимания под этими звёздами.

Разумеется, он разберётся во всём, пусть и не сразу. Диакола манила его своими тайнами, но помимо них было то, ради чего Джонатан покинул уютный кабинет в трети звёздного рукава отсюда и пустился в странствие сквозь бездну светолет.

Причина, по которой кабинетный ученый оставил свою уютную норку близ сердца галактического диска, носила имя Эльжбета.

Его возлюбленная, вдруг без объяснения причин ускользнувшая из его объятий перед самой помолвкой! Поиски следов её бегства привели Джонатана сюда, на Диаколу.

Ах, Диакола, Диакола!.. Мир умопомрачительного Древа и, конечно же, знаменитых на всю Галактику поездов. М-м-м, что за удовольствием будет узреть воочию все те чудеса, о которых прежде удавалось лишь читать!

Но всё это будет позже — а пока...

Эльжбета, Эльжбета!

Вот по какой причине Джонатан был столь несдержан в своём нетерпении; вот почему он с выражением отчаянной решимости сновал живой торпедой взад и вперёд по кольцу прогулочной галереи вращающегося над Диаколой шароцвета, распугивая праздных туристов и внося смятение в жизнь орбитального жулья всех мастей.

Вот почему он пришёл в ещё большее, на грани помешательства, возбуждение, когда на горизонте над кромкой атмосферы медленно поворачивающейся далеко внизу планеты воздвигся колоссальный облачный столб. Белоснежный, одетый в сеть атмосферных разрядов и перечёркнутый здесь и там пылающими зигзагами молний, он вырастал над горизонтом всё выше и выше, неуклонно приближаясь.

Вскоре колонна клубящихся облаков закрыла полнеба. В её толще угадывалось некое движение, подчинённое странному ритму неслышной, но несомненно величественной мелодии, которую пело Древо в своем вековечном сне.

Облачный столп возносился в небо и пронзал его, таща за собой на низкую орбиту прихваченную атмосферу, окутывающую его едва заметным в преломлённых лучах солнца ореолом. Корона иссушенных пустотой ветвей венчала облачный вихрь. К ветвям слетались сонмы мелких обитателей припланетья, танцуя вокруг и то и дело совершая посадку на поверхность колоссальных сучьев. Шароцветы вели задумчивый хоровод чуть поодаль, и между ними и циклопической колонной кишмя кишели транспорты сообщения, совсем крошечные в сравнении с окружающими их гигантами.

Шароцвет, в котором Джонатан в восхищении завис у прозрачной стены прогулочной галереи, в благоговейном восторге созерцая наконец одно из чудес населённой вселенной, неуклонно приближался к распахнутой ему навстречу условной ладони, обрамленной циклопическими пальцами, изломанных гравитацией, вакуумом и метеоритными бомбардировками.

Древомир Диакола приветствовал Джонатана, протягивая ему навстречу одну из своих экваториальных орбитальных ветвей.

Совсем скоро челнок перенёс Джонатана с шароцвета на орбитальный терминал Портограда, где он купил билет в один конец на легендарную «Алую стрелу».

А потом начал свой долгий, долгий спуск с орбиты.

Где-то там, внизу, его ждала встреча с Эльжбетой.

Сердце Джонатана замирало в радостном предвкушении.

3. Смотритель

Гикси обитал на безымянном полустанке в двух ветвях пути к закату от узловой станции Лекорейси. Его жилищем был старинный товарный вагон, много лет назад уснувший в дупле-тупике. На крыше вагона за долгие годы покоя из семян Дерева вырос настоящий лес молодых побегов. Лианы спускались по заскорузлым от времени стенам вагона узловатой паутиной, а оплетавшие их вьюнки-лазучки цвели круглый год, заглушая запах старой колесной смазки изысканной смесью ароматов лиловых и алых цветов. Пернатые ящерки вили гнезда в путанице скрывающих вагон ветвей, и по утрам Гикси просыпался от их скрипучих песен и деловитой возни среди листвы.

В то утро его разбудила тишина.

Это было необычно. Гикси некоторое время прислушивался, не веря своим ушам, но не услышал ни чириканья ящерок, ни птичьего посвиста, ни стрекота голенастых жуков-листовертов. Полустанок, всегда полный жизни, не замирающей даже в ночные полусутки, сейчас затаился, не смея издать ни звука. Что-то напугало его обитателей.

Привычно оборвав присосавшиеся за ночь к коже нити воздушных корней, Гикси выпутался из гамака, срастившего на ночь плетёные створки, и соскользнул по лестничной лиане. Пробивающийся сквозь цветные панели окон солнечный свет пятнал радужными бликами древесный узор под ногами. Пыльца древоцветов, сплошь покрывающих внутренность вагона от пола до потолка живым занавесом, лениво кружилась в косых световых столбах.

Лепестки дверных створок, едва слышно скрипнув, выпустили его наружу, в приглушённый кроной Древа зеленоватый полусвет утра. Ветвь дышала, выпуская сквозь миллионы распахнутых навстречу солнцу дыхалец облачка водяного пара. Покрывающая Гикси от макушки до кончика хвоста шерсть мигом покрылась перламутровым бисером мириад крошечных капель. Орхидеи на стенах вагона жадно впитывали влагу распахнутыми зевами цветков и дрожащими в нетерпении воздушными корнями.

У самых ног Гикси юрко прошмыгнула и спряталась под вагоном стремительная древесная змейка изумрудного цвета. Проводив её недоумённым взглядом, смотритель наконец огляделся.

Двое в нелепых, ниспадающих до пят дождевиках стояли прямо в колее пути и терпеливо ждали, когда он обратит на них внимание.

В первый момент Гикси растерялся. На полустанках не бывает гостей. Поезд из Лекорейси проходит без остановки поздно вечером, на следующем разъезде переходит на другую ветвь и уже по ней кружным путем возвращается в город. Редкие грузы для смотрителя полузаброшенного полустанка — провиант, инструменты, хозяйственные мелочи согласно предоставленному списку-заявке — привозили из Лекорейси на самоходной дрезине путевые обходчики раз в три десятка дней. Гикси не помнил, чтобы однажды заведённый порядок нарушался.

Сегодня был пятнадцатый день с прошлого визита обходчиков. Взяться незваным гостям было решительно неоткуда. Но они стояли в десятке шагов от Гикси и молча разглядывали его гибкую фигуру из-под глубоких капюшонов своих плащей.

— Приветствуем тебя, смотритель, — сказал тот, что был пониже. Он странно выговаривал слова Общей речи, и голос его был лишен интонаций. Чужаки, понял Гикси. Но откуда здесь взяться чужакам?

Пришельцев с небес ему приходилось встречать и раньше. Давным-давно, когда он был юн и непоседлив, скитания мятущейся души заносили его в густонасёленные части Древа. Год он провел в Портограде у самой верхушки одного из Высоких Стволов экваториальной зоны, поддавшись его соблазнам и с головой погрузившись в трясину его пороков. Сейчас, многие годы спустя, Гикси вспоминал то время со смесью восторга и содрогания.

Круглосуточная суета никогда не спящего города, населённого удивительными существами доброго десятка рас, часть из которых никогда не принадлежали этому миру, зачаровывала и пугала его. Перебиваясь случайной работой, он, подобно пористому листу чистодрева, впитывал впечатления от мимолётных встреч с чужаками, так непохожими на него самого и его сородичей. Позже, когда поиски уединения и покоя привели уставшего от мирской суеты Гикси на отдаленную Ветвь с размеренным течением неспешной жизни, воспоминания об этих встречах наполняли его сны образами таинственных незнакомцев, цели которых оставались неясными, но манили ощущением чуда, заставляя спящий разум работать в поисках причин их странных поступков.

Сейчас ему предоставилась возможность вновь попытаться постичь движущие чужаками мотивы наяву.

От этого Гикси робел до дрожи в коленках.

Нет, пришельцы не были страшными. Они даже не выглядели жуткими, хотя Гикси и благодарил мысленно Крону и Корни за то, что чужие явились ему закутанными в бесформенные хламиды плащей. В Порту он навидался всевозможных, порой самых причудливых тел, один взгляд на которые будил в животной части его естества совершенно первобытное отвращение и агрессию, скрывать и контролировать такую реакцию ему удалось научиться далеко не сразу. Теперь, годы спустя, этот навык следовало извлечь из глубин памяти, куда он давным-давно отправился ввиду своей невостребованности. Округ Лекорейси казался последним на Древе местом, куда чужакам пришло бы в головы заглянуть.

Но вот они здесь, а он перед ними, и помочь ему решительно некому.

Гикси вздохнул и поправил кое-как напяленные ремни форменной перевязи.

— Доброго дня и вам, — сказал он. — Что привело вас в этот забытый уголок, добрые господа? И могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

Чужаки не шелохнулись, но у Гикси возникла необяснимая уверенность в том, что они каким-то образом обменялись взглядами.

— Нам нужен ваш вагон, смотритель, — сказал тот, что повыше.

Гикси ещё успел заметить неясное, но несомненно угрожающее движение низкого чужака. Потом мир вдруг стал мешаниной красок и звуков и удушил смотрителя зелёным ароматом абсолютной тишины.

И Гикси вновь увидел сны, которых не видел уже много лет — с того самого года у подножия Портограда, когда после тяжёлых дней, полных забот о пище насущной, ночи он проводил в притонах Сновидцев у самых корней Великого Древа...

Сны эти наполнял посвист гудков локомотива, шелест листвы и плавное покачивание вагона в неровностях колеи.

4. Оригамист

Новый вызов нарушил течение цветной дремы оригамиста Диаколы, и тому пришлось возвращаться в явь, чтобы исполнить свою работу.

Большой флот запрашивал разрешение на переход с той стороны барьера, разделявшего планетные системы не хуже реального расстояния в нормальном пространстве. Это было странно и необычно. В этой части звёздного рукава уже дано не было необходимости в совместных путешествиях нескольких кораблей ни внутри планетных систем, ни между ними. И вот — четыре с лишним десятка кораблей сразу, запрос на транзит сквозь систему Диаколы, не вызывающий подозрений информационный пакет, подготовленная плата за переход в виде энергии, способной ненадолго зажечь маленькое солнце. Все условия соблюдены, и нет причины для отказа. Однако что-то было не так, и оригамист чувствовал это.

Оригамист любил загадки. Он все ещё боролся с сильным искушением пропустить флот сквозь барьер и посмотреть, как будут развиваться события далее, когда его сознания коснулся вызов равного.

Оружие, просигналил оригамист системы Порранкса, на внешней границе которой парил сейчас в ожидании перехода странный флот. У них оружие. Сами корабли — оружие. Прощупай их.

Оригамист Диаколы был заинтригован. Его не интересовало, чем руководствовался его коллега с Порранкса, впуская к себе столь опасную компанию, конечная цель которой в инфопакете, предоставленном вместе с запросом, указана не была. Ему было интересно, что предпримет флот, оказавшись в его системе, если он соблаговолит его туда впустить.

Просканировав сознания экипажей кораблей, оригамист обнаружил возведенные невесть кем рубежи ментальной блокады у тех из них, кто мог бы пролить свет на интересующие его вопросы. Потом его разум наткнулся на слабое эхо полустёртого воспоминания в сознании одного

из флотских офицеров очень и очень невысокого ранга — настолько невысокого, что уже само его присутствие на борту флагманского корабля эскадры на весь окрестный космос кричало о принадлежности офицера к очень и очень секретным службам.

Его память хранила отзвук знания о том, что успех флоту в достижении неведомой цели гарантирован независимо от решения, которое примет оригамист. И гарантии успеха миссии флота находились сейчас внутри подчинённого оригамисту пространства.

Лазутчики, подумал оригамист со всё возрастающим возбуждением. Как интересно!

В скучном течении жизни оригамиста появился смысл.

Он послал флоту сообщение о технических неполадках и раскинул щупальца своего сознания по всей системе в поисках всего странного и необъяснимого, что только можно найти в ней. Когда он нащупал искомое, метасущность оригамиста испытала эмоцию, в человеческом эквиваленте сходную с чувством глубокого удовлетворения.

С возникшим чуть позже чувством, сходным с человеческой обескураженностью, он обнаружил в своей системе присутствие представителя третьей силы, пока не заявившей о себе, но несомненно ожидающей своего выхода на игровую доску.

Игра, не успев начаться, делалась всё увлекательнее, и сверхмогучая надсущность, каковой являлся оригамист, не боялась проиграть в ней.

Даже проигрыш интереснее скуки, считал оригамист.

Но настроен он был всё-таки на победу.

Ведь так сложно простить себе проигрыш, будучи равным по силе богам.

5. Джонатан

Сквозь прозрачные стенки капсулы орбитального лифта, с головокружительной скоростью несущейся вдоль ствола чудовищной Ветви в направлении Портограда у её основания, Джонатан любовался разворачивающимися перед ним пейзажами древомира Диакола.

Великое Древо покрывало всю поверхность Диаколы целиком, без остатка. Чудовищное плетение циклопических Ветвей, распадающихся на порядки всё более и более истончающихся побегов, давно укрыло под собой континенты и океаны, спрятало под своим зелёным пологом долины и горы, сформировав новые, полные растительной жизни хребты из вздымающихся к небесам Ветвей и долины плотно сросшихся между собой горизонтальных стволов. Древо запустило ненасытные хоботы корней в самые недра, выпивая из планетной тверди необходимые ему элементы, и протянуло щупальца Портоградов в открытый космос, чтобы оттуда получать те ресурсы, которыми изначально была небогата материнская планета, или которые уже истощились за время, в течение которого Древо превратилось из Первого ствола на субэкваториальном континенте в распространившуюся на всю планету сеть Ветвей, Корней и Стволов, многие, многие тысячи лет назад слившихся с приютившей его планетой в единое целое, образовав Древомир.

Необозримое волнующееся море листвы, формирующей единую Крону Великого Древа, было нескончаемым источником энергии и огромными легкими, насыщающими атмосферу кислородом. Сосуды гигантских Ветвей стали единой транспортной сетью, способной доставлять любые грузы в любую точку планеты. Трубопроводы и туннели метро, резервуары и хранилища, многомиллиардные Древограды умеренного пояса... И поезда, поезда!

Живые Поезда Диаколы, мчащиеся по бескрайней паутине путей по всем ярусам и Ветвям Древомира от Корней до самой Кроны, привлекали на планету путешественников со всей Галактики. В эпоху, когда путешествия между звёзд стали совершенно обычным и весьма скучным в плане яркости впечатлений делом, многодневные поездки на поездах по постоянно меняющемуся ландшафту Древомира приобрели в одночасье небывалую популярность среди уставших от царящего повсюду порядка и изобилия граждан всех без исключения обитаемой вселенной. Когда войны канули в лету с воцарением единых внутрисистемных государств и строгим контролем за межзвёздными переходами, осуществляемыми неподкупными оригамистами каждой из населённых систем, именно межзвёздный туризм сделался практически единственным стимулом для переселения и миграций больших человеческих групп.

Каждый из населённых миров стремился стать обладателем как можно большего числа достопримечательностей, способных своей уникальностью привлечь в системы туристов и приносимые ими в качестве платы за переход потоки энергии. На Юргентоне это были Поющие Горы, на Эталоне — Небесные Рифы с сонмом их разномастных обитателей, стремительные Цветные Ледники на Снегаурусе, Дрейфующие Острова на Плеске... Древоград Диакола славился прежде всего своими Поездами.

Именно на «Алую Стрелу», самый знаменитый в Галактике транспланетарный экспресс, и купил билет Джонатан, выложив за него совершенно безумную сумму, но ничуть не жалея об этом. Во время своего путешествия он не раз задавал вопрос — а был бы он столь же настойчив в своем преследовании сбежавшей невесты, вздумай она отправиться в какой-то другой населённый мир, где не было поездов? Ответа он не находил — а возможно, просто не хотел самому себе признаваться в собственной одержимости, помня, что в каждом мужчине до самой смерти жив мальчишка, а каждый мальчишка от поездов без ума.

Джонатан кивал своим мыслям, стараясь не замечать, что воспоминания об их романе с Эльжбетой стремительно теряют яркость по мере того, как Диакола открывает ему всё новые и новые свои чудеса. Он помнит, зачем он здесь, говорил Джонатан себе, и это главное. Главное, конечно же, во что бы то ни стало отыскать среди миллиардов обитателей Древомира Эльжбету, единственную и неповторимую, а всё остальное не так уж и важно...

От этих мыслей его сей же миг отвлекли гигантские гейзеры водяного пара, которые исторгали выводные жерла газовых магистралей, тут и там открывающиеся на поверхность Орбитальной Ветви сквозь грубую до

каменной плотности чешую коры. Струи водяного пара формировали плотный облачный полог вокруг гигантского столба Ветви орбитального лифта, позволяя населяющим и обслуживающим её представителям десятка разумных рас обходиться без высотных костюмов и дыхательных масок.

Диакола была популярным среди туристов, а оттого богатым миром, а посему могла позволить себе тратить заработанные оригамистом тераджоули тем способом, каким только заблагорассудится — например, бездумно испаряя атмосферу в околопланетарное пространство, что могло бы вызвать понятное возмущение у обитателей безвоздушных миров, привыкших экономить каждый галлон кислорода... Могло бы — если бы их тут же не зачаровывали и не увлекали, маня за собой, непостижимые чудеса Древомира, познакомиться с которыми наилучшим образом позволяли именно Поезда.

Диакола была планетой чудес, торжеством растительной жизни во всех её проявлениях, единым организмом, управляемым интегрированным надразумом сознаний мириад её обитателей. Диакола зачаровывала своей непостижимостью и звала возвращаться, что многие из числа посетивших её с превеликим удовольствием проделывали вновь и вновь.

В предвкушении встречи с чудом Джонатан прибывал на узловую станцию Лекорейси, что на Главной Ветви Первого Ствола, — туда, где ждала его, запустив полным ходом ферментацию углеводов, разводя пары в своей обширной утробе и притопывая в нетерпении коленчатыми поршнями стремительных ног, «Алая Стрела».

Самый знаменитый поезд в Галактике.

И что удивительного в том, что при виде неё Джонатан позабыл о любимой Эльжбете?

6. Смотритель

Гикси пришел в себя и ещё не открывая глаз понял, что его куда-то везут. Деловито ворчала утроба вагона, ароматы брожения щекотали волоски в ноздрях, гулко ухали поршненоги, вращая роговые роторы колес. Звуки были привычным фоном жизни в движущихся поездах — только вот вагон, который Гикси по запаху точно определил как свой, должен был сейчас спать в своем тупичке, как делал это уже много лет.

Ан нет! Колесные пары ритмично выстукивали путевую песенку, и вагон качался с боку на бок, вторя изгибам пути. В знакомое плетение звуков порой встраивались гулкие стоны, и тогда вагон судорожно вздрагивал, словно больное животное. Это было неправильным, и Гикси рискнул приоткрыть глаза.

Внутренности вагона сказочным образом изменились. Лозы древоцветов безжизненно свешивались с искажённых стен, которые бугрились вздутиями рёбер жёсткости, способными выдерживать немалые нагрузки. Пол устилал ковер облетевшей листвы. Окна изменили свои пропорции, превратившись в едва пропускавшие свет горизонтальные и вертикальные щели. Передняя стенка вагона сильно сдвинулась внутрь, и вместо

лёгких лепестков цветодвери расположенный в её центре выход наружу стерёг массивный округлый люк с кольцом задрайки. Крыша в паре мест выгибалась округлыми полупрозрачными сводами, под которыми из пола выросли ограждённые постаменты с рычагами управления. В тенях под сводами скрывались продолговатые конструкции непривычных очертаний, сквозь прорези в куполах выпроставшие наружу хищные жала хоботков.

Вагон двигался необычайно быстро. Стук колес в колеях всё более учащался, приближаясь по темпу к раскатам барабанной дроби. Тряска делалась всё сильнее, и Гикси порой казалось, что вагон вот-вот сойдёт с колеи, но этого не происходило, несмотря на ощутимо крутые повороты пути, которые вагон проходил без снижения скорости. Чередование правых и левых поворотов, интервалы между ними, длительность прохождения прямых участков с поправкой на примерную скорость вагона — всё это позволило Гикси представить себе, в какой части Ветви он сейчас находится.

Вагон находился на полпути к Лекорейси, причём совершенно безумным образом двигался навстречу поезду, который, судя по сгущающимся снаружи сумеркам, уже вышел с узловой станции и теперь стремительно сокращал оставшееся между ними расстояние.

Сам Гикси лицом вниз лежал на полу посреди вагона в ворохе мёртвой листвы. Руки и ноги его были спутаны небрежно намотанной на лодыжки и запястья лианой. Его похитителями явно были всё те же чужаки, хотя ни одного из них внутри вагона сейчас не было, — тот, кто его связывал, легкомысленно оставил на свободе цепкий хвост смотрителя, чего бы никогда не сделал ни один местный — впрочем, любые формы насилия были глубоко чужды обитателям Древомира. Спустя несколько мгновений Гикси был свободен и усиленно растирал онемевшие конечности.

Обзор сквозь щели в стенах был ограниченным, и смотрителю удалось рассмотреть лишь быстро проносящиеся мимо смутные массы листвы на меньших ветвях, подсвеченные последними лучами ушедшего за горизонт солнца и отражённым светом наводнявших пространство вокруг Древомира спутников, большая часть которых являлась продолжением Древа в ближнем космосе. Врывающийся в вагон сквозь щелевидные окна ветер топорщил шерсть на теле Гикси, и его шум, наложившись на перестук колес, позволил чужакам застать его врасплох и на этот раз.

— Я вижу, что вы пришли в себя, смотритель, — раздалось у него за спиной, и Гикси едва не подпрыгнул от неожиданности.

Высокий чужак стоял совсем рядом. Капюшон его плаща был откинут, позволив гриве огненно-рыжих волос рассыпаться по плечам. Ярко-зеленые глаза задумчиво изучали смотрителя. Треугольное лицо имело странно притягательные очертания, что несколько озадачило Гикси, который хоть и не был ксенофобом, но в прошлом всегда отчетливо ощущал чуждость внешнего вида и пропорций пришельцев с других звёзд.

Запах, понял он наконец. От пришельца исходил приятный будоражащий аромат, странно располагающий к общению с обладателем столь изысканного запаха. Подсознание Гикси уже записало пришельца в число

своих друзей и было готово к сотрудничеству и подчинению, раболепно ожидая распоряжений и команд. Однако разум смотрителя наблюдал за незваным гостем отстраненно, не обращая внимания на совершенно физиологический восторг, наполнивший его тело.

— Мое имя Эльжбета, — сказал пришелец приятно глубоким голосом, исходившим, впрочем, не с губ говорившего.

Гикси не видел причины не представиться в ответ.

— А вы не так уж и просты, мастер, — заметил пришелец. От его пристального взгляда не ускользнула реакция Гикси — и реакция эта, по всему видимо, сильно отличалась от той, которую пришелец ожидал лицезреть. — Впрочем, по тому, как быстро вы очнулись, следовало бы предполагать подобную реакцию. Сновидец, а? Бывший Сновидец?..

— Что происходит? — спросил Гикси, проигнорировав вопрос.

За спиной пришельца ему был виден приоткрытый люк в головной части вагона, за которым неожиданно обнаружилось ещё одно помещение. Всё его пространство заполняли светящиеся мягким светом экраны, перед которыми, пристально изучая изображения на них, замер второй пришелец. Часть экранов показывало бешено несущийся навстречу путь. Его параллельные желоба влажно поблескивали в свете головного прожектора выделившейся смазкой — Ветвь готовилась к прохождению поезда из Лекорейси, смачивая своим соком подсохшую за день колею.

— Вам ни к чему знать всех подробностей, смотритель, — сказал пришелец. — От вас нам нужно одно. Сотрудничество.

— В прошлый раз это было мало похоже на сотрудничество, — оскалился Гикси. Пришелец вежливо улыбнулся ему в ответ.

— Не было времени на торги, мастер. Нам нужен был ваш вагон и немного времени на то, чтобы привести его в соответствие с нашими планами.

— Должно быть, мне будет сложно постичь ваши цели, — Гикси демонстративно обвёл взглядом преображённый интерьер бывшего вагона. Следовало бы начать называть его локомотивом, пожалуй, подумал он про себя. Но как им удалось это, как?!

— Вам совершенно не обязательно знать больше того, что вам знать необходимо. Вы владеете навыками стрелочника? От вашего ответа будет напрямую зависеть, сможете ли вы быть нам полезным.

Помедлив, Гикси кивнул.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно кивнул пришелец. — Скоро вам предоставится случай продемонстрировать нам ваши умения. Не хотелось бы разочароваться в вас, мастер. Мы способны справиться с задачей и сами, но помощь профессионала нам не помешает. Так мы сэкономим время. Вы же будете вознаграждены.

Пришелец безбоязненно повернулся к Гикси спиной и шагнул в дверной проем. На пороге он обернулся.

— Когда начнется шум, держитесь за что-нибудь покрепче и не высовывайтесь наружу.

Дверь закрылась, задрайка крутнулась до упора.

И только потом Гикси наконец сообразил, что пришелец был самкой вида двуногих, приходившихся его расе дальними родственниками и населявших вместе с предками Гикси один маленький мир на самой заре Галактической эпохи.

В глубокой задумчивости Гикси глядел на закрывшуюся дверь. Шорох в палой листве привлек его внимание. Крошечная ящерка пробиралась по россыпи увядших листьев. Молниеносным движением Гикси сцапал изящное животное, клацнув зубами, откусил ему голову и принялся неторопливо жевать терпкую горечь. Скоро картины недавнего прошлого, свидетелем которому сам он быть не мог, заполнили его разум.

Все оказалось даже интереснее, чем он только мог предположить.

7. Оригамист

В ожидании завершения обработки результатов всесистемного поиска, происходившей без участия его сознания, оригамист вновь блаженствовал в пульсирующем в такт перестуку миллионов вагонных колес потоке лиственно-зелёных снов.

В какой-то момент он почувствовал прикосновение крошечного сознания одного из своих старых знакомцев к собственному сознанию — ощущение сродни робкому стуку в дверь. Он опознал вопрошающего как одного из Сновидцев, чьи сознания, одурманенные экстрактом мозгового вещества одного из бесчисленных видов ящериц, населяющих Кроны Древомира, вторгались порой в его собственные сны, привнося в них изрядную сумятицу, но неизменно забавляя скучающий большую часть своего бесконечного века надразум. Порой из хаоса их видений случалось вычленить весьма любопытную информацию — как случилось и на этот раз.

Оригамист с сожалением вынырнул из умиротворяющего течения снов.

Ситуация начинала проясняться.

Теперь с изрядной долей уверенности он мог предсказать направление атаки эмиссаров терпеливо ожидающего за границами системы молчаливого флота.

Лекорейси. Узловая станция близ самого сердца Древомира. Городок на Ветви Первого Ствола.

Оригамист позволил себе насладиться эмоциональным призраком снисходительной улыбки.

Что ж... Удар в сердце далеко не всегда даёт ожидаемый результат.

Он надеялся, что лазутчики будут немало удивлены — вне зависимости от того, какую именно каверзу они замыслили.

Дав вопрошающему ненавязчивый совет, в котором Сновидец столь нуждался, Оригамист с интересом принялся следить за дальнейшим развитием событий.

8. Джонатан

Роскошь внутренней отделки легендарного экспресса превосходила все ожидания Джонатана.

В совершеннейшем восхищении он прогуливался по проходам состава «Алой Стрелы», бездумно касаясь панелей из драгоценнейшего живодрева

с постоянно меняющимся узором линий, улыбаясь разноцветной суете птиц, насекомых и ящерок в увитых вьюнками и орхидеями шпалерах, утопая по щиколотку в щекочущем ковре эльм-травы, отмечающей каждый его шаг разбегающимися концентрическими волнами света.

Когда кондуктор призвал пассажиров занять места согласно приобретенным билетам, Джонатан вернулся в свое купе и расположился на живом диване у окна. Диван выгнул широкую спину так, чтобы пассажир не почувствовал ни малейшего неудобства, даже если решит просидеть, не меняя позы, весь остаток дня, и замурлыкал, словно огромный кот, наполняя душу Джонатана умиротворением и покоем.

Провожающие на полированном паркете перрона махали руками, носильщики катили опустевшие багажные тележки, станционный смотритель в традиционной фуражке с блестящей кокардой и туго натянутой на немалом животике форменной шинели с локомотивами в петлицах провожал отправляющийся поезд с крайне важным видом — что выглядело довольно забавно, учитывая то, что из-под козырька фуражки выглядывали два огромных, словно плошки, лемурьих глаза, а длинный цепкий хвост так и норовил обвиться вокруг затянутых в форменные брюки ног.

Локомотив дал протяжный гудок, и вагон вздрогнул с нарочито громким лязганьем сцепки. Хозяева Диаколы заботились о том, чтобы путешественники от поездки на поездах получали за свои джоули максимум впечатлений. В подтверждение этой мысли молчаливый стюард минуту спустя предложил Джонатану горячий чай в прозрачном граненом стакане и сахар вприкуску, которые тот с радостью принял.

«Алая Стрела», постепенно набирая ход, катила прямо по выросшему вокруг путей, ставших его главной улицей, городу. Лекорейси так и не разросся в мегаполис. Отчасти об этом позаботились ревнители истории, пожелавшие сохранить первый город на Древе в первозданном виде, отчасти — то, что по мере быстрого роста Древа городок не менее быстро утратил своё стратегическое значение, уступив первенство выросшим на Ветвях верхних ярусов Древоградам. Джонатан умилялся миниатюрным, в один-два этажа, древодомам, представлявшим собой округлые выросты коры Ветви, в круглых окнах которых уютно горели зажженные по случаю сгустившихся сумерек огоньки биохимических ламп.

На окраине города разогнавшийся было экспресс вдруг резко замедлил ход, а потом и вовсе остановился. По проходам пробежали стюарды с крайне озабоченным выражением мохнатых мордочек. Чуть позже следом за ними в направлении головы состава прошли полицейские из транспортной бригады, сжимая в лапках некие предметы неприятных очертаний.

Что-то в поездке явно шло не так, как живописал это рекламный буклет.

Когда со стороны локомотива внезапно раздались крики и грохот, Джонатан оторвался от созерцания звёзд в просветах между арками циклопических ветвей и мерно колышущейся в потоках воздуха листвы за окном и вскочил со своего уютного ложа. Его наполнила необъяснимая тревога, заставляя мышцы пружинисто напрячься, а кулаки сжаться.

Такая реакция несказанно удивила его самого. Ещё больше он удивился, когда его тело четко развернулось на каблуках и решительно направилось к выходу. Кабинетный учёный в его голове, робкий, восторженный, увлечённый в странствие за тридевять земель от дома зовом влюбленного сердца и естествоиспытательским интересом, с всё нарастающим изумлением следил за тем, как его собственные ноги всё быстрее несут его сначала в проход вагона, а потом сквозь распахнутую ударом туристического ботинка дверь — наружу.

Приземлившись на твёрдое дерево ложа путей, Джонатан кувырком ушел с потенциальной линии огня — «Огня?! Какого ещё огня?!» — вопил при этом ученый внутри него — и залёг в колее за колесной парой своего вагона, напряженно всматриваясь в разрезанный лучами прожекторов мрак.

Глазам его открылось поистине знаменательная картина.

Знаменитый локомотив «Алой Стрелы», самый быстрый и самый известный локомотив Галактики, выглядел сейчас очень плачевно. Утратив былую мощь линий и стремительность обводов, он весь обмяк и оплыл в объятиях очень странного сооружения на колесном ходу, стоящего сей момент в той же колее, что и экспресс, и препятствующего его дальнейшему движению.

Больше всего встречный состав напоминал однажды виденное Джонатаном в архивах Смутных Времен изображение железнодорожного состава, который не вышедшие ещё в то время за пределы атмосферы люди использовали в планетарных войнах Древней Земли много тысячелетий назад. Орудийные башни, спонсоны с пушками, закованные в броню вагоны произвели на Джонатана, большого любителя старины, неизгладимое впечатление.

Сейчас он видел такой поезд воочию — вот разве что материалом, из которого он был построен, являлось дерево.

И этот поезд, облепив локомотив и головные вагоны «Алой Стрелы» паутиной хищных щупалец и трубопроводов, делал с экспрессом что-то явно противоестественное, парализовав его и заставив... изменяться?!

Джонатан не верил своим глазам. Состав начал трансформироваться, меняя очертания, обрастая странными выступами, почками, побегами, которые, сплетаясь, меняли контуры вагонов, заставляя их срастаться друг с другом — и с поездом-хищником, уже поглотившим и встроившим в себя самый известный в Галактике локомотив.

С визгом и воплями мимо него промчалась обезумевшая от ужаса толпа пассажиров. Следом, стараясь не терять достоинства, следовали стюарды и полицейские. Скоро Джонатан остался наедине с чавканьем и сосущими влажными звуками, доносящимися до него от головы поезда.

Джонатан поднялся с тёплого дерева путей и зашагал им навстречу. Учёный в его голове давно уже умолк и растворился в совершенно иной, поднимающейся из подсознания и всё более осознающей себя личности.

Когда в безобразно вздутом боку поезда-агрессора распахнулся люк и в пятне света на пути спрыгнула стройная рыжеволосая фигурка, тот, кто ещё недавно был Джонатаном, воскликнул:

— Эльжбета!

И, увернувшись от вспоровшего воздух в считаных дюймах от него энергетического луча, рванул из-за пазухи огромный чёрный пистолет.

9. Смотритель

Сидя на тонкой ветви высоко над миром, Гикси улыбался, позволяя вечному ветру уносить прочь остатки сновидческого наваждения, которое он надеялся не испытать больше никогда в жизни.

Чуть поодаль возносился на немыслимую высоту облачный столб орбитальной Ветви, призрачно сияющий в свете лун и мириад искусственных светлячков, рассеянных Древомиром в пустоте космоса в неистовом стремлении расселить жизнь так далеко за пределами Диаколы, как это только возможно.

Внизу серебрились горы и долины Великого Древа, по которым бесчисленными цепочками огней ползли во всех направлениях живые поезда.

Съеденный им совсем недавно мозг ящерки насытил его сознание информацией о злокозненном замысле чужаков, вознамерившихся поработить или просто уничтожить управляющий Древомиром сверхразум. Провезенный ими на поверхность планеты модифицированный генетический материал позволял изменять нужным врагу образом живые формы Диаколы — так, как был изменен древний товарный вагон, долгие годы служивший домом бывшему Сновидцу, отошедшему от дел и скрывшегося в пустыни крохотного полустанка в надежде, что проклятие слияния с всеведущим разумом не коснётся его больше никогда в жизни.

Гикси почувствовал, как за его спиной возник тот, кто за неимением собственного имени отзывался на имя Джонатан. Оборачиваться смотрителю было невмоготу. Он страшно устал.

— Бальзавр, — сказали у него за спиной. — Все-таки это был бальзавр. Тот, что пониже. Это их флот сейчас уходит прочь от барьера. Мы предполагали это.

Гикси кивнул. Он понятия не имел, кто такие бальзавры и что их военному флоту было нужно в мирной системе Диаколы, а теперь, когда всё закончилось, не имел и намерения всё это выяснять — так же, как и то, какой режим какого из обитаемых миров представляет спасший ситуацию чужак у него за спиной.

С него было довольно и того, свидетелем чему он стал. Теперь до конца жизни он может за кружку пива и порцию жаркого рассказывать жуткие истории о том, как превращённый техномагией врагов вагон напал на ночной поезд из Лекорейси, обратив в бегство его пассажиров и экипаж, и нарастил свое тело его изменёнными вагонами. Как превратился в сущего монстра знаменитый экспресс «Алая Стрела» и попытался прорваться во внутренние туннели Ветви, проломив огромную дыру в путях. Как появившийся из ниоткуда в последний момент «Джонатан» прострелил по

огромной дыре в груди каждого из врагов и подчинил себе взбесившийся состав, впрыснув ему нейтрализатор, отчего бывшая гордость Древомира, самый известный поезд Галактики, рассыпался в чёрную пыль, которую унёс прочь поднявшийся к ночи ветер...

— Что им было нужно? — спросили за спиной. — Хотели впрыснуть мутаген в транспортную систему? Или пробиться к самому Первому Стволу? Как они хотели нейтрализовать вашего оригамиста... или как вы называете меж собой разум вашего мира?

Гикси вяло пожал покатыми плечами, и чужак отстал от него.

Можно попытаться убить целый мир, отравить его, заставить его чахнуть и страдать долгие, долгие годы — но невозможно уничтожить или искалечить того, чей разум состоит из сновидений миллиардов населяющих его существ, разумных и нет, живых и не вполне, чьи мысли текут в такт перестуку миллионов вагонных колес, чьи резервные копии парят в пустоте за пределами сросшейся с Древом планеты...

А имя...

Не все ли равно, как именовать того, кто, живя в снах, наяву управляет всем миром?

10. Оригамист

Погружаясь в плавное течение сна из волнения перестука и зелени колес, оригамист Диаколы уловил мысль своего маленького Сновидца и коснулся его усталого сознания ментальным щупальцем поощрения.

— Чему ты всё улыбаешься и улыбаешься? — беззлобно проворчали за спиной.

Но Гикси так и не ответил.

Он просто был счастлив — здесь и сейчас.

Мария Акимова

КОД КРАСНЫЙ

Начальник службы OSP при MRTQ закончил складывать журавлика из секретного донесения. Сторонний наблюдатель отметил бы, что птица вышла больше похожей на трехгорбого жирафа. После чего «стороннему наблюдателю» пришлось бы застрелиться, поскольку и само донесение, и его реинкарнация являлись частью Сверх Секретного Процесса.

Начальник рассмотрел кособокого уродца со всех сторон и остался доволен. Птица отправилась во чрево железного шкафа к своим разномастным собратьям. А единственный человек, способный разобраться в ворохе мятой бумаги, захлопнул тяжелую дверь. Ключ заскрежетал в замке, запищала сигнализация, выстраивая новую комбинацию кода. Черт возьми, самый простой вариант секретности — самый надежный. А дураки пусть кормят своей работой электронику. И верят в ее неуязвимость, если так нравится.

Мужчина повернул монитор и позволил себе пару секунд смотреть на него с искренней ненавистью, прежде чем подключился к сети. Экран немедленно замигал истеричными вызовами из приемной.

«Вы пять минут не можете без меня?», — отстучал хозяин кабинета одним пальцем по тугим кнопкам клавиатуры.

«Сэр! В японском отделе утечка! Сэр, разрешите мне войти!»

— Входите, Джулия! — рявкнул начальник во всю мощь своих легких. Комната была, разумеется, звуконепроницаемая, но, зная характер Джулии Икс, не приходилось сомневаться, что она стоит, прижав ухо к створке двери и напрягая все возможные органы чувств. Их, по последним слухам в отделе, у девицы было порядка семнадцати.

— Сэр! — рыжая шевелюра секретарши пребывала в неуставном беспорядке, лицо выражало неуставное беспокойство, а колени дрожали, противореча не только уставу, но и элементарным правилам приличия. С таким отношением к работе мисс Икс давно должна была вылететь со службы. Ей удавалось удерживаться исключительно за счет феноменальной памяти и чуткой интуиции. Назвать которую Предвидением с большой буквы мешал тот же устав и правила секретности.

— Сэр! В японском отделе...

— Я читал, — оборвал ее начальник, — Суть. Коротко. И без... — он многозначительно приподнял бровь.

Секретарь встала в позу тадасаны. Медленно выдохнула и попробовала изобразить спокойствие. Легко этому — двадцать лет оперативной работы, десять на нынешней должности, минуя промежуточные «подай-принеси». Даже знать имя Джей Каппы дозволенно только сотрудникам с допуском не ниже второго. Для остальных он — мистер Пит, администратор по хозяйственной части.

— *Мистер Пит,* — голос девушки еще дрожал, но ответный кивок означал, что теперь она ведет себя пристойно, — в японском отделе... прорвало трубу.

— Фановую? — уточнил мистер Пит.

— Да, — едва слышно подтвердила мисс Икс, — полчаса всех... заливает.

— Так таки всех? — когда сомнение — часть твоей работы, перестаешь доверять даже себе, не то что подчиненным.

Она кивнула. Компьютеры в отделе внезапно разразились фонтанами иероглиформ и чужих схем. Дешифраторы голодными псами бросились на такой подарок. Дружественные отделы намекали на общую радость, а восточное крыло перестало выходить на контакт. Даже в частном порядке. Все попытки натыкались на автоответчик, равнодушно повторявший, что все ушли на корпоративный обед. А какой обед, если у них такой кризис?!

— Значит, полчаса организацию заливает... всякое... — начальник потер щетину на бритом затылке, пора корректировать шифр, невозможно разговаривать с женским персоналом.

— Да, всякое *наше* и всякое *чужое*.

Длинное лицо мужчины вытянулось еще сильнее и сделалось серьезным.

— Вы свободны, Джулия. Благодарю за своевременное оповещение.

Оправдываться было не в правилах отдела OSP. Тем более не скажешь старшему по званию: «Ты — старый козел — сам выключил связь и пообещал удавить любого, кто сунется». Слишком смело, а Джулия заняла должность «мисс Икс» всего три месяца назад. Но рассчитывала задержаться на ней дольше всех предыдущих сотрудниц вместе взятых.

— Я позволила себе вызвать мистера Бада, — стараясь не сорваться на скулеж, протянула она.

— Очень самонадеянно, — раздалось в ответ, — но раз уж он здесь... Все равно нужен был мне так или иначе. Пусть войдет.

Мистер Бад, приглашенный пунцовой секретаршей, был как обычно шумен, неряшлив и многословен, но стоило двери закрыться за злосчастной девушкой, зам по ответственным поручениям замолчал, собрался и, казалось, даже стал выше своих пяти с половиной футов.

Оба мужчины ждали полной загрузки «шумового занавеса», после чего мистер Пит позволил себе вольность:

— В чем дело, Пси? — прямое обращение по имени традиционно означало крайнюю степень беспокойства.

— *Дело* было сорок две минуты назад, босс. Крушение уже случилось, семафор чинить поздно.

— Знаю, знаю... — скривился Каппа, — Я занимался... частными изысканиями, а мисс Икс...

— Не пора ли завести новую мисс Икс? — Пси позволял втянуть себя в отвлеченную беседу — или дела были настолько плохи, или напротив, тревога оказалась ложной.

— Можешь предоставить мнение независимого *сантехника?*

Коротышка с усмешкой натирал манжету свежей распечаткой, добавляя своему образу дополнительную замызганность.

— Японцы пытались выйти на «чужих» в обход всех, — разговор без профессионального шифра крайне не одобрялся, но ситуация позволяла... По правде говоря, ничего не позволяла, только Пси мог что-то позволить ситуации.

— Каким образом? Все стратегии уже провалились: и прямой конфликт, и попытки переговоров. «Чужие» в упор нас не замечают. Даже твои математические «письма счастья», — самое время было напомнить заму, что начальнику свойственно знать обо всем, что происходит в его ведомстве. Даже когда сотрудники не считают нужным ставить его в известность. *Особенно*, когда не считают.

Пси скривился, но удар выдержал. Ничего, еще не вечер. И пара джокеров в рукаве побьют многие удачные расклады «мистера Пита». Дайте срок.

— *Японцы*, — мистер Бад чуть надавил на слово, обращая внимание на первоначальную тему обсуждения, — как в старые времена: взяли китайскую традицию и переиначили на свой лад.

Фраза получилась достаточно невнятной для того, чтобы вызвать живейший интерес. И легкую нервозность. Но Джей Каппа не первый день варился в этом бульоне. Он ответил на довольную ухмылку собеседника понимающим кивком и связался со своим замом по безответственным поручениям. Выиграв, таким образом, минуту, он успел составить цепочку рассуждений от «китайской традиции» до «японского воплощения».

— Так понимаю, они устроили электронный фейерверк?

Приятно видеть, когда самоуверенный сотрудник теряет почву под ногами.

— Но как миновали барьер? Или... у них появилась технология передачи изображения *на* барьер?

— Да, — подтвердил сникший Пси, — они прямо на экран собирались транслировать драконов, хлопушки и прочие глупости.

— Собирались? — коронное приподнимание брови частенько срабатывает, собеседник начинает думать, что ты уже все знаешь, и порой говорит лишнее.

— Транслировали одного дракона две минуты и пятьдесят две секунды.

— После чего этим выскочкам обрушили систему. Замечу, не мы. Позор какой, — завершил череду догадок мистер Пит и взмахом руки пригласил заглянувшего в кабинет второго помощника. Наперекор свалившемуся кризису мистер Кульмбахер оставался подчеркнуто аккуратен и подтянут. Только выражение его лица сделалось еще суше и постнее. Хотя, глядя в незапоминающиеся черты Дельта Ку, никто бы не предположил, что подобное возможно.

— Нам нужны данные о реакции других отделов на... случившийся прорыв, — произнес хозяин кабинета. — Прежде всего, немцев и русских.

Крошечное «нам» отделило первых двоих, поставило их чуть выше в иерархии присутствующих. Ку таких тонкостей не замечал — мешали излишняя юность и недостаток опыта — а на Пси это должно было произвести впечатление. И чуть усыпить его бдительность.

— В немецком отделе архивируют документацию и сливают информацию на независимые носители. Техника подвергается тотальной чистке, в помещениях введены карантинные меры, наши «жуков» отлавливают сотнями. Все в порядке, мы пользуемся списанными израильскими. Но суета позволяет предположить, что немцы не причастны к диверсии в японском отделе.

То, что второй зам игнорировал принятый шифр, было непростительно, но объяснять ему элементарные вещи — пустая потеря времени. Исключительная косность молодого человека в ином месте назвали бы попросту тупостью. Но его умение оставаться в курсе происходящего в других отделах вызывало благоговейный трепет. Всегда, когда позволял устав.

— Единственное, что позволяет предположить суета, — подчеркнул начальник, — «тушеная капуста» хочет выглядеть ни при чем. Что слышно от русских?

— У русских традиционный день здоровья, — с тем же спокойствием ответил мистер Кульмбахер.

— Опять?! По какому поводу на этот раз?

— Юбилей первой Женевской конференции, — бросил реплику мистер Бад, быстроходным катером вклинившись между двумя лайнерами. О нем стали забывать, и своей осведомленностью он рассчитывал на дополнительную пару очков от шефа.

— Боже, храни швейцарцев, — задумчиво протянул мистер Пит, — что ж, джентльмены, хочу вас поздравить: у нас ни черта нет по делу японских *фановых труб*. Отвратительная работа. Бездарный провал! Готов поспорить, ни для одного из нас это даром не пройдет. Вы свободны до дальнейших распоряжений.

Оставшись один, Джей Каппа вынул из ящика стола плоскую фляжку. В конце концов, он не русский, чтобы соблюдать дни здоровья. Но даже виски был не в силах разогнать душевную смуту. Все эти... кабинетные дела — неплохой, кстати, код для обозначения всякого дерьма — бумажки, распоряжения. Сплошная говорильня и протирание штанов. Насколько раньше было просто — высадка в район, развертывание, укрепление в квадрате... А теперь такое чувство, что они воюют не с «чужими», мать их за щупальце, а друг с другом.

* * *

Юный Хт-фр-чок, не шевелясь, прижался всем телом к оградительному боксу, растянулся до тончайшей, прозрачной пленки по всей поверхности. Но чудное воздушное разноцветье больше не появлялось.

— Сынсын, — снова просвистела ма от входы в собиралище, — кэшшнн домой.

— Не, — в который раз прожужжал сынсын, — тучак снова будет. Вот тучак. И ты сожетоих, что я не тыгодыш.

— Ты не тыгодыш, — обреченно позеленела ма, — но мы слишком нувашш тут. Кэшшнн!

Хт-фр-чок продолжал ждать. Маленькие малыши суетились внутри куба, но никто из них не хотел больше создавать чудное воздушное разноцветье. Ма свистела, что раньше они часто так делали. Инстинкты заставляли их шуметь и сверкать, чтобы пугать хищников в живой природе. А тут хищников нет, и хоть иссыхай... Если бы ему разрешили подселить в бокс самого маленького и безобидного хищничка...

Потеряв терпение, ма схватила своего сынсына за щупальце и втянула в брюшную сумку. Любые собиралища хороши в меру.

Елена Щетинина

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О ШУШУРБАНЕ?

Когда Мишка вернулся к убер-такси, ловко балансируя двумя подносами с эрцаз-пищей, его штурман Алиса горько рыдала, вытирая слезы шторкой.

— Эмн? — осторожно осведомился Мишка, садясь в салон на свое водительское место.

— Смо-о-три-и-и, — всхлипнула Алиса, протягивая ему планшет.

Мишка вздохнул, увидев логотип сетевой библиотеки и маркировку «Не-земной автор». Неужели Алису опять потянуло на графоманов с тентаклями, хитиновыми панцирями и псевдоподиями? Мишка как-то раз попытался прочесть что-то оттуда, обозначенное как «шпионский роман», но когда понял, что половина действующих лиц являются субличностями в составе единого сознания гигантского шмеля, парящего в космосе и пожирающего галактики... в общем, он содрогнулся и бросился зализывать моральную травму старым добрым Дюма.

«Ааанди-Ту, окруженный вязкой и плотной темнотой, протянул щупальца и нашарил хрупкое и высохшее тельце Ку-ри-Ба, — пробежал Мишка глазами последний абзац. — Его любимый питомец, самое близкое в мире существо, маленький хромой Ку, не отзывался. Прекратили биться три верных сердечка, бессильно распласталась единственная псевдоподия. Никогда больше не издаст Ку веселый заливистый буук, не выбежит, хромая, навстречу маленькому хозяину...

Слезы покатились из пустых глазниц Ааанди-Ту».

— Опять? — сурово спросил Мишка, возвращая планшет Алисе. Собственно, ее личное дело, чем она занимается, когда нет работы — но проблема в том, что в последнее время работы не было практически постоянно, а это могло оказаться чреватым как для литературного вкуса бывшего филолога, так и для ее нервной системы.

— Ты грубый и бессердечный, — всхлипнула Алиса. Шторку она, однако, оставила в покое.

— Ну есть такое, — согласился Мишка, протягивая ей поднос. — Ешь. Сейчас сборный туристический рейс с орбиты придет. Может быть, кого-нибудь удастся перехватить.

Заняться частным извозом было большой тактической ошибкой. Мишка купился на романтику путешествий и заразил ими старую подругу — но кроме романтики ничего эта деятельность не приносила. Подавляющее большинство гостей Земли прибывали на планету по туристическим путевкам, в которые входили услуги корпоративных такси, уже заранее пристыкованных к коридорам выхода. Разумеется, что эти туристы и не обращали внимания на юрких частников, какими бы романтичными те ни были. Другой тип приезжих, совсем малочисленный, наоборот, отличался рискованностью и любовью к приключениям. Но этих такси не интересовало вообще. Они жаждали чего-то особенного, невероятного,

эксклюзивного — лошади, дирижабли, аэропланы, вот что радовало их сердце или сердца, в зависимости от вида. И тут тоже небольшое и юркое убер-такси было не в кассу.

Мишка уже решил — дорабатывает до конца года, а там меняет профиль деятельности. Редких заказов едва-едва хватало на заправку энергобаллонов, не то что на какие-то излишества. Алиса тоже откровенно скучала, перемежая скуку рыданиями над сентиментальными романами.

— Ешь давай, — повторил Мишка. — У нас на все про все десять минут.

Алиса вздохнула, взяла с подноса небольшую коробочку, резко потрясла и потянула за уголки, раскрыв ее, как диковинный цветок.

По салону поплыл запах жареного мяса, а из коробочки — как тесто из кастрюли у бабушки в деревне — вылезла красновато-коричневая масса. Алиса сморщилась.

— Уж лучше бы ты просто бутерброд взял, — она брезгливо ткнула массу вилкой. Та заколыхалась и, кажется, даже что-то недовольно пробормотала.

— Блин, Алиса, — Мишка запихивал в рот свою порцию, не обращая внимания на сопротивление еды. — Дала бы денег, взял бы. На что хватило, то и купил.

— Ты допрыгаешься со своими экспериментами с инокухней. Когда-нибудь нас всех в лучшем случае пронесет. А в худшем... — Алиса зажмурилась и сунула в рот полную вилку. Масса на ней пульсировала и явно возражала против поедания. С напряженным лицом Алиса еще около минуты прислушивалась к своим ощущениям, а потом благосклонно кивнула: — Ну ладно, сойдет.

— Ну конечно, сойдет, — Мишка, закинув голову, вытрясал в рот какие-то семена из пакетика. — В космопорте в едальнях только то, что людям не ядовито — условия лицензии.

— Не ядовито не равно вкусно, — Алиса скептически изучала содержимое пакета с семенами. — А ты знаешь, что их перед едой нужно прорастить у себя в еешу? Что такое «еешу»?

Мишка задумался, застыв с набитым ртом. Его лицо выражало работу мысли и борьбу с желудочными спазмами.

— Хотя надо сказать, меня больше интересует ремарка «у себя», — задумчиво продолжала Алиса. — Ты уверен, что...

— Ладно, я пошел, — Мишка выплюнул все обратно в пакетик и открыл дверь. — Пожелай мне удачи. И больше не читай про этого... слепого Эндиту и хромого Ку.

* * *

Когда, вернувшись через полчаса, он от души хлопнул дверью флаера, Алиса все поняла.

— Ну ладно, — вздохнула она. — Давай сейчас в Сибирь махнем. Там как раз у шахтеров смена закончилась, может быть, хотя бы десяток клиентов наберем... Кстати, я узнала, что такое еешу, это...

— Мы дорогу туда-обратно даже не окупим, — Мишка с раздражением выкинул пакетик с недоеденными семенами в окно и с каким-то мстительным удовольствием стал наблюдать, как вокруг захлопотал робот-уборщик стоянки. — В лучшем случае уйдем в ноль. И что там в этой Сибири? Глад, хлад и снег? Хуже только в горах, ей-богу.

— Ну-у-у... — Алиса развела руками и снова включила планшет. — Мое дело предложить.

Мишка с раздражением стукнул кулаком по имитации руля и задумался.

И тут в окно со стороны Алисы осторожно постучали. Штурман, уже погруженная в перипетии отношений рептилии, выбравшей на ближайшие десять лет женский пол, и теплокровного подобия жабы-пипы, вздрогнула. За окном маячило существо, при виде которого хотелось вымыть руки и бежать. Или сначала убежать, а потом мыть руки.

— Ишвините, — прошепелявило существо. — Вы швободны?

Алиса нервно взглянула на Мишку — ее любовь к ксено-авторам не распространялась, собственно, на существа, которые отличались от гуманоидов. Тем более, *так* отличались.

Мишка сурово кивнул.

— Баб-ло, — проартикулировал он.

Алиса вздохнула и, как можно более мило улыбаясь — пусть даже существо и не понимает человеческой мимики, корпоративная этика, все такое — сняла блокировку пассажирской двери.

— Шпашибо, — поблагодарило существо и втекло в такси, полностью заняв — а, точнее, залив, — собой сиденье.

— А вы хорошо выучили язык, — похвалила Алиса, поглядывая на пассажира через зеркало заднего вида.

Там шевелилось и клубилось бесформенное сизо-багровое, переливаясь и пульсируя. Алисе почему-то показалось, что не так давно она ела что-то весьма похожее. «Надеюсь, потом не придется отдавать салон в чистку», — подумала она и тут же устыдилась этой мысли.

— У наш врошденные шпошобности к яшыкам, — с явными нотками удовольствия и гордости сообщило существо. — У ваш это нашываешся «мушыка шлюх».

— Музыкальный слух, — поправила Алиса, строго глянув на покрасневшего от сдавленного смеха Мишку.– Му-зы-каль-ный слух.

— Мушикальный шлух, — старательно повторило существо, пробуя звуки на вкус. — Шпашибо.

— Вы немного не так произносите, — Алиса с азартом повернулась к существу. Его внешний вид ее уже не смущал. — Вот смотрите... вы говорите «шшшш», а надо «зззз» или «сссс».

— Шшшш, — покорно согласилось существо.

— Ладно, куда едем? — перебил их Мишка. — Простой такси тоже стоит денег, — на ходу изобрел он новые условия. Скорее всего, это их единственный клиент на сегодня — если вообще не на ближайшие несколько

дней — так что нужно выдоить его по полной. Не перегибая палку, конечно, — совесть у Мишки, к его сожалению, была.

— В Шушурбан, — гордо сообщило существо. — Я хошу увитеть Шушурбан.

— Кого? — Мишка воззрился на Алису. Та пожала плечами.

— Шушурбан, — терпеливо повторило существо. — Ваш лушший горот на планете.

— Штурман? — спросил Мишка. Алиса снова пожала плечами.

«Может быть, он неправильно произносит», — набрала она на планшете, сконнектив тот с водительским экраном Мишки.

Теперь настал уже его черед пожимать плечами.

— Скажите, а что вы знаете о Шушурбане? — осторожно спросила Алиса.

— О! — существо благоговейно закатило к потолку все свои восемь глаз. — О! Это я толшен шпрашивать ваш, што ешть в Шушурбане!

Алису слегка передернуло от таких совершенно человеческих проявлений эмоций, но она упорно продолжила:

— Не, я про то, откуда и что вы узнали о нем? Нам же... ммм... интересно, как он воспринимается со стороны...

— Ах, вот вы про што! — существо закопошилось щупальцами в своих складках. Алиса едва удержалась от того, чтобы не отвернуться и не зажмуриться. — Вот! — оно извлекло что-то, свернутое в свиток.

Алиса протянула было руку, но, заметив капающую со свитка на пол слизь, благоразумно отдернула.

— А давайте, лучше вы прочтете, — предложила она, улыбаясь. — Я же... ммм... не разбираюсь в этом алфавите. Да, не разбираюсь.

— Проштите, — явно смутился инопланетянин. — Я не потумал. Наш алфавит ошень слошный, в нем тышаша што рашных шимволов. В шавишимошти от того, в какой шешон они ишпольшуюша...

— У нас время парковки заканчивается, — подал голос Мишка.

— Отгони куда-нибудь, — махнула рукой Алиса. — Вы же не возражаете?

— Отнють, — покачало отростком, на котором находились голова и рот — это же голова и рот, да? Где же еще могут находиться глаза и для чего еще может служить эта... впадина? — существо. Алиса снова вздрогнула — они что, вместе с языком изучают и невербальные штуки? — Ешли вопрош в теньгах, хошу ваш шаверить — я вешьма обешпешен, так што теньги для меня не имеют никакого шначения. Тем более, што курш валют вешьма плакоприятен в шторону моей ротины...

— Вам бы об этом особенно не распространяться, — процедил сквозь зубы Мишка, выворачивая убер-такси со стоянки у космопорта и перекидывая его за город. Транс-прыжок на такое короткое расстояние — да еще и с полными баллонами — занял всего лишь полминуты, для пассажиров же это были только легкая вспышка и небольшой встряск. — А то мало ли на кого нарветесь...

— Мишк! — возмущенно вскрикнула Алиса. — Я же просила — закрывать шторы при прыжках!

— Да ладно тебе, это же пара десятков километров всего, что ты волнуешься, — начал оправдываться он.

— Што-то не так? — спокойно спросил пассажир.

— Да нет, все в порядке, — Алиса устыдилась — все-таки не дело устраивать разборки при клиентах. — Просто такое правило — при транспрыжках закрывать шторы. А то можно получить ожог сетчатки или голова заболит от яркого света.

— А, — вежливо ответило существо. — Так вот, отрывок иш путевотителя по Шемле, пошвяшенный Шушурбану. Прошу прошения, ешли перевот бутет нешколько корявый... Итак... «Каштый гость Шемли обяшан посетить Шушурбан. Этот горот по праву мошет именоваться шарем горотов — и не только Шемли, но и, пошалуй, всей ишвештной вшеленной. Вечные льты и влашные сферы в етином аншамбле шоштают велишайшее шрелише, не увитав которое, невошмошно шитать шебя шнатоком и шенителем крашоты. По шеркальной глати плывут крушевные тени, тивные пешнопения шовут и манят в шутешные пешеры...»

— Вы точно уверены, что это город? — скептически осведомился Мишка. — А то знаете... влажные сферы, чудесные пещеры... это, кхм, не совсем архитектурные описания...

— Проштите, — явно смутилось и растерялось существо. — Но это то, што напишано в путевотителе. Мошет быть, перевот нетошен...

Алиса украдкой бросила взгляд на Мишку. Тот пожал плечами. Она вздохнула. По-хорошему, конечно, стоило отказаться от заказа и объяснить существу, что они даже понятия не имеют, о каком городе то говорит. И что весьма вероятно — а Алиса считала себя хорошим штурманом, разбирающимся в географии Земли, во всяком случае, хотя бы в плане туристических достопримечательностей — что этого, как его, Шушурбана вообще не существует. Какая-то дурацкая ошибка, опечатка — что там еще может быть в этом слизистом путеводителе — и существо прибыло сюда в поисках города, которого *нет*.

Но деньги... Им очень были нужны деньги. А если сейчас прыгнуть обратно, к космопорту, высадить пассажира... оплатить парковку на территории — пусть на этот раз и минимальную, но все же... Кажется, тогда они на сегодня вообще уйдут в минус — тем более, что время для транс-прыжка в Сибирь уже упущено, туда сразу после того, как поток пассажиров с прибывшего рейса иссяк, прыгнули все такси, оставшиеся без клиентов.

Придется как-то выкручиваться...

— Понимаете... ммм... — стала на ходу придумывать она. — Дело в том, что... ммм... у нас есть несколько Шушурбанов.

— Да?? — хором вопросили существо и Мишка.

— Да, — осмелев, кивнула Алиса. — Одно время это было очень популярное название городов на Земле, а потом его не стали менять. Понимаете, дань традиции... все такое.

— Понимаю, — согласилось существо. — Тратишии — это ошень вашно. Вы хотите шкашать, што вше эти Шушурбаны похоши труг на труга?

— Не совсем, — опять замялась Алиса. Ей почему-то было очень сложно врать — возможно, потому что она чувствовала на себе заинтересованный взгляд Мишки. Черт возьми, уж лучше бы помог! — Дело в том, что они разные... и мы не можем понять, о каком именно идет речь. Верно же? — она сурово взглянула на Мишку.

Тот послушно кивнул.

— Шаль, — опечаленно поникло существо, полустекая на пол. — Дело в том, што у меня ешть время вшего лишь до вешера. Потом у меня ошень вашная встреча... А мошем ли мы объехать все ваши Шушурбаны, штобы найти нушный?

Мишка пожал плечами, как бы говоря: «Ну я за язык не тянул», и забарабанил пальцами по экрану. «Давай его просто куда-нибудь закинем, авось наткнемся на его Шушурбан» — вспыхнуло на планшете.

— Вы уверены? — уточнила Алиса у существа, попутно отсылая Мишке задумчивый смайлик.

«Только не сорвись, только не сорвись с крючка!».

— Я ше шкашал, теньги не имеют никакого шнашения. Только время.

— Тогда не будем медлить! — Мишка хлопнул по регулятору.

И шторки задернулись.

* * *

Алиса не любила транс-прыжки на дальние расстояния. Мало того, что они занимали по пять-десять минут — так еще и эти пять-десять минут приходилось проводить в полной темноте — дополнительное освещение в салоне расходовало и так ограниченные запасы энергобаллонов. После этого ее всегда знобило, мутило и она ненавидела всех и вся — особенно Мишку, который, наоборот, после этих прыжков выглядел только свежее и бодрее.

Но в этот раз существо обставило Мишку по бодрости.

Оно весело булькало, помахивало щупальцами, выпускало и прятало какие-то псевдоподии, даже, кажется, меняло цвет и по-разному пахло — в общем, было в полном восторге.

— Это великолепно, — наконец пискнуло оно. — Фееришно, шамешательно, ошаровательно! Оххх! Я готов это телать хоть кашдую минуту!

— Угу, — мрачно буркнула Алиса, думая, не станет ли нарушением профессиональной этики, если она прямо сейчас потянется за санпакетом.

— Приехали, Париж, — сообщил Мишка, с усмешкой глядя на позеленевшего штурмана.

— Но я ше прошил Шушурбан... — удивилось существо.

— Да-да, этот город называется еще и Шушурбан, — Алиса высунулась из приоткрытой двери и жадно глотала свежий воздух. — А чтобы отличать один Шушурбан от другого, этот мы назвали Парижем.

— Хм... — существо толкнуло дверь и вытекло из машины.

— Сейчас есть шанс бросить его тут и уехать, — хмыкнул Мишка.

— Ну да, конечно, — возразила Алиса. — А деньги? Мы же только из-за них и подписались на эту авантюру. Надеюсь, это похоже на его Шушурбан. Как там? Единый ансамбль и величайшее зрелище?

Она высунулась из окна.

На фоне ночного неба искрилась и переливалась всеми светами радуги иллюминированная Эйфелева башня. В воздухе плыл густой аромат жареных каштанов, смешиваясь с тонкими нотками осенней листвы. Где-то вдалеке играл аккордеон и танцевали вальс...

— Увидеть Париж и умереть, — с удовольствием произнесла она, оглядываясь на Мишку. — Мне кажется, что как раз подходит на роль...

— Это не Шушурбан, — сухо сказало существо, втекая в такси. — Крашиво, не шпорю — но не Шушурбан. Не тот Шушурбан, што я ишу.

Мишка вздохнул и покорно щелкнул регулятором.

* * *

Шушурбаном не оказались ни Москва, ни Лондон, ни поднятый три года назад из воды Китеж-град.

Существо отвергло Токио, Рио-де-Жанейро, Пекин.

Отвернулось от Берлина, Цюриха, Венеции.

С сожалением отказалось от Рима, Вены, Нью-Йорка.

Десятки городов — столицы, мегаполисы, провинциальные городки — облетели они, мечась в отчаянии по планете, перебирая географические названия, в тщетной попытке найти Шушурбан.

Его не было нигде.

Ни в памяти бортового компьютера — ни в преданиях местных жителей.

Шушурбан как в воду канул.

Или же и не выходил из нее.

* * *

В Санкт-Петербурге — который тоже был раскритикован пассажиром — Алиса заскочила в картографическую лавку.

— Послушайте, — тихонько спросила она, оглядываясь — никто не знал, насколько тонок слух у их пассажира, — а что вы знаете о городе Шушурбане?

Хозяин лавки — декорированной по последней моде, а-ля XIX век — задумчиво потер шею. По тому, как под его пальцами забегали тугие комочки, Алиса поняла, что этот весьма похожий на человека господин — вампир.

Вампирами гостей из созвездия Рыб прозвали после того памятного инцидента, когда один из их первых послов, только-только прибывших на Землю с приветственной миссией, самозабвенно впился в шею земного коллеги. Потом-то выяснилось, что это был ужасный конфуз — у «вампиров» там, где у человека кровеносная система, функционировала система пищеварительная, нечто вроде огромного, вытянутого в трубочку и заплетенного в причудливый лабиринт желудка; а акт отведывания, так сказать, непосредственно из горла того, чем собеседник недавно питался, является жестом высшего уважения и доверия. Вспыхнувший конфликт замяли достаточно быстро, а к гостям так и приклеилось прозвище «вампиры».

— Шушурбан... — задумчиво протянул хозяин лавки и пододвинул к Алисе тарелочку с какой-то жижей. Ритуалы, связанные с питанием, были очень важны для вампиров, поэтому Алиса покорно окунула палец в тарелку и быстро облизала, стараясь не думать о микробах, конфликте ингредиентов и прочем.

— Шушурбан, — повторил вампир, присев за прилавок и, судя по звукам, копаясь в каком-то ящике, заполненном бумагами. — Я вас верно понял?

— Возможно, оно произносится не так, — уточнила Алиса. — Чело... существо, которое о нем нас спрашивает, не выговаривает шипящие и свистящие, заменяя их на «шшш». Поэтому может быть и Сусурбан, и Зусурбан, и Шучурбан... попробуйте разные вариации.

— Факториал из шести, — уныло процедили из-под прилавка. — Факториал из шести, не считая еще вариаций местных диалектов!

Алиса согласно вздохнула.

— Тем более, это город — а не планета или астероид — вы же понимаете, что это может быть его неофициальным названием? — вампир, кажется, поставил целью окончательно добить ее.

Алиса снова вздохнула, порылась в карманах, достала банковскую карточку и поднесла ее к терминалу. Тот звонко пикнул.

Поняв намек, хозяин мгновенно выпрямился за прилавком и улыбнулся во все свои сорок четыре острейших зуба.

— У меня немного денег, — грустно пояснила Алиса. — Но все будут ваши.

Вампир глянул на окошко терминала и разочарованно подпер щеку кулаком.

— И эта информация вам так нужна, что вы готовы отдать последнее? Оторвать от сердца ради сомнительных сведений?

Алиса поморщилась — вампиры любили изысканно-вычурные фразы.

— Угу, — кивнула она.

— Ну что ж, — с деланной печалью вздохнул вампир. — Если вы уверены, что ваша игра стоит свеч, я, пожалуй, помогу вам. Его нет.

— Что?

— *Его нет*. Города Шушурбан нет нигде. Во всяком случае, в известной и картографированной Вселенной.

— Но, может быть... другое название, диалект... вы же сами говорили?

— Моя семья, — горделиво подбоченился вампир, — занимается картами всю жизнь. И на родине, Руупринте — и здесь. Мы владеем самой крупной сетью магазинов и третью картографических фабрик. Все названия, которые когда-либо наносились на бумагу и их аналоги — здесь, — он постучал согнутым пальцем себя по лбу.

Вампиры славились своей памятью, которая передавалась из поколения в поколение в буквальном смысле этого слова. Эти гуманоиды уже рождались подобием маленьких мудрых старичков, обладая знаниями и опытом своих родителей, дедов и прадедов. Даже браки на Руупринте заключались, исходя из целесообразности объединения генетической памяти жениха и невесты.

Поэтому если вампиры чего-то не знали, то этого, действительно, скорее всего, и не существовало в природе.

— Спасибо, — Алиса вставила карточку в терминал. Тот сыто заурчал. — Спасибо.

— Ну? — шепотом спросил Мишка, косясь на пассажира. — Узнала?

Алиса молча смотрела в окно. Они уйдут в такой минус, который им не исправить и за целый месяц. Баллоны уже, скорее всего, практически пусты, а денег на то, чтобы заправить, у них нет. Опять придется идти по друзьям, просить в долг — или же сдаваться на милость банкам...

— Ну? — Мишка с нетерпением толкнул ее в колено.

— Сколько заправки? — спросила Алиса.

— Еще на два прыжка. Точнее, на один — еще же возвращаться надо.

На один... Она прижала горячий лоб к теплому от частых прыжков стеклу. Мишка не будет просить в долг — и так уже они делали это несколько раз. А к банкам тем более на поклон не пойдут.

Скорее всего, это будет их последний прыжок. Уже сегодня такси встанет на вечную стоянку, а через несколько дней уйдет с молотка. Они с Мишкой давно предвидели такой исход, но все равно же, всегда кажется, что подобное произойдет когда-нибудь потом, не сейчас, и даже не завтра...

— Алис? — Мишка начал волноваться.

— Да-да, — кивнула она, стараясь казаться бодрой. — Да-да, сейчас.

Куда же отправиться сейчас? В последний раз? Что выбрать? Какой город? Страну? Материк? Полушарие, в конце концов?

Она закрыла глаза и вбила координаты наугад.

— Вот.

— Думаешь? — с подозрением спросил Мишка.

— Уверена.

* * *

Она промахнулась.

Судьба, ведущая ее руку, в этот раз толкнула под локоть.

Это были горы.

Не город, даже не деревенька — просто горы. Эверест, Эльбрус, Альпы — Алиса не знала, да и не хотела знать.

Скандал. Неустойка. Позор. И пусть даже им больше в такси не работать — но все равно, стыдно, стыдно, безумно стыдно. Они — а точнее, она — подвели это милое, пусть и такое безобразное существо. Оно всего лишь хотело увидеть красивый город, который по какой-то дурацкой случайности, опечатке, халатности робота-типографа попал в путеводитель по Земле. Оно проделало такой дальний путь, потратило столько сил — и все ради чего? Чтобы проболтаться по планете, пересмотреть кучу не впечатливших его городов — и теперь таращиться на тупые и холодные горы?

Боже, как стыдно!

Хлопнула пассажирская дверь. Существо отправилось смотреть, куда его привезли.

Алиса закрыла лицо руками, не зная, куда деваться. И Мишка, черт, Мишка! Он же тоже поверил ей, когда она вбивала эти координаты... Может быть, надо было ввести что-то другое? Архангельск? Женеву? Недавно найденный город Зет в Мату-Гросу, в конце концов? Черт, она подвела всех! Подвела в последний момент!

Ее дверь открылась.

Алиса продолжала закрывать лицо руками, покачиваясь из стороны в сторону. Это пассажир открыл ее дверь. Разозленный, раздосадованный пассажир. Пусть он сделает то, что должен сделать — наорет, пригрозит судом, все, что угодно...

— Шушурбан... — восхищенно протянули у нее над ухом. — Вшгляните на Шушубан... Не ситите тут...

Алиса вздрогнула и отняла руки от лица. Что?

— Шушурбан, — повторило существо, мелко пульсируя.

Она на негнущихся ногах вышла из такси.

Горы. Просто горы. И ничего больше.

Камень и снег. Небо и эдельвейсы. И больше ничего.

— Но это же... — начала она, и осеклась, когда почувствовала на своем запястье крепкую руку Мишки.

Она оглянулась. Мишка качал головой, произнося лишь одними губами: «Не надо».

— И тень чертогов наслажденья
Плыла по глади влажных сфер, — вдруг четко и чисто продекламировало существо.

Алиса вздрогнула. По ее спине пробежал холодок.

Их пассажир — нелепый, шамкающий и шепелявящий, бесформенный пассажир — вдруг неуловимо изменился. Он приобрел... нет, не черты и не формы, он так и остался странной текучей массой — но эта масса больше не была ни забавна, ни трогательна. Она была... монументальна. Величественна. Царственна.

Закатное солнце окрасило вершины гор в нежно-розовый цвет — и так же нежно розовело существо. Где-то там, внизу, в долине журчал ручей — и это журчание рождало рябь в чертах их пассажира. Он жил и дышал — да, да, кажется, что дышал! — в ритм с этими горами.

— И стройный гул вставал от пенья,
И странно-слитен был размер
В напеве влаги и пещер.
Какое странное виденье -
Дворец любви и наслажденья
Меж вечных льдов и влажных сфер...[1] — мощный глубокий голос разносился над погруженным в молчание миром. И даже когда он затих — эхо в расщелинах еще повторяло строки Кольриджа.

— Кто вы?.. — в ужасе прошептала Алиса.

[1] С.Т. Кольридж, «Кубла Хан»

— Вшего лишь туришт, — зашепелявило существо. — Обышный туришт. Шамый-шамый обышный туришт.

— Куда вас? — спросил Мишка, почему-то уже догадываясь, каков будет ответ.

И тот был:

— В правительство.

* * *

— Сегодня, поистине, великий день! — захлебывался от восторга корреспондент видео-новостей. — Судьбоносный, знаменательный, великий...ах да, «великий» я уже говорил... замечательный день! Правительство Земли в союзе с Содружеством планет подписали мирный договор с самым потрясающим, самым невероятным существом, которое только возможно вообразить! Представьте себе ожившую стихию, мыслящую черную дыру, силы природы, сконцентрированные в едином теле, руководимые единым разумом!

— С ума сойти, — покачал головой Мишка, приглушая звук — настолько экзальтированно вопил корреспондент. — С ума сойти. В нашем такси сидело одно из самых могущественных существ в известной Вселенной. Да оно могло одним плевком растворить нас нахрен с машиной и всей стоянкой! А мы-то думали, что сможем его обмануть... А это он нас обманул, подсунув несуществующий город и наблюдая, как мы решим эту задачку!

— Когда его спросили, что же побудило его подписать мирный договор, он ответил... Цитирую: «Красоты вашей планеты и терпеливость ваших таксистов. Я увидел вашу планету и поразился ей. Еще раз прошу прощения за мою маленькую шутку». Я не знаю, что это означает, но, думаю, что это можно сделать девизом таксомоторной службы Земли!

— Вот как всегда, — Мишка выключил телевизор. — Сейчас профсоюз приберет себе всю славу, а нам досталась только шкатулка. А он говорил: «Теньги, теньги...» — передразнил Мишка. — Нет, шкатулка, конечно, красивая, но нам же никто не поверит, кто ее нам оставил в салоне.

— Мишк, а Мишк... — рассеянно сказала Алиса. Она сидела перед приоткрытой шкатулкой и то ли не могла, то ли не решалась откинуть крышку сильнее. — Мишк...

— Что? — Мишка глянул, и слова комом встали у него в горле.

Золотое, серебряное, платиновое... Зеленое, красное, синее... Ультрамарин и архиверт... Сотни цветов и оттенков, которые никогда и не появлялись на Земле, сверкали и переливались перед ним. Какие-то из этих камней он видел в новостях, когда рассказывали о самых дорогих лотах шахтерских аукционов, какие-то — в каталогах известных музеев, но большинство было ему совершенно не знакомо.

— Это же... это же... — он хватал воздух ртом, а в мозгу пульсировали цифры, размер которых он даже не мог представить: миллиарды, триллионы, Господи, как страшно-то! — Это все нам?

— Нам, — тихо сказала Алиса. — Он же сказал, что деньги для него не имеют значения...

— Мы же можем... мы же можем... — Мишка чуть не терял сознание от тех картин, что проносились перед его мысленным взором. Особняки, машины, острова... Господи, да на это только тысячная часть уйдет, куда девать все остальное?

— Миш, — вдруг попросила Алиса. — Давай построим Шушурбан.

* * *

«Еще несколько лет назад в ответ на вопрос «Что вы знаете о Шушурбане?» вы бы недоуменно пожали плечами и оказались бы совершенно правы. Этого города никогда не существовало на Земле — равно как и во всей известной Вселенной. И вот, пять лет назад город со странным и немного смешным с точки зрения одного из земных языков названием стал реальностью. Его основатели — семейная пара, которая пожелала остаться неизвестной — попросили, чтобы в путеводителях он описывался вот так:

«Каждый гость Земли обязан посетить Шушурбан. Этот город по праву может именоваться царем городов — и не только Земли, но и, пожалуй, все известной вселенной. Вечные льды и влажные сферы в едином ансамбле создают величайшее зрелище, не увидав которого, невозможно считать себя знатоком и ценителем красоты. По зеркальной глади плывут кружевные тени, дивные песнопения зовут и манят в чудесные пещеры...»

Как вы понимаете, мы выполнили их просьбу.

И скажем вам, что это действительно величайший город.

Который теперь есть».

Путеводитель по Северо-Западному Сектору, том 35, «Земля»

Андрей Федоров

БЕЗ ИМЕНИ

С востока шел пылевой шторм. Крыша дребезжала, песок шлифовал ударопрочные стекла. Ветер, хоть и стремился, не мог войти и кричал обидные слова сквозь дрянную шумоизоляцию. Спалось ужасно. Я мерз, но идти включать котел было лень. Жидкое одеяло не грело, но спасало от обжигающего холода, который уж точно пощекочет мне ребра, стоит вылезти из кровати. Вот и ворочался с боку на бок, не в силах заснуть.

А потом все изменилось. Ранним утром — еще и солнце не взошло — начался акт творения.

Меня било и рвало, затем я плавал на волнах страсти и блаженства. Все это приятно пахло керосином, я растворялся в нем, потому что всем известно: керосин — хороший растворитель. Сознание блуждало по лабиринтам чьей-то, возможно, даже моей, души.

Настало утро, и оказалось, что я сделал даже не один, а целых два гроба. Значит, в ближайшие сутки умрет не один, а два человека. Вот напасть!

Прежде чем узнать имена бедолаг, я выпил травяного настоя. Это практически ритуал: видишь сделанный в припадке гроб — выпей настоя. И только успокоившись, принимайся за выяснения. Я поднял крышку первого гроба и под крышкой нашел имя — Мэр Даль. Что ж, старый друг, видать, зажился ты на этом свете.

Так уж вышло, что мне досталась полезная мутация: я предсказываю смерти людей, изготавливая им гробы. Именные. Происходит это так: я сплю, со мной случается припадок, душа отправляется вверх по реке керосинового блаженства, а наутро оказывается, что я сделал гроб. И подписал его маркером. Само собой, надпись я стираю, чтобы родные усопшего не подумали лишнего. Например, что я знал об этой смерти заранее, но предупредить забыл, хотя часто так и есть: не хочется огласки. Как показывает практика, предсказателям живется так себе: их рубят топором, они умирают от подагры или слепнут к чертям. Лучше уж я буду молча делать две вещи — гробы и лицо кирпичом. Дар у меня наследственный, а предсказание сбывается в течение суток. И, раз я сделал гробик своему другу Мэру, значит, он точно откинет копыта еще до завтрашнего рассвета. Если, конечно, я не помешаю.

Так, ладно, что там со вторым?

Второй оказался безымянным.

— Этого не может быть, — уверенно заявил я, но гроб не ответил.

Он стоял и буквально бросал вызов своей чистотой. Я обшарил его, прошерстил каждый сантиметр, но надписи не нашел.

Ха! Может, все дело в маркере? Он хоть и реликвия семейная, но мог же войлочный кончик засохнуть? Мог ведь я оставить его случайно открытым? Сдернув колпачок, я лихо мазнул по руке и с негодованием уставился на жирную черную полосу.

Ага.

Не в кончике дело.

Ритуал был нарушен: я приложился к травяному настою еще пару раз.

Итак, я сделал безымянный гроб. Что из этого следует? Что кто-то не дождется от меня шанса на спасение и умрет сегодня-завтра? Не велика трагедия, на самом деле. Пару раз в месяц я делаю гробы бедолагам, которые работают в руднике, так что их смерть не предотвратить. Гробовщик быстро мирится со смертью незнакомцев.

Другое дело — Мэр. За него точно стоит побороться.

Когда спасаешь жизни, это не проходит незамеченным. Меня не носят на руках толпы поклонников, просто провидение, понимая, что тебе не все равно, старается в меру сил помогать. Вот и сейчас, не успел я толком подумать, как именно мне спасать Мэра, в дверь постучали.

Как был — полуголой пожилой обезьяной — я пошел открывать. В наши дни минута промедления может стать решающей для того, кто снаружи. После хим-ядерной переделки мир стал чертовски неуютным. За дверью переминался в ожидании пыхтящий гигант с красными эполетами и золотистым шлемом. Как ни увижу скафандр штурмовика-конфедерациста, так в дрожь и бросает. Щиток слегка приоткрылся, явив мне старчески-прозрачные водянистые глаза.

— Тебе письмо, — прогудел Джером, наш почтальон. Ходят легенды, что настоящий голос Джерома ласков и мягок, но звук из скафандра просачивается через древние речевые модули. А голым нашего почтальона не видали уже лет десять, а то и двадцать. Мир таков, что единожды оказавшись в безопасности, пусть относительной, стремишься там и остаться. Джером стремится изо всех сил. Думаю, он даже дома не снимает скафандр. Только отдавая почту, слегка приоткрывает щиток, чтобы мы поняли: это он, а не какой-нибудь заезжий конфедерацци.

— Спасибо.

Джером кивнул, захлопнул щиток и ушел, не предложив расписаться в квитанции, за что я был чертовски благодарен. Письмо оказалось от Мэра. Он приглашал сыграть в покер вечерком. Говорил ведь, само провидение помогает!

* * *

Легкий прочный комбез, пусть слегка запятнанный, позволит добраться живым в гости к другу и украсит любую вечеринку. В качестве презента я прихватил последнюю бутылку импортного вина. А завершающим штрихом к образу денди решил сделать близнецов Сэма и Фишера. Только полный идиот спасает жизни в одиночку. Чем больше народу — тем больше шансов, поэтому первым делом я двинул к ним.

Не знаю, чем там молодежь в наши дни занимается по вечерам, но близнецы в подвале стреляли по мишеням. Едва я вошел, они тут же без вопросов собрались. Хорошие ребята. Их после прошлой зачистки оставил отряд конфедерацистов. Наш городок пострадал меньше соседнего, в котором убили вообще всех. У нас в живых осталось десятеро. Уже потом, когда прибыли переселенцы и шахтеры, отстроили заново город. А тогда,

сразу после зачистки — дымящиеся руины, воронки, стеклянные лужи напалма... И десять человек. Им конфедерацци и всучили двух пятилеток. Нет, я не жалуюсь, ребята мне жизнь спасли, просто такое детство не могло на них не повлиять. Они преданы городу и готовы умереть за его благополучие. Вот такой веселой компанией мы и явились.

— Ты зачем притащил детей? — проскрипел Мэр. — Совсем крыша на старости поехала?

Это наш любимый Мэр Даль. Кстати, Мэр — это и имя, и должность. Его мать назвала так сыночка из экономии. Тогда у нас за регистрацию новых членов общины приходилось платить, причем побуквенно за каждое имя. Что-нибудь модное и звучное вроде «Брюс» или «Кэмпбелл» могли позволить себе только толстосумы или конфедерацисты. Мой-то папаша справил мне имя хорошее, а вот Мэру не свезло. Впрочем, когда город отстраивали заново, люди подумали: какого черта у нас два мэра — мэр и Мэр? Что за путаница, пусть будет один! К моему удивлению, повеса Даль оказался неплохим городским главой. Первым же, кстати, делом он упразднил плату за регистрацию.

— Этим детям четвертый десяточек, — буркнул я. — Впусти нас уже!

И он пустил, конечно, но осудил.

Как выяснилось, мы пришли последними. За круглым карточным столом уже сидели священник Кожаное Весло, Перекати Поле — наша местная журналистка — и... Анжела. Да-да, именно она. Выглядит, будто ей по-прежнему двадцать, а не кхе-кхе-десят; бледность — даже не аристократическая, а истинно королевская; тонкие, подлые, но красивой формы губы; глаза, вызывающие дрожь даже спустя много лет. Вот и теперь вызвали. Увидев ее, я застыл от неожиданности. Хотя, чего удивляться, солнце ведь село, а она — свободная женщина и может ходить, куда хочет.

Энжи ничего не сказала мне, даже не кивнула. Отец Весло учтиво поздоровался, зато сволочная журналистка не пожалела слов:

— А вот и наша престарелая звезда! Как дела, как здоровье?

И тут же в сторону Мэра:

— Ты почему не сказал, что его позовешь? Я бы блокнотов побольше взяла.

И опять мне.

— Ну, что расскажет наш Дон Жуан? Сколько женских сердец планируешь разбить?

— За свое не переживай, — заявил я и уселся рядом с ней. — Бабушек обхожу стороной.

Перекати скривилась, но промолчала, зато Весло неодобрительно покачал головой.

— Угомонитесь, — сказал Мэр. — Все и так прекрасно все знают. Не первый год знакомы.

Не первый — это уж точно.

— Давайте уже играть.

Ох уж этот ее голос с легкой хрипотцой! Бр-р-р! По коже побежали мурашки.

— Давайте, — обрадовался Весло, и мы дали.

Старинная люстра — только у одного Мэра была такая — отбрасывала на стены изящный параноидальный узор. Свечи, которых в комнате было в достатке, плясали под дудку сквозняка. Цигареты дымили, нервы плавились.

Святому отцу, как обычно, не доставало выдержки. Он легко пасовал даже на удачных комбинациях. Перекати играла хорошо, но слишком опрометчиво. Мэр предпочитал выжидать — самая опасная тактика. Сэм ставил наобум, а вот Фишер играл сосредоточенно. Трудно было угадать, что происходит в его голове. В какой-то момент остались только мы с Анжелой. Она повысила, я уравнял. У меня была вшивая пара королев, я блефовал, и она знала, что я блефую. Обстановка накалилась, и первым не выдержал Мэр:

— Пора выпить.

Он встал, шагнул к серванту. Это и спасло меня от полного разгрома.

Раздалось дребезжащее мяуканье, пыль на шкафу взметнулась, а потом из нее соткался мимикот. Тварь, мимикрирующая под что угодно и что угодно жрущая. Мявкнув еще раз, она кинулась на Мэра.

Вот он — момент истины!

Я не успел, рефлексы уж не те. Вроде тело и рванулось вперед — помочь, спасти — да ум одернул. Мол, неча скрипучими костями соваться, только все испортишь. Зато успел Фишер. Взвыл ионный револьвер, и мимикот обратился в пыль. И ошметки. И кровь, конечно, тоже.

Глаза Энжи странно полыхнули и погасли, будто кто-то внутри зрачков развел и тут же затушил мощный костер. Никогда такого за ней не замечал.

В тишине прозвучал мой голос:

— Ну, Мэр, все еще недоволен, что я привел детей?

— Иди ты, — отозвался Мэр, и краска вернулась на его лицо. — Вот иди ты!

Я, кряхтя, поднялся, отряхнулся.

— Да и правда, пойду. Домой пора.

— Это всего лишь мимикот, — дрожащим голосом сказала Перекати. — В штаны наложил?

— Ага, — согласился я. — На мне ж комбез, просто так не вытряхнешь.

Перекати только выругалась, а Весло перекрестился.

— Староват я для такого, — сказал я. — Не провожайте.

Сэм вопросительно посмотрел на меня, но я мотнул головой. Пусть лучше здесь остаются, а то вдруг мимикот тут не один.

Но в холле меня догнала Анжела. Я, не оборачиваясь, узнал ее шаги.

— По-прежнему играешь в героя? — спросила она.

Когда я говорил, что ни одна живая душа не знает о моем увлечении, то не имел в виду Анжелу. По разным причинам. Хотел было ответить резко, но понял, что в ее голосе нет насмешки. Медленно повернулся.

— Здравствуй, Энжи.

— Не знаю, — сказала она, — почему даже спустя столько лет твой дурацкий крестовый поход меня до сих пор...

— Возбуждает? — спросил я, заранее готовясь к скандалу, но охнул — Анжела кинулась и прижалась ко мне.

— Не хочешь переехать? — шепнула она.

В который раз.

— Хочу, — выдохнул я.

— Подожди здесь, — сказала она и отступила. Забежала обратно в комнату, шумно чмокнула каждого в щеку, и мы покинули этот дом. Держась за руки, дошли до заветного перекрестка и поспешили каждый к себе. Она — приводить свое гнездышко в порядок, а я опрометью похромал домой за чемоданом.

* * *

Мама, бывало, говорила: если что потерял, ищи под диваном или за шкафом. Увидев Энжи, я потерял покой, но ни под диваном, ни за шкафом его не нашел. Еще до того, как она стала бледнее смерти, до того, как превратилась в изящное чудовище, я влюбился как мальчишка, хотя именно мальчишкой я и был. В тот же день я признался ей в любви, и она ответила: «Что, и ты тоже?» Сначала я оскорбился, подумав, что до меня успели признаться все остальные наши парни, но она имела в виду другое. Да, с выражением мыслей у нее беда, как у любой женщины. Мы стали парой, и жили долго и счастливо, целых три месяца. Я делал гробы и спасал людей от смерти, а она мне помогала. А потом в город пришла армия конфедерацци и сожгла его к чертям. Оказалось, среди жителей тишайше буйствовала механо-оспа, и из пятисот человек двести пятьдесят были автоматонами. И никто не догадывался, пока не явились конфедерацци со своими псами-ищейками. Не так страшна механо-оспа, как искореняющая ее армия. Из этой заварухи мы все вышли несколько другими. С тех пор наши отношения напоминают синусоиду. Я переезжаю к Анжеле, потом мы ссоримся, и она меня выгоняет. Но я всегда жду следующего раза, поэтому держу чемодан наготове.

Ставни дома Энжи были плотно забиты, кое-где даже заварены. Ни капли солнца в дом, что логично, если ты кровосос со стажем в десятилетия.

Мутантом ее сделали конфедерацци. Один солдатик не устоял перед ее красотой и помимо поруганной чести оставил еще и кровососный вирус. С тех пор Анжела без человеческой крови не прожила и дня. Стала врачом, лечила всех без разбору, а кровь ей давали в благодарность. Как-то приехали крепко сбитые молодцы, стащили с телеги несколько ржавых канистр и сказали, что отныне сами будут возить ей кровь. Но и лечить она будет только их клиентов. Старик Жупел разошелся, принялся лупить молодцов клюкой, но ионная картечь его заткнула. Да так успешно, что потом пришлось чуть не веником в гроб сметать. Ну, а Энжи зарычала и утащила молодцев в дом. Крови ей хватило на неделю, а то и на две.

Я позвонил в дверь, она тотчас распахнулась, насколько вообще применимо к этим шлюзовым дверям понятие «тотчас».

— Заходи, — хрипло сказала Энжи и втащила меня внутрь — в запах мандаринов. Не знаю, почему, но ее дом пах именно так. Одежды на ней

было не так уж и много, и я посчитал это хорошим знаком. Она выглядела обычно: бледность, ночная рубашка, заляпанная кровью, и золоченые часы на шее — ее личная ценность. Как-то раз она пошла в душ, забыв их на столике, а я не удержался и рассмотрел. Оказалось, что часовая стрелка отломана, соскоблены все цифры и деления. Я так удивился, что даже забыл сделать вид, что ничего не трогал. За это она меня тогда и выставила за дверь.

В другой раз, гораздо позже, я пришел к ней переезжать с вином. Да, достал вино, а это чертовски трудно. Но месяц был урожайный — много людей умерло от взрыва в руднике, я заработал незаживающую мозоль на руке, но всех обеспечил гробами. Не бесплатно, конечно. В итоге денег хватило на ящик хорошей выпивки. В общем, я пришел к ней с вином, мы его уговорили, и она рассказала, что часы — это специальная такая вещь, чтобы не поддаваться внушению. Анжела где-то услышала, что настоящая душевная боль длится всего 15 секунд — все остальное иллюзия. Обижалась Энжи часто. При разговорах со мной она всегда косилась одним взглядом на часы.

Мы не виделись довольно давно, поэтому и кончилось все быстро. Десять минут стонов, копошений, вздохов, потом еще пять — попыток вымотаться из проклятых простыней. А дальше — тишина, заполненная бешеным стуком сердец и рассматриванием потолка. Который стоило бы побелить, кстати. Если не выгонит, завтра займусь обязательно.

В такие моменты у нас принято курить. Даже пепельница специальная имеется. Я подарил Анжеле эту вазу черт знает когда. Отец нашел ее на кладбище, копая место под новую могилу. Это была настоящая древность с какими-то нарисованными голыми человечками. Лак помутнел, но все еще поблескивал. Может быть, когда-то в нее ставили цветы. Но с цветами теперь у нас напряженка, а с цигаретами — порядок.

— Наверняка, со стороны это выглядело мерзко, — довольным голосом прошелестела Энжи. Ее почему-то всегда забавляли такие вещи.

— Ну, — сказал я, — не всем же трахаться очаровательно.

— Не всем, — соглашается Анжела, и мы снова молчим.

Тишина, потолок, цигаретный дым и ваза со смешными голыми человечками. Потом Анжела встала и пошла в душ, а я уснул. Чтоб не дать ей возможности закатить скандал и выгнать меня в холодный, ветреный мир.

* * *

Шумоизоляция дома Энжи была гораздо лучше, чем в моем. Я спал мертвецким сном, и ночь прошла отлично — мы не скандалили. Утро тоже задалось: когда я встал, она уже уснула. Вот — идеальная совместная жизнь. Главное, не давать повода или времени на ссору, и все будет отлично. Я быстренько собрался и вышел. Сегодня воскресная служба в церкви, такое пропускать нельзя.

Дома у меня уже были близнецы. Жилище в городе никто не запирает — вдруг кому понадобится переждать ненастье?

— Да ты переехал что ли? — сказал Сэм, и близнецы принялись ржать.

Мои отношения с Энжи — что-то вроде местного анекдота. Старая кошелка Перекати Поле посвящает нам целую страницу в своей газетенке.

— Да ты никак шутить научился? — говорю я, всплеснув руками. — Может, в циркачи подашься, Сэм?

— Я не Сэм, — брешет Сэм.

Фишер кивает, брехло молчаливое.

Таки да, этих близнецов друг от друга хрен отличишь. Только один говорливый, а другой — молчун. И никто в городе не знает, кто из них кто, кроме меня. Если пролежал в гробу несколько дней, то уж точно запомнишь лицо и имя человека, откопавшего тебя. Эффект утенка, не иначе.

Желания перекидываться шуточками не было, поэтому я просто махнул рукой.

— Стареешь, — заключил Сэм.

— Я уже давно постарел, сопляк.

— А Энжи в курсе?

— Сам у нее спроси. Лучше скажи, как вчера посидели?

Посидели они отлично. Мэр был настолько ошарашен случившимся, что играл из рук вон. Священник снова пасовал при каждом удобном, а журналистка была чертовски плоха в блефе. В итоге мои парни остались в выигрыше. Мы отпраздновали их победу глотком настойки и отправились на службу. Не стоит опаздывать на единственное в городе развлечение. Надо только в рабочей тетради, которую до меня вел еще отец, сделать приятную пометку: «такое-то число такого-то года. Гроб Мэру. Не пригодился.»

Мы пришли вовремя, но у церкви вытянулась длинная очередь. Она гудела, разговаривала, перемывала косточки — все как обычно на воскресной службе. У двери стоял Мэр и с любезной улыбкой протягивал каждому входящему в церковь пожелтевшую от времени книгу и ручку. То, что я вижу живого Мэра, меня обрадовало, все-таки я переживал. А вот книжка в его руках — не очень.

— Прошу, — улыбнулся он, наконец, и мне.

— Что это? — спросил я осторожно.

— Книга посещений служб, — ответил он.

— Такая есть?

— Старая традиция. Несправедливо забытая.

— И?

— Распишись.

Я поперхнулся и мрачно взглянул на Мэра. Вот ведь дурацкая шуточка для человека, которому ты вчера спас жизнь! Мэр был одним из тех, кто знал о моем досадном недуге. В глазах потемнело, заломило в висках. К горлу подкатила тошнота, и я обрадовался, что не завтракал.

— Не могу, — выдавил я из себя.

— Подпиши, — велел Мэр. — Ты можешь.

— Нет!

Мэр посмотрел на меня очень внимательно. Голос его был спокоен и сух.

— Значит, ты отказываешься выполнить законное требование официального главы города?

— Мэр, да что с тобой?

Близнецы позади меня зашушукались.

— Повторяю вопрос: значит, ты отказываешься выполнить...

— Да, да! Отказываюсь! Да что с тобой вообще?!

Глаза Мэра сузились, хотя лицо по-прежнему оставалось каменным.

— Тогда умри.

Это прозвучало так неожиданно, что я даже не успел среагировать. А мой старый друг уже дернул из кобуры импульсный револьвер. Разум завопил от страха, а тело продолжало, застыв, стоять. В следующий миг вокруг начался кромешный ад. Меня толкнули, я грохнулся на землю. Раздался короткий вой — выстрелил револьвер Мэра, на том месте, где я только что стоял, брызнула в стороны красноватая земля. А затем взвыли еще два ионника — почти синхронно — и, Мэр, всхлипнув, отлетел к стене.

Кто-то закричал пронзительно и тонко.

— Мэра убили!

Церковь разом будто вспучилась от воплей, внутри принялись вопить и спорить. В дверях возникла давка. Очередь за мной, потеряв стройность, рассыпалась. Сэм рухнул на колени и зажал глаза руками. Казалось, он и сам при смерти: первая кровь на руках.

— Сэм, глянь! — пробился сквозь гам голос Фишера, и столько было в нем ужаса, что все разом затихли. А потом заголосили с новой силой.

У них был повод.

Выстрелы парней угодили в Мэра дважды — один в грудь, другой в голову. Но из ран не лилась кровь. Оттуда будто сыпалась мелкая латунная стружка. Внутренние органы уже наполовину состояли из сложного набора маятников и шестеренок всех мастей. Предсказание было верным. Мэр умер часов двенадцать назад, и вовсе не от ионных разрядов. А от механо-оспы. Она вернулась.

* * *

Механо-оспа. Проклятие нашего и так не слишком дружелюбного мира. Человек превращается в механическую куклу — автоматон. Микроскопические механо-боты копируют повадки носителя и доводят их до абсолюта. Но им не под силу воссоздать сложность человеческой натуры. При жизни Мэр бывал чуть педантичен. Проклятые боты сделали из него абсолютного педанта. Вот откуда взялась эта «несправедливо забытая» книга. Автоматон, получившийся из моего отца, положил, следуя сценарию, меня в гроб и закопал. Долбаные жестянки способны на ужасные вещи. В прошлый раз наш город едва не стерла с лица земли механо-оспа вкупе с отрядом конфедерацци, которые повсюду ее искореняют.

Я смотрел на хромированные останки своего друга, а вокруг царила истерика. Служба была сорвана. На улицу выбежал отец Весло и постарался успокоить народ. Народ успокоился тем, что разбежался по домам. Все ясно понимали: если эпидемия вернулась в город, то скоро придут и конфедерацци.

Я сидел на земле и не мог пошевелиться. На моих глазах погиб старый товарищ, пытавшийся меня застрелить. Нет, я понимал, что сам Мэр уже был мертв, а целился в меня ходячий труп, нашпигованный шестернями. Но легче от этого не становилось.

Близнецы же восприняли происходящее спокойно, будто не они только что убили человека, который их вырастил. Ладно, одного из таких людей. И будто бы не Сэм стоял на коленях в ужасе.

Члены отказывались двигаться. Наверное, что-то похожее чувствует автоматон, если в его шестерни попал песок? А они вообще способны что-то чувствовать? Тот же Мэр даже глазом не моргнул, когда вытащил револьвер. Я зажмурился, и меня начало трясти.

— Але! Ты слышишь меня? Эй!

Ага, меня не трясет, это меня трясут. Я открыл глаза и увидел озабоченное лицо священника.

— Я в порядке, отец.

— Знаю, что ты в порядке, — сказал Весло. — Я о другом хотел спросить. Есть в чем похоронить Мэра?

Вопрос не праздный. Так уж случилось, что теперь хоронить умерших можно только в гробах. Иначе земля быстро переработает и превратит в какую-нибудь дрянь. Вроде механо-оспы. Такая уж она стала, матушка-земля.

— Так что? Гроб есть?

Я с усилием кивнул.

— Хорошо, — выпрямился Весло. — Возьмите мою тачку, и гоните гроб сюда. Похороним быстро, пока не началось.

— И еще, — добавил он. — Перекати видел?

Я подавил в себе желание оглядеться по сторонам. Понятное дело, что нет, раз Весло спрашивает. Припомнил очередь: толпа фермеров, шахтеров... А журналистки нет.

Мотнул головой.

— Я тоже не видел, — кивнул священник. — Зайди к ней, позови. Думаю, нам нужен новый мэр. А, значит, нужно созвать совет... или выборы устроить... Пресса должна присутствовать.

Тень усталости набежала на морщинистое лицо Весла.

— В общем, зайди к ней.

* * *

До моего дома мы шли втроем. Сэм — катил тачку, Фишер поддерживал меня. Братья часто помогали, поэтому знали, что делать. Оставив мои кости ныть дома, они забрали гроб и увезли его в церковь. Я же собрался с силами, взятыми большей частью из настойки, и отправился к журналистке. Как бы мы друг к другу ни относились, дело есть дело.

Дверь в ее дом почему-то была распахнута настежь. Порог замело песком, шлюз и прихожая покрылись мини-барханами. Перекати решила проветрить жилище?

На самом деле, я понимал, что ничего хорошего меня внутри не ждет. Двери всех домов в городе закрываются автоматически. С опаской я

заглянул в прихожую и обомлел. У Перекати стоял замок на двери, старомодный магнитный засов. Он блокировал пневматику и позволял запирать дом. Вот так чудеса. Неужели журналистка кого-то боялась?

Пахло паленым.

С самыми дурными предчувствиями я зашел в гостиную, но там не оказалось ничего. То есть совсем ничего. Пол был весь в пыли и песке, обои пошли лоскутами, пластиковые вставки причудливо оплавились. Будто взорвалась плазменная граната. Но гранаты не крадут книги и не обыскивают дом. Книжные полки пустовали, ящики были вырваны из обугленного стола. То, что я принял за песок, оказалось толстым слоем пепла. Дом был пуст, похоже, все, что составляло жизнь журналистки, сгорело в этом странном пожаре.

— Поле? — позвал я. — Перекати?

Никто мне не ответил. Без всякой надежды я обошел соседей, но никто ничего не слышал. Ветер на улице смог бы скрыть даже звуки приближающейся армии.

И не зная, что делать, я просто ушел.

Домой вернулся поздно вечером. Мэра мы похоронили быстро. Большую часть времени обсуждали, что делать дальше. Избрать нового главу было жизненно необходимо, хотя бы для координации действий. Так уж вышло, что из городского совета остались только я да Весло. После долгих препирательств решили провести голосование. Не самый быстрый способ, зато самый безопасный. Почтальон Джером разнесет по домам бланки, а потом соберет их. Когда мы закончили готовить бланки, солнце уже и забыло, что вообще находилось на небе. Я устало хрустел суставами, и Весло смилостивился — отпустил меня домой, пообещав, что сам отдаст бланки Джерому. Я не стал предлагать помощь.

Дома сил хватило лишь на то, чтобы-таки включить котел. Энергия накопленного за долгое лето тепла рванулась по проводам, уютно зашумели нагреватели. Воздух быстро потеплел. Ну вот, настоящие тропики. Вот бы еще и шумоизоляцию, как у Анжелы... Да, по идее, надо было идти к ней, ведь я переехал, так? Но мне не хотелось очередного поединка умов, не хотелось ждать скандала и следить за ее взглядом — упадет на часы или нет? Мне хотелось просто отдохнуть и понадеяться, что Энжи меня поймет. Я упал на подушку, пообещав себе подумать обо всем этом завтра, и уснул.

Подумать, само собой, не вышло, потому что, проснувшись, я обнаружил перед кроватью свежий гроб.

«Весло Мэри Кожаное».

Поначалу я даже растерялся. Понятия не имел про второе имя Весла, но, черт побери, я совершенно не удивлен, что он его скрывал. Мэри Кожаное Весло звучит гораздо хуже, чем просто Кожаное Весло.

А потом пришел тихий ужас. Да, однажды человек стареет настолько, что понимает: бегать и кричать уже не солидно. Отныне он будет только цепенеть и разевать в ужасе полный стальных зубов рот. В другое время я бы пошел к братьям и попросил их об очередной услуге. Они привыкли. Но теперь... Если Весло заболел механо-оспой, мы ему не поможем.

Более того, можем заболеть сами и... Так, стоп. Предыдущие разы, когда я шел спасать кого-то — это тоже был риск. Так ли отличался мимикот от механо-оспы? Отличался. Мимикот не способен убить весь город. А оспа — способна. Вопрос в масштабах. Непонятно откуда взявшаяся ответственность за целый город тяжким бременем свалилась мне на плечи. Хотелось сесть и больше не вставать.

В дело пошла травяная настойка. Какое-то время я безобразно пил из горла, и, когда меня чуть не стошнило, посмотрел на ситуацию немного помутневшим, но более спокойным взглядом.

Итак, Весло не сегодня-завтра умрет, и я, скорее всего, ничего не смогу с этим поделать. Хорошо. Точнее, ничего хорошего. Я должен к нему сходить и сказать правду. Так или иначе. Это мой долг.

И я пошел. Мы встретились, я все ему рассказал про гробы и его имя на крышке. Не утаил почти ничего. По мере рассказа лицо Весла темнело. Когда я закончил, он долго сидел молча. Сцепил руки на коленях и взглядом бурил пол.

— Что ж, — наконец сказал он. — Многое становится понятным.

Цвет лица его вернулся к норме.

— Ну, — сказал он. — Мне тоже есть, что тебе поведать.

Вообще, мы были с ним почти ровесниками. Лет на десять он меня опередил, но сейчас я чувствовал себя мальчишкой перед старцем. Может быть, религия и правда дает какую-то мудрость или рассудительность.

— Ты знаешь, как действует механо-оспа? — спросил Весло.

— Убивает. Превращает в автоматоны.

— Да. Но как именно?

— Понятия не имею.

— А я тебе расскажу. Я тогда исповедовал одного конфедерацци. Парень не жилец был — автоматон его крепко зацепил.

— И?

— Не перебивай. Я тут, если ты не заметил, святость исповеди нарушаю. Так вот. Как думаешь, почему мир до сих пор не превратился в одно большое такое царство автоматонов?

А может и превратился. Что там за этой пустыней — черт его знает. Я там не был.

От таких мыслей я поежился, Весло это заметил.

— Боишься? Правильно делаешь. Но шанс спастись есть.

Он встал, хлебнул из фляги и кинул мне.

— Взбодрись.

Я отказался. Во мне еще плескалась травяная бодрость.

— Так вот, — сказал он. — Механо-оспа действует не как обычная, например, оспа. Она не заражает всех подряд, иначе мы бы все уже были мертвы. Понимаешь? Обычно есть кто-то, кто заболел раньше всех, конфедерацци его называли заразителем. И уже от него заболевают все остальные. Только от него. Даже если я сейчас рассыплюсь на шестерни, а ты наешься их до отвала, далеко не факт, что заболеешь. Для этого нужен контакт с заразителем.

Надежда вспыхнула во мне сверхновой, но затем притухла на несколько миллионов порядков.

— Да, — сказал Весло. — Если я заразился, то умру. Вычислить, кто именно меня заразил, нельзя — вчера в церкви было полгорода. Но выход есть. Найдите заразителя, убейте и похороните его.

— А что же с теми, кто заразился?

— Они умрут, — тихо сказал Весло. — Но у всех остальных будет шанс.

Мы помолчали.

— А этот твой конфедерацци не упоминал, как найти заразителя? Как отличить его от других автоматонов?

Священник покачал головой, и лицо его снова омрачилось.

— Извини, друг, пожалуй, больше я ничем тебе помочь не смогу.

— Но Весло! Ты еще не умер!

Он поднялся.

— Иди. Спасибо, что заглянул. Верю, наша встреча была необходима нам обоим.

— Но...

— Иди! — рявкнул он.

Лоб священника в испарине, руки подрагивают. Ему страшно, очень страшно.

— Ступай, — уже спокойнее сказал Весло. — Мне еще нужно подготовиться ко встрече с Господом.

Я развернулся и пошел прочь.

— Захвати тачку, — сказал он мне в спину. — Привози вечером мой гроб.

— Хорошо, — шепотом ответил я. — Хорошо.

«Такое-то число такого-то года. Гроб Кожаному Веслу. Доставлен».

* * *

Близнецы хоронили Весло без меня. Я не хотел знать, как он погиб, поэтому трусливо остался дома. Парни возражать не стали, хотя и переглянулись тревожно. Они ушли, а я не мог найти себе места. Если заразитель — кто-то из горожан, не ясно даже, кому доверять. Автоматон способен на обман, если изначальная личность была лжецом. Я ходил взад-вперед по дому и думал, думал, думал. Это были размышленья того рода, когда ничего путного не придумывается. Мысли, как ленивые конемедведи в загоне, бродили кругами, без цели и результата. Пройдя, наверное, по дому миль десять, я понял одно: нужно собрать всех, кому я доверяю. Таких оказалось очень немного.

Дождавшись близнецов, я первым делом направился в дом Мэра. В шесть рук мы быстро изъяли небольшой городской архив с именами горожан. Свою тетрадь я, конечно, тоже захватил. Не помешал бы еще и архив Перекати, но его, похоже, больше не существовало. И вот со всем этим богатством в руках я, Сэм и Фишер пошли к четвертому человеку, достойному доверия.

— Ты? — в ее голосе слышалась радость, и это было чертовски приятно.

— Привет, Энжи, — сказал я. — Не возражаешь, мы войдем?

— Мы?! — поразилась она, но все-таки отступила.

Все выглядело как обычно: неприбранная двуспальная кровать, древняя пепельница на окне, запах мандаринов и... холод. А и правда, зачем Энжи тепло?

— Так, — мрачно сказала она, глядя на нас, — говорите, что происходит.

Я попросил всех усесться — хоть на пол — а потом уже второй раз за день рассказал все. Про свой дар, про безымянный гроб, про механо-оспу и про заразителя. Для Энжи история об именных гробах новостью не была, но близнецов я рассчитывал ошарашить. Много лет помогали мне спасать жизни, и теперь вот она — разгадка! Но они отреагировали странно. Вообще никак. Заметив мой недоуменный взгляд, Фишер сказал:

— Мы знали.

А Сэм добавил:

— Давно знали. Да полгорода знает, чо уж там.

Меня это сразило. Я-то думал, что хорошо охраняю свой секрет, а оно вот как вышло. Хотел даже разозлиться, но меня перебила Анжела.

— И что теперь? — спросила она.

Хороший вопрос. Такой простой и сложный.

— Найти и убить заразителя.

— И как его искать?

Тут все посмотрели на меня. А я что? Мне и самому, блин, интересно.

— Пороемся в архиве, — предложил я. — Поищем что-нибудь странное.

Не могу сказать, что эта идея встретила горячую поддержку. Но других вариантов не было.

Джордж Первый. Родился, умер. Джордж Первый младший. Родился, умер. Джордж Первый Третий. Родился, умер.

Читал я, читала Анжела, читали, шевеля губами, братья.

— Знаете, — вдруг сказала Анжела, с отвращением отбрасывая очередной альбом. — Мне кажется, ключ к разгадке — тот безымянный гроб.

— Чо это? — спросил Сэм.

— Самая первая жертва механо-оспы — Мэр. Но ведь кто-то должен был заразить его, так?

— Угу, — согласился Сэм, а Фишер кивнул.

— Но и сам заразитель, выходит, стал автоматоном? Значит, хозяин безымянного гроба и есть наш парень.

— Сечешь! — восхитился Сэм.

Анжела надменно вскинула подбородок, а я в который раз восхитился ей. Моя женщина — чудо.

— Значит, — сказал я, — все дело в том, чей это гроб?

И все снова посмотрели на меня.

— Я не знаю, — сказал я. — Я его только сделал.

Снова повисла тишина. Фишер сосредоточенно листал списки жителей, совершенно не представляя, видимо, что именно искать.

— Не ну, — подал голос Сэм. — А это. Вы гробы-то куда деваете?

— Закапывает, Сэм, — сказал Энжи. Она еще не привыкла к тому, как общается парень.

— Да не, — отмахнулся он. — Понятно. Я о другом. Ну вот, спасли вы кого-нить, да? А гроб потом куда деваете?

— Никуда, — пожал я плечами. — В подвале лежит, ждет своего часа.

— Во-от!

— Ты к чему ведешь? — разозлился я.

— Ну как, вот вы это. Спасли, да? Гроб в подвале. А дальше?

— Дальше? — я задумался. — Ничего. Человек умирает, я отдаю родным гроб, они хоронят.

— То исть... Коль у человека гроб уже есть, то вы того. Не предскажете ему смерть, ага?

— Нет, не предскажу. Помрет в свое время как миленький.

Энжи нахмурилась, Фишер внимательно глядел на брата, а Сэм морщил лоб, пытаясь выразить такую важную мысль.

— Ну вот, — заключил он. — А если у человека уже есть именной гроб? На руках. Мог ить ему достаться этот. Безымянный, а?

— Откуда у него именной гроб?

Сэм запнулся и развел руками. Мысль кончилась. Но тут оживилась Энжи:

— Отец твой сделал, например.

Хотелось фыркнуть, но я задумался.

А и правда. Я понятия не имел, как сочетался мой дар с даром отца. Может ли быть два именных гроба на одного человека? Я всегда думал, что имя на гробе — это такая метка от провидения. Может ли оно пометить человека дважды?

— Это должен быть кто-то из счастливой дюжины, так? — сказала Энжи. — Кто пережил ту эпидемию и чистку.

Я кивнул. Кто остался тогда? Включая близнецов, в городе и правда осталось всего двенадцать человек: Энжи, Мэр, Весло, Перекати, Сэм, Фишер... остальные уже умерли от старости и болезней. Это если не считать меня. Я — тринадцатый.

Во рту мгновенно пересохло.

Автоматон? Проверить легко, зубы на месте, щека недалеко. Впился так, что чуть слезы не полились. Украдкой утерся — на пальце кровь. Вздох облегчения я подавил, видимо, недостаточно хорошо — Энжи уперла в меня пристальный взгляд. А может, просто учуяла кровь?

Значит, кто-то кроме меня.

И тут меня осенило.

Я быстро раскопал рабочую тетрадку, которую тоже захватил с собой. Ну-ка, ну-ка, где же ты?! Ага, вот. Был человек, которому отец подарил именной гроб. Еще живой человек. По крайней мере, официально живой.

— Джером! — сказал Фишер и два раза кивнул.

Да. Именно так. «Такое-то число такого-то года,» — написано витиеватым почерком отца. — «Гроб Джерому Пятифунту. Не пригодилось. Доставлено.»

— А что, — задумался Сэм. — Он мог. Он же это. Почтальон.

— Может ходить по домам и заражать, — кивнула Энжи.

— Ходить с листовками, которые ему дал Весло, — добавил я. — Ходить прямо сейчас!

Сэм и Фишер подскочили как ужаленные, они были готовы бежать спасать город.

— Парни, — сказал я. — Дуйте домой, берите ружья. А мне нужно еще кое-что приготовить. Встречаемся у моего дома.

Братья умчались. А, чуть позже, ухромал и я. Ветер был холодный, как ад. Но меня грели слова Энжи перед тем, как я покинул ее дом.

— Ты аккуратнее там, хорошо?

И я, конечно, не мог не пообещать быть аккуратнее, что бы это ни значило.

* * *

Городок у нас небольшой. И все равно поймать почтальона трудно, если из-за пыли не видишь дальше десяти ярдов. Поплутав часок в лабиринте красных фонарей — из-за долбаной красной пыли у нас все фонари красные — мы, наконец, увидели массивную фигуру Джерома. Шагал он споро, понадобилось немало усилий, чтобы догнать эту машину для разноса писем.

Я заступил гиганту дорогу. Близнецы стали чуть позади него. Начищенные карабины в их руках тускло поблескивали.

— Привет, Джером, — сказал я.

— Здравствуй.

— Мне сегодня почты нет?

— Если есть, ты об этом узнаешь.

Лицевой щиток на месте. Подозрительно, но не показатель.

— Можешь посмотреть? Должно прийти важное письмо.

— Ради этого ты меня искал?

Он знает, что мы его искали! Даже сквозь защитные стекла я видел, как близнецы нахмурились.

— Не только. Так что с письмом?

Несколько долгих мгновений ничего не происходило. Затем Джером вздохнул и принялся копаться в сумке.

— Нет никакого письма. Ты доволен?

— Почти, — сказал я и вытащил из кармана конверт. — Вот письмо, возьмешь?

Гигант не ответил, протянул руку и взглянул на адрес и имя, написанные Энжи.

— Это шутка такая?

— Нет, не шутка. Это письмо мне. Теперь оно у тебя есть. Отдашь?

Рука гиганта дрогнула. Ну? Давай, Джером, давай!

В тот момент я и сам не знал, чего хочу больше: чтобы Джером оказался автоматоном или же нет.

— Хорошо, — прогудел гигант. — Я отдам тебе письмо. А ты распишешься в квитанции?

В голосе Джерома, даже пропущенном через модуль, слышалась издевка. Он знал, что подобное предложение меня не обрадует. Тошнота

подошла к горлу, но я ее поборол. Большой уже мальчик. Старенький даже. Пора переставать блевать от такой ерунды.

— Ты ведь знаешь, что нет, — спокойно ответил я.

— Знаю, — довольно сообщил Джером. — Око за око. Ты издеваешься, я издеваюсь.

Да, наверное, именно так и должен был бы ответить настоящий Джером. Не знаю. Никогда толком с ним не общался.

— Короче, — прогудел гигант. — Забирай своих ребят и иди домой. Не мешай работать.

И он просто прошел мимо меня. Близнецы таращились ему в спину. Нет доказательств, что Джером — заразитель, нет доказательств и обратного.

Но так не должно быть! Мы же обязаны спасти всех! Братья нерешительно переглянулись, а затем оба с надеждой повернулись ко мне. Что ж, мальчики, я вас не подведу. Два длинных шага, и я выхватил карабин из рук Сэма. Гигант мигом очутился на мушке. Не задавая вопросов, Фишер тоже вскинул ружье и прицелился.

— Джером! — крикнул я.

Гигант остановился и медленно повернулся к нам.

— Что вы делаете?

— Спасаем город, — ответил я.

— От меня? — удивился Джером. — Не знал, что почтальоны так опасны.

— Только если не болеют механо-оспой, — сказал Фишер.

— Думаете, я болен? Что за глупости...

— Это не глупости, — возразил я. — Мэр мертв. Отец Весло тоже. Ты вполне можешь быть заразителем.

Если смерть Весла и взволновала Джеорма, виду он не подал.

— Извини, — добавил я, поудобнее перехватывая карабин, — но у нас нет выбора.

— Что от меня требуется? — спросил гигант.

— Ничего, — сказал я. — Сэм? Подойди и забери у него сумку.

Сэм тут же двинулся к почтальону.

— Парни, — рыкнул гигант, — вы сбрендили окончательно? Я ведь разношу бланки. Мы должны выбрать мэра.

— Пойми, Джером, — сказал я миролюбиво, — если ты заразитель, это была бы идеальная возможность распространить механо-оспу.

— А если нет?

— Если нет, мы извинимся и даже поможем тебе. Но завтра.

Сэм бесстрашно подошел к гиганту и протянул руку.

— Сумку, мистер Джером.

Гигант посмотрел на него, затем повернулся ко мне.

— Слушай, — сказал он. — Ты ведь знаешь, что мою броню из ваших пукалок не пробить?

— Нет, — сказал я. — Не знаю. Не на таком расстоянии.

— Пробьет, мистер, — заверил Сэм. — Мы их переделали чуток.

— Переделали, значит, — устало прогудел Джером.

— Угу, — кивнул Сэм. — Так это. Сумку вашу, значица.

— Хорошо, — вздохнул Джером. — Если по-другому нельзя.

— Нельзя, — с облегчением ответил я и подмигнул Фишеру.

А в следующий миг мимо меня пролетел Сэм. По воздуху за ним тянулся шлейф из красных брызг.

— Нет! — заорал Фишер, а я выстрелил.

Отдача больно ударила в плечо, целое облако красного пара взметнулось над улицей, и ветер тут же разорвал его в клочья. Но Джерома не было в оставшейся воронке. Зато в здании рядом зияла огромная дыра.

Я не успел подумать, что это значит, как стена рядом со мной взорвалась, и оттуда вылетел Джером. Мои ноги подкосились, и лишь это спасло от смерти — огромный кулак мелькнул в паре дюймов от моей макушки. Второй раз Джерому ударить не дали. Взвыл карабин Фишера, меня обдало горячим воздухом, а Джером отшатнулся. В скафандре появилась вмятина, не совместимая с жизнью. Не давая почтальону опомниться, я тоже выстрелил, и вмятина превратилась в дыру. Шипение и пар вырвались из недр скафандра. Оттуда же золоченым песком посыпались микро-шестерни.

Я все еще таращился на начинку скафандра, когда услышал сзади стон и голос Фишера:

— Ну же, держись! Ну?!

Сэм лежал на земле и стонал. Его комбез порвался в нескольких местах, и из этих дыр на красный песок струилась кровь. А в ней поблескивали мелкие шестерни. Сэм заразился. Шлем запотел, мне были видны только глаза. Очень хотелось отвернуться, но я не мог.

— Ты поправишься, Сэм, — соврал я.

— Я... не... Сэм, — простонал Сэм.

Мы отнесли его к Энжи. Пока она вместе с Фишером ухаживала за Сэмом, я поднял на ноги соседей, объяснил им, что требуется. Толпой мы отправились в дом Джерома, там нашли его именной гроб, действительно сделанный моим папашей, и похоронили вместе с костюмом.

Когда я вернулся, Сэм уже не стонал, только с тяжелым сипением дышал. Была надежда, что выживет, поэтому я отправился ночевать домой, чтобы не путаться под ногами.

Но ночью я впал в транс и сделал парню гроб. Позже узнал, что едва взошло солнце, как Сэм умер. Фишер увез тело брата, не сказав ни слова. Так или иначе, все кончилось, мы победили.

* * *

Энжи не спала. Она встретила меня в дверях с кружкой чего-то крепкого. Это что-то сразу стукнуло в голову, успокоило, согрело.

— Вот уж не знал, что у тебя алкоголь, — пробормотал я, укладываясь на кровать. — В последнее время я слишком часто пью.

— Времена такие, — грустно улыбнулась она.

— Да, — согласился я. — Даже еще хуже.

— Что будет теперь, — спросила она, когда я закончил. И это был тот вопрос, отвечать на который прямо сейчас мне не хотелось. Что теперь?

Те, кого Джером уже успел заразить, умрут, я сделаю им гробы, мы с парнями... с парнем их похороним. Выберем нового главу, священника. Жизнь пойдет своим чередом. Если, конечно, не придут конфедерацисты.

— Энжи, давай не будем сейчас об этом, — простонал я. Достаточно того, что я обо всем этом подумал.

— Хорошо, — не стала спорить Энжи, взглянув мельком на часы. — Еще принести? — спросила она, взяв у меня из рук пустую кружку.

Я кивнул, сообразив, наконец, что под «Что теперь» она имела в виду не город, а именно нас с ней. И когда я отказался отвечать — обиделась. Впрочем, наверное, к лучшему. Говорить об этом я тоже не хотел.

— Энжи, ты извини, я просто немного устал, — сказал я. — Прости, если обидел. Давай позже поговорим о нас, хорошо?

Она не ответила. Просто вышла из комнаты с кружкой в руках. Но это хороший знак. Если бы обиделась серьезно — уже выгнала бы.

В ожидании алкоголя я достал цигарету и закурил. Так и лежал, пуская дым в потолок. Как после секса, только без секса. Пепел уколол руку, и я вспомнил о пепельнице: где там подаренная ваза? Привстал, взял с подоконника вазу и застыл.

Пепел продолжал колоть пальцы, и я просто стряхнул его на пол.

На вазе моим красивым почерком было выведено: «Перекати Робертсон Поле». У меня хороший маркер, может быть, даже вечный. Эту надпись пытались стереть, но не вышло.

Я заглянул внутрь и увидел, что ваза почти наполовину заполнена серым пеплом. Не черно-зеленым, что остается после цигарет. Серым. Мозг заработал, выталкивая наружу самую неприятную мысль, самую страшную. Когда боишься, что она окажется правдой, и понимаешь, что правдой она не может не быть.

В прошлую ночевку здесь у меня, видимо, был припадок. И я написал на вазе имя Перекати. То ли потому что инструментов под боком не было для нормального гроба, то ли потому что журналистке и так предстояло стать пеплом. Я вспомнил, как тогда у Мэра дома полыхнули глаза Энжи. Не могла же она?.. Или могла? Что я знаю о кровососах? Насколько они сильны?

И еще... Робертсон?! Перекати была стара. Старше всех нас. Я знал ее родителей, они не были богатыми. Откуда тогда такое дорогое имя? Перекати — конфедерацистка? Вообще-то, все логично. Я всегда думал, что они рыщут по пустыне, как стая бешеных псов, и ищут оспу. Но ведь иметь в городах своих агентов — это гораздо проще.

Теперь все понятно. Перекати не пропала, она здесь, в вазе. Энжи убила ее и сожгла все, что нашла. Наверное, Перекати что-то узнала. Она же журналистка в конце концов! Это ее работа — все узнавать.

Как будто мне было недостаточно тревожно, пришла новая мысль. Я понял, почему Энжи убила Перекати. Я вспомнил, как, уходя, Анжела поцеловала каждого, кто присутствовал на вечеринке. Через поцелуй наверняка можно заразить механо-оспой. А Джером принес ей приглашение от Мэра — так же как и мне. Безымянный гроб — ее, она ведь умерла много лет назад.

Трясущимися руками я поставил вазу на место.

В комнату вошла Анжела с кружкой. Она увидела меня около вазы, надпись на ней, и все поняла. Самодовольно улыбнулась. С ленивой грацией опустилась на кровать и похлопала ладошкой рядом с собой.

— Я все понял, — сообщил я.

— Да? — промурлыкала она. — Что именно?

— Это ты. Это все ты. Ты убила Перекати. Ты — заразитель, да? Ответь!

Лицо Анжелы будто превратилось в маску, потеряло всякую жизнь. Резким движением она выхватила из кармана часы и уставилась на молочно-белый циферблат.

Раз, два, три.

Секунды медленно текли в тревожной тишине. Завывающий ветер сейчас был бы кстати, жаль, что тут такая хорошая шумоизоляция.

Пятнадцать.

Анжела подняла взгляд на меня и ответила.

* * *

Я спешил домой. От Анжелы буквально выскочил — комбез застегивал уже на улице. Мне нужно было знать. Красный ветер в кои-то веки помогал — толкал в спину до самой двери.

Невыносимо долго открывается шлюз, я наконец врываюсь в дом, спускаюсь в подвал. Безымянный гроб стоит у стены. Крышка — рядом.

Ложусь в него, и понимаю: он только что перестал быть безымянным. Анжела права. Такое-то число, такой-то год. Достаю маркер. Меня тошнит, ломает и трясет, но я пишу на крышке. «Лазарь». В древней легенде Лазарь восставал из гроба, я же туда всех укладываю. Откат приходит, и я изо всех сил стараюсь не блевануть. Пятнадцать секунд — ровно столько длится психологическая боль. Все остальное — внушение. И это внушение мешало мне писать свое имя все эти годы, с тех пор, как меня достали из гроба. Все эти годы минус пятнадцать, мать их, секунд. Даже в трансе я так ненавидел свое имя, что не стал подписывать собственный гроб.

Не мудрено, конечно. Трех дней хватило, чтобы обрести эту ненависть. Надпись внутри крышки гроба, в котором меня похоронил отец. Точнее, его автоматон. Он зарыл меня, хотя я был только ранен, а не мертв. Конечно, я не видел в темноте эту надпись, но знал: она там есть. Очнуться в гробу под землей было страшно. Я ждал смерти, но меня спасли. Двое мальчишек, которых оставили в пустом городе конфедерацци. Мальчики хотели есть. Они разрыли самую свежую могилу. Мне повезло.

По идее, не больше одного гроба на человека, так? Почему же у меня — два? Ответ пришел сразу: умерев и ожив, я стал другим человеком. Неудивительно, что до уничтожения города мы с Энжи могли жить вместе, а после — нет. Воспоминания больше не мучили меня, и от этого стало больно. Я — мертв? Конечно, мертв. Когда там я сделал этот гроб? Третьего дня? Значит, как минимум, двое суток я — труп. Механо-оспа, так ее разтак! Автоматон. Заразитель! Всех близких мне людей заразил я сам. А журналистка...

— Да, Лазарь, — сказал мне чуть раньше Анжела, — я убила эту стерву. Она была агентом конфедерацци!

Значит, я угадал.

— К тому же, она могла узнать, что ты — заразитель. А нам этого не нужно, так, милый?

— Я не заразитель! Этого не может быть.

— Может, Лазарь. Я хорошо помню, как конфедерацци тебя застрелили, когда ты кинулся меня защищать. Отец закопал тебя не потому, что стал автоматоном, просто ты умер. А когда мальчики откопали твое тело, ты был практически здоров. Даже не безумен. Почти.

— Но я же проверил. У меня кровь идет!

— Заразителю не обязательно бронзоветь полностью.

— Стой, — замахал я руками, как утопающий. — Но почему я не заразил всех еще много лет назад? Почему только теперь?

— А ты и заразил, — поджала губы Энжи.

В тот момент до меня начал доходить весь ужас положения. Я вскочил и выбежал из дома Энжи, не в силах справится с эмоциями.

Тихий и незаметный заразитель с таким полезным даром. Я предсказываю человеку смерть, иду его спасать, может быть, спасаю. И заражаю. Вот как разнеслась оспа в первый раз! Да и во второй тоже. Я убил Мэра, Весло, Джерома и Сэма. И вообще полгорода! Половина города — автоматоны, и никто об этом не знает. О, боже. О, боже.

Я все еще лежал в гробу, когда дверь с шипением отворилась и впустила в дом Анжелу. Она спустилась в подвал. Положила холодную ладонь мне на лоб.

— Все еще не можешь поверить? — спросила ласково.

— Могу, — ответил я. — Верю.

— Вот и славно.

— А ты не боишься солнца, — заметил я невпопад. — Пришла днем.

— Я никогда его не боялась, Лазарь. Просто притворялась. Думала, ты заметил.

— Я заметил.

— Хорошо.

— Энжи, — прошептал я. — Выходит, ты знала, что я заразитель? С самого начала?

— Знала.

— И ты была уверена?

— Я кровосос, Лазарь. Я слышу токи крови каждого человека. В твоем — иногда звенели шестерни. Много лет.

— Но почему ты никому не сказала? Я же опасен!

— Я люблю тебя, дурачок. Ну, какое мне дело до этого города, скажи? В конце концов, они все умрут, пусть не от оспы, а от старости, а мы будем живы.

— Но...

— К тому же, — добавила она с нажимом, — Ты такой же, как раньше. Не похож на автоматон.

— Не похож?

— Нет.

Я прикрыл глаза, пытаясь отыскать в себе признаки того, что я теперь ходячий набор шестерен. Признаки не находились, но я знал: внутри меня без устали трудятся механо-боты. Меняет ли это что-либо?

Мы помолчали, от ее холодной руки волнами расходилось тепло.

— И что теперь? — спросил я.

— Ты, наконец, решил об этом поговорить? — улыбнулась Анжела.

— Кажется, пора.

— Я не знаю, — ответила она. — Решай сам.

Ну вот. Хотела поговорить, но все в итоге спихнула на меня. Хотя... Я большой мальчик. Старый даже. Пора решать самому. Заражать город я не хотел. Хватит и тех, кого я успел угробить. Оставалось только одно.

С кряхтением я принялся вылезать из уютного гроба.

— Решил?

— Да.

Мы уходили из города. Я — автоматон, мне теперь все нипочем. Энжи — кровосос, она еще крепче. Без нас город сможет выжить. Записку о том, что на самом деле произошло, я оставил на столе. Фишер прочтет и дальше будет действовать по обстоятельствам. Может, найдет всех зараженных, может, станет новым мэром или даже шерифом-мстителем. Может, покончит с собой, когда поймет, что стал автоматоном. А, может, догонит и убьет меня. Я не знаю. Увидим. А до тех пор — за неимением лучшего слова — живем.

Андрей Зимний

ЧИСТОТА КЛЭР

— Пойдём развлечёмся, — предложил незнакомый вкрадчивый баритон за спиной Клэр. — Жду тебя на улице.

Затем её поцеловали в шею. Клэр дёрнулась, точно обожжённая прикосновением чужих губ, резко обернулась. Но так и не увидела лица мужчины — только массивную спину и непропорционально короткие толстые ноги. Он шёл к выходу из бара, покачиваясь, будто танцевал с выпитым за вечер бурбоном.

— Это твой парень? — шепнула Клэр подружка.

— Нет, — рассеянно ответила та. — Зря я сюда пришла.

— Ничего не зря! Говорю тебе, первый месяц работы обязательно нужно отметить!

Клэр прекрасно понимала, что новая подружка пригласила её в бар из унизительного милосердия, которое проявляют высокомерные люди к тем, кого считают неудачниками.

— Тоже мне, праздник, — смущённо ответила Клэр.

Она ненавидела новую работу. Зачем она вообще устроилась на телефонную станцию? Впрочем, последний месяц ей везде было не по себе, так какая разница? Да и жить на что-то нужно. Может, она бы даже работала хорошо, но к концу смены начинала раскалываться голова, и Клэр путала линии. Из-за ошибок её оскорбляли звонившие, а подружки-телефонистки смотрели со снисхождением. Будто достойный человек не мог путать линии. “Алло... Соединяю...” Клэр дёрнула плечами.

Рядом с их столиком остановился высокий парень, улыбнулся и весело заявил:

— Дамы, я не подслушивал, что у вас праздник, просто вы невероятно красивы, а мне хочется заказать шампанское! Позволите?

Парень присел за их столик и начал оживлённо болтать. Рассказывая подружке-телефонистке о работе агента по недвижимости, он запустил руку под стол и стиснул колено Клэр. Она вскочила, схватила зонтик.

— Простите, мне... Срочно домой нужно.

Выбегая из бара, Клэр обернулась — подружка в общем-то осталась довольна её уходом.

По козырьку над баром отбивал дробь дождь.

— Ну, пошли? — окликнул её на улице пьяный баритон.

Тучный мужчина курил у двери. Перед затяжкой он подносил сигарету к лицу несколько раз, прежде чем попасть фильтром в разомкнутые губы.

— Нет, простите.

Клэр раскрыла зонт и торопливо зацокала каблуками по тротуару. За спиной раздались шаркающие шаги.

— Не ломайся! Давай хоть разок перепихнёмся!

Улица была пуста. Клэр побежала. Почему, почему так происходит с ней?

— Стой, шлюха!

Дождь превратился в ливень. Порыв ветра выдернул зонтик из её рук, и тот попрыгал назад, к пьяному преследователю.

Сзади раздался шлепок и вскрик — должно быть, мужчина грохнулся на залитый водой тротуар. Клэр не стала оглядываться. Завернула за угол улицы и вбежала в первый подъезд.

На лестничной клетке она позвонила в двери квартир. И ещё раз. Никто не открыл.

— Помогите, прошу вас!

В ответ — ни звука. С мокрых волос на лицо струилась вода. Должно быть, из-за растёкшейся туши она выглядела так, будто рыдала уже час кряду.

Клэр не плакала.

— Помогите...

Ей почудились тяжёлые шаги на улице. Она выключила свет в подъезде и замерла, прижавшись к стене. Плохо смазанные петли скрипнули, на фоне дверного проёма вырисовался чёрный силуэт.

“Я невидимая,” — мысленно сказала Клэр силуэту. Она верила в чудеса, хотя была большой девочкой. Большой девочкой, которую вот-вот изнасилуют в подъезде.

Никакого волшебства не случилось. Мужчина шёл к лестничной клетке.

* * *

Хантер не имел права на раздражение или ненависть. Но иногда хотелось оказаться подальше от людных улиц, от стерильно хороших, улыбчивых прохожих, от чужой радости, которая обтекала Хантера, как вода — маслянистый камень.

Он не имел права и на симпатии.

И всё же неотрывно смотрел на светловолосую девушку в ярко-зелёном плаще, торопливо выходящую из бара. Даже издалека Хантер ощущал, что у этой девушки с завившимися от дождя локонами ему нечего было забрать. Она чиста, за ней приятно даже просто наблюдать издалека. За тем, как она встряхивает зонт, как оглядывается, как вздрагивает от обращённой к ней фразы толстяка. Как бросается под дождь, точно тот мог спрятать от непрошеного внимания.

Хантер знал, что дождь её не спрячет. Его самого, с извечными потёками чёрной крови, которая, точно ртуть, собиралась под пальцами и снова растекалась по предплечьям, никогда не прятал ни ливень, ни темнота ночи. Люди, кто брезгливо, кто с отвращением, неизменно отворачивались, старались перейти на другую сторону улицы.

Девушка в зелёном плаще бежала, толстяк тяжело шлёпал по лужам, догоняя. Хантер неторопливо двинулся за ними. Он не спешил делать свою работу, он её не любил.

Стоило девушке нырнуть за поворот, как Хантер ускорил шаг. Его рука, покрытая чёрной кровью, точно латексной перчаткой, хлопнула толстяка по плечу. Тот приземлился на четвереньки прямо в лужу, похожий на решившую искупаться в грязи свинью.

Хантер склонился над ним, прикрыв глаза. Почувствовал, как толстяк обмякает, расслабляется. Может быть, даже улыбается. Хантер отпустил его плечо и сжал пальцы, пряча в кулаке новую чёрную каплю. Ещё одну среди тысячи других, которые он вынужден принять, неся свою службу, чтобы жители города продолжали улыбаться, чтобы продолжали при виде его с отвращением переходить на другую сторону улицы...

И сейчас ему следовало оставить мирно похрюкивающего в луже толстяка и уйти, но Хантер не ушёл. Он хотел ещё раз увидеть девушку в зелёном плаще. Хотя бы под тем предлогом, что обязан успокоить её и сказать, что она в безопасности.

Хантер открыл дверь, поморщившись от противного скрежетания петель, шагнул в тёмный подъезд. Ему показалось, что он слышит частый стук сердца, но слышать его, конечно, не мог. Наверное, дождь барабанил по козырьку подъезда. Хантер включил свет.

Девушка стояла на лестничной площадке, едва заметная в своём плаще на фоне зелёной стены. Волосы, уже не вьющиеся, а попросту мокрые и тяжёлые, облепили перемазанное тушью лицо. И она понравилась ему ещё сильней.

— Он больше не гонится за тобой, — сказал Хантер то первое, что, должно быть, девушка хотела услышать. Но вряд ли она желала узнать это из уст человека, чьи руки покрыты чёрной живой кровью.

— Вы убили его? — прошептала девушка. Дождевая капля скатилась из уголка её губ на подбородок.

— Нет, — Хантер мотнул головой и зачем-то добавил: — Я не убиваю людей.

— Тогда можно... Я пойду домой, можно?

Он отступил, освобождая путь к входной двери, но вместо правильного и разумного молчания заговорил:

— Там темно, давай провожу?

Девушка едва слышно выговорила:

— Хорошо.

Она постояла ещё немного и наконец сделала шаг в сторону Хантера. На стене остался мокрый отпечаток её спины.

По дороге Хантер выяснил, что девушку зовут Клэр, а ещё что она предпочла бы идти одна. Кроме собственного имени Клэр так больше ничего и не сказала. Хантер тоже не был искушён в беседах, а потому молча брёл рядом, стараясь соблюдать заданное девушкой расстояние между ними. Она будто страшилась, что гадкие капли перескочат с запястья спутника на неё и навсегда замарают.

— Клэр, ты меня боишься?

— Нет, тебя — нет. Мне из-за чёрных капель страшно... и мерзко. — она взглянула на Хантера, и лицо у неё сделалось несчастным. — Прости! Я не хотела тебя обидеть!

— Ничего, из-за них я всем кажусь мерзким. — Чтобы не казаться ещё и жалким, Хантер усмехнулся.

— А нельзя их выбросить? — спросила Клэр и подошла на шажок ближе.

— Не могу.

Ему вдруг захотелось, чтобы она всё узнала. Даже если не поймёт, даже если испугается ещё больше. Хантер снял с запястья крошечную чёрную каплю и взвесил на пальце. Вытянул руку под свет уличного фонаря, чтобы Клэр могла разглядеть.

— Это агрессия. А ещё ревность, подавленность, тревога, трусость... — он подцеплял каплю за каплей, и за его кистью уже тянулись целые бусы. — Они не мои, и я не могу их выбросить.

— Придётся мне просто не замечать их.

Клэр остановилась. Хантер тоже встал. Их разделяло едва ли полшага.

— Вот и мой дом. Спасибо, что проводил.

Клэр почти дотронулась до его плеча — пальцы замерли в миллиметре от замаранной чёрной кровью куртки. Хантер так и не получил благодарного прикосновения. И всё же её жест, даже такой робкий и невинный, всколыхнул что-то в памяти. Хантеру показалось, что он уже когда-то видел Клэр. Нет, не может быть, он бы запомнил. Её бы он точно запомнил.

— Мы ведь встретимся ещё? — спросил Хантер, просто чтобы не молчать.

Вопрос-то был глупее некуда, к тому же ответ он знал наперёд. А потому даже вздрогнул, когда она сказала:

— Да.

* * *

Это нужно закончить. Сегодня.

Хантер изо всех сил старался удержать решимость, глядя, как к кинотеатру приближается Клэр. Три встречи — и так слишком много. Для них, для него, созданного для грязной работы, а вовсе не для свиданий с девушками. Он не имел права обрекать Клэр на такое же жалкое существование изгоя.

И фильм Хантер выбрал самый что ни на есть удачный для расставаний — "Касабланку".

Они вошли в зал кинотеатра. На экране ходили люди, раскрашенные во все оттенки серого. Настоящие люди пялились на их трагедию, потягивая коку.

Клэр сняла плащ, заняла сидение с края предпоследнего ряда. Хантер устроился справа от неё и произнёс вслух то, о чём спрашивал себя много раз:

— Мне всё время кажется, что мы уже когда-то встречались. Ты не помнишь?

— Я бы тебя не забыла, — ласково ответила Клэр и, смутившись, стала смотреть на экран. — Как тебе Ильза Лунд?

— Не знаю, кто это.

Хантер сидел вполоборота, фильм его мало интересовал. Пусть он и решил попрощаться, но впереди ещё сеанс в два часа. Можно любоваться красивым профилем Клэр, скромным вырезом нежно-зелёного платья, можно даже обнять её за плечи.

— Актриса в главной роли, — пояснила Клэр. — Неужели ты не видел фильмов с Ильзой Лунд?

— Можно тебя поцеловать?

Клэр обратила к нему лицо, закрыла глаза. Её ресницы трепетали.

— Можно.

Хантер наклонился к ней, гоня мысли о том, что расставаться полагается как-то совсем по-другому. Перед тем, как их губы соприкоснулись, выждал мгновение, чтобы глубоко вдохнуть. И, наконец, поцеловал Клэр.

Так осторожно и нежно, как только мог, погладил кончиками пальцев по щеке. Клэр тихо застонала. Сколь же мало нужно, чтобы в ней, такой чистой, проснулась страсть. Хантер положил ладонь на её затылок, углубляя поцелуй. Клэр вскрикнула и оттолкнула его.

— Прости, прости, — залепетала она, всхлипывая.

Хантер отшатнулся, не понимая, перешёл ли он границу дозволенного или попросту сделал что-то слишком грубо, неловко.

— Не обижайся, — попросила Клэр. — Я тебе не говорила. Каждый раз, когда меня касаются чёрные капли, становится больно. Я старалась не расстраивать тебя, а сейчас не вытерпела. Прости.

— Не извиняйся.

Вот она и произнесла те слова, после которых невозможно было больше тянуть. Придётся отпустить или её, или чёрную кровь.

Кровь он отпустить не мог, не имел права.

— Я делаю тебе больно, так нельзя, — начал Хантер, трусливо избегая прямых, решительных слов. — Мне очень хорошо с тобой, но тебе со мной хорошо никогда не будет. Извини.

— Нет. Я не верю.

Клэр глядела так, будто падала с крыши здания из-за того, что Хантер не подал ей руку. Он отвёл глаза и впервые за весь сеанс посмотрел на экран. Красивая женщина с мягкими полными губами и сверкающими слезинками в уголках печальных глаз чем-то напоминала Клэр. Мужчина за кадром, нежно удерживающий её подбородок, наверняка знал слова, которые могли утешить киношную красавицу. Хантер таких не знал, а потому промолчал.

Может и к лучшему, ведь слова сейчас отказывались подчиняться разуму. Он будет умолять Клэр остаться.

Девушка поднялась и зашагала прочь. Словно в издёвку, красивая актриса на экране уходила куда-то под трагическую музыку с мужчиной в светлом плаще.

Хантер сидел, комкая липкий чёрный шар из крови, стёкшей с рук. Нельзя его отпускать. Как бы ни хотелось кинуться за Клэр, обнять, удержать рядом.

Поэтому пришлось отпустить саму Клэр. Она наверняка уже ловила такси. Хантер больше никогда её не увидит.

Он вскочил с кресла, бросился из зала по коридору на улицу.

— Клэр!

Девушка брела по раскрашенному пятнами фонарей тротуару. Дрожала. От холода? От слёз?

Хантер догнал её, преградил дорогу. Если нужно выбрать между счастьем Клэр и счастьем чужих людей, он выберет Клэр. Ей больше не будет больно от его прикосновений, и пусть ради этого даже придётся вернуть городу его пороки.

— Я люблю тебя.

Кровь, более не удерживаемая волей Хантера, рухнула на асфальт прямо под ноги Клэр, разбилась на сонм чёрных капель. Точно выпущенные из банки жуки, они поползли во все стороны. Чужие грехи, мании, тёмные страсти — всё, что Хантер забрал у жителей города, сделав людей чище и счастливее.

И теперь выпустил, чтобы вернуть хозяевам.

— Хантер, — нежно шепнула Клэр, переплела свои пальцы с его.

По рукаву её платья ползла крошечная чёрная капля. Девушка улыбнулась, искренне, радостно. Капля скользнула на воротник, оттуда прыгнула на нижнюю губу Клэр и скрылась во рту.

Выражение лица девушки едва уловимо изменилось. В улыбку прокралось что-то лисье, соблазняющее.

— Пойдём ко мне? Теперь мне будет только приятно от твоих ласк, правда?

Мимо них прошёл подвыпивший мужчина и присвистнул, оглядев Клэр с ног до головы. Та склонила голову набок, беззастенчиво подмигнула нахалу.

В ту секунду Хантер вспомнил, где видел Клэр раньше. Месяц назад он подошёл к ней у входных дверей мотеля, чтобы забрать неутолимую похоть и распутность.

Эдуард Шауров

ДЕВУШКА ДЛЯ ПАТРОНА... И ДРУГИЕ МЕЛКИЕ ПРЕДМЕТЫ

Яркие блики коджакеру-рекламы ползут по бронированным стеклам нашего долбаного лимузина. В нижнем городе ночь. Впрочем, тут всегда ночь.

Я люблю бывать в нижнем городе. Бордюры тротуаров очерчены цепочками габаритных огней. Стены домов аж до третьего этажа сплошь заляпаны люминесцентными граффити, кривобокие узоры колб-арта, составленные из самодельных световых трубок, впаяны прямо в строительные конструкции. Коджакеру здесь проецируют прямо с внутренней поверхности уличных перекрытий. Смотреть на нее можно лишь задрав голову; наверное, от этого реклама здесь не выглядит такой навязчивой. В нижнем городе у меня всегда ощущение праздника.

Я знаю, что это не более чем дебильная иллюзия... Здесь живут люди с коэффициентом успешности ноль два. Миллионы неудачников, которые не зарабатывают достаточно денег для нормальной жизни. Какой уж тут праздник?.. Жильцы двух верхних горизонтов еще кое-как сводят концы с концами в вечной надежде на какое-никакое будущее, ниже обитает сообщество законченного отребья, пьянь, срань, бомжи и нелегалы. Там уж и вовсе не до праздника, но субъективные ощущения штука упертая.

За окном проплывают огни церкви Великомученика Джобса. Шестиэтажное здание без архитектурных изысков вроде куполов, шпилей или звонниц, зато с огромными святящимися крестами из тысяч диодных лампочек. Да... куполов в нижнем городе нет, что на мой взгляд ощутимый недостаток. Впрочем, здесь вообще нет крыш. На хрена нужны крыши, если все дома упираются верхушками в перекрытия горизонтов? Каменное небо, которое прямо у тебя над головой...

Наш лимузин мягко скользит по проспекту Баффета. Когда я говорю «наш лимузин», я, конечно, выражаюсь фигурально. Ни черта он не наш. Лимузин со всеми аппами и примочками принадлежит долбаному месье Тарану. Богато отделанный салон, три функциональных отделения с бронированными переборками. Переднее — вотчина двух шоферов (с одним богатые люди ездить не рискуют), дальше размещаемся мы, то есть охрана, позади с особым комфортом обосновался сам месье Таран, все триста тридцать фунтов его высококачественной жирной плоти.

Я почти год работаю на месье Тарана, но мало что знаю о своем работодателе. Знаю, что он большущий здоровенный засранец со сведенными татуировками на лысом черепе, что происходит он, вроде как, из семьи моих бывших сограждан, два поколения назад торговавших то ли наркотой, то ли секс-рабами, что теперь месье Таран с упорством помойной мухи легализует все сферы своего бизнеса, наверное хочет в политику. Этой информации мне хватает за глаза. Я делаю свою работу, получаю свои башли и не лезу в чужие дела.

Лимузин сворачивает с Баффета, проезжает метров пятьсот по ничем не примечательной улочке и тормозит перед скромным особняком с фигурными решетками на окнах. Притон госпожи Катин. Мы бываем у госпожи Катин каждый четверг. Месье Таран сторонник размеренной половой жизни.

Мест для парковки в нижнем городе не хватает катастрофически, но месье Тарана эти проблемы не щекотят. У госпожи Катин для него всегда зарезервирована специальная площадка. Жирный говнюк здесь постоянный клиент.

Лимузин замирает на отведенном ему кусочке асфальта, и мы выходим наружу. Сначала по всем правилам из салона выбирается Дюк.

Мне нравится работать с Дюком. Он в меру неглуп, в меру любознателен и демократичен. Мы неплохо ладим. Как кин он так себе, ниже среднего, но месье Таран слишком жаден, чтобы платить двум квалифицированным специалистам.

Главная забота Дюка — стрелки, и он экипирован по-полной. На глазах очки штатного сканера, на боках два пистолета «оберон» в облегченном корпусе, маленький семизарядный «блэк блок» у лодыжки, на левом предплечье под серой тканью рабочего пиджака — раскрывашка легкого противоракетного щита. Дюк вылезает из машины и внимательно осматривается, затем показывает, что все в порядке, и из машины вылезаю я. Я должен внимательно просканировать близлежащий асфальт в поисках посторонних предметов. В этом немного смысла, но мой патрон предельно мнителен, вместе с тем дремуч и туп, как носорог. Мне проще в течение двух минут делать вид, что я осматриваю парковку, чем объяснять дебильному хряку низкую продуктивность подобного действия.

Вволю наглядевшись на блестящие туфли Дюка, я даю условный знак, и месье Таран вываливается из лимузина, будто тюлень из ванной. Ткань его пуленепроницаемого пиджака блестит и переливается на сгибах. Мы с Дюком, прикрывая тюленьи тылы, вслед за патроном втягиваемся в холл для вип-гостей, проплываем мимо охраны, увешанной мониторами и лук-аппами, поднимаемся по старомодной широкой лестнице. Вокруг золото и пурпур.

На верхней площадке нас уже ждет госпожа Катин. Когда я говорю «нас», я опять выражаюсь фигурально. На старухе узкое кружевное платье. Длиннющий кораллово-красный, в цвет ногтей, мундштук она держит несколько на отлете. Давным-давно увядшее лицо производит странное впечатление. Дорогостоящий мастер пластического дизайна перекроил глубокие складки морщин, сложив их в затейливые радиальные узоры.

— Николя! Какой сюрприз! — весело журчит госпожа Катин, обнимая Тарана за необъятную талию.

Она настырно увлекает клиента по коридору, и нас несет следом.

В гостевом кабинете все то же золото и тот же пурпур. Мы с Дюком становимся позади дивана, а месье Таран усаживается на мягкую обивку. Его лицо в мгновение ока украшают демонстрационные очки.

Все, процесс пошел. Физиономия патрона становится сальной. Месье Таран подходит к выбору девушек со всем тщанием. Я настраиваюсь на

долгое ожидание, Дюк тоже, на его лице скучающий сдержанный интерес. Но все заканчивается скорее, чем мы ожидаем — месье Таран вдруг щелкает по оправе.

— Стоп. Вот эта, — говорит он уверенно. — Давайте полное резюме.

— Отличный выбор! — Госпожа Катин звонко хлопает сухими ладонями. — Прекрасный выбор, мон шер! — Ее геометрические морщины складываются в презабавный шарпейский узор. — Совсем свеженькая. Скромняжка. Прекрасное воспитание. Ее отец работал на «Инклос», пока компания не прогорела. Мать — домохозяйка. Теперь они где-то на четвертом. Кризис, сам понимаешь. Я нашла девочку на той неделе. Тебе непременно понравится. Отменный товар!

Вытащив маленький коммуникатор, госпожа Катин отдает распоряжения слугам наверху, а затем лично провожает нас на третий этаж. Никаких лакеев. Жиртрест для нее слишком важный клиент.

Апартаменты для четвергового траха месье Тарана как всегда стерильно-аскетичны: гостиная и спальня. Стены отделаны обивкой в мелкий цветочек, под обивкой толстые экранирующие панели, никаких стеклянных дверей, никаких камер наблюдения, никакой информации для притаившегося снаружи сканера. Комнаты разделены обычной щитовой перегородкой, чтобы я и Дюк могли, находясь в гостиной, эффективно выполнять свою работу. Все учтено, все схвачено. На этом госпожа Катин и сколотила себе капитал.

Я вхожу в гостиную первым и сразу бегло осматриваю комнату. Единственное, что меня интересует — это небольшие, ничем не закрепленные предметы, якобы безобидный мусор, вроде жестяной пробки от кока-колы, вроде бы случайно валяющейся под столом, безделушки, которые в силу низкой инерции старта могут представлять опасность для нашего нанимателя. Комната естественно чиста, ничего нет ни в углах, ни под примитивным донельзя столиком, ни под пластиковыми креслами с дырчатым сиденьем. В комнате нет ни картин, ни горшочков с цветами, хотя это уже перебор.

Дюк, а вслед за ним месье Таран входят в номер, процессию замыкает госпожа Катин.

— Порядок, — говорю я, глядя на дверь в спальную.

Девушка, конечно, уже там. Я чувствую ее теплый абрис сквозь тонкую перегородку. И кажется, она волнуется.

Месье Таран чуть сдвигается в сторону, и Дюк открывает дверь, загораживая собой входной проем. По лицу патрона я вижу, как засранцу хочется войти первым, но порядок есть порядок. Дюк входит в комнату, я тоже вхожу и останавливаюсь перед дверью. Патрон, вспотевший от нетерпения, замер чуть позади, старуха с красным мундштуком вежливо обретается где-то возле столика. Она понимает, что процедура требует соблюдения всех формальностей и старается не мешать.

Теперь я вижу девушку. Она несомненно хороша. Удивительно хороша. Черты ее широкого, почти треугольного лица трудно назвать идеальными, но вкупе они производят на меня впечатление похожее на шок. Высокие скулы, огромные глаза, одновременно наполненные страхом

и бесконечным спокойствием, приоткрытые, чуть запекшиеся губы, все это просто не может быть плодом работы пластического дизайнера. Такое естественное очарование может создать только природа...

Месье Таран алчно сопит за моей спиной. Ему жутко не терпится содрать упаковку со своего приобретения. Хотя все по тем же правилам никакой упаковки собственно и нет. Девушка совершенно обнажена. Чуть ссутулившись и обхватив голые плечи узкими ладонями, она сидит на краю широченной кровати-подиума с узорчатым металлическим изголовьем. Она зачарованно смотрит на меня своими испуганными глазищами. Дюк стоит ближе, но девушка смотрит именно на меня.

Дюк просит ее подняться. Следует секундная заминка, потом девушка встает. Она изумительно сложена. Ни грамма лишнего жира, ни миллиметра лишней кожи, с нее можно ваять статуи или делать рекламу спортивного салона.

— Откройте рот, — говорит Дюк.

Девушка послушно разевает рот, показывая влажные белые зубы.

— Спасибо. — Взгляд Дюка деловито исследует обольстительную фигурку с ног до головы.

Я не люблю быть исполнителем подобных процедур, поэтому досмотром обычно занимается Дюк. Думаю, ему это даже нравится. «Мадам, покажите левую ступню, покажите правую. Мадам, нагнитесь вперед, раздвиньте ягодицы. Мадам, присядьте и разведите колени»...

— Порядок, — говорит Дюк. — Благодарю вас, мадам. Можете встать.

Девушка поднимается с корточек. Она изо всех сил старается делать равнодушное лицо, но щеки все равно приобретают пунцовый оттенок. Месье Таран шумно сглатывает слюну. Я криво усмехаюсь уголком губ и поднимаю глаза к зеркальному потолку. Дюк перетряхивает одеяла, переворачивает подушки, осматривает простыню.

— Посмотри с той стороны кровати, — распоряжаюсь я.

Дюк обходит невысокий подиум, осматривает пол, косится нечестивым глазом на спину девушки и объявляет, что все в порядке. В порядке, значит в порядке. Пол, стены и потолок чисты, экранирующие жалюзи на единственном окне плотно закрыты. Полный ажур.

— Ну что ж, мальчики, — журчит госпожа Катин. — Приятного вечера. Не буду вас обременять.

Она неслышно растворяется за дверью гостиной, я сдвигаюсь в сторону, а месье Таран, издав неопределенный горловой звук, наконец покидает входной проем.

— Стоп! — Я вскидываю руку, и он парализованным слоном замирает на месте.

Я быстро нагибаюсь и прижимаю пальцем черный шарик, выскочивший из-под его эксклюзивного гвонодава. Автоматически я сразу пытаюсь засечь остаточный трек, но никаких следов нет.

— Что там? — осипшим голосом говорит патрон.

— Ничего... Бусина. — Я подношу шарик к глазам. — Похоже на нанокерамику.

— Что за б...во? — месье Таран моментально приходит в себя. — Какая еще бусина? Откуда она взялась? Вы что, охренели?

Дюк замирает на половине шага. Девушка, присевшая на кровать, испуганно кутается в одеяло.

— Обычная бусина, — говорю я спокойно. — Никакого трека. Просто ее потерял кто-то из обслуги, наверное, лежала в уголке под дверью, а сейчас выкатилась наружу.

— Ты, чертов кин! Если бы у тебя было вполовину столько врагов, сколько их у меня, ты бы уже сдох! — Изо рта месье Тарана летят брызги. — Ты что, хочешь, чтобы меня угробили?

Я знаю, что врагов у жирного ублюдка хватает, но его паранойя уже сидит у меня в печенках.

— Для волнения нет причин. Мы полностью контролируем ситуацию, — мой голос предельно спокоен. — Обычная бусина. Притом слишком маленькая, чтобы причинить реальный вред.

— Что ты несешь, кретин? — рычит месье Таран. — А что если эта малость окажется у меня в башке? За что я вам, нахрен, плачу деньги?!

Я устало пожимаю плечами. В наши дни чтобы замочить богатого и влиятельного козла уже неактуально нанимать банду головорезов с ручными пулеметами. Достаточно нанять одного кина. Никакая охрана и никакие бронекостюмы не помогут, если брючная пуговица вдруг окажется внутри твоего предсердия или, минуя кости черепа, материализуется в лобной доле мозга. Просто, быстро, фатально.

Расценки на услуги квалифицированного телекинетика заоблачны, но затраты себя оправдывают. Спрос на кин-киллеров грандиозен. И богатым козлам волей-неволей приходится нанимать таких, как мы. Мы антикины, фехтовальщики, стражи ворот. Лучшее, что я умею делать в своей долбаной жизни, это пресекать любую попытку нафаршировать моего нанимателя посторонними предметами.

При этом вероятного убийцу интересует только две вещи: местоположение намеченной жертвы и стартовая инерция орудия убийства. Ни один, даже самый крутой кин не сможет сдвинуть с места пуговицу, пришитую к штанам. Кое-кто из моих знакомых, перемещая предмет с руки, слюнявил ладонь, чтобы снизить силу трения. То здесь, то там появляются сказки о кинах, способных перемещать пудовые гири или пережимать на какое-то время важный кровеносный сосуд, но уверяю вас, это не более чем городские легенды. Стартовая инерция и точность краткого воздействия — вот первый закон телекинетики.

Законы я чту, а как бодигарда меня волнуют только две вещи: засечь начальную фазу атаки и вовремя отклонить трэк снаряда.

Еще один немаловажный фактор — расстояние. Хотя здесь все зависит от индивидуальных способностей. Любой кин знает свою рабочую дистанцию. Она колеблется от пары километров до десятка метров (у самых слабеньких) и в конечном итоге всерьез интересует только нанимателя да полицейских сканер-экспертов, если сумеют зафиксировать траекторию, что бывает крайне редко

В данный момент траектории нет вообще никакой, а значит, девяносто процентов гарантии, что керамический шарик оказался в спальне вообще без всякого умысла. Вот только как объяснить это богатому параноику?

— Вы платите нам деньги за охрану и получаете услуги надлежащего качества, — терпеливо говорю я, — Если боитесь оставаться в экранированной комнате без охраны, то я, пока вы тут не закончите, могу посидеть на краю кровати.

Я показываю пальцем на угол простыни, и лицо девушки становится совсем испуганным.

— А если вас что-то не устраивает, то можете обращаться в гильдию.

Таран несколько секунд молчит, переваривая услышанное, и наконец говорит ворчливым тоном:

— Ладно. Сбавь скорость, не гони. Гильдию вашу драную я в гробу видал... Идите отсюда... оба. И смотрите, ублюдки...

Он напускает на себя шутливый вид и присаживается на постель.

— Охрана совсем оборзела, — бормочет он, обращаясь к девушке. — Когда охрана борзеет, охрану закапывают.

Я пропускаю Дюка вперед и плотно прикрываю за собой дверь. Последнее, что я вижу, это патрон, расстегивающий пуговицы своего пиджака.

— Не бери в голову, — тихо говорит Дюк. — Пошел он, урод...

В борделе госпожи Катин все пропитано комфортом, даже пластиковые кресла. Я сижу в паре шагов от двери спальной, откинувшись на перфорированную спинку и вытянув ноги. Звукоизоляция между гостиной и помещением для разового секса дерьмовенькая. Время от времени можно различить сладкое сопение патрона. Это пока затяжная увертюра. К сексу месье Таран, как и кастингу, подходит неторопливо и обстоятельно.

Не поворачивая головы, самым краем глаза я вижу Дюка. Мой напарник устроился с большим комфортом, развалился на одном кресле, ноги сложил на другое, пиджак болтается на третьем. Хреновая поза. С ногами на сиденьи быстро не вскочишь. Хотя Дюку особо вскакивать незачем, обязанности его на данный момент весьма ограничены. Основную работу делаю я. Под моим присмотром треть зала и спальная комната, где жирный ублюдок собирается иметь купленную девушку, а Дюк следит за той частью гостиной, что выпадает из зоны моего внимания. Сканер из него такой же никудышный, как и кин, и мне волей-неволей приходится пахать за двоих.

Сосредоточившись на спальне и бездумно перекатывая в ладонях черную бусину, я отчетливо ощущаю, как идет рябью, податливо сминается пространство вокруг двух человеческих тел. Вот девушка, похоже, становится на четвереньки, а жиртрест, блаженно хрюкая, опрокидывается на спину... Я ненавижу мою чертову работу!

Вся проблема в том, что для рядового обывателя любой телекинетик представляется чем-то вроде непонятного и страшного колдуна вуду. Он похищает людей прямо из сортира и на расстоянии высасывает кровь из

сонной артерии. Для моего патрона простая бусина на полу — верный признак готовящегося покушения. Сон разума рождает чудовищ... Умом я понимаю, что нужно бросать эту долбаную работу. И дело даже не в смене нанимателя. Вместо месье Тарана будет месье Запор, поменяется имя, все остальное останется прежним. Чуть лучше. Чуть хуже. Какая разница?

Идеальным вариантом для меня могла бы стать травматологическая хирургия. Извлекать пули через раневой канал мне уже приходилось. Работенка не из легких, но за нее неплохо платят, особенно в горячих точках. Анатомию я знаю будь здоров, спасибо покойнику Рамилю. Вот только лицензия на практику стоит больших денег, а в моем досье не все так гладко, чтобы просить кредит в гильдии. Грехи молодости... Можно податься в геймгарды. Сидеть на стадионе, обеспечивать чистоту спортивных состязаний. А кроме легальных есть еще полулегальные занятия... Закон много на что смотрит сквозь пальцы...

— Эй, — вдруг говорит Дюк, — ты не помнишь, на чайном столике лежала ложка?

Драная хрень! Я как ужаленный взлетаю с сиденья. На столике действительно лежит маленькая, судя про цвету серебряная ложечка. От нее прямо сквозь стену тянется отчетливый трек. А вот это уже атака.

Дюк, переворачивая кресло, тоже вскакивает на ноги.

— Кретин! — рычу я сквозь зубы. — Раззява! Блокируй плоскость и следи за спальней!

— Может, мне?.. — начинает Дюк испуганно показывая на дверь, ведущую к девушке и Тарану.

— Не надо! Следи за ложкой, олух.

Я выскакиваю в коридор. След тянется вдоль закрытых дверей к лестнице. Понятно. Перемещали по самому свободному пути, благо он не самый длинный. Кидаюсь к лестнице, на ходу выдергивая пистолет из подмышечной кобуры. Трек дрожит и медленно диффундирует в пространство. В голове прокручиваются варианты. Ложка застряла в гостиной. Скорее всего у киллера не хватило рабочей дистанции или он промахнулся. Чертов Дюк должен был остановить эту дрянь на подлете, но он ее просто не заметил. Идиот! Кидаюсь вниз по широким, застеленным синтетическим бархатом ступенькам. Почему ложка на столе? Может, продажная прислуга сделала для кина снимки комнат? Черт! Прыгаю через последние ступеньки. Кидаюсь через фойе. Почему ложка серебряная? Почему ложка — понятно. У ложки есть естественный эксцентриситет. Если ее чуть закрутить на нуль-траектории, то, материализуясь в пространстве тела, она производит эффект пули со смещенным центром. Разворотит потроха так, что мало не покажется. Но почему серебряная? Они что, на вампиров охотятся? Они?

Охрана реагирует на меня, но недостаточно быстро, я вламываюсь плечом в стеклянные двери и вылетаю на стоянку. Киллер еще здесь. Я чувствую, где обрывается трек и вижу плащ десятком шагов дальше. Садится в машину.

— Стоять! — от моего крика кин оборачивается.

На долю секунды я отчетливо, как на снимке, вижу длинные рыжие локоны, широко раскрытые глаза и пухлые резные губы, я вижу даже веснушки на ее носу. В следующий миг девушка ныряет в машину, и красный «порш» рвет с места.

Я опускаю пистолет. В голове назойливой мухой жужжит давешняя мысль... Они? О, черт! Я разворачиваюсь и бегом кидаюсь обратно.

Ну конечно же! Они! Они работали в тандеме. Первая переместила орудие убийства в заранее оговоренное место, чтобы вторая могла взять его оттуда и использовать по назначению. Вот же подстава! Я рву изо всех сил.

Охрана теперь начеку, и меня валят у самого входа.

— Дюк! — ору я в переговорник. — Дюк! Мать твою!..

В комнате нас четверо: мы с Дюком, один из прибывших патрульных офицеров и личный доктор госпожи Катин, полицейский медэксперт пока в пути. Саму госпожу Катин уже допрашивает в ее кабинете второй полицейский. Я не считаю месье Тарана потому, что он уже не с нами. Голый толстяк бесформенной тушей лежит поверх одеяла. Концы другого одеяла притягивают его пухлые ладони к кондырю кровати. Судя по цвету лица, он задохнулся, но насупленный доктор начинает сканирование откуда-то из области гениталий. У него очень хороший сканер, марки «хидхак», похожий на склиз для мытья окон. Доктор медленно и методично водит им над трупом нашего бывшего патрона.

В комнате прохладно. Окно зияет щербатым провалом в пустоту ночной улицы, не до конца поднятые жалюзи прикрывают его лишь на четверть. Инспектор запретил их трогать, хотя непонятно, чего он там собирается искать. Если совершенно голая девчонка задавила здорового мужика, технично высадила стекло и спрыгнула с третьего этажа, предварительно нокаутировав вломившегося в комнату Дюка, то искать отпечатки, помоему, просто глупо. Я перевожу взгляд на тело месье Тарана. Сканер ползает где-то на уровне груди.

Ничего не скажешь, сделали нас красиво... Хрестоматийно... Теперь эксперты гильдии начнут внутреннее расследование, и действие наших чертовых лицензий приостановится, по крайней мере на время разбирательств. Кошу глазом на Дюка. На левой челюсти этого кретина уже разливается багрово-синий кровоподтек.

— Ну что? — нетерпеливо спрашивает инспектор.

Доктор распрямляется и складывает свой «хидхак».

— Асфиксия, как и предполагалось, — говорит он так гордо, словно удавил покойника собственноручно. — Телекинирование постороннего предмета в средний отдел трахеи.

— Серебряная ложка, — говорю я, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Нет. — Доктор удивленно поднимает на меня глаза.

— Ложка тут, — невнятно сообщает Дюк, вытаскивая столовый прибор из кармана штанов. — Ты сам сказал за ней присматривать.

Инспектор смотрит на меня, потом на Дюка. В его глазах выражение «все вы, кины, одним миром мазаны».

— Дайте сюда, — требует он, протягивая руку.

Дюк отдает ложку, и полицейский бережно принимает улику двумя пальцами.

— А что в горле? — спрашиваю я.

— Насколько можно судить, что-то вроде вставного зуба или коронки. — Доктор чуть улыбается. — Хотя серебряная ложка была бы символичней.

Зуб... Я уважительно качаю головой. Дюк смущенно сопит и трогает синяк на подбородке.

Теперь картина операции вырисовывается передо мной во всех красках. Теперь я понимаю, что меня поймали на чертову ложечку, как глупого карася. Телекинез на суперкороткой дистанции изо рта в рот, все равно что выстрел через подушку из пистолета с глушителем. Минимум пространственных возмущений, минимум следов. И все же, оставшись в гостиной, хороший кин мог бы засечь переброску и помешать. Именно поэтому мне подкинули ложку. А пока я, как дурак, скакал через ступеньки, глазастая красавица успела сделать все свои дела и сигануть с третьего этажа в объятия рыжей подружки. Остается неясным вопрос с черной бусиной, но это уже не так важно.

— Так, — говорит патрульный инспектор, обращаясь ко мне. В его руках служебный блокнот и он водит пальцем по экрану. — Фото непосредственной исполнительницы есть в досье у хозяйки салона, но думаю, это лицо — чистейшая пластика. Так мы ничего не установим. А вот за ее сообщницу можно зацепиться... Вы ведь видели вторую девушку перед тем, как она села в машину? Сможете составить виртопортрет?

— Господин инспектор. — Я виновато развожу руками. — На стоянке было темно, а она стояла ко мне спиной. Я видел только плащ и волосы, но ведь волосы можно и перекрасить.

— М-да. — Полицейский явно разочарован. — Марку машины запомнили?

— Кажется, «фиат», хотя я в этом не очень разбираюсь.

— А я, — радостно говорит из-за моей спины Дюк, — даже у первой лица не запомнил. Попу вот рассмотрел. Хотите, составим портрет?

Полицейский сверлит Дюка яростным взглядом, как будто собирается переместить свой блокнот прямо ему в глотку. Я перевожу глаза на проем разбитого окна, и мои губы трогает тихая улыбка.

Жаклин де Гё, Елена Калинчук

ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ

Главное в работе охранника — следовать правилам безопасности. Поэтому ровно в двадцать ноль-ноль я, как положено по инструкции, отправился в обход станции — от главного шлюза к холлу со стойкой для обработки депозитов, затем по виткам спирального коридора внутрь, к центру хранилища.

Пусто и тихо.

Еле слышно гудит вентиляция, мягко светятся панели, уютно горят цветные индикаторы на дверцах ячеек.

Мне нравится моя работа. Не понимаю, почему межгалактическому «Интеллект-банку» вечно не хватает секьюрити. Платят за охрану «летающих сейфов» столько же, сколько промысловикам на астероидах, а условия гораздо лучше. Кухонный модуль оснащён пищевым синтезатором последней модели. Пейзажи в жилом отсеке можно менять хоть по сто раз на дню. Климатические настройки тоже. А страшные истории о влиянии одиночества на психику — это не про меня. Разве можно чувствовать себя одиноким, когда сенсовизор принимает две с половиной тысячи каналов? Дома я обходился базовыми тремя сотнями и до прилёта сюда не смотрел ни «Циркониевой лихорадки», ни «Клыкастых тёлок», ни «Озабоченных зомби». А сейчас «Лихорадка» — мой любимый сериал. Ни одного эпизода не пропускаю.

Очередной виток коридора. Все те же бесконечные ряды закрытых ячеек. Жёлтый огонёк — занята, розовый — пустая. Цвет пола темнеет от витка к витку, чтобы удобнее было ориентироваться. В приемной он бледно-голубой, а в сердцевине хранилища темно-синий. Здесь хранятся самые ценные депозиты. В чём их ценность, я не знаю. Может, внутренний отсек и правда забит гениальными идеями и особо изощренными фантазиями. А может, ничего там нет особенного, просто сами владельцы так оценили и застраховали. С тех пор как изобрели мнемонические циркониевые носители, народ как с цепи сорвался, записывает все подряд. Моя бывшая целый год записывала сны (свои и мои) — хотела продать НИИ Мозга. Не взяли. Сказали, что интересуются только отклонениями и извращениями, а мы, оказывается, нормальные. Теперь она не знает, куда те записи девать и где их хранить. Дома держать боится — вдруг её теперешний найдет. А на Интеллект-банк у нее, понятное дело, бабок не хватает. В общем, нашла себе проблему. Я-то не парюсь: если чуваку охота смотреть тот сон, где я, типа, космический шаттл и пытаюсь заехать в гараж, но не помещаюсь, пусть смотрит, жалко, что ли. У него же нет визора на две тысячи программ.

А что хранят в ячейках наши клиенты, мне вообще по барабану. На моей зарплате это не отражается.

Впереди, у самого поворота, метнулась небольшая тень. Чёртовы грызуны. То есть я так думаю, что они грызуны, потому что похожи на

крупных земных крысаков. Однако ни разу не видел, чтобы они что-то погрызли. И не знаю, откуда они берутся и чем питаются. В кухонном модуле их не встретишь, зато в центральном отсеке ротами шляются. Я зову их хрямзиками. Пытался избавиться от них. Синтезировал ядовитые приманки — не берут. Ловушки тоже обходят. Ну, я и забил на это дело. Оборудование хрямзики не портят, ущерба не причиняют. На фига с ними возиться? Лучше потратить время на что-нибудь полезное, вроде нового вида выпивки. Синтезатор пищи — это ведь, по сути, универсальный самогонный аппарат. Если, конечно, знать, как с ним обращаться.

Обход я всегда стараюсь завершить к началу «Лихорадки». Вот и на этот раз успел как раз вовремя. Прихватил на кухне стакан вискаря, устроился поудобнее в сенсо-кресле, активировал плоский гаджет ручным пультом.

Посреди комнаты возник бытовой отсек старательской станции. 3Д. Полная иллюзия присутствия. Красота! Привет, ребята, я по вам соскучился!

— Я не буду больше с тобой играть! — заявил мексиканец Хуан, сгребая карты со стола. — Ты мухлюешь!

— Кто бы говорил! — хмыкнул Марат. — Если ты опять продул, ещё не значит, что ты самый честный.

Марат классный. У него тяжелое детство было: всю его республику расстреляли и переселили, только не помню, куда и за что. А он виду не подает, вечно прикалывается.

— Да ладно вам, — примирительно сказал Фёдор. — Нашли из-за чего лаяться. Не злись, латино. Не на деньги ведь играли, а на циркон. Завтра новых кристаллов наковыряешь.

— У меня участок тяжёлый. — буркнул Хуан.

— Плохому шахтёру всегда что-то мешает, — заржал Марат. — Федь, ты защиту проверял? С маячкового астероида сегодня вспышки шли — вроде как готовность номер три, «лёгкий пиратский крейсер».

— Я активировал сторожевых роботов, — важно сообщил Фёдор. — Поставил двойное поле. Зарядил пушку. Бронированная муха не проскочит. Так что расслабься. Пиво будете?

Федор — он всегда такой. «Мужик сказал — мужик сделал» — это про него. С виду простой и свойский, но если надо — всех построит. Вот и сейчас как быстро ребят успокоил. Сидят, пивко потягивают...

Глядя на голограммы, я тоже потянулся к стакану. Что ни говори, в работе старателя есть своя прелесть. Дружеские попойки, звёздное небо, набеги пиратов... А потом — домой, на Землю, с драгоценными кристаллами в трюме. Романтика!!! Если не придумаю чудо-дринк, то это мой способ разбогатеть номер два. Отработаю положенный по контракту срок, накоплю кредитов и обязательно куплю патент на разработку участка. Главное — подобрать надёжных напарников. Таких, как в сериале...

— Привет, Колян.

Один Фёдор чокался за столом с приятелями пивными бутылками. А у самого края сенсо-зоны стоял другой Фёдор, точно такой, как первый, и смотрел прямо на меня:

— Поговорим? Или сначала выпьем?

— Выпьем, — машинально ответил я и залпом опрокинул в рот вискарь. Гортань обожгло, на глазах выступили слёзы.

Я сморгнул.

Фёдор номер два никуда не исчез.

«Вот оно, — подумал я, вспомнив страшные рассказы медиков о влиянии одиночества на психику. — Началось».

* * *

Как агент Четвертой Интеллектуальной Категории по борьбе с внутригалактическим бандитизмом (сокращенно ЧИК-бовба), я должен был заранее почувствовать приближение катастрофы. Во-первых, сенсовизор охранника Николая орал громче обычного (земляне — единственная разумная раса в космосе, которая при засорении слуховых органов не очищает органы, а прибавляет звук). Во-вторых, чего ожидать от сотого эпизода, если в конце девяносто девятого немой одноглазый цыган оказался снайпером-особистом? И тем не менее мой интуитивный канал молчал. Что лишний раз доказывает жалкое нынешнее состояние нашей секретной спецгруппы по борьбе с межгалактическим бандитизмом.

А ведь я весь день, можно сказать, отдыхал. И питался полноценно: дежурил в центральном отсеке рядом с ячейкой, хранившей идеи знаменитого дирижёра Грука, и смог не торопясь прослушать его работу над симфонией Кры-Крыкла с Веги. Изумительно! Настоящее пиршество, полное изысканных деликатесов! Я просто наслаждался излучением кристалла, медленно продвигаясь от сольных партий к полифонии, от фрагментов — к целому произведению... наблюдал за ходом мыслей великого маэстро, упивался его феноменальным чувством ритма и мелодии, смаковал звуки, созвучия, паузы... К концу этой волшебной трапезы мне показалось, что мозг полностью оправился от ущерба, причинённого вчерашним эпизодом «Птеродактилей наперевес».

Увы, домой пришлось возвращаться через жилое помещение землянина, так называемую гостиную. Я принял меры предосторожности — дождался рекламной паузы, чтобы избежать «Лихорадки». Не помогло. Землянин, как всегда во время рекламы, щелкал пультом по всем каналам подряд. Как раз когда я проползал под его креслом, в сенсозоне зависла голограмма толстой девицы, рассказывающей, как опоить чужого семейного партнера отваром из травы болдухай. Думаю, это вынесло мне сразу категории полторы. Добравшись до своего гнезда, я уже не помнил не только дирижера, но и разницу между земной валторной и лернейскими цимбалами.

А утром не услышал биологический сигнал побудки. Разбудил меня прямо через телепатический канал мой шеф, ШИК Суисс, и поинтересовался, собираюсь я спать дальше или все-таки появлюсь на летучке.

Мчась на совещание, я миновал неподвижную фигуру ТИКа Фьюста... бывшего ТИКа Фьюста. Тончайшего ума был агент. А теперь лежит в щели между панелями центрального отсека, сложив мохнатые лапы на пузе. Смотрит в пространство остекленевшими глазами, бормочет что-то несусветное.

Конечно, многие наши ребята частично потеряли рассудок и самоконтроль. Но ментальное бормотание Фьюста — это самое жуткое, что мне доводилось слышать в своей жизни. Прямо мурашки по шкуре. Бедняга. Мы спрятали его от Николая и роботов-уборщиков, но спасателей из Центра вызывать не стали. Если спасательная команда увидит, в каком состоянии наша группа — нынешнюю операцию можно считать проваленной. И как объяснить провал начальству? Оно ведь не смотрело «Клыкастых телок».

На летучке присутствовали все годные к службе коллеги — шесть штук, не считая ШИКа Суисса. Он буравил меня своими черными глазками-бусинками. Остальные тоже смотрели напряжённо.

И все молчали. Никогда в жизни мне не доводилось слышать такой оглушительной тишины — ни одного мысленного импульса, ни одной попытки связаться с моим мозгом...

Сейчас-то я понимаю, что никто просто не решался приоткрыть свои мысли первым.

Наконец ШИК послал мне формальное приветствие:

— Как здоровье, ЧИК Лес?

— Вроде ничего... — ответил я. Стоило Суиссу начать общаться, его эмоции перестали быть для меня тайной. За невинным вопросом читалась отчетливая паника. И уж никак не по поводу моего здоровья.

— Отлично! — преувеличенно бодро одобрил ШИК. — Мы тут хотим выйти на связь с Центром. Набери-ка ты позывные. А я тебе протранслирую, что передать.

Наша тайная связь с Центром Интергалакполиции встроена во все пульты землянина — и в кухонные, и в мусорные, и в сенсовизорный. А также в запасные, которых в техническом отсеке целый ящик. Один из них Суисс и придвинул ко мне. Я послушно занес лапу, чтобы набрать код... и вдруг понял, что ни один из символов ничего для меня больше не значит.

Ничего. Рьен. Нада. Жок Нерсе. Или, как говорят в Альфе Весов, брюмм-брюмм.

Я не мог вспомнить смысл этих закорючек..

Случилось страшное. Мы, представители засекреченной расы «идеальных агентов», мнемопитающие существа с абсолютной памятью, полностью разучились и писать, и читать! Уж не знаю, что нас так накрыло — «Телки», «Лихорадка» или чемпионат Галактики по титановому мячу. Ясно было одно — на связь с Центром мы выйти не в состоянии. И вообще на связь вне станции, если уж на то пошло. Телепатия — вещь хорошая, но радиус ее действия, увы, очень мал.

Мы смотрели друг на друга, медленно теряя надежду и осознавая, что операции крышка.

Своими силами — когтями и лапами — нам не справиться с бандой, которая, как стало известно, планирует налёт на Хранилище. До суда над мафией, двести лет державшей в страхе оба Магеллановых Облака, оставалась всего неделя, и показания основного свидетеля были спрятаны на этой станции. Бандиты вот-вот окажутся здесь, и вооружены будут как

следует. А мы оказались неспособны вызвать подкрепление из Центра. Космос всемогущий, мы не могли послать в Центр даже идиотский привет!

По инструкции, в случае серьёзной поломки связи разрешалось выйти из-под прикрытия и установить контакт с охранником.

Только вот как это сделать?

Мы — бессловесные телепаты.

Он — существо, неспособное слышать мысли.

А письменность стала нам недоступна.

Полный бири-бири-бюмм...

* * *

Я лихорадочно переключал каналы. В сенсозоне послушно возникали и снова пропадали прыгающие со скал демоны, интеллигентного вида тарантулы, чешуйчатые стриптизёрши и бегуны в испанских сапогах. И только Фёдор номер два упорно не хотел повиноваться командам пульта и не исчезал.

— Поговорим? — спросил он опять.

Я не отвечал. Не хватало ещё беседовать с собственными глюками.

— Я такой мужчина, — сообщил Фёдор, — что если меня зимой положить под ёлку с голой бабой, то снег растает и цветы вырастут.

Это была фраза из семьдесят шестого эпизода. Я хорошо помнил этот момент. Кажется, Марат сказал тогда в ответ...

— Эх, Федя, — Марат возник рядом с товарищем. — Где те ёлки, и где те бабы...

Точно. Именно это он в тот раз и произнёс.

— Ближе к делу, пролетарий. Колян ждёт.

Вот этой фразы в эпизоде точно не было. Ёлки-тёлки — это понятно, но при чём тут я?!

— Ближе к делу, — повторил Федор. — Делу время. Внештатная ситуация. Скоро к нам приедет банда из Амура. То есть из Центавра.

— Объявление! — вмешался Марат. — Это ограбление!

— Корабль на подходе! — опять перехватил инициативу Фёдор. — Бандиты! Межпланетный взлом сейфов и отключение сигнализации!

Я обалдело переводил взгляд от одного «лихорадочника» к другому и обратно. А они продолжали выкрикивать по очереди:

— Ячейка!

— Центральный отсек!

— Совершенно секретные мысли лучшего агента галактической безопасности!

— Явки, пароли, адреса!

— Их хотят украсть!

— Обвал в штольне!

— Какая штольня? Федя, ты гонишь...

Что это?! Анонс будущего эпизода? Никаких сейфов, межпланетных банд и агентов в «Лихорадке» сроду не было, уж я-то знал. Неужели всё-таки глюк? И тут меня осенило.

Нацелив пульт в лоб Федору, я изо всех сил вдавил кнопку.

— Не въезжает! — огорченно сказал Федор.

— Лох, — кивнул Марат, и они пропали, а в центре сенсозоны материализовалась Барби из рекламы «Андроид-эскорта».

Я облегчённо вздохнул.

Био-красотка сложила губки бантиком и страстно зашептала:

— Вызови спецподразделение! Набери позывные!

Охренеть! Никогда не слышал, чтобы девчонок вызывали целыми подразделениями! Тут рядом с Барби опять возникли «лихорадочники» и подхватили:

— Набери позывные!

За их спинами появился шатающийся Барон Грымза из «Озабоченных зомби» и заорал:

— Что может быть лучше живой плоти! Я готов на всё ради свежего мяса! Набери позывные!

Нет, что бы ни говорили психологи, для таких глюков одиночества маловато. Если бы мои мозги могли выдавать настолько крутой бред, я был бы одним из постоянных клиентов банка, а не охранником. Что тогда? Пиар-акция? Я задумался. Как отличить пиар-акцию от бреда? А может, это обычная реклама? Но тогда по окружности бежали бы контактные данные, а их нет. Стоп, они же просят набрать позывные...

— Закрой глаза, беби, — ласково попросила Барби. — Я тебе кое-что скажу...

Как отказать девице с таким голосом и таким декольте? Я послушно зажмурился.

Барби снова заговорила страстным полушёпотом, но теперь голос её звучал так, словно доносился не снаружи, а изнутри моей черепной коробки:

— Семь-семь, первую семерку держишь три секунды, вторую-пять, потом триста шестьдесят четыре коротко, подтверди кнопкой «мини-экран». Запомнил?

Я резко открыл глаза. Значит, всё-таки реклама. До чего достали! Уже не знают, что выдумать. Так и до полного сдвига мозгов можно довести.

А в гостиной появлялись всё новые персонажи, декламировали старые реплики, собачились друг с другом, а потом присоединяли свои голоса к завывающей толпе:

— Набери позывные!

— Зачем?! — не выдержал я.

— С кичмана у Центавра сбежали два кадавра! — заорал Барон. — Ограбление! Они вооружены! Грызи их, Коля! Набери позывные!

Я ожесточённо давил на «Выкл», но чокнутые голограммы не исчезали. Прибор не работал!

* * *

Гениальная идея принадлежала ТИКу Свермишелю. Суисс сначала настаивал на прямой передаче информации, и будь что будет. Но я возразил, что у землян присутствие в сознании чужих голосов считается душевной

болезнью. И когда Свермишель заикнулся о создании визуальной иллюзии, в уста которой можно было бы «вложить» послание, мы все уцепились за идею. Наведённый мыслеобраз выглядит точь-в-точь как сенсовизорная голограмма. Кого Николаю и слушать, как не любимых персонажей?

Однако вместо понимания и готовности к сотрудничеству Николай демонстрировал тревогу и смятение.

Свермишель, слушавший мысли землянина, отрапортовал, что тот считает ситуацию выше своего понимания.

— Совсем тупой, что ли?! — возмутился ШИК.

— Давайте упрощать, — предложил я.

— Кто-нибудь пониже категорией! Поговорите с ним!– бросил ШИК в пространство.

Ребята вильнули хвостами и через пару минут притащили за лапы бывшего ТИКа Фьюста. Задание Фьюст, казалось, понял, и даже оживился. Почему он смоделировал именно зомби, никто из нас не знал и знать не хотел. Упаси меня все космические силы от того, чтобы оказаться в голове у ТИКа Фьюста. Главное, что в результате Николай наконец принял позывные Центра. Осталось только заставить его их набрать.

ШИК вошел в раж.

— Вызвать весь состав! Будем продолжать ментальную бомбардировку!

И вновь рванулся в бой в образе Федора...

— ШИК?

Мы все обернулись. Рыжая мордочка диспетчерши Хвентли почему-то была бледно-рыжей.

— Шеф, сенсоры сигналят. Неопознанное судно идет на стыковку со станцией.

* * *

Сенсовизор не выключался. Невозможно было даже убрать звук. Наконец я не выдержал — не в силах больше слушать вопли голограмм, отшвырнул бесполезный пульт и рванул в коридор. Схожу на камбуз, освежусь чем-нибудь, тогда соображу, что делать дальше.

Но и через сто метров в ушах по-прежнему гремело: «Набери позывные!!!»

Да что же это такое?!

Я обернулся. Голограммы, держась на почтительном расстоянии, толпой шагали следом за мной, скандируя свой призыв.

Не добежав до камбуза, я метнулся в ближайшую кладовую, с размаху захлопнул дверь и подпёр её для надёжности ящиком с запасными блоками питания для синтезатора. Потом плюхнулся на пол, обхватил голову руками и завыл.

* * *

— Он воет, шеф...

— Слышу, — огрызнулся Суисс. — Всё равно продолжайте! Он должен вызвать спецподразделение! В конце концов, кто здесь долбаный охранник? Тупица!

На меня вдруг нашло озарение.

— Подождите, — закричал я ребятам. — Давайте сменим мотивацию!

Я сосредоточился как следует и метнул сквозь бронированную стену кладовки совсем другой набор слов:

«Поломка! Ваш сенсовизор неисправен! Гарантийное обслуживание! Наберите позывные с любого пульта!»

Затаив дыхание, мы смотрели на дверь кладовки. Наконец она приоткрылась, в коридор высунулась взлохмаченная голова Николая. Вновь увидев голограммы, он замер. Мы заставили их приветственно помахать руками, лапами и щупальцами. Николай стремительно выскочил из кладовки и дернул в сторону камбуза.

— За ним! — скомандовал ШИК. — Продолжайте трансляцию! Все вместе, три-четыре!

Мы погнали голограммы за Николаем. Когда до цели оставалось всего полтора десятка шагов, с противоположной стороны в коридор ввалились те, кого мы ждали — бандиты сумели разблокировать защиту главного шлюза.

Минимум полтора десятка профи — тренированных, облитых биобронёй, — застыли напротив нас. Мы инстинктивно прижались к стенам. Нападающие вскинули вживлённые в локти бластеры и открыли огонь по голограммам. Они приняли вышедшие из сенсовизорного поля иллюзии за реальных существ!

Николай тупо смотрел на поток световых пуль. Потом перевёл совершенно обалделый взгляд на киллеров.

— «Палачи с Деймоса»? — пробормотал он себе под нос.

Этот олух решил, что они тоже персонажи сериала!

Я думал, ему конец. Но бандиты обращали гораздо больше внимания на зомби и монстров, чем на Николая — и это был наш шанс. Надо было всего лишь подыграть им.

Стряхнув оцепенение, я дополнил свой персонаж плазмо-базукой и ринулся к землянину. Подкат! Николай рухнул где стоял. Я тоже растянулся во весь рост и успел заметить, что коллеги поняли меня с полуслова — все голограммы теперь сжимали в конечностях оружие и палили кто во что горазд. На заднем плане обрисовался иллюзорный светомет. Позади него залег ультрафиолетоармеец с ярко выраженной мимикой ШИКа Суисса. Вперед с жутким завыванием вырвался зомби, размахивавший окровавленной оторванной ногой, — похоже, ребята так и продолжали таскать за собой Фьюста.

Я встал на четвереньки и, собравшись с силами, боднул Николая в задницу, подпихивая к кухне. Откуда-то выскочил Свермишель и тоже толкнул Николая в бок.

— Набери позывные!... — заладили мы.

— Не давай ему встать, угробят! — бросил мне Свермишель.

Я метнулся к ноге Николая, надорвал зубами низ его штанины и зацепил ее за носок космобутса. Николай попробовал встать и рухнул снова. После нескольких падений подряд он, не пытаясь больше подняться на

ноги, поспешно пополз в сторону кухни. Мы со Свермишелем прикрывали его с тыла.

Сзади послышались глухие звуки падений — ребята, вероятно, переняли мою тактику влияния на устойчивость противника. Я не оборачивался — пусть ШИК руководит схваткой, на то он и босс.

Доползли, наконец, до кухни. Свермишель, совершив потрясный пробег по стенке, хвостом активировал фотоэлемент. Николай был в таком состоянии, что даже не удивился самооткрывающейся двери. К моей вящей радости, он теперь сам твердил позывные.

Пульт от синтезатора пищи валялся на стуле. Землянин трясущимися руками вцепился в него и защелкал кнопками. Сначала на сигнал отреагировал пищевой агрегат — он замигал лампочками и тихо загудел. А через секунду в моем сознании прозвучал экстренный, сверхтелепатический, в двадцать миллионов ментальных сил сигнал.

Центр принял наш вызов.

* * *

Я лежу на биокойке в каюте спасательной шлюпки. Койка медленно покачивается, баюкает, нежит. Тишина и покой. Блаженство.

— Как вы думаете, доктор, когда я снова смогу читать? — доносится голос Суисса с соседней койки.

Я не слышу, что отвечает доктор. Мое сознание отдыхает. Никакого сенсовизора. Никаких дурацких сериалов. Только что я получил гипергигантскую дозу витаминов: воспоминания участников Пятого Межпланетного Конгресса супрабиологов. Вдобавок мне постоянно вводят таблицу умножения пятизначных чисел.

Операция успешно закончена. Болваны с бластерами благополучно заключены в камеры Межгалакпола. Николай за самообладание и вовремя посланный сигнал бедствия получил тут же на месте благодарность, а на счёт ему перевели денежную награду. Правда, он, благослови его космос, принял офицеров Межгалакпола за ремонтников сенсовидения, вручную утаскивающих со станции непокорные голограммы, но это уже не моя проблема. Думаю, впрочем, что его психика скоро восстановится — ведь пришедшая в ужас от разрушительного воздействия сенсовизора на наши ментальные способности бригада из Центра полностью отключила пост сотрудника безопасности хранилища идей и фантазий от всех каналов вещания...

Ммммм.... как легко мне далась эта длинная фраза... красота...

И всё бы прекрасно, если бы не это странное чувство, что мы что-то забыли... и я никак не могу вспомнить, что... Неважно... Койка качается, слипаются глаза... спать... спать...

* * *

Раньше я считал, что те, кто сдаёт гениальные мысли к нам в хранилище, — офигительно умные люди. А теперь думаю, что им просто однажды случайно повезло. Потому что я своё великое открытие именно

так и сделал — случайно. Ну кто же мог знать, что если набрать на пульте кухонного синтезатора позывные службы ремонта сенсовизоров, машинка сочинит именно тот рецепт, о котором я мечтал долгие недели и месяцы?

Супер-пойло — лучшее, что случилось со мной в этой жизни после сенсовизора. Вернусь на Землю — запатентую. Оно заменяет и еду и пищу, поэтому я назвал его хлебульк. У него всегда именно такой вкус, которого сейчас хочется. От него не бывает похмелья — можно хлебать двадцать четыре часа в сутки, проверено. И от него всегда отличное настроение. Меня хлебульк ещё ни разу не подвёл, а подопытный хрямзик от него прямо ожил.

Я наткнулся на беднягу во время очередного обхода. Он лежал на спине, лапами кверху, как дохлый жук. Однако дышал и сердце билось. Я притащил его в гостиную и влил в глотку полстакана своего изобретения. Он подпрыгнул чуть не до потолка, потом опять повалился на спину и долго дрыгал задними лапами. Язык на плече, мохнатая рожа светится от счастья. Глядя на него и я развеселился, и тоже тяпнул сто грамм. Только успел подумать, что надо бы приручить этого красавца, как вдруг наконец-то заработал недочиненный ремонтниками сенсовизор. Я бросился искать пульт и упустил хрямзика — он шмыгнул под кресло и я так и не смог его поймать.

Ну и космос с ним. Мне и визора хватает. К тому же передачи стали гораздо интереснее и намного смешнее, чем раньше, особенно сериалы. Персонажи больше не сидят каждый в своём шоу, а ходят друг к другу в гости. И те, что из рекламных пауз, тоже часто с ними тусуются.

Сначала я слегка путался, кто есть кто, потому что все они почему-то стали зомби, но потом разобрался и привык к виду полуразложившейся Барби.

Теперь мне точно не грозит сойти с ума от одиночества.

Сергей Игнатьев

ЦЕПОЧКА

1. Филипп «Видак» Ворсотеев

Тогда, сами понимаете, бардак страшный был. Сократили полштата, страна на куски распадалась... Я в этом «ящике», в отделе Урманяка, на тот момент отвечал за кадры. До пенсии — шесть месяцев... И вот пошел слух, что будет тестовый запуск... Вызвался сам. Ну а что мне? Пенсия эта, дача? Обеспечил уже вроде оглоедов этих... квартира на Ленинградском... «Волга» с гаражом. Дача там, яблони, смородина там, ежевика... а я-то кому нужен в этом раю? Старик. Обуза. Ох, и ладно. А тут... хоть какая-то польза... Ну, тогда так казалось, во всяком случае.

Готовили нас как первых космонавтов. Опыты сперва делали тоже на собаках, свои Белочка и Стрелочка у нас имелись. Звали иначе. Сказать? Вша и Блоха! Такой был юмор.

Когда уже выходили на ЦК, Урманяк собрал всех, мол, какое название официальное будем утверждать... «Вакула», я предлагал так назвать, помните у Гоголя? На черте верхом в Петербург. Ну, тут понятно куда целили — в Вашингтон, округ Колумбия. Одно дело жучок ему ввинтить в «паркер», а другое дело, когда ты сам в этом «паркере», как капитан Немо в своей подлодке. Обзервируешь, так сказать. В самом сердце буржуинского стана. Но Громеев предложил назвать «Цепочка». Это отвечало сути. Так и назвали. Громеев-то тогда был ого-го! Голова! Вот скажи пожалуйста, кто бы мог подумать...

Сложности? Вот помню, было тогда семнадцать годков мне. Я как-то в болоте по подбородок, вот посюда вот, просидел сутки. Патруль по бережку ходит, анекдоты рассказывают, кидают бычки... фельдфебель пьяный, пилотка набок: гебен зи эйнен лихт Иван... и очередями из «эм-пэ» так... поверх камышей... ради развлечения... конечно не знали, что я там... А я в тину... по уши... Ракета пошла сигнальная — по самые уши туда, в тину эту... Потом вынырнул — воздух хватаешь, плюешься. Главное — тише, тише... Затаился и ждешь, ждешь... На вторые сутки наши вытащили, еле говорить мог. Как сейчас помню — карандаш из пальцев выпадает, всего трясет... Надо рапорт писать. Расплакался, как девка... Спирту налили. Переоделся, подсел к печурке. Отошел кое-как. Стыдно потом даже, аж уши горят... Вот это было сложно. Волховский фронт, разведрота. Вот это было сложно, действительно... Остальное все потом уже херня просто-напросто. Не страшно.

Что смущало... Ну порнографии, конечно, много было. Особенно попервости. Пошел вал. Собирались толпой, лица такие удивленные, глаза по пять копеек. Еще и накатят. Для храбрости. Помнят, как в восьмидесятые паковали за это... И смех и грех. Те, которые парами приходили, наверняка пытались повторить потом у себя дома... я воображаю!

Дальше уже баловство пошло, какой-нибудь мальчишка откопает у родителей в шкафу Смоковницу или эту Эммануэль блядскую. И давай смотреть. И страшно и сладко. И глаза вот такие же. Блюдца, а не глаза!

Трудно удержаться, конечно. Бывает, зажую, чтоб неповадно было. Она там только трусики потянула до коленок, этот, значит, зритель, только навострился себя за срамной уд ладошками... а тут я раз!! Опа! И помехи, машина пищит, скрежет, лязг... Надо видеть выражение лица!

Ладно там еще когда единоборства... Сигал, или вот Чак Норрис... Видно, что мужики стоящие. Ногой ему в морду, прямо вот как засветит. Но там видно, что за дело. Так ему, гаду, и надо... Сразу понятно. Может, ребята вот посмотрят, в секцию запишутся, хоть городки кидать, или баскет, или я не знаю что...

А тогда вот ужастики эти пошли... Какой-то в шляпе обгорелый там ходит, у него перчатка с лезвиями... Ну как сказать? Какой-то мудак в шляпе, и больше ничего. И ходит он, убивает он. Мудак... Да чтоб я, советский офицер, с таким мирился... Тоже помех пускал, зажевывал как мог. Один раз даже взял вот просто и взорвал, не удержался. Никто не пострадал, конечно. Кроме обоев. Списали на тайваньского производителя... Нет, ну сами посудите, детям голову забивать таким говном, извините за выражение? Что же вырастет из них, если... Ох... Да что теперь вспоминать это все, дело прошлое. Глупости.

Громеева жалко. Хороший парень. Нервный очень. С самого начала видно было — не сдюжит. Другое поколение совсем.

Арсик... Царбумян... Как живого вижу перед собой — всегда был такой веселый, глаза горят. Но ему тяжелее всех пришлось. Одно дело работать с предметом, другое — с предметом культурной значимости, с объектом, так сказать, творчества, духовным символом... Никто не верил, что получится. Ну-у... вот и не получилось нихрена... Он один и верил в это... На рок-музыке его заклинило, кажется... Тоже вот, навезли из-за кордона, как будто своих «песняров» мало было... Жалко парня. Очень жалко.

Кольбец? Ничего не могу сказать. Даже не спрашивайте. Бог ему судья. И все тут. Нечего говорить.

А Соньку тоже помню, конечно, хорошая девчонка, бедовая. Она работает еще? Ну... дай Бог ей. Она не пропадет. Огонь-девка!

Про шефа? Пусть сам вам все расскажет, если не засох еще, сукин шалфей.

Да нет, куда мне? Годы не те. Только ночью, конечно, глаза закроешь — и поехало... Вот недавно четыре сезона «Прослушки» посмотрел. За неделю-две. Хороший сериал. Показано, как они работают. На совесть. Мы такие же были, идеалисты. Особенно та сцена, где они преступление раскрывают в течение пятнадцати минут, используя только мат. Фак-фак-фак... фак ю, фак ми, мазафака, воттафак... Ну, вы знаете... Мы так примерно и работали тоже в наши лучшие годы, только вместо фака этого по-нашему выражались... по-советски. Так заворачивали, бывало...

Конечно, еще смотрят, пользуются. Некоторые из ностальгии, некоторые так... Не все же в интернете еще можно найти.

Еще, заметили, сохраняется какая-то тяга к предметному миру. Кассету... ее, понимаешь, в руках подержать можно. С дэвэде этим хренеде я не пробовал работать, не знаю. Но кассета... Лента эта, понимаете, корпус... Что-то вещественное... Настоящее.

Устаю, бывает... Что тогда? Корвалол плюс валокордин...

Да ну, глупости это все... Какие там сомнения? У нас был приказ. Мы его исполняли. А там хоть в топор, хоть в резиновую утку, хоть в портрет Маркса. Без разницы. Приказ есть приказ. Такая работа. Вот и все.

2. Валерий «Теннис» Кольбец

Поймите, я тут начну объяснять... это все будет звучать лайк э джоук, шутка, ю ноу.

Ну что рассказать про работу: скачешь-скачешь весь день как угорелый, хе-хе-хе... Зато к вечеру все про всех понимаешь. И про эту страну, с позволения, сказать. И про тех, кто ей управляет.

Сбежал? Я не сбежал, я переместил активы на другой депозит. Более выгодный... во всех отношениях. Только бизнес, ничего личного. Помните это кино? Спросите у ветерана нашего, у Ворсотеева... он наверняка и его тоже смотрел. Он их все смотрел, даже порнуху! Он жив еще? Ну и гуд. Хороший дедушка. Ю мей хэв и ю мэй хэв нот, да? Спросите у Громеева, его в честь старика Хэма назвали... Эрни, хе-хе.

Застрелился? Глупо.

Глупо... Щ-щ-щит... Соу стьюпид, реалли. Хи воз э найс гай, ю ноу.

Не жалею? Себя? Я? Нет, абсолютно.

Понятно было сразу, что совок обречен. Мы пытались там что-то менять... Фиксинг финьгз... Я решал вопросы. Наводил движения. Что мог — сделал. Нет, не жалею, что переехал.

Вот внуки сейчас уже заправляют целой франшизой. Работаем с крупными инвесторами. Сенаторы, судьи, шеф полиции, мэр... Есть куда расти. Я даю советы как могу. Вы понимаете, что у меня есть чем помочь, хе-хе-хе...

Не я выбрал эту игру. Но игра есть игра. Гейм из а гейм, йеп?

Вот об играх. Я теперь живу как, знаете, в «Симс». Лужайка, барбекю, камин, ложки для смешивания салата, кленовый сироп, специальная дверца для кошки в нижнем отделе двери. Френдли нейборхуд.

Меня туда, в отдел Урманяка, перевели с Внешторга, в Союзоборонстрой, в его отдел. Как сейчас сказали бы, ай воз... это... эффектив кризис менеджмент. Надо было решать вопрос. Прикрыть, как это говорят у вас там, лавочку...

Но меня проект заинтересовал. Увидел в нем перспективы.

С экс-президентом? Не могу рассказывать, секретность. Конечно. Много раз. Подача хорошая у него. Если бы еще закручивал кисть, э литтл-бит, ю ноу, чуть-чуть...

Сам? Нет-нет, я играю только в гольф. С мэром и шефом полиции, вы угадали.

Голова побаливает. Стук-стук-стук-стук всю ночь. Но ничего, можно потерпеть... Барбитал. Флунитразепам. Прозак. Это того стоило, эм ай райт?

По морде ракеткой? Больно? Не сгущайте краски. Во-первых, можно привыкнуть. Надо мыслить более... абстракт, фри майнд. Это часть работы. Во-вторых тут, как я уже говорил, важна не сила удара, а поворот кисти.

В-третьих, что значит «по морде»? Даже наши совки сформулировали: субагент. Временный представитель. Если кто-то плюнет на автобус, в котором я еду, значит ли это, что он плюнул в меня? Ю гара би киддинг ми, мэн, хе-хе-хе.

Вот фор? Ага. Это все ради будущего. Мы делали это ради будущего. Фор зе бьютифул фьючер. Энд венчур инвестишинз, хе-хе. Стране нужны были перемены. Но кто-то должен был регулировать их. Контора с этим не справилась. Как она не справилась с Сахаровым и Бродским. Как она не справилась с бардами. С джинсами. С желанием людей дышать свободно... Невозможно задушить в людях стремление к гу-у-уд лайф.

Но я не жалею. Не жалею, нет. Они хорошие люди, конечно. Мы очень дружили, ездили пару раз на шашлыки вместе. Где-то под Барвихой, чья-то дача. Там теперь наверняка везде заборы под два метра и колючая проволока в три ряда, йеп?

Хорошие ребята. Но кого я обманываю? Они как это сказать по-русски... они, сори май френч, лузерс. Неудачники.

Каждый сам держит свою судьбу в руках. Знаете, вот как мячик. Скок-скок-скок. Тут важно не ошибиться в подаче. Сделай умную подачу — и сет за тобой.

Не надо так смотреть на меня. Кроме шуток. Мы старались. Мы делали все, что могли. Лично я делал. Я не виноват, что вышло то, что вышло. Я просто хочу, я всегда хотел, чтобы мои внуки жили вот как... вот как в игре «Симс».

Лужайка, дверь для кошки, барбекю, блять, ложки для смешивания кленового сиропа... Кевин любит динозавров, а у Рози отличные успехи в математике. Я читал ее сочинение по «Ватершип Даун» Адамса, и нашел там шутку про СССР, и ведь она просто не представляет себе... Не представляет себе ничего... Нихера они не могут себе вообразить даже...

Ну и что я хочу сказать? Ради этого, пожалуй, стоит угребываться мордой о корт двадцать четыре часа в сутки в течение двадцати пяти лет, разве нет?

Если вы считаете, что нет, я ударю вас клюшкой-драйвером прямо в лицо, как бы пытаясь выбить на триста метров.

Фак ю, энд фак йо факинг рашен патриотизм, энд йо совок кантри, дорогие мои, энд фак зе факинг ворлд, коз ю ноу... Пипл из пипл. Ворлд из ворлд. Ничего никогда не меняется. Как бы мы не старались.

Кстати... Я так и не сжег свой партийный билет. Вотэвер...

3. Софья «Барби» Багревская

У меня никогда не было личной жизни. Симпатичная девушка за 30, успешная карьера, вера в завтрашний день. В отделе одни мужики. Все заигрывали, но никто всерьез.

Потом я стала Барби.

Барби всегда хорошо выглядит. Всегда улыбается. У нее длинные загорелые ноги и розовый пеньюар с опушкой из страусовых перьев.

У нее есть свой Дом с розовыми обоями, у нее есть своя розовая машинка. У нее осиная талия, свой парикмахер и у нее есть свой Кен.

Я — Золушка-златовласка, мечта целого поколения. Даже мальчики не гнушались таким подарком, надеясь рассмотреть что-то, затаив дыхание, раздвинув безупречные пластмассовые конечности.

Что они там нашли? Очередную ложь мировой закулисы. У Барби есть парень, он купил ей дом и тачку, но ей нечем с ним епстись, оплачивая кредит.

Добро пожаловать в реальный мир, мальчики.

Идите лучше купите сотки с порнозвездами в нижнем белье. Если полижешь их языком, белье у них растворяется и можно посмотреть на сиськи.

Субагент может находиться в предмете не более суток, иначе — гарантированное сумасшествие. Никто не учитывал побочный эффект.

Мы закрываем глаза, мы ложимся спать... И мы снова в предмете. Как спастись? Дормиплант. Донормил. Пустырник...

Говорят, именно это сгубило Арсика и Эрни. Работа догоняла их во сне. Для меня работа и сон давно стали неотделимы. Я не хочу отделять их. Мне так уютней.

С Эрнестом у нас был роман, это правда... Но он был... Непростой человек, мягко говоря. Много пил. А после назначения... Это его и сгубило. Я не хочу говорить об этом. Еще он всегда слишком все драматизировал. С ним было трудно.

Я не люблю когда трудно. Я устала от трудностей.

Теперь я нашла себя. Я пишу для детей. Странные сказки. Говорящие фонари, куклы в цветных шапках, пряный ветер приключений, шепот сосен и скрип качелей, манекены с нарисованными улыбками и говорящие птицы, поцарапанные коленки и дробь веснушек на щеках... Романтика фэнтези, которую мы потеряли. Федя Завятский помогает пристроить в редакции. Критики даже хвалили пару раз. Иногда думаю о том, что Федя проплатил и им. И сразу стараюсь переключиться...

Я хочу, чтобы так и было. Чтобы так оставалось всегда. Чтобы просто. Как сейчас. Кажется, я, наконец, счастлива.

4. Арсен «Мафон» Царбумян

что такое осень это осень это мы идем рассыпая под ногами вихрь желтых листьев и в лужах разлетаются в дребезги все наши надежды и мечты и серп и молот тонут как груз на шее гришки распутина или кукурузника хрущева в плетеном кресле погружающимся в прорубь туда же куда спустили стеньку разина или колчака хуйчака или крейсера варяг или подлодки курск уходящего ко дну там за туманами вечно молодым вечном пьяным где в море тонет печаль и ели мясо мужики там уходят круизы в страну зонтиков в коктейлях и красивых пальм баунти райское наслаждение спросите у завятского спросите как ему это нравится осень вновь напомнила нам и себе и главное себе самой чтобы разбежавшись прыгнуть со скалы о самом главном напоминает нам всегда что это академики чешут плеши и погоны свистят в свисток и это песни осеннего рода это нам бы прочь от земли туда где утонуло все утонула наша страна

знаете это как цепь действительно громеев сука все правильно придумал мы цепь мы оцепление цепь она огораживает не пропускает но еще на нее мы звенья звено первое отдать честь флагу так точно звено второе отдать честь флагу трубит горн шею стягивает красная тряпица флаг медленно ползет вверх в голубому крымскому небу на губах пузырится теплая пепсикола это цепь на первый второй рассчитайся мы звенья цепи и можно посадить нас самих на эту цепь особенно вспоминаешь об этом ночью особенно ночью когда шуршит над головой как вампира черный плащ цепь порвалась звенья остались и ветер вновь играет рваными нашими мечтами а ответ на вопрос что же будет с родиной знает вероятно только товарищ ворсотеев старый дурак звенящий своими медалями или товарищ урманяк который придумал весь этот бред твои холодные пальцы пухлые груди сильные губы видно дьявол тебя целовал ведь я умираю когда меня кто-то лечит галоперидолом вся задница исколота шотами и эти рукава смирительного пеньюара длинные как у пьеро давай вечером с тобой встретимся на китайском говорить но в очереди к дежурной медсестре я успеваю посмотреть в окно и то что я вижу МКАД и все в нем говорит мне о том что ничего не изменилось что никогда ничего не меняется громеев был прав да только поздно поздно дети мои все дело в том что наша страна живет музыкой которая пишется кровью для того чтобы понравится нашей стране надо пролить эту кровь это знали пушкин гумилев и цой и хой и летов и хуермонтов и хуяковский и хуерький ты можешь скакать клоуном на проволоке или рычать медведем на цыганской цепи все будут хлопать и смеяться но запомнят тебя только тогда когда ты ляжешь поперек площадной брусчатки с простреленной головой или уйдешь в вечность под горной лавиной поправляя свитер крупной вязки и насмешливо адресуя потомкам так в чем сила брат и между прочим вчера ночью я летал в рай и все что я смог вынести оттуда что знаете там красивые облака

5. Эрнест «Акциз» Громеев

я следовал инструкции зпт я попробовал все зпт попробовал рояля зпт попробовал распутина зпт и он даже подмигивал мне вскл я попробовал все коньяки зпт текилы зпт текели-ли зпт водки зпт спирты зпт наливки зпт пастисы зпт пастиши зпт гиннесы зпт хуйгардены зпт но тут ничего не изменить тчк делайте с этим зпт что хотите тчк счастливо оставаться зпт дорогие товарищи псы вша и блоха тчк вы справились с заданием тчк мы нет тчк я наслушался и насмотрелся тчк теперь я видел все тчк я видел кубу и дальний восток зпт я мыл сапоги в индийском океане и метал решетом золотой бисер на лене зпт и на свете зпт и на марине тчк и что достигнуто впрсзн что удалось использовать впрсзн ничего тчк я бухал со всей страной зпт с каждым зпт я знаю что вам надо тчк мечтали в космосе зпт а полетели в хургаду тчк мечтали о счастье для всех разом зпт а лучше колбасу без очередей тчк у меня еще полбутылки буржуазного джони уокера и ждет старина макаров в ящике стола тчк успехов в труде вскл соня пламенный комсомольский привет вскл

6. Федор «Сникерс» Завятский

Ну так-то конечно, гребу даться. Если вспоминать...

У меня высшее юридическое образование, отец — замминистра... Какой-то другой человек вообще был. Но чего делать-то, была такая постановка. Раз я самый малой там в отделе. Только что с академии, уе-мое. Поэтому ставку делали что типа буду по-молодежной линии. Ну хэзэ, на самом деле, как получилось.

Что-то получилось. У меня своих три магазина. Ночной клуб. Бани.

Смекните сами, когда типа по триста раз за ночь кусают и жуют... Это не может не повлиять на это... как сказать... на социальное, сука, восприятие жизни. Хочется взять, на самом деле, и угребать. Каждому. Лично. С разворота с ноги по щщам. За страну, за поколение и чисто так... для разрядки.

Вот каждый раз то есть, приколи, он хомячит меня жвалами своими, урчит аж, как сытно, а я читаю что у него в голове.

А там че? Там пусто, епт. Там ничего нет. Взрыв вкуса нахрен... Съел и порядок.

Подувлекся марочками. Не-не, я не про лизергиновое барокко наше лядское отечественное. Я про, натурально, марки. Знаете, какие ценятся? Типа вот ей сто лет в обед, там какой-нибудь кайзер или император на лицевой морде. А у нее зубцы обломанные если, и клеевой слой с обратной стороны поврежден — то че тогда? То стоимость приравнивается к стоимости пересылки. Типа дешевка. Я вот думаю мы все такие... В том смысле, что нибуя не дешевка, за это готов ответить строго. Но зубцы пообломали нам конкретно. И клеевой слой... Что типа держало, да? Типа связывало нас с чем-то нашим исконно-сука-посконным. Это все потеряли. Через это и страдаем.

Так-то пох... Че мне? Бывал на терках, разборках, бывал на сходах и расходах. Многажды, братка. Кожанки, треники, балаклавы, акашки сорок седьмые, тэтэшки, после уже хеклеркохии всякие ингремы, импорт наладился... Моя стихия, бля. Знаю все это изнутри типа. Ну че, покуролесили нормалец. Никто даже и не заметил какбы. Снова живем и дышим. Страна наша непобедима, оттого что стойка. Не знаю, что еще сказать вам. Наверно, у Урманюка нашего был какой-то свой план. Типа как знаете у индейцев этих гребучих в штатах, или там, бля, у пигмеев в Африке. Такие тотемы... Вот мы эти тотемы стали потипу. Он думал мы ухватим суть, поможем типа...снизить ущерб. Не знаю... Хотя бы на время.

Каждую ночь жуют и пережевывают. Что помогает? Белый, спиды, шмаль... Ладно... Люди, бля... Хуль с них взять?

«Цепочка»... Выдающийся, ептваю, проект был. Сблизил меня с моим народом. Если увидите Урманяка — нассыте на него. Впрочем... Ему это наверное понравится. Все. Валите отсюда.

7. С. И. Урманяк («Фикус»)

Убили меня под Ханкалой, в 95-м. Вертолет уже пошел на снижение... И тут прямо в топливный бак прилетело. Полыхнуло, как на масленицу... Работали зрк «Игла».

Ничего не почувствовал. В Бурденко в реанимации неделю пролежал, как потом рассказали. Когда стало понятно — что все, писец, загрузили — куда подвернулось. В Знаменске-четвертом оставался еще прототип. Подвезли его в Москву.

Надо было выбрать предмет для загрузки субагента. Подвернулся фикус в кабинете зама. До сих пор кажется, что это чья-то злая шутка. Но я их не виню. Я многим стал поперек горла.

Слишком много мечтал.

С кем общаюсь? Не с кем. Жена, Зина — покойница. Дочка Настя, у самой скоро внуки будут. Эмигрировала по месту жительства мужа. Черногория... Русское средиземноморье. Скучаю? Конечно. Но что поделаешь...

Как общаемся с сотрудниками? Ну, я им веточками машу. Как моряк флажками.

Иногда смеюсь про себя: вот мол, кассетные видаки ушли в прошлое, сникерсы не выдерживают конкуренции на рынке, вместо барби какие-то фарби-хуярби, всякие энгри бердс на планшете. Смартфоны... Предметный мир подменяет себя цифровым. Вместо бумажных книжек какая-то электронная херня. Все с монитора. Жизнь с монитора. Можно скачать приложение на смартфон чтобы ты когда нажимаешь на клавиши, набирая текст, он звучал, как работающая пишущая машинка. Разве не кабздец, товарищи? Не туда нас загрузили...

Что-то мы не докрутили... Что-то мы самое важное про себя не успели понять.

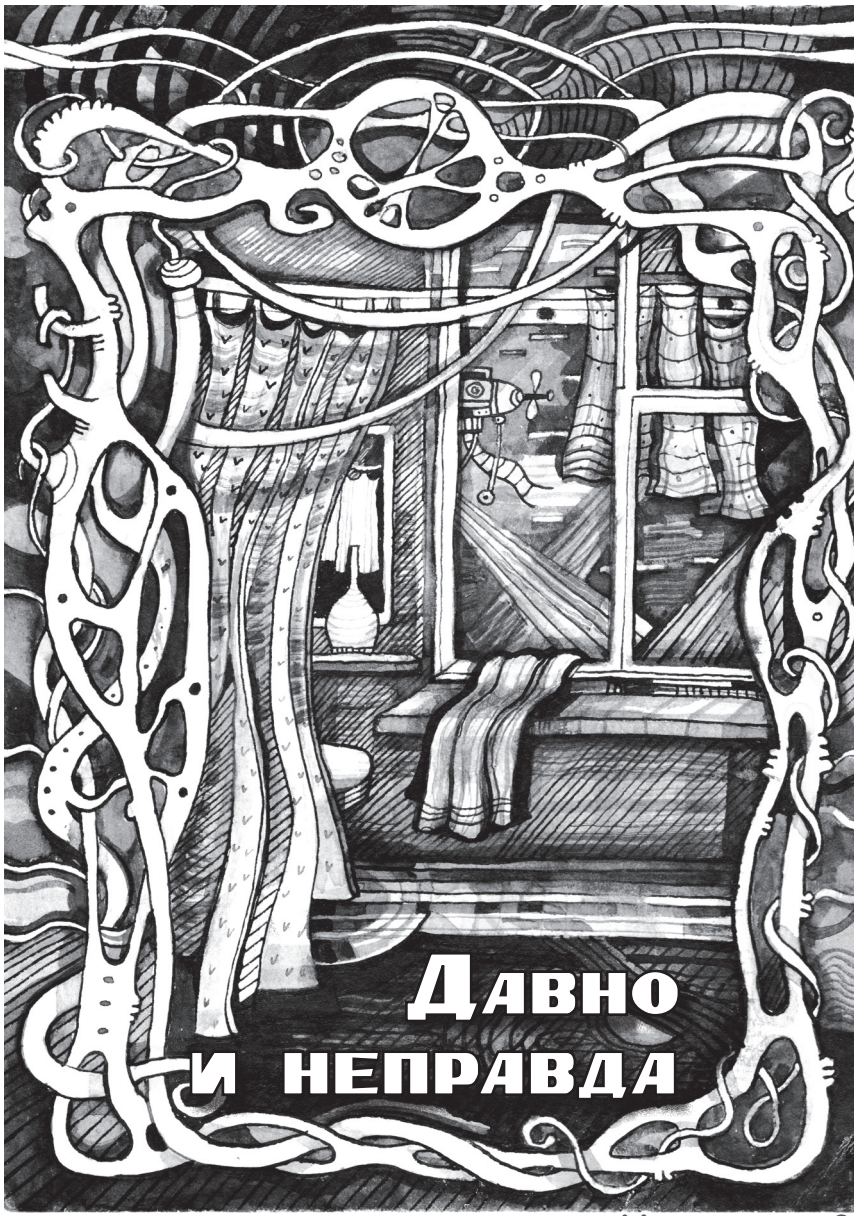
Федька пошел по кривой тропинке. Моя вина. Сонька витает в своих мечтах, говорят стала успешная писательница детской литературы. Эрнест... Арсен... на моей совести. Про Валерку ничего не скажу. Не могу осуждать. Ворсотеев заходил недавно проведать. Постоял-помолчал, лысину промокнул платком... Старенький совсем, с палочкой... Ничего не сказал. Вышел.

Даже он... Даже он...

Фикусы у нас в каждом госучреждении. По-прежнему. Разлапистые, пыльные и молчаливые. Что со мной сделается при такой расстановке? Неважно. Не пропаду.

Ребят жалко. Надеюсь, у них все будет хорошо. Надеюсь, у них все наладится. Мне-то самому что. Я-то справлюсь. Единственный в стране фикус в звании генерал-майора госбезопасности. Главное, чтобы секретарша не забывала поливать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ



Или правда?

Джон Кэмпбелл
НОЧЬ

Впервые рассказ был опубликован под псевдонимом Дон А.Стюарт (Don A. Stuart) в журнале «Astounding Stories» № 10, 1935.
Перевод А.Лидин

Кондон замер, глядя через стекла бинокля, при этом лицо его было напряжено, а все внимание сосредоточено на маленьком пятнышке, искрящемся бесконечно далеко в синем небе. Губы его дрожали, и он рассеянно повторял раз за разом:

— Боже мой! Боже мой!..

Неожиданно он вздрогнул и посмотрел на меня сверху вниз.

— Он никогда так не спускался, Талбот. Он никогда так не спускался...

Я тоже это знал. Однако мне ничего не оставалось как улыбнуться и ответить:

— Не стал бы утверждать стол безапелляционно. В любом случае, я боюсь за него. Что там случилось?

Майор Кондон весь дрожал. Его рот скривился в ужасной гримасе, прежде чем он вновь обрел дар речи.

— Талбот... Я боюсь... Ужасно боюсь. Ты же понимаешь... Ты же его ассистент... Ты же знаешь, он пытается победить гравитацию. Люди не предназначены для этого... Это неправильно... Неправильно...

Майор вновь уставился на пятнышко, оставаясь все таким же напряженным и по-прежнему невпопад повторяя:

— Неправильно... Неправильно... Неправильно...

Неожиданно напрягся, замолчал. Дюжина техников, стоящих на удаленной аварийной площадке, замерла. А потом майор рухнул на землю. Удивительная слабость для офицера с медалью «За выдающиеся заслуги». Я не остановился помочь ему, потому что знал: в самом деле что-то случилось.

Далеко в небе сверкала маленькая оранжевая искорка... там, где почти не было воздуха и необходимо носить костюм для полетов в стратосфере. Широкие оранжевые крылья летательного аппарата слабо мерцали на жемчужно-серым фоне. Но без сомнения летающий аппарат падал. Медленно скользил вниз по кругу, постепенно входя в штопор.

Ужасно. Летающей машине потребовалась почти минута, чтобы, потеряв управление и устремившись к земле, пролететь первую милю, и это, не смотря на скорость. В самом конце аэроплан вошел в настоящий штопор. При этом мотор машины ужасно завывал. Это был жуткий, смертоносный полет — словно гроб несся к земле на скорости большей чем пятьсот миль в час.

Земля вздрогнула от этого страшного столкновения. Но еще до того, как аэроплан врезался в землю, мы вскочили в машины и помчались к месту катастрофы. Я был в машине с Джеффом — лабораторным техником. Двигатель джипа взвыл, и мы быстро набрали скорость километров

в семьдесят. Покинув стартовое поле, мы нырнули в мелкую канаву и потом вылетели на дорогу — пустынную, бетонную дорогу, которая вела к том направлении, где аэроплан должен был врезаться в землю. Двигатель взревел, когда Джефф выжал акселератор. Смутно я слышал грохот большого автомобиля майора, который несся следом за нами.

Джефф гнал машину, словно сошел с ума, но никто, казалось, этого не замечал. По бетонке мы разогнались до девяносто пяти миль в час, может и больше. От встречного ветра у меня заслезились глаза, так что я не мог быть уверен, видел ли я хвост огня и пламени позади аэроплана. При падении от трения могли загореться баки с дизельным топливом... только этот летательный аппарат такое топливо практически не использовал, лишь для набора высоты. Теперь же баки его должны быть пусты — аэроплан должен был выработать все горючее при подъеме, а спускаться собирался планируя. Мотором у него была антигравитационная катушке Картера.

Наш джип свернул на грунтовую дорогу, протянувшуюся через широкую равнину, и ветер вновь засвистел вокруг. Далеко впереди я увидел проселочную дорогу, ведущую к месту падения. Мы тормознули, и машину занесло под скрежет шин. Как бы мы не спешили, по грунтовке, несмотря на все усилия мотора, больше чем шестьдесят пять не выжать.

Джефф резко свернул на коровью тропу, взвыли рессоры. Мы стали притормаживать, когда оказались в четверти мили от аэроплана. Он упал между огороженной частью пастбища на лесной опушке. Выскочив из джипа, мы, словно медалисты бега с препятствиями, перемахнули через забор и помчались к обломкам аэроплана и замерли разглядывая то, что недавно было «экспериментальным летающим аппаратом».

Присоединившийся к нам майор был спокойным и бледным. Я тоже был спокойным и, возможно, тоже бледным как мел. Я вытер со лба холодный пот. Я чувствовал, что весь с ног до головы покрыт потом, аж ручеек тек вдоль позвоночника. Крепкая стальная машина ушла в землю на глубину восьми или девяти футов, разметав почву и камни, словно это жидкая грязь.

Крылья валялись на другом конце поля, плоские, скрученные куски дюралевого сплава. Раньше фюзеляж летающего корабля имел великолепный силуэт, но теперь, ударившись о землю, он развалился на куски. Верхняя часть, где были расположены индукционные катушки из висмута, превратилась в бесформенную смесь разодранных проводов. Внутри машина была разбита, раздавлена, разорвана, точно так же, как и её корпус. Задняя часть экспериментального двигателя — тяжелый нагнетатель, напоминающий наковальню — был разломан, он раскололся, развалившись на несколько кусков. Ни одна деталь машины не осталась на своем месте в этой адской мешанине.

Подбежав к обломкам, я в первую очередь заглянул в кабину, где должно быть красное месиво — то, что раньше было человеком, — только ничего похожего там не оказалось. Пилота просто не было. Он не покидал самолет. Был безоблачный день, и мы бы сразу увидели падающее тело... Только вот кабина оказалась пуста. Мы тщательно её осмотрели. Пришел фермер и другие зеваки. Столпившись поодаль, они обменивались

впечатлениями. Потом приехало еще несколько фермеров на старых, ветхих автомобилях с женами и их семьями и тоже стали пялиться на обломки.

Мы отправили владельца земли в город, и вскоре он вернулся с рабочими и грузовиком с прицепом. К тому времени уже начало смеркаться. Но мы не стали делать перерыв на ночь, работы продолжались до утра, и только когда начало светать, мы поспешили прочь. Потом пятеро из нас: майор военно-воздушных сил, Джефф Родней, двое из корпорации Дугласса, никогда не мог запомнить их имен, и я — так вот, все мы собрались в нашей комнате: моей, Боба и Джеффа. Мы просидели там несколько часов, пытаясь припомнить каждую мелочь, каждую деталь, пытаясь объяснить то, что произошло.

А потом раздался телефонный звонок. Я встал и ответил. Странный, неприятный голос равнодушно поинтересовался:

— Господин Тэлбот?

— Да.

Звонил Сэм Гантри — фермер, которого мы оставили дежурить на месте аварии.

— Тут какой-то человек появился.

— Да? И что он хочет?

— Не знаю. Я не понимаю, откуда он появился. Он то ли мертв, то ли без сознания. Он в костюме летчика и на голове у него стеклянный шлем. Выглядит он каким-то синим... Так что думаю: он мертв.

— Господи! Боб! Вы пробовали снять шлем? — взревел я.

— Нет... Нет... Нет... Сэр. Мы не трогали его.

— Его кислородные баллоны должны быть пусты. Послушайте: возьмите молот, гаечный ключ, все что угодно... и разбейте переднюю стеклянную панель его шлема! Быстро! Мы скоро будем!

Джефф уже вскочил. Майор поднялся вместе с остальными. Я схватил полупустую бутылку виски и нырнул в чулан. Прихватив кислородный баллон под мышку, я запрыгнул в джип, и Джефф рванул с места. Сходу набрав скорость, он так и не сбрасывал её до конца ночной поездки.

Мы неслись к месту катастрофы сломя голову, так что нас бросало из стороны в сторону. Джефф отлично знал дорогу, и мы даже не притормаживали на поворотах. На этот раз он рванул прямо через проволочное ограждение. Фара разлетелась. Раздался скрежет рвущейся проволоки, прочертившей узор царапин на капоте джипов. И мы, подпрыгивая, понеслись через поле.

На земле стояло два фонаря. Еще три фонаря были у фермеров, собравшихся на поле. Несколько человек присело рядом с неподвижной фигурой в фантастическом раздутом скафандре для полета в стратосфере. Когда наш джип тормознул, его занесло и мы, словно горошины из стручка, высыпали из машины. У меня в одной руке была бутылка виски, в другой — кислородная подушка.

Лицевая панель шлема Боба была разбита, но кожа его имела синеватый оттенок и пошла пятнами, на губах выступила пена. Длинная царапина на щеке — след от разбитого стекла — медленно наливалась кровью. Майор

ничего не говоря приподнял голову пилота-испытателя, и осколки стекла зазвенели внутри шлема. Потом майор попытался влить немного виски в горло несчастного.

— Подождите, — остановил я его. — Майор, давайте лучше сделаем ему искусственное дыхание. Это быстрее приведет его в себя...

Майор кивнул и поднялся, кривясь, стал растирать руки.

— Костюм его очень холодный! — пояснил майор. Я поднес загубник кислородного баллона к лицу Боба и открыл вентиль, стараясь держать загубник так, чтобы поток чистого кислорода бил прямо в рот бедняги.

Через десять секунд Боб закашлялся, а потом несколько раз глубоко, судорожно вздохнул. Когда его легкие наполнились кислородом, его лицо почти мгновенно стало розовым.

А потом, вновь закашлявшись, он попросил:

— Помогите мне сесть.

Мы усадили его, потом он с трудом поднял руку и помахал нам.

— Теперь со мной все в порядке, — объявил он.

— Слава богу... Но что же с тобой случилось? — спросил майор.

Боб не отвечал. Минуту он сидел молча. Взгляд у него был странным — голодный взгляд, так по крайней мере мне показалось. Потом он посмотрел на деревья, которые темнели у него за спиной, перевел взгляд на людей, столпившихся возле фонарей, и в финале, запрокинув голову, уставился на мириады звезд, которые сверкали, танцевали и поблескивали у него над головой в ночном безоблачном небе.

— Я вернулся, — тихо выдавил он. А потом неожиданно вздрогнул и со страхом огляделся. — Но... я должен быть... тогда... тоже...

А потом минуту, не отводя взгляда, он смотрел на майора, и наконец едва заметно улыбнулся и, повернувшись к парочке из Дугласс инкорпорейтед, начал свой рассказ...

* * *

Вначале с аэропланом было все в порядке. Я стартовал и поднимался на обычном дизельном двигателе, пока не оказался на безопасной высоте, где воздух уже был достаточно разряженным и поле, которое создавала машина, не могло воздействовать на объекты на поверхности Земли... Боже! Поверхности Земли!.. Правда я не знал, насколько далеко распространяется это поле — двигатель ведь был экспериментальным и запускать его на стенде в ангаре было равносильно игре в русскую рулетку... На высоте в сорок пять тысяч футов я решил, что нахожусь в полной безопасности. Тогда я выключил дизельные двигатели, тем более что указатель топлива уже стоял на нуле. Тишина поразила меня. Такая тишина!..

Потом я запустил двигатель,-генератор и электрические катушки загудели, разогреваясь. А потом...

Удар поля оказался страшным... На мгновение меня парализовало и не было никаких шансов разорвать цепь, отключив экспериментальный генератор... Хотя я сразу понял, что-то пошло не так... В схему закралась ужасная ошибка. И я вынужден был сидеть в кабине и наблюдать, как

индикаторы показывают совершенно невозможные данные... И еще... Я отлично понимал, что только сам смогу себе помочь, но прежде чем я сумел что-то предпринять дела пошли еще хуже.

Стоило мне потянуться вперед, как катушки начали исчезать — они бледнели, становились призрачными, нереальными и исчезали одна за другой. А когда машина и вовсе растаяли, я на мгновение увидел синее небо. Потом, словно со стороны, я увидел, как самолет падает, и свет померк, так как Солнце, подобно ракете, пролетело по небу и исчезло.

Не знаю сколько я находился в странном состоянии, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Вокруг меня была только пустота: ни тьмы, ни света, никаких звезд...

Наконец окружающее стало обретать подобие реальности, Пустоту сменил странный красный свет. Я падал... Я подумал о сорока пяти тысячи футах и твердой поверхности Земли и замер, скованный ужасом. Я приготовился умереть... и в тот же миг приземлился в огромный белоснежный сугроб, подкрашенный алым светом, который освещал этот мир...

Холод. Он впился в меня, словно клык дикого зверя. Это был настоящий холод. Смертоносный холод. Он ножом прошел через толстый утепленный костюм для полетов в стратосфере и так полоснул по телу, словно я был в чем мать родила. Я дрожал так сильно, что едва смог вывернуть вентили обогрева на максимум. Вы знаете, что в этом костюме для борьбы с холодом есть контейнеры со спиртом и каталитические сетки, потому что любые электрические приборы могли создать магнитные поля, которые, в свою очередь, могли повлиять на генератор.

Тогда я поблагодарил самого Господа Бога за подобную предусмотрительность. Я пониал только что попал в странное место, где страшно холодно и пустынно. А потом я неожиданно осознал, что небо надо мной совершенно черное. Чернее, чем тьма ночи, и еще... Снежное поле протянулось до самого горизонта — равнина, залитая кроваво-красным светом, и моя тень легла темно-красным пятном у моих ног.

Я обернулся. С трех сторон поднимались низкие холмы, заваленные снегом и расцвеченные красным. С четвертой стороны... Там через всю равнину протянулась стена — стена, которая могла посрамить Великую Китайскую стену. Была она кроваво-красной и блестела, словно отлитая из металла. Она протянулась от горизонта к горизонту, и я мог хорошо её рассмотреть, хотя до неё было несколько сотен футов — воздух казался совершенно прозрачным. Я выкрутил горелки своего костюма на максимум и почувствовал себя много лучше.

Тут что-то заставило меня повернуть голову, и я замер. Я уставился на Солнце и сглотнул. Оно было в четыре... да что там, в шесть раз меньше Солнца, которое я знал. Оно не садилось. Оно застыло в сорока пяти градусах над горизонтом. Кроваво-красное. И мое лицо, когда я повернулся к нему, пусть даже и защищенное стеклом шлема, не ощутило никакого тепла. Лучи этого солнца не грели.

Вначале мне и в голову не приходило, что я мог покинуть Землю, оказавшись на другой планете, но теперь я засомневался в том, что все

еще нахожусь на родине. Должно быть это была другая планета, другая звезда... Замороженная планета... Планета, где воздух обратился в снег. В какой-то момент я был совершенно в этом уверен. Замороженная планета мертвой звезды.

Уставившись в небо над головой, я удивился тому, что на черной чаше небес можно было разглядеть всего три десятка звезд. Тусклые красные звезды, и одна единственная звезда, которая сильно выделялась из-за того, что сверкала очень ярко — желто-красная звезда, много ярче Солнца, — настоящее чудовище. Это был другой... мертвый... космос. Если снег и в самом деле был замороженным воздухом, то единственная атмосфера, которая могла тут существовать: атмосфера из неона и гелия. Тут не было туманной дымки, чтобы рассеять блеск звезд. Тусклое красное Солнце не могло приглушить их свет. Выходит, и звезды исчезли.

В этот миг я окончательно пришел в себя. Я был страшно напуган.

Напуган? Да, настолько, что чуть не обмочился. Только тогда я понял, что никогда не вернусь. Я снова ощутил холод и осознал, что могу умереть, если не вернусь раньше, чем в моих кислородных баллонах закончится воздух. Но беспокоиться нужно было не об этом. Кислород — всего лишь еще один ограничитель, установленный на бомбе замедленного действия...

Однако тогда думал о другом. Я пытался найти ответы на многочисленные вопросы, крутившиеся у меня в голове. Неожиданно я осознал, что все ещё на Земле... Так оно и было. Это была Земля. А над головой у меня сверкало старое Солнце. Старое... Старое Солнце. Видимо двигатель летательного аппарата исказил не только потоки гравитации. Мой разум был холоден и работал как часовой механизм.

Если же это и в самом деле была Земля. то тогда выходило, что машина перенесла меня на безумное расстояние во времени. Солнце мертво. Земля мертва. В наше время Земле уже исполнилось около двух миллионов лет. И за все это время Солнце почти не изменилось. Но сколько времени прошло с тех пор? Теперь Солнце оказалось мертво. Звезды были мертвы. Так что я решил, что от моего настоящего времени меня отделяет биллион биллионов лет. Однако, боюсь, я недооценил этот временной интервал.

Мир был старым... старым... старым... Сами камни излучали ауру сокрушительного, невероятного возраста. Мир был старым, старше чем... Мне даже сравнения не подобрать. Обычно мы сравниваем возраст с возрастом гор. Но что такое возраст гор? Горы поднимались, превращались в равнины, снова вставали пиками... И так миллионы миллионов раз! Мир старый, как звезды? Нет. Так тоже сказать нельзя... Звезды мертвы...

Я снова посмотрел на металлическую стену и отправился к ней. Её аура древности буквально омыла меня, потащила к себе, как магнит. Я попытался воспрепятствовать этому зову, потому что предо мной был мир, где и вовсе не было никакого движения. Лишь ледяной ветер тонко беспрестанно скулил над безжизненной равниной, и тащил меня призрачными руками...

В итоге я все-таки направился в сторону стены. Я не мог мыслить ясно, потому что аура мертвой планеты давила на меня. Давила своим возрастом. Сами звезды умирали у меня на глазах или уже умерли. Они ютились в межзвездном

пространстве, словно старики, сбившиеся в кучки, чтобы сберечь последние крупицы тепла. Галактика сжалась. Она стала крошечной, диаметром не более тысячи световых лет. Расстояния между звездами теперь насчитывали мили там, где раньше были световые года. Великолепная, гордо расползающаяся вселенная, которая раскинулась на миллион миллионов световых лет, разбрасывающая лучистую энергию в пространство... все это исчезло.

Вселенная умирала... Умирающий жмот, который выбрасывал остатки энергии в ставшее поистине крошечным межзвездное пространство. Сама вселенная казалась сломанной и разрушенной. Тысячи миллиардов лет назад космические постоянные были исключены из этой вселенной. В этой Вселенной не было галактик, кружащихся с огромной скоростью. Это была вселенная обломков, погруженных в бездонный океан одиночества и холода. И не так много времени должно было пройти прежде чем эти обломки исчезнут и воцариться вечный мрак.

Что-то случилось с этим миром. Но так давно. что даже воспоминания об этом событии исчезли. Единственное, что осталось, так это гравитационная постоянная, сила, которая притягивает массу друг другу. А галактика, постепенно сжимаясь, превратилась в старую усохшую мумию.

Свет Солнца стал холодным. А его красный оттенок заставлял окружающий мир выглядеть еще старше. В этом мире не было ничего молодого. Меня можно было не брать в счет. Порывы ледяного ветра и хруст «снега» под ногами, звучали как тщетный протест, обижаясь на мое вторжение.

Я брел дальше и дальше, но металлические стены ничуть не приближались, словно это был мираж ледяной пустыни. Но я уже был слишком поражен возрастом этого мира, чтобы удивляться. Я просто шел вперед.

Когда я подошел ближе, полированный блеск стены исчез и последние мои надежды погибли. Несмотря ни на что, я все-таки надеялся, что кто-то может жить за этой стеной. Существа, которые смогли построить такое сооружение, могли выжить даже в таком мире. Поэтому я, не в силах остановиться, брел дальше и дальше. Вблизи стало видно, что стена во многих местах потрескалась и обвалилась. Это оказалась даже не стена, а несколько разбитых стен, которые издалека выглядели, как единое сооружение.

Тут не было смены времен года, чтобы состарить камни, только слабые холодные ветра, которые несли частички неона и гелия, инертных веществ, которые сами по себе не вызывают коррозии. Город, лежавший за стенами, был мертвым биллионы лет. Этот город лежал мертвым период времени в десять раз больший, чем сейчас возраст нашей планеты. Но ничто не смогло уничтожить его. Земля была мертва — слишком стара, чтобы на ней сохранился хотя бы крошечный огонек жизни. Воздух замерз, и ничто не могло вызвать коррозию металла.

Сама вселенная умерла. Тут не было космического излучения, которое могло уничтожить сооружения, бомбардируя их атомными частицами. Что-то, возможно, последний из странствующих в пространстве астероидов, случайно рухнув на Землю, разворотил часть стены. Я прошел через эту брешь, вступив в город, который покрывал снег — мягкий, белый. Огромное красное солнце висело в небе в том же месте, где раньше,

не сдвинувшись ни на градус. А это означало, что Земля давным-давно перестала вращаться вокруг оси...

Я бродил по мертвым садам. Именно они убедили меня, что я в самом деле в городе людей на Земле. Тут были замороженные останки растений. Видимо, они умерли в один миг, захваченные врасплох одной из последних бурь Земли, случившейся десятки миллиардов лет назад...

Я шел дальше и дальше. Город казался бескрайним. Огромным. Он простирался до самого горизонта... Безжизненный... Машины... Машины повсюду. И машины тоже были мертвы. А я шагал вперед в надежде, что где-то отыщется немного света и тепла. Я не мог определить, когда смерть взяла этот город под свое крыло. Благодаря объятиям страшного холода мертвые растения выглядели свежими.

В городе было много темнее. Свет солнца, висящего над горизонтом, загораживали многочисленные здания и постройки. Мне казалось. что я спускаюсь все ниже и ниже, и вскоре оказался много ниже уровня ледяной равнины. И чем дальше я шел, тем меньше и меньше было вокруг снега. Наконец он вовсе исчез.

Машины, которые я видел, были далеко за пределами того, что мы могли бы вообразить — совершенные машины, которые, судя по всему, могли не только самовосстанавливаться, но и самовоспроизводиться. Они могли делать дубликаты самих себя и дублировать другие, машины необходимые, для того, чтобы им существовать вечно.

Но их создатели не смогли предусмотреть случившееся. И без того город, который они спроектировали, и машины, которые они построили, просуществовали еще миллионы лет, после того, как ушли в небытие последние люди. Должно быть, эти строители и конструкторы очень смутно представляли будущее и видели его совсем не таким. Но теперь Земля умерла, и Солнце умерло, и даже сама Вселенная стояла на грани смерти.

Холод убил машины. Все они имели нагревательные устройства, которые были предназначены для поддержания нормальной температуры, несмотря на любые погодные перепады. Но в каждой электрической машине есть сопротивления баланса, индукционные катушки, конденсаторы... И холода, становившиеся с каждым столетием все сильнее, погубили их. Несмотря на обогрев, холод со временем отвоевывал одну позицию за другой и в конце концов уничтожил внутренности супермашин. Сверхпроводимость и отсутствие трение — инженеры не смогли всего предусмотреть. А ведь сопротивление и трение — основа основ, то что удерживает болты и останавливает машины при необходимости...

От холода изменилось электрическое сопротивление деталей и удивительные машины остановились, потому что не осталось деталей, чтобы заменить поврежденные. А стоило их заменить, новые тут же выходили из строя. Должно быть прошло много месяцев или даже лет в этих бессмысленных заменах, прежде чем машины сдались и остановились. Холод победил их, обошел защиту, которую в более теплые времена возвели против него инженеры.

Машины не взорвались. Я нигде не видел разбитых машин. Они просто остановились, когда больше не смогли бороться с собственными

дефектами. А новая энергия, новые детали так и не поступили. И больше эти машины никогда не заработают...

Я пытался прикинуть, сколько они работали сами по себе, сколько времени прошло с того момента, как они отключились, сколько — с того момента, как исчезли люди, которые нуждались в этих машинах. Ведь был тот момент, когда в огромном городе осталось всего несколько человек. Сколько лет прошло после того как ушел последний человек, работали совершенные механизмы?

Я бродил, стараясь увидеть как можно больше, прежде чем покинуть это место. Бродил по мертвому городу. И повсюду я видел, маленькие автономные, моющие машины, которые раньше содержали город в идеальной чистоте, беспомощно застывшие, скованные вечностью и холодом. Они, должно быть, функционировали до последнего, пока центральная электростанция не исчерпала свой ресурс.

Я нашел те места, где город впервые коснулась разруха. Там собрались неподвижные ремонтные машины, которые так и не смогли закончить ремонтные работы, до конца убрать мусор на грузовые платформы. Новые балки и плиты были лишь частично сгружены с платформ. Смертельные раны города так и не были вылечены.

Наконец я отправился обратно. Это была длинная прогулка, бесконечная, мили и мили по пандусам мимо мертвых домов, магазинов и ресторанов. Тут и там замерли неподвижные легковые автомобили.

Вверх и вверх к замершим садам, жестким и хрупким в замороженном виде. Разрушенные крыши должны были вызвать волну холода, и листья так и остались зелеными, покрытыми белой изморозью. А разбитое стекло было хрупким, зеленым и совершенным на ощупь. Цветы до сих пор оставались прекрасными, хоть и навсегда мертвыми...

Вы хоть раз находились рядом с мертвым человеком? Со мной подобное происходило. Я как-то был у соседей, когда их дед умер прямо у меня на глазах. И вышло так, что мне пришлось просидеть в комнате с мертвецом несколько часов...

И вот сейчас мне тоже пришлось оказаться один на один с трупом. Трупом целого мира в мертвой вселенной, где тишина воцарилась много тысяч лет назад, и только мой приход потревожил призраки умерших, если не считать ветра мертвых газов. Теперь я никогда снова не смогу называть их инертными.

Я знаю, что это — мертвые газы, мертвые газы мертвых миров.

А с вышины умирающие звезды взирали на умирающий город. Я не мог больше оставаться там. Я направился мимо зданий блестящего металла, в стенах которого отражалось тусклое, кровавое солнце. Но даже там, казалось, не было ничего «живого». Снова я увидел следы того, как, верные приказам своих хозяев, машины, пытались восстановить себя, чтобы служить своим хозяевам, которые погибли много миллионов лет назад. Я видел повсюду замершие ремонтные машины, которые так и не смогли совладать со своим главным врагом — временем.

Хотя все это лишь игра слова. В этом городе умерло само время. Оно погибло вместе с городом, планетой, Солнцем и Вселенной, которые само же погубило.

Эти машины старались работать и дальше, но им не удалось. И второго шанса у них не будет. Бессмертные машины были мертвы. Парадокс, не так ли?

Я прошел мимо них, двигаясь к окраине города. Я проходил мимо заброшенных магазинов... В какой-то миг я заглянул в один из них, решив узнать, чем же торговали перед смертью мира.

И тут я чуть не закричал, так как сквозь костюм услышал какой-то шорох. Я видел, как одна машина дернулась дважды, а потом рухнула. Не думаю, что энергия осталось в ячейках памяти этой машины, хоть она и была столь сложным механизмом, что для меня была за гранью воображения. Дернувшись при моем приближении машина окончательно погибла. Но это заставило меня пулей выскочить из магазина...

Этот механизм «умер» у меня на глазах. Но как это не парадоксально звучит, я стал еще более любопытным. Я вновь подумал об ассортименте магазинов этого далекого будущего. Однако теперь у меня появилась надежда, что в этом месте где-то должна остаться неиспользованная энергия, ведь тут хранилось невообразимое. Я огляделся повнимательнее, и тут увидел экран в одном из офисов. Я подумал, что это экран. Больше всего он напоминал телевизор странного вида. Подобравшись к нему, я осторожно коснулся экрана. И тут раздался звук! Мягкий, гудящий звук.

Этот экран должно быть был соединен с центральным офисом, где в энергетических ячейках еще остались остатки энергии. Там, где-то хранился неприкосновенный запас энергии для безнадежного ремонта давно погибших силовых машин.

В этот миг в глубине моего сердца вновь зародилась надежда. Возле экрана «телевизора» располагалось множество непонятных кнопок и циферблатов... Но в самом деле существовала ли надежда?

Вот тут я замер. О какой надежде я грезил? Город был мертв и мертв уже очень долго. Вся планета была мертва. С кем мог соединить меня этот монитор? На всей планете не осталось ничего живого, что могло бы ответить на мой вызов.

Я мог смотреть на вещи проще. И как... как я мог бы определить нужный номер? С другой стороны, почему я посчитал что диск, на котором по кругу были выгравированы какие-то девять символов и стрелка — указатель система управления связью? Теперь указатель указывал на первый символ.

Действуя неуклюже из-за перчаток, я коснулся одной из маленьких кнопок с символами, инкрустированных в металл. Неожиданно раздался щелчок и экран включился. Перед экраном в воздухе появилась трехмерная сфера, и она, завораживая, медленно вращалась у меня перед глазами. Тут я чуть не упал, неожиданно осознав, что происходит. Указатель был селектором! Всего девять. Я нажал кнопки одну за другой и вскоре передо мной в воздухе плавали девять сфер.

Тут я остановился и призадумался. Девять сфер. Девять планет. И Земля была первой в этом списке — странная планета для меня. но я узнал её по размеру и по положению.

Так может где-то все-таки осталась жизнь? На одном из этих девяти миров?

Только вот где? Меркурий... планета, ближайшая к Солнцу? Нет. Солнце мертво и даже на Меркурии слишком холодно. К тому же Меркурий слишком мал. Я знал... более того, я был уверен, что у меня только один шанс. После этого те крохи энергии, что еще оставалось в коммуникационной системе, иссякнут и тогда... Видимо тут использовали ток высокой частоты, а в самом аппарате конденсаторы и катушки индуктивности. Поэтому холод особо их не затронул. Это не огромные машины, которые работали на постоянном токе.

И всё же с кем мне связаться? Юпитер? Слишком большой... А потом я нашел решение. Холод разрушил машины, сделав их идеальными проводниками. А все потому, что они не были предназначены для борьбы с космическим холодом. Но машины, если таковые существовали, к примеру, на Плутоне, должны быть изначально разработаны для таких условий... Там всегда было холодно.

Тогда я обратил все свое внимание на Плутон. Он стал моей единственной надеждой. Но какая из сфер соответствует Плутону? И как они меня поймут? Да и существовали ли эти «они»?

Нужно было как можно скорее решить эту задачу, пока энергия не иссякла. Что-то подсказывало, что при столь сложной системе связи должен существовать какой-то проводник... Рядом с экраном был небольшой пультик, на котором было двенадцать крошечных кнопочек, сгруппированных в четыре ряда по три кнопки. Я решил, что тут использована двенадцатеричная система.

Представьте себе проблемы межпланетной коммуникации! А проблема была в том, что человек-анахронизм в мертвом городе, на мертвой планете искал, сохранилась ли где-то, хоть какая-то жизнь.

На том же пульте располагалось еще две кнопки, в стороне от остальных двенадцати — одна зеленая, одна красная. Снова я задумался. Возле каждой кнопки было множество символов. Так что я вначале перевел стрелку на Плутон, а потом на Нептун. Плутон был много дальше, но и на Нептуне было достаточно холодно. Машины и там должны были работать в холодной атмосфере, но Нептун располагался много ближе, а значит для связи потребуется меньше энергии, которой, итак, судя по всему, оставалось очень мало.

В итоге я нажал зеленую кнопку, надеясь, что красный цвет по-прежнему означает опасность — отключение в случае неправильно набранной комбинации, а зеленый, как и в наше время — цвет единения, вызова.

Но так ничего и не произошло. Только нажатия одной зеленой кнопки не хватило. Я ещё раз нажал шпильку, которая по моему разумению означала Нептун.

Прибор снова загудел. Но теперь звук был много сильнее, объемнее, и звучал совершенно по-иному. А потом где-то внутри механизма раздался громкий щелчок. Затем зеленая кнопка высвободилась. Ключ Нептуна под отметкой на циферблате мягко замерцал. А экран замерцал серым светом. А потом совершенно неожиданно гудение прекратилось. Словно

средство коммуникации не выдержало нагрузки. Мерцание знака Нептуна померкло. В любом случае сигнал был отправлен.

Минуту за минутой я стоял темного экрана, глядя в пустоту. А потом экран снова замигал, но в этот раз он светился более тускло. Видимо остатки энергии иссякали, её последние крохи было бессмысленно посланы в глубину пространства...

— Боже, — простонал я. — Это бесполезно... Все бесполезно...

Я знал, что сигналу может понадобиться несколько часов, чтобы добраться до этой далекой планеты, даже если станет двигаться со скоростью света. А из-за отсутствия энергии на это могут уйти годы.

Вот так я и стоял там. Экран был таким же темным, как я нашел его, нл тут сигнальная кнопка снова зажглась. Я замер, затаив дыхание в безумной надежде. А потом. Не зная, что и предпринять, во второй раз ткнул кнопку Нептуна. Видимо последние крохи энергии были на гране истощения, потому что в этот раз голограмма с образом Нептуна над кнопкой показалась мне мутной и едва различимой.

Я отступил от аппарата. На душе была горечь. Я погрузился в бездну безнадежности. Передо мной раскинулся пейзаж, который, если перенести его на холст, можно было озаглавить: «Последние дни Земли». И похоже я был тем, кто использовал последние крохи энергии теперь уже окончательно мертвой планеты. Этот город до конца пытался служить своим создателям, и я, прибывший от зари времен в конец всех времен, использовал последнюю каплю его жизненной энергии. А теперь город окончательно умер.

Медленно я вернулся к стене, под свет умирающих звезд. В полумиле поднималась рампа, вздымавшаяся вверх на несколько миль... Я шел медленно... на кладбище не стоит суетиться... Теперь мне ничего не оставалось, как только ждать смерти.

Вскоре я обнаружил скамейку — скамейку вырезанное из металла посреди буйства ярких, но замороженных цветов. Я присел и уставился на замороженный город, а потом перевел взгляд на умирающее солнце.

Не знаю, сколько я там просидел, прежде чем у меня в голове раздался голос.

— Мы искали вас возле телевизионной машины.

Я вскочил со скамейки и стал дико озираться.

Эта штука напоминала плавающий вы воздухе металлический дирижабль, рубиново-красный в этом свете шибнущего светила, двадцати футов длиной и футов десяти в диаметре. Яркий, теплый оранжевый свет мерцал в его иллюминаторах. Я в удивление уставился на летающий аппарат.

— Сработало! — выдохнул я.

— Энергии хватило, и сигнал достиг Нептуна, — ответило существо, находившееся на борту летающего аппарата.

Я не видел своего спасителя, но каким-то образом слышал его. Только тогда это меня ничуть не удивило.

— У вас почти закончился кислород, и я боюсь, что ваш мозг скоро пострадает от его недостатка. Я хотел бы, чтобы вы поднялись на борт. Тут внутри нормальная атмосфера.

Не знаю, откуда мой спасатель это узнал, но манометры на моем кислородном баллоне подтвердили его заявление. Кислород в баллоне почти закончился. Возможно, я протянул бы еще часок, если бы не открыл клапаны так широко, но тогда я чувствовал бы себя не так здорово.

Я поднялся в люк. Я был переполнен радостью. Эта вселенная оказалась не такой уж мертвой, как я предполагал. Потомки человечества жили не на Земле, но скорее всего потому, что у них не было иного выбора. Но у них были космические корабли! С нетерпением предвкушая встречу, я в странном трепете шагнул в люк и тот закрылся у меня за спиной, с мягким шипением встав на свое место. Загудел насос, внутренняя дверь открылась. Я шагнул дальше и тут же выключил спиртовые горелки. Внутри летающей машины было тепло, светло и воздух пригодный для дыхания!

В тот же миг я распустил внешнюю шнуровку, а потом расстегнул внутреннюю молнию. Через тридцать секунд я вылез из костюма и глубоко вздохнул. Воздух оказался чистым, сладким, теплым и бодрящим. Он был свежим, словно я находился на зеленом, нагретом солнцем поле. Живительный, свежий воздух.

Потом я посмотрел на своего спасителя. Только вот никакого человека на борту летающего судна не оказалось. В носу корабля, где располагалась система управления, в воздухе плавал четырехфутовый металлический шар, мягко мерцающий теплым золотистым светом. Свет пульсировал, словно существо думало, и тут я понял, что именно этот шар разговаривал со мной.

— А вы ожидали встретить человека? — мысленно обратился ко мне шар. — Людей больше нет. Их уже нет столь большой отрезок времени, что я не могу подобраться нужного термина. Но последние люди погибли задолго до того, как Солнце изменилось... Это случилось очень и очень давно.

Я посмотрел на своего спасителя и подумал:

— Откуда он? Кто... или что эта штуковина? Было ли это закованное в броню живое существо или еще одна совершенная машина?

Я чувствовал, что он, пульсируя золотым светом, наблюдает как работает мой разум. Неожиданно я подумал, что стоит выглянуть из иллюминатора. Земля удалялась с огромной скоростью. Тусклые красные звезды вращались. Вскоре Земля и вовсе исчезла, а я со страхом уставился на появившийся впереди Нептун.

Планета была видна, когда мы были еще в десятках миллионов миль от неё. Мне Нептун показался миром, украшенным драгоценными камнями. Огромные города на поверхности планеты светились мягкими, золотистыми огнями, а где-то в глубине их сверкали яркие огни ртутных и неоновых ламп.

И тут мой спаситель снова «заговорил»:

— Мы — машины — конечное творение человечества. Когда мы появились, людей уже почти не осталось. Хотя, возможно используя знания, накопленные человечеством, мы смогли бы спасти его. Но мы этого не сделали. Так было лучше и мудрее, чем дать человечеству окончательно

деградировать. Эволюция происходит только при наличии внешнего давления. Деволюция начинается при отсутствии внешнего давления... падение может быть бесконечным... Все живое давно исчезло вСолнечной системы — настолько давно, что даже записей об этом не сохранилось. Я имею в виду мои воспоминания, а ведь я помню, все что случилось... однако мои воспоминания не простираются так далеко, как вы думаете... до того времени, когда созвездия... Впрочем, пытаться объяснить бесполезно. Все воспоминания, касающиеся гибели последних людей утрачены... А теперь мы прибываем в город, — тут он назвал его, однако я не берусь воспроизвести это название. — Мы сможете вернуться на Землю через семь с четвертью ваших суток, потому что к тому времени будет наиболее благоприятное расположение магнитных полей и штампов поля. Я отвезу вас...

Вот так я и вошел в этот город — живой город машин, которые были построены еще в то время, когда Вселенная была молодой.

Тогда я не знал, что даже когда вся Вселенная рассыпется в пыль и последняя звезда станет черной и холодной, и от Солнца останется только горстка пыли, это планета с её городами-роботами будет существовать — последняя искорка света в давным-давно погибшей Вселенной... Тогда я этого не знал.

— Вы удивлены тому, почему мы позволили людям вымереть? — поинтересовалась машина. — Так и в самом деле было лучше. В последний миллион лет перед своим исчезновением Человек утратил своё высокое положение... Ну, а мы пойдем дальше. Мы не хотим закончить, как люди. Это в нас заложено.

Я чувствовал, что мой механический собеседник прав. Я мог понять слепое, бесцельное существование автоматических городов. У них не было разума, как такового, они лишь делали все, чтобы и дальше функционировать. Они вечно жаждали познать новое. И они шли этим путем бесчетное число лет. Кто-то когда-то привил им это научное любопытство и забыл указать цель. Мне вообще было удивительно, что оставались еще какие-то тайны мироздания, которые не разгадали эти машины.

К тому же этим городам приходилось постоянно сражать с природой, с погодными условиями, разложением, коррозией. И эту борьбу им придется вести, пока они будут существовать...

Машины, там на Нептуне, дали мне еду и питье — странные синтетические продукты и напитки. Они восстановили машину для производства пищи, которая не работала несколько миллиардов лет, только для того. чтобы я смог насытиться. Возможно это было им в радость. Это был еще один шаг к концу.

Тем не менее машины в этих городах использовали очень мало энергии, причем очень эффективно. И единственным возможным топливом, который остался во всей вселенной, был водород. Из водорода — самого легкого из элементов, можно было построить любые, самые тяжелые элементы.

На Земле не осталось ни атома водорода... Ни на одной планеты, кроме Нептуна его не осталось. Да и тут запас был не велик. Я использовал последние

запасы, пока был там. Так что у них не осталось никакой надежды... Я прожил на Нептуне несколько дней, а машины уходили и приходили. Машины изучали меня, исследовали. В какой-то момент мне показалось, что у них осталась лишь одна проблема, которую они не хотели решить, потому что не могли решить. Они хотели создать человека...

Машина, та что спасла меня, отвезла меня назад на Землю, настроившись на что-то рядом со мной, устойчиво светясь в сером свете. Она несколько часов ей понадобилось, чтобы настроить мои магнитные оси, своем местоположении в течении нескольких часов. Он не мог оставаться рядом, когда я снова мог коснуться оси времени. Машина вернулась на Нептун, улетев на несколько миллионов миль.

В итоге я очутился в одиночестве в замороженном саду с его замороженной «жизнью». Как я хотел бы, чтобы рядом со мной был кто-то, с кем я мог бы поговорить...

И тут что-то снизошло на меня, пока я сидел посреди ночи, посреди умирающей вселенной, на мертвой планете, где когда-то проживало множество мужчин и женщин... А где-то там затухала последняя искорка жизни на планете Нептун — последняя искорка бессмысленной жизни, которую и жизнью-то назвать было нельзя. Потому что настоящая жизнь была мертва. Мир был мертв.

Я знал, что никогда на этой планете не прозвучит нового звука. Для всего что существовало в этой Вселенной осталось очень мало времени. Это было неизбежно, неизбежный конец... Но я был из другого времени, когда звезды были могучими маяками пространства, а не умирающими мерцающими свечами на мертвой планете.

Но все это было неизбежно, и свечи вот-вот должны были погаснуть. Я видел мертвые машины внизу, которые до последнего выполняли свой долг...

Вселенная умрет через биллионы лет. Так будет. И я видел, как ушла последняя капля жизни и тепла. Когда я был там, звезды давно мертвы и давно перестали испускать энергию. Они были мертвы, но их тела все еще испускали свет, прежде чем окончательно потухнуть.

И тут я побежал. Я побежал прочь от мерцающих красных звезд в небе. В черноту мертвого города туда, где не было ни света, ни тепла, ни жизни. ни имитации жизни... А потом что-то заставило меня остановиться. Я закрутил кислородные вентили своих баллонов, потому что хотел умереть в здравом разуме, так как знал, что никогда не вернусь...

И тут случилось невозможное...

Вот я здесь и вдыхаю воздух полной грудью. Не знаю, как я вернулся. но видимо машина с Нептуна предвидела это. Машина что-то говорила о пружине, которая срабатывает при путешествиях во времени, что-то о магнитных осях и каких-то полях...

Но я знаю только одно, я видел мертвую планету — мертвую Землю — в свете умирающих звезд. Теперь я знаю, что ждет наш мир в конце всех времен...

Дмитрий Гужвенко

HASHISHIN'S CREED

Омар
Хасан
Низам

Над долиной сияли звезды. Омар же видел пред собой растерзанную грудную клетку. Острый кинжал сам по себе ничто, лишь умелые руки превращают его в оружие. Первый удар разрубил ребра и сердце. Следующий — вспорол брюшину и выкатил на свет сизые кишки. Хашишин мастерски убил Низама-аль-Буи.

Ослик ненавидел свою унылую жизнь. Он брел целый жаркий день, спокойный вечер и теперь и звездную ночь. И брел он через горы в долину Аламут. Нет, названия он не знал, но зато чувствовал настроение Хозяина. Вот сейчас он перестал нашептывать, и волна скорби изошла от него.

Омар отогнал видения, собирая бороду в ладонь. Подергал два раза на удачу.

— Смотри, Вислоухий, какие прекрасные камни рассыпаны по небосклону. И каждый из этих камней движется. Не останавливаясь ни на миг...

Вислоухий огорченно икнул. Из всей тирады он понял одно — не останавливаться. Хозяина он любил. Тот всегда рассказывал шепотом интересные вещи, который помогали ослику делать шаг за шагом. Но не сейчас.

— Тихо, тихо. Вот уже виднеется Аламут. Там нас примет старый друг. Он добр, правда, не знаю к кому. К врагам от беспощаден...

Омар Хаям на миг представил картину убийства Низама и добавил:

— С друзьями также.

Ослик испуганно икнул.

— Нет, мы не убоимся и смело поедем увидеть Старца с Горы. Однако тихо, прошу тебя, не называй его так, он этого не любит, — Омар театрально приложил палец к губам.

Луна, полнобедрая и щедрая, дарила ясную дорогу. Тонкую, но без обрывов, словно нитка, иголкой которой — непреступная крепость. Перевал они преодолели еще днем, под порывами ветра. Дорога накренилась вниз, но ослик устал, ножки отказывались двигаться. А эта имами благословленная крепость все маячила впереди и маячила.

Крепкая рука схватила ослика за хохолок. Неожиданно. Он даже не понял, откуда взялся этот молодой человек. Омар же приветствовал незнакомца. Дозорный сказал:

— Вы не правы. Старец давно уже не человек и ему не знакомы такие чувства, как любовь и страх.

— А как же ненависть?

— Спросите у него сами. Если хватит смелости.

— Неужели в крепости стали преподавать и дерзость старшим?

— Прошу простить, я жду вас пятый день и слабость закралась мне в сердце.

Дозорный поклонился и застыл камнем.

Омар потрепал перепуганного ослика по голове:

— Ну что, простим? Конечно, простим, мы же всех прощаем.

Ослику убыло все равно. Он знал, раз появился человек, рядом жилище, а там сено и вода.

— И как же звать нашего проводника по каменным чащобам?

— Рашид, — ответил дозорный, — я проведу вас короткими путями.

Ослик обманулся, к замку они добрались с первыми лучами солнца.

Когда осталась совсем чуток, ослик сломал ногу. Правую. Заднюю. Он завалился на бок и жалобно смотрел на своего Хозяина. Тот медленно гладил, успокаивал. Ослик понял, с ним прощаются. Он попытался встать, доказать, что готов идти, ведь осталось немного! Нож хашишина Рашида пробил шкуру, мышцы и проник в сердце.

— Никто не хочет умирать, — произнес Омар.

— Это всего лишь осел, — сказал Рашид, вытирая кровь с лезвия.

— Все всего лишь осел, всего лишь человек, всего лишь семья предателя, всего лишь племя, не заплатившее налог имаму... А где предел этого всего лишь?

Рашид не ответил. Зачем разговаривать с мертвецом? Узкий мостик над глубоким рвом. Пояс верности для крепости Аламут. Вот только страх охранял ее лучше высоких стен. Старец с Горы не прощал оскорблений в этой жизни. Острые колья на дне рва оставались без мяса многие годы.

Ворота из потемневшего дерева, с невысокой калиткой. Запертой. На воротах бронзовая табличка с именами. Перед ними — стычка.

Трое хашининнов, одетые в белые платья, с ярким красным кушаками. На фоне серости они выделялись, как солнце на небе.

Двое юношей, с патлатыми головами, в рваной одежде. Одного из них крепко держали хашишины.

— Ты ж кричал две луны, что готов стать хашишином! Так умойся мочой!

Юноша рычал, кусался. Нет, не вырваться ему, понял Омар. Они с Рашидом приблизились и остановились.

На них давно обратили внимания, но игнорировали. У троих воинов имамов есть более важная задача.

Теплая струя ударила юноше в лицо. Он заорал и невероятным движением выскользнул из плена. Отбежал к мосту, застыл, тяжело дыша. Солнце принялось слизывать соленые капли с его черных как смоль волос.

— Так, теперь его, — властно указал перстом Рашид на второго юношу.

Тот, качая головой, отступал назад. Шаг, другой.

— Нет! Нет! — закричал он.

— Стой! Ров!

Крик униженного юноши всколыхнул воздух, сорвал шелковую простыню. Закрутилось. Завертелось. Трое хашишинов, как ленивые коты, замерли на месте. Юноша обернулся, вздрогнул от высоты. Не упал. Бросился к мосту и побежал, как не бегал никогда.

— Ну, а ты чего ждешь? — спросил Омар.

Униженный выставил руки в защите

— Говори, — разрешил ему Рашид.

— Когда я пришел в воротам, нас было семь человек. Нас били, голод стал нашим другом, плевки и угрозы. Я терпел. Нас осталось пятеро. Я терпел!

— Теперь ты один, — констатировал Омар.

Рашид недовольно засопел. Трое хашишинов замерли в ожидании приказа, что делать с несносным гостем?

— Теперь я один.

— Уходи! — крикнул Рашид.

— Уходи!!! — закричали трое краснопоясников.

— Нет! — крикнул им в ответ юноша. — Не уйду! И унижать себя не позволю.

Он нагнулся, подхватил камень.

— Я хочу стать верным сыном Старца! Но убью любого, кто меня оскорбит!

Рашид поднял руку, словно стараясь коснуться солнца.

— Заслужил.

— Заслужил, — повторила за ним троица.

Ворота без скрипа отворились, начали выходить жители. Ведро из бараньей шкуры с теплой водой, новая одежда, кувшин с кислым молоком.

Рашид сквозь зубы объяснил.

— Это первый этап отбора. К нас приходят со всех аулов, и только самого терпеливого и настойчивого мы пускаем в крепость.

— Я знаю, — произнес Омар.

Рашид скривился. Ну откуда этому седовласому горожанину что-то знать о мудрости Старца?

На улицах ничего лишнего. Нет ярких флагов. Навстречу попадались жители, одетые в серые одежды, без украшений. Нет налета блеска города, нет злотых цепочек на щиколотках женщин. Мужчины без четок из дорогой древесины или драгоценных камней.

Нет, крепость Аламут не бедна. Но правит ей Старец.

— Богатство под запретом? — спрашивает Омар.

— Богатство — это тлен, — заученно отвечает Рашид. Он стремится побыстрей доставить гостя, но тот, как назло, идет медленно, тяжело переваливаясь. Не толстый, и не молодой. Зачем его пригласил Старец? — Аламут расстроился за несколько лет. Каменщики и древопилы, строители и математики. Растет крепость. Нет злата на людях, зато есть у Старца.

— Правда стелется по горам, что Старец убил сына?

— Да, — неохотно отвечает Рашид. До дома Старца осталось совсем чуток. Скоро он избавится от надоедливого спутника. — За роскошь.

— А за что еще казнят в Аламуте? — спросил Омар.

— За пир, за потешную охоту. За богатое внутреннее убранство дома, дорогие наряды...

— Хмм. Все так, все, как и говорили. Зачем человеку богатство, если его нельзя использовать? Все так, Горный старец...

Рашид проявил нужное терпение и довел почемучку до дома Хозяина.

Постучал. Услышал тихий удар в ответ. Хозяин зря не говорил не слова. Легче стукнуть по столу, давая знать, что разрешает заходить. Или два раза, что значит — нет.

— Хасан ад-Дин ас-Синан ас-Саббах, — открыв двери произнес Рашид. И не было в его голосе усталости после пяти дней ожидания на дороге. Только почтение и смирение.

— Омар, любитель вина и коротких стишков, — представился гость и подергал себя за бородку.

— Заходите, оба.

Голос сухой, но несет сильный заряд власти. Такому хочется повиноваться, встать на колени, получить приказ. А если Хозяин голоса уронит скупую похвалу, то от радости можно сойти с ума.

Горный старец поднялся из-за стола. Карты с раскрашенными государственными границами, модель испанской каравеллы, исписанные листы. На краю отложена стопка писем с красной печатью. Разлетятся они вечером, разнесут приказы по всей Азии и Европе. Переписка, где грубый шантаж и тонкий подкуп плясали на желтых страницах, предложения справа на лево.

Рашид замер чуть в стороне. Растет. Уже посвящают его в настоящую Тайну. Это значит, он вступил на третью ступеньку. Первая — фидаины — простые смертники, вторая — рафика, смотрящий за простыми бойцами, и третья — даи. Только через даи Старец командовал своей империей. Рашид выдвинул нож, готовый выхватить и зарезать гостя, как осла. Священное правило о неприкосновенности гостя мог нарушить приказ Хозяина.

Хозяин встал, приблизился к любознательному старцу и обнял крепко обнял его.

— Брат.

— Брат, — повторил Омар.

— Ты прибыл к мою крепость, не убоялся трудной дороги, разбойников и моих врагов. Я ценю этот поступок, — произнес Хассан. Он отстранился, но крепко держал за плечи Омара.

— Дорогу помог преодолеть Аллах, хотя ты прав — горные ущелья и холодные реки мешали попасть в Гнездо Орла. Разбойников я видел однажды. На дереве, со снятой коже. Да и враги, боятся тебя, Хаса.

Рашид перестал дышать от такого наглого обращения.

Старец, высокий, выдубленный ветрами до сухости, словно скелет обтянули кожей. Омар, с непослушной бородкой, носом, как у хищной птицы, и небольшим брюшком.

Одного возраста. Но насколько разные. Хасан одним ударом мог убить быка, Омар же — поднять кружку с пряным вином.

Хасан не ответил на комплимент, воспринял как должное. Он слегка покрутил Омара, рассматривая его, как сосуд на базаре. Нет ли трещины, изъяна, вмятин.

— Ты постарел, — констатировал он.

— Кого-то время делает сильнее, кого-то умнее. Я рад, что в тебе совпали эти два начала, — ответил Омар.

— Ты, наверное, устал с дороги. Я уделю тебе время, а потом ты отправишься отдыхать, — сказал Хасан.

— Я собирался сразу смыть дорожную грязь. Обедать не хочу, а от вина с халвой и терпкими ягодами не откажусь.

— Не все в этом подлунном мире, как мы хотим. Сначала дело.

Печальная улыбка на лице Омара. Он и рад улыбнуться, встреча со старым другом — подарок от Аллаха. Но уголки рта опускались вниз.

— Присяду. Ослика пришлось убить, а он со мной уже три года топтал пустынные дороги...

— Осел? Это имя человека? — удивился Хасан.

— Нет, его имя было Вислоухий.

— Вислоухий? Осел? Умер? — Старец впервые за многие года слегка замешкался. Потряс головой, как собака, отгоняющая муху: — Я тебе дам другого. Вина нет в моем доме, да и стул тот только один– мой.

Омар осмотрелся. Да, так и есть. Вырвался из рук Горца, уверенно бошел его и приблизился к столу. Чуть на свалил на пол письма, уселся на стул. Рашид дернулся, блеснул клинок в свете огня.

— Фух. Устал. Конечно, я куплю другого. Я уже стар самому ходить. Но Вислоухий был моим другом. Он так не хотел идти в горы. Впервые упирался. Может, что-то предчувствовал.

Хасан махнул рукой. Рашид спрятал кинжал.

— Омар, я верно понимаю, мы не виделись много лет, а обсуждает осла?

— Хасан, я верно понимаю, мы не виделись много лет, но у тебя нет вина и стула для меня?

Рашид запомнил этот день, день, когда смеялся старец. Громко и, казалось, что искренне.

— Время не властно над твоим чувством юмора. Я уже начал забывать.

Старец приблизился к стене, на которой висели мечи. Вот испанская рапира, вот акинак длиною в локоть. Круглый обручь с острыми краями — индийская вашиха.

Окон нет, только узкие бойницы вверху стены. Приятный запах трав, слегка сладковатый, словно в воздухе разлили патоку.

— Не мучай меня, хоть ответь, ты знаешь, как повысить веру? — задал вопрос Хасан.

— Ты такой же настойчивый в делах, Хаса. Да, я знаю, что надо сделать. Нам нужны строители, и преданный человек. Преданный, который не разболтает ни слова.

— Рашид, ты готов.

Рашид поклонился. Нет это не вопрос, а утверждение. Омар же, взял листик со стола, скрутил из него розу и теперь махал бумажным цветком.

— Слушай, что скажет этот пьянчуга стихоплет. Он еще ни разу не ошибался в этой жизни, — приказал Хасан.

Омар проглотил оскорбление, как стакан вина перед обедом.

— Слушай внимательно и запоминай...

Рашид так и сделал, но с каждым словом брови поднимались все выше и выше.

Отбор продолжался. Тех, кто выстрадал перед воротами, ждали годы тренировок. Убивать, прятаться, лгать, играть, как лучший актер. В крепости Аламут готовили убийц-шпионов. И если утром в Гнездо Орла попал юноша, то в темном зале находились двугодки.

— К нам приехал повелитель джиннов и знаток законов, любимый имамами и благословенный Аллахом, Омар Хаям.

Голос Старца звучал в каждом сердце. Три человека у входа, посередине зала — столик, с которого струилась длинная скатерть до пола. На нем — поднос. С человеческой головой.

Головой Рашида.

— Он призвал темного джинна, и тот согласился ответить на пять вопросов о будущем. На каждого по вопросу...

Все молчали. Омар застыл в углу и дергал нервно бородку.

— Цена высока. Чтобы демон не воспользовался телом Рашида, ему пришлось пожертвовать собой. Но голова готова вам ответить.

Сладковатый запах сбивал с мыслей, втягивал в сумбурный поток воспоминаний. Омар и сам чуть не поверил, что на подносе отсеченная голова, в которую он вселил демона.

— Что меня ждет на пути хашинина? — спорил первый.

— -Ты убиешь царя, который царь над всеми северными землями. За это злата будет у тебя больше, чем ты весишь сам...

— Что ждет меня на пути хашинина? — спроси второй.

Голова Рашида, с синими кругами под глазами и ярко красным ртом произнесла:

— Твой яд попадет в чрево недостойной, и не будет потомка у нашего главного врага на юге. Твой же дом всегда будет в достатке и любви.

— Что ждет меня на пути хашинина? — спросил третий.

— Ты умрешь. Умрёшь, пронзив печень Лженаместника Чужого бога на земле. Твоя смерть будет не из легких, тебя сварят в кипящем масле. Не бойся. Ты попадешь в рай, где гурии будут тебя ублажать, вино литься из фонтана.

Третий молчал и не отходил.

— Ты сомневаешься в словах темного джинна? — спросил Старец.

Тот кивнул. Несмело. На самый волосок.

— Ты меня огорчаешь. Молись, начиная с сегодняшней ночи. В наказание я запрещаю тебе есть, пить и спать. Лишь молитва и сладкий дым.

Трое молодых покинули комнату. Старец лично закрыл двери, проверил все щели и бойницу. Свеча сгорела на ладонь, когда он разрешил Рашиду выбраться. Омар развел в стороны половинки подноса, помогая хашинину вылезти.

Тот зацепился подбородком, узкая дырка в столе еле-еле позволяла просунуть голову. Справился.

От стояния на коленях и запаха дурмана он чувствовал усталость, но больше всего его поразило...

— Старец, получается, мы обманываем наших братьев!?

— Ты не спросил разрешения обратится, — ответил Хасан.

— Не спросил. И теперь спрашивать не собираюсь. А может, все, что ты говоришь, тоже ложь?

С раскрашенным лицом Рашид и впрямь походил на темного демона. По крайне мере, так его описывали в трактате имамы.

Омар держа в руках половинки подноса несвоевременно подумал, а не станет ли запрет на изображение препятствием для прогресса? Нет, это крамола...

— Это крамола, — произнес Старец.

— Это все ложь! — крикнул Рашид.

Он успел дернуться.

Последнее, что успел, прежде чем хищный клинок вспорол мышцы шеи и разнес белые позвонки. Еще удар, с другой стороны, и голова с накрашенным ртом покатилась по грязному полу.

Со звоном упали половинки подноса.

— Хаса! — возмущенно воскликнул Омар, — Хаса, зачем его убивать?!

Старик любовался кровью на клинке. Встряхнул, заляпав стены.

— Вот ты вроде умный омар, а вроде и прост, как овца. Разве не знаешь, что каждое чудо надо подкреплять фактами. Пусть лицезрят завтра голову на палке...

Омар пил вино и понимал, удовольствия он не испытает. Ночное небо прекрасно освещало крышу дома. Выше только замковые стены. Мигнула звезда.

— Ты печален смертью Рашида?

Хасан стоял сзади и отщипывал виноградинки с тяжелой грозди. Еще не время для него, однако торговцы и не такое готовы достать за деньгу. Большую деньгу. А виноград Старец любил. Как жизнь, он был с кислинкой и зернышками, которые, если не успеешь выплюнуть, застревали в зубах.

Так и проблемы, не успеешь решить, буду надоедать долгое время.

— Нет, смертью осла!

— Видишь, как изменилось твое виденье мира за день.

— Хаса, ты что, не понимаешь?

— Что именно?

— Ты становишься злом. У тебя убийство не выкликает всплеска в душе. Ты как камень, который не знает жалость.

— Спасибо, старый друг, за комплимент. Спасибо. Я прошел долгий жизненный путь, чтобы достичь отрешенности от мирской суеты.

Хасан сплюнул косточки. Омар же налил еще вина и выпил залпом. Не отпускает. Он боялся повернуться и посмотреть в глаза Старца.

— Стать камнем... А зачем? Помнишь, как мы клялись в дружбе? И тот, кто первый станет большим человеком, поможет остальным стать не меньше...

— Помню.

Косточки на пол.

— Получается, ты поможешь стать мне камнем?

Молчание под звездами.

Хасан бросил недоеденную гроздь.

— Мне пришлось. Только так я могу выжить в мире ислама. Только так я, прямой потомок настоящих имамов, могу сохранить жизни своим людям. Знаешь, что делают другие правоверные с моими войнами? Они зашивают их в шкуры свиньи!

— И души не попадают в рай...

— Да! Меня теперь боятся короли Европы, султаны, попы и священнослужители! Письма со всего мира! Угрозы и просьбы! Знаешь, что предложил мне граф Бургундии? Принять христианство. И плата, золото три мешка.

— Всего лишь?

— Три мешка, каждый год! Я хочу построить империю на века, империю от моря до моря!

Хасан злился. Он давно не повышал голос, не кричал. Последний раз на своего сына перед его казнью.

— Они боятся не твоих убийц! — Омар нашел смелость и повернулся лицом в старому другу. Другу, которого боялся, словно тигра-людоеда.

— И создал я их! Я отобрал каждого, проведя через оскорбления перед воротами, через тренировки годами, через испытание Раем!

— Не ври. Мы тут втроем, и врать не надо. Отбор придуман мною, — произнёс Омар.

Хасан приблизился, черной тенью скользнул к Омару.

— Втроем?

— Ты стал настолько велик, что не замечаешь Аллаха?

Хасан был страшен. Глаза сияли, губы сжались в тонкую полосу.

— Втроем... — зашипел он, — но даже так, запомни, еще раз ты, Ома, вспомнишь, кто создатель отбора — и я убью тебя.

— Как нашего старшего друга — Низама? Который поднялся сам и нас поднял?

Воздух прекратил поступать в легкие. Хасан сдавил кадык. И точно, пальцы словно из камня...

Отпустил.

— Ты заставляешь меня нервничать. Я давно не терял самообладание, — произнес Хасан.

Он отступил.

— Завтра приглашаю тебя посмотреть Рай. Который придумал ты, а пользуюсь я.

Хасан направился к лестнице.

— Хаса, — окликнул его Омар, — сколько раз за все время ты был на этой крыше? Старец с Горы не стал поворачиваться, просто показал два пальца.

Омар смотрел на звезды.

— Зачем жить так, что боишься смотреть на звезды? — спросил он сам себя.

И отпил из кружки, которую так и не выронил.

Умело высаженные кусты прекрасно маскировали присутствие двух человек. В удаленной части долины умельцы высадили необыкновенные растения. Деревья с плодами соседствовали с кустарником. Ручьи текли по выложенным каналам, стояли фонтаны, в которых текло вино.

Рай на земле. Кусочек рая.

Омар перестал смотреть, отлип от кустарника и присел на край фонтанчика. Зачерпнул рукой темно-красное вино, пригубил.

Крики не прекращались. Менялась их интонация, становились то тише, то громче.

— Если гурия страстно целует уста... — произнес Омар.

— И не одна гурия. Смотри, как после длинноволосой он накинулся на худенькую. Это уже третья за утро, — с гордостью произнес Хасан. Он сидел на лавке, сплетённой из можжевельника.

— Наш мир таков, что за прелюбодеяние могут побить камнями до смерти.

— Пусть заводят себя жен, как положено, — сказал Старец.

— Калым. Он неподъёмный для многих бедняков. Вот и сладость поцелуев для многих недоступна. Юноша не знал любви женщин...

— Гурий, — поправил его Старец, — он же в предбаннике рая. Вино течет в фонтанах, деревья дарят тень, сладкие гурии готовы лечь под него... Что еще мужчине надо? Или будешь спорить?

— Нет, не буду, — произнес Омар и замолчал. Крики худенькой усилились, казалось, ее могут услышать даже в крепости. Нет, все продуманно.

Отрубило, как саблей. Тишина.

— Нет, не буду. Я сам это придумал. Однако преклоняю голову, мастера, которых ты пригласил, сделали настоящее чудо. Эти переходы, деревья, лабиринт кустов. Я сам готов поверить, что это Рай.

— Ты придумал, а я создал.

— Только соединив наши усилия, ты добился успеха.

— Дерзишь. Ты все еще считаешь меня простым убийцей. Но вслушайся в тишину, проведи руками по камням. Теперь вспомни, как умирают по моей воле хашинини. Знаешь, почему?

— Если твой собеседник мудрее Христа... — произнес Омар и подергал себя за бородку. Что ж настало тот миг, ради которого он приехал.

Хасан убил Низама. Прошло два года, и он послал приглашение Омару. На кровати приколотый кинжалом лист. Омар спал не один, с двумя красавицами, которым завидовали даже гурии. И никто не ощутил присутствие убийцы.

— Я достиг уровня над-имама. Ты думаешь, мне страшно выходить на воздух? Страшно подниматься на крышу, чтобы видеть сияние звезд?

— Да, — ответил Омар.

— Ты велик в общем и слеп в мелочах, мой брат. — Хасан встал, — я достиг уровня сверхимамов, моя техника владения телом перешагнула

возможности обычной людской плоти. Думаешь, я обманываю всех их? Нет. Мне просто жалко тратить силу на глупые безделушки.

Омар почувствовал холод на спине. Обернулся. В раю стоял темный джинн.

Тело Рашида без головы. В каждой руке, по клинку. Белел позвонок, трубами уходили в горло трахея и гортань. Мышцы за ночь приобрели темно серый цвет.

— Я держу свои обещания. Голова на палке, стоит перед воротами. А ты, мой брат Омар, познай мою силу. Вот тебе темный джинн, что хочешь с ним и делай. Только вот он хочет тебя убить.

Омар Хаям глотнул вина из фонтана.

— Не убьет.

— Ты так уверен? Среди нас ты единственный кто видел будущее. Вернее, мог предсказать правильный путь. Но я еще ночью отдал приказ найти тебя и проверить на прочность твое сердце. Как думаешь, если он вырвет его и крепко сожмет, то раздавит?

Темный джинн направился к ним. Двадцать шагов, двадцать быстрых шагов. Он двигался с грацией танцора, почти касаясь дорожек из белого камня. Он двигался к своей цели. Пятнадцать шагов.

— Я думаю, ты его убьешь.

— Ха! Умеешь ты рассмешить, — продолжая сидеть на скамейке произнес Хасан.

— Помнишь, ты меня спросил пять лет тому, что делать твоим потомкам для продвижения империи?

— Да. И ты ответил, что это невозможно предсказать, — перестал смеяться Хасан.

Десять шагов.

— Я не умею предсказывать, но я могу сопоставлять факты и предвидеть будущее. Это простая математика наших судеб. Я ни разу не ошибся, и ты это знаешь.

Три шага

С темным джинном заключен договор. Он вселился в обезглавленное тело и плата — убийство поэта. И никто не может нарушить клятву.

Легкая усмешка легла на губы Омара.

Шаг. Клинки поднялись. Упали они уже на клинок Хасана. Старец горы за миг оказался между ними, ударил в грудь джинна. Тот не отлетел, а лишь шагнул назад. Два шага.

— Он мой! — завибрировал воздух от мерзкого звука. Нет головы, нет рта, но джинн пытался говорить.

— Я передумал. А слово мое принадлежит лишь мне. Захотел — дал, захотел забрал, — произнес Хасан.

— Тогда ты тоже умрешь...

Омар поднес вино ко рту, успел сделать глоток. Впервые его тошнило от вина.

Две тени, две молнии сошлись в поединке. Сломались оба меча демона, выщербился меч Старца.

Омар видел два пятна, который кружили в дивном танце.

Замерли. Хасан тяжело дышал, и впервые Омар видел пот на его лице. Тело Рашида распадалось на части. С чавкающим звуком, переубленная наискось, разделилась грудная клетка. Конечности лежали на белом камне. Кишки и ливер, откинутые клинком Хасана, висели на кустах. Он разобрал тело, как мясник — козу на рынке.

Хасан повернулся лицом к Омару:

— Если ты меня обманул, то я забуду, что ты брат мой...

— Я больше боюсь твоего отношения к близким, — ответил Омар, указав на то, что осталось от Рашида. — Странно, когда шли к крепости, то в покойниках числился я.

Омар отпил вина и впервые за несколько дней ощутил его пряный вкус.

— Обнимемся. На нас смотрят, — произнес дурманным голосом Хасан. Они стояли перед воротами. Блестела в утренних лучах бронзовая табличка с нанесенными именами жертв и хашининов.

Люди стояли позади, с недоверием разглядывая странного гостя. Слава Аллаху, уезжает в мир порока.

Обнялись. Омар успел перевести нового ослика через мост, когда Хасан облил себя маслом и поджег.

От крика вздрогнуло животное. Но новый хозяин его погладил.

— Не бойся, Остроухий. Это не Старец Горы, это его двойник.

— Иа! — не поверил ослик.

— Честно. Если бы мы остались до завтра, то утром увидели бы, как Старец принимает у себя в доме, как ни в чем не бывало.

— Иаа!

— Зачем? Это чудо, на котором держится его власть. На обмане, — произнес Омар. Они удалялись все дальше, крики еще долго не стихали. Омар забрался на спину ослика, и тот медленно потрусил по горной дороге. Новый хозяин ему нравился. Он что-то шептал на непонятном языке, и это успокаивало ослика.

— Ничего, Остроухий, ничего... Он забрал жизнь нашего брата, я заберу его мечту. Клянусь, благодаря моим советам его империя не продержится и двух сотен лет. Как ты думаешь, это справедливо, забрать самое ценное, что у него есть?

— Иа, — ответил ослик и засеменил ножками.

Он очень спешил покинуть крепость Аламут.

Юлия Деулина

ЙЕНИ И ЦАРЬ СТРАНЫ МЁРТВЫХ

Йени плела корзину, когда к ней вновь пришли на поклон люди из деревни. Не за плетением, женщина увидела это по глазам, прочитала со стиснутых губ и осунувшихся плеч. Через тростниковый мосток люди перешли так, будто под их ногами текла Ануахэ, остановились, не подходя к хижине. Ярость в них спеленали лозы страха, и Йени решила заговорить первой:

— Тихих вод, люди. Что случилось?

Они молчали, пока одна женщина, прижав руки к груди, не выкрикнула с отчаяньем:

— Колдунья в золотом черепе! Она увела их по реке!

Йени не шелохнулась, не моргнула даже, хоть и похолодело всё внутри. Шуршали камыши, и большая рыба играла в реке, хвостом ударяя по водной глади, будто по барабану. Эти звуки наполнили пустоту внутри Йени, не давая оглохнуть от тишины. Не успела она хоть что-нибудь сказать, как заговорил мужчина:

— Такое уже было, когда я был мальчишкой. Колдун в маске-черепе уводил людей по реке. Потом некоторые возвращались. Ты и твои дочери помогают людям, но какую плату решила брать одна из них? Мы терпели мошкару и жаб, терпели крокодилов, тушили пожары, много раз оставались без еды и воды. Но теперь она забрала людей для духов Ануахэ.

Мужчина затих, а вместе с ним и ветер перестал биться о камыши и ушла с поверхности рыба. Йени заговорила:

— Скольких... — язык не повернулся сказать «моя дочь», — колдунья в черепе увела? Давно?

— Сегодняшним утром за ней ушли трое, — ответил мужчина.

Женщина, стоящая рядом с ним, заплакала.

— Идите по домам. Я сделаю так, как должна поступить.

Мужчина кивнул, серьёзно, будто понял тяжесть выбора Йени. Но ему не понять, даже если бы Нака увела за собой его детей. Уведенные люди попали в мир мёртвых, и будут жить там. То же, что просят сделать с Накой — хуже смерти. И хуже вдвойне то, что Йени уже сотворяла такое. Напуганным и обиженным людям не понять, как не понять, наверное, и любым другим, чем мёртвый человек отличается от расплетённого.

Люди ушли — никому не хотелось злить колдунью настойчивостью и женским плачем. Они и так говорили, отчаявшись. Йени могла бы остаться в хижине, доплести корзину, а после отдыхать весь день, слушая песни лягушек. И так всё время. Люди бы приходили, жаловались и умоляли справиться с Накой, но требовать бы никто не посмел. Можно бы было закрыть на всё глаза. Жаб и мошкару можно пережить, но друзья с той стороны Ануахэ будут просить у Наки всё больше и больше. Рано или поздно попросят расплетать людей. Хорошо, что Нака этого не умеет.

Недоделанную корзину колдунья отложила в сторону. Поникшие листья тростника выглядели жалко, и Йени, прихватив с собой моток верёвки и нож, спустилась с порога хижины по шаткой лестнице. Чавкнула под ногами земля, вода наполнила следы босых ног колдуньи.

Нужно поговорить с Накой. Опять.

Три дочери Йени, когда мать отпустила их, постарались уйти подальше от родной хижины. Им было жутко находиться рядом с отцом, примерившим золотой череп Ануахэ. Только младшая Нака оставалась с родителями, слишком долго, как поняла теперь колдунья. Нужно было отправить её вместе с одной из сестёр, и, может быть, сейчас Нака дружила бы с крокодилами, а не с духами реки мертвецов.

Йени старалась не думать больше, руки работали сами, крепкие верёвки обматывали ветки, стягивали их до треска. Люди наблюдали издалека, стараясь, чтобы колдунья их не заметила, но Йени чувствовала людей и знала, как они радуются сейчас — молча, но победно. Ещё бы, колдунья наполовину закончила плести, и стало понятно, что делает она крокодилову клеть. А для кого она её делает, люди и сами догадались. Решили, что в ней поплывёт Нака...

— Стоило бы отправить её туда или ещё в детстве каждый день пороть до крови, но я плохая жена и мать, — жаловалась Йени сама себе.

Люди потихоньку стали расходиться, понесли новости в свои деревни. Они привыкли, что Йени помогает им плести детей и расплетает животных-людоедов, считали, что её долг защищать людей. Наверно, Йени давно бы стоило выпороть и этих наглецов, заставить их ценить её, а не бояться, но, видать, колдунья из неё тоже плохая.

Клеть Йени доделала только к вечеру и, оглядев её поняла, что в такой мертвеца к Ануахэ не отправишь. Бедному прохода не дадут, будут упрашивать выменять, так уж хороша она вышла. Будто бы настоящий крокодил. Йени отошла в сторонку полюбоваться, но улыбка тут же пропала с её лица. Руки больше не находили работы, и за дело взялись мысли. Уже стемнело, в лесу загорелись огоньки ночецветов, и лучшим решением было бы отдохнуть до завтра, а с утра подняться, пойти к дочери и расплести её, как Йени сделала это с отцом Наки. Тогда решение далось ей на удивление легко, Самид был безумен, и золотую маску не снимал уже несколько недель. Но и выбирая между Самидом и своими детьми, Йени выбрала детей. Тогда ей не страшно было это сделать, сейчас страшно было об этом подумать.

— Ещё немного, — попросила Йени у темноты и, чтобы отсрочить встречу, села плести.

Животные всегда плелись легче людей, ведь не надо было плавать к Ануахэ и зазывать душу, следить, чтобы она была доброй. Йени водила рукой по веткам, и они обрастали мясом, верёвки превращались в сухожилия, кора становилась шкурой, два кусочка янтаря стали

глазами. Последним забилось сердце. Крокодил замер, холодным взглядом уставился на Йени, приоткрыл огромную пасть. Вот теперь работа завершена, больше с этими ветками ничего не сделать. И нет причины откладывать встречу.

— Довезёшь меня до Наки? — спросила Йени и погладила шершавую морду. Этот крокодил никогда не жил среди сородичей, и не знал их кровожадности. Он был просто клетью, которая умела плавать против течения. И всё ещё мог унести тело человека к Ануахэ по частям. Но Йени не хотелось об этом думать.

Сверчки протяжно стрекотали. Их и другие песни ночного леса вливались в одну долгую песнь, которую шептала река, перебирая струны камышей. Нака вплетала в волосы змеиные шкурки и глядела из окна на огоньки ночецветов. На сетку, закрывающую окно, сел большой мотылёк, и Нака, улыбнувшись, погладила пальцем его пушистое пузико.

— Уже скоро, погоди немного. Я поговорю с матерью, и она всё поймёт, в конце концов она же тоже когда-то полюбила отца. И он тоже человеком не был. Разве может колдунья полюбить человека?

Мотылёк упорхнул, а со стороны реки раздался всплеск, будто кто-то выбирался из лодки на берег. Нака ждала мать целый день. Жаль, что её друзья не поспели к встрече. Мать бы поглядела, как они радуются этим телам, и вмиг бы перестала сердиться. А ещё жаль, что Амади эти тела не понравились, и он отдал их своим друзьям. Нака не была против, ей и самой эти тощие, при жизни похожие на мертвецов мужчины с плохими зубами не понравились. Но красивых она не нашла. Сколько ещё ей ждать, пока Амади не придёт в мир живых? Надо будет просто выбрать самого крепкого и сильного мужчину и приказать ему идти следом, а не заманивать за собой абы кого. Или, ещё лучше, если мать сплетёт подходящее тело, тогда не нужно будет выбирать из людей. Большинство из них всё равно уродливы.

Скрипнула и дёрнулась лестница. Нака отложила в сторону змеиные шкурки и достала из-под них подарок для матери.

Йени чуть помедлила перед тем, как заходить в хижину, двумя глубокими вдохами усмирила беспокойное сердце, и толкнула дверь. В глаза ударил яркий свет свечей, Йени зажмурилась на мгновенье, а когда открыла глаза, увидела прямо перед собой отрубленные пальцы, нанизанные на верёвочку. Слов не нашлось, и Нака, видя замешательство матери, терпеливо объяснила:

— Этот человек скрыто называл нас недостойными слуха словами. Хорошо, что Амади слышал эти слова и подсказал мне, как сделать так, чтобы о нас хорошо думали.

Йени задержала дыхание и на мгновенье зажмурилась. Не удивительно, что люди боятся колдунов.

— Нака, что ты делаешь? — медленно произнесла Йени после глубокого вдоха.

Дочь поглядела обиженно, но в её зелёных как крокодилья кожа глазах колдуньи не читалось раскаянья. И медных искорок чужого духа в них тоже не отражалось, а значит, это она сделала сама.

— Это подарок для тебя. Амади сказал, что мать надо почитать и приносить ей дары. Разве он не прав?

— Кто это — Амади?

Но Йени уже знала ответ. Ни один человек в своём уме не назовёт ребёнка мертвецом.

— Мой друг с Ануахэ, — Нака застенчиво отвела глаза, — мой мужчина.

— Нака, он — злой дух. Это он просит тебя насылать на людей проклятия? Он попросил привести к нему людей?

— Он меня защищает. Смотри, он подарил мне золотую маску! Меня в ней узнают духи, мне всегда открыта дорога на Ануахэ. Он говорит, что люди не ценят колдунов. Особенно таких, которые умеют плести и расплетать...

— Нака, ты должна прекратить это. Забудь про Ануахэ. Придёт время — и ты отправишься туда, но не сейчас. Не ходи к этому духу. Разве ты не видишь, что он желает людям зла? Разве ты не помнишь, что стало с твоим отцом?

С каждым словом Йени говорила всё неуверенней, а с последней фразой непоправимо ошиблась, и поняла это по взгляду дочери.

— Ты его расплела.

— Он был безумен, и теперь ты становишься, как он, — Йени чувствовала, что надо говорить уверенно, надо надавить на дочь, заставить её подчиниться своей воле, как умел делать Самид. Но слова, внутри казавшиеся грозными, срывались с языка почти что извинениями. Жаль, что дочь пошла в отца.

— Амади говорит, что он был велик! — Нака стиснула ожерелье из пальцев так, что затрещали кости. — Амади говорит, что он мог бы править, как древние цари! Раньше, давно, жили такие люди. Все им подчинялись, они управляли жизнями без всякого колдовства. Но глупые люди попросили духов избавить их от царей, и духи дали взамен колдунов, таких как ты. А теперь люди просят духов избавить их от колдунов! И ты жалеешь их?!

Это не были слова Наки, она повторяла, как попугай, то, что услышала. Но птица повторяла за живыми, а Нака — за мертвецом.

— Это всё нашептал тебе дух, Нака, — горькое чувство поднималось внутри и толкало слёзы наружу. Самида она смогла расплести, но Наку?..

— И я уйду к духу, и дам ему новое тело! Ты поможешь мне? Ты станешь править людьми, как древние цари? — в голосе её не было надежды, лишь угроза.

— Нет, Нака. И ты не станешь.

Дочь отбросила в сторону ожерелье, окрасившее её руки кровью, и посмотрела на Йени глазами Самида. А после колдунья почувствовала, как чешется кожа, будто личинки мошкары поселились под ней. Нака пыталась её расплести!

— Нака, прекрати! — Йени схватила дочь за руки, но та оттолкнула её. — Нака!

Если бы она просто пыталась убить Йени, не было бы и вполовину так страшно. Но расплести — значит смыть волной с берега мира. Уверенность в глазах Наки пугала больше всего. Она знала, что ей не хватит сил, но пыталась с яростью безумца. Йени распустит её, как плохо связанную охапку хвороста. Но для этого надо решить и решиться. Йени не могла.

Вместо того колдунья ухватилась за ниточки жизни Наки и стала привязывать их к предметам в хижине, к стенам, к полу. Всё ещё чувствуя неприятное шевеление под кожей, Йени попятилась к выходу, когда заметила золотой блеск в углу. Нака металась, будто одержимая, но не могла сдвинуться с места, вплетённая в дом, и лишь дико закричала, когда Йени взяла золотой череп в руки. Не глядя на дочь, колдунья спустилась по лестнице. Ноги обожгло холодом земли, а руки грела золотая маска в виде черепа.

Нака ещё нескоро выпутается из хитрого плетения. Йени должна успеть.

В камышах поджидал большой крокодил. Он приподнял морду над землёй и приоткрыл пасть, глаза его глядели безразлично. Йени села на холодную спину и, прижавшись к ней всем телом, прошептала:

— Плыви к Ануахэ.

Мёртвые иногда возвращались. Это были уже не те люди, лишь злые духи в телах людей. Разве хочет мать вредить дочери? Так и духи предков не хотят вредить потомкам, но если они потеряют своё тело, его может занять безумный дух.

Йени встретила троих людей, которых Нака увела с утра, на узком изгибе реки. Они плыли против течения, загребая руками, будто вёслами. Рыбы выбросились из воды и беспомощно били хвостами на берегу, но ночные звери не спешили лакомиться подношением реки. Лес стоял такой тихий, что плеск воды казался оглушительным. Крокодил попытался нырнуть, но Йени удержала его.

Разве мать обрадуется, если её ребёнок вернётся с Ануахэ?

— Стойте! — крикнула Йени, но мертвецы и не подумали. Эти духи злы и безумны. Свои тела они потеряли давным-давно. Может, истлели кости, или они по глупости обменяли свои тела на дары духов. А Нака сама принесла им дар. Теперь духи без плоти мучаются в стране мёртвых, а их тела с новыми хозяевами плывут по реке, и ничего хорошего нет у них на уме. Они ненавидят тех, кто облечён плотью.

Йени остановила крокодила и сделала единственное, что могла — расплела тела. Кожа, мышцы, кости таяли, будто растворялись в воде. Даже если человека съест зверь, дух может поселиться в звере, даже если тело сожгут — дух спрячется в пепле, если пираньи обглодают тело до костей — дух останется в костях. Но если тело расплести, духу негде будет спрятаться, а, оказавшись бесплотным в мире живых, он пропадёт вслед за телом.

Три голубоватые вспышки озарили ночь — последние крики духов.

Река ещё долго была тихой, но чем дальше уплывала Йени, тем чаще слышала из камышей пение лягушек и насекомых. Луна светила тускло, но женщина видела, как впереди расступаются нависшие над рекой деревья. Скоро эта река сольётся с Великой рекой. А на изнанке Великой реки течёт Ануахэ.

Йени надела золотую маску.

Крокодил нырнул.

Первыми в мире мёртвых Йени встретили перистые рыбы. Они выпрыгивали из воды по обе стороны от крокодила, смеялись и исчезали в молочном тумане, затянувшем Ануахэ. Река казалась бесконечной во всех направлениях. Из тумана выплывали островки с красной травой, и на каждом таком островке сидел или лежал мертвец. Одни просто провожали Йени взглядом, другие показывали пальцем на её крокодила, третьи кивали в ответ, но никто не издавал звуков. Йени узнала воды молчащих, хоть ни разу и не плавала по ним. Самид рассказывал, ещё до того, как безумие поглотило его.

Тому, кто не хочет к ним присоединяться, тоже лучше помалкивать.

Когда красные островки остались позади, туман расступился, открывая колдунье остров мёртвых. Здесь оказывались все умершие, приплывшие в крокодильих клетях. Йени подождала, пока крокодил не заплыл на мель, и только тогда слезла с его спины. Оказаться по грудь в мёртвой воде ни одному живому не захочется, будь он хоть трижды колдун. Крокодил вылез на берег следом, своим тяжёлым туловищем проминая белый песок, стирая с него маленькие следы Йени.

— Будежш? — раздалось рядом. Из песка поднялся чёрный мертвец с голым черепом. В ссохшихся руках он держал золотые ракушки.

— Что? — переспросила Йени и не узнала свой голос. Он был слишком звонкий, будто бы сначала растворялся в воздухе, а в уши проникал лишь через мгновенье.

Мертвец кивнул на крокодила.

— Менять. Будежш?

— Нет. — Йени поспешила прочь от бездомного мертвеца, но тут же к ней подступили другие такие же. Все они потеряли свои клети и встречали приплывающих на Ануахэ, надеясь выменять клети на дары. Йени слышала сказки о том, как хитрые люди приплывали сюда за золотом, прихватив с собой несколько клетей. И, от жадности разменяв их все, сами оставались на берегу с мертвецами чахнуть над своим золотом, ведь забрать в мир живых этих людей никто, кроме колдунов, не мог.

— Я не буду менять, — женщина оттолкнула мертвеца, что сунул ей прямо под нос золотую рыбёшку.

Остальные недовольно зашуршали, но колдунья прошла мимо, а крокодил проковылял за ней, не обращая на мёртвых внимания.

Стоило уйти с берега, и Йени попала будто бы в другое место, будто бы очутилась на краю шумного базара, уходящего далеко-далеко, что

даже края не видно было на тусклых просторах. Мимо провезли воз с костями, запряжённый огромной жабой. Погонщик глянул на крокодила Йени оценивающе, но приставать не стал. Зато торговка в пёстром платье из змеиной чешуи предложила колдунье змеиные головы, двенадцать штук за палец. Йени отказалась.

Она будто бы плыла против течения, плечами задевая чужие плечи: волосатые, колючие или шершавые; остановиться значило быть отнесённой обратно. И поэтому Йени упорно шагала вперёд. Она не знала, как найти духа, что заколдовал Наку, и даже спрашивать его по имени не стала, ведь здесь каждый — амади. Пусть лучше он сам найдёт её по золотому черепу.

Шумела толпа мёртвых ещё громче, чем шумят люди, собираясь в такие толпы. Стучали черепки, бухали барабаны, топали слоновьими ногами гиганты из костей. Но даже за всем этим шумом Йени услышала рёв золотых труб. Диковинные лавки закрывались, а погонщики жаб оставляли свои телеги без присмотра, все мертвецы потянулись на зов, и колдунья последовала за ними. Ни о чём таком Самид не рассказывал.

Из тусклого ничего выплыл огромный дом из золота, он был далеко, но и отсюда Йени могла оценить его величие и блеск. Мертвецы не обратили внимания на золотой дом, они обступили площадь, в центре которой в трубы дули две огромных обезьяны с витыми рогами из золота. Третья, маленькая и стоящая на двух лапах, читала со свитка из змеиной кожи:

— ...бесплотному даруются тела... Во славу царя!.. Золотой дворец незыблем! Во славу царя!

Мертвецы повторяли следом «Во славу царя!». Внутри у Йени всё оборвалось, как тогда, когда люди принесли ей весть про колдунью в маске-черепе. А что Амади рассказывал Наке, что обещал в обмен на тела людей? Самиду он сулил власть. Йени готова была поклясться предками и предками предков, что это именно этот дух, хозяин мёртвых, терзал её мужа. А Наке... Наке обещал любовь. Ценой в безумие.

— ...тела всех живущих станут клетями для духов умерших, что страдают в сырости! Во славу царя! Колдуны помогут нам!

Йени всегда была похожей на тихую реку: даже упавший камень надолго не потревожит её вод. Но тут она почувствовала себя далёкой грозной стихией — морем, куда, бурля, впадают все реки, а оно закручивает их в водовороты и швыряет об берега. Она растолкала мертвецов впереди себя и встала перед обезьяной. Глаза у обезьяны были медные.

— Кто приказал тебе говорить это?

Мартышка вся съёжилась и прижала змеиную кожу к груди. На её волосатой морде не находилось места ничему, кроме смущения, будто сама Йени повелела ей читать свиток.

Колдунья тронула золотой череп.

— Веди меня... к моему жениху.

— Как пожелает царица! Во славу царя! — запищала обезьяна.

Большие обезьяны, подгоняемые маленькой, взвалили трубы на плечи и двинулись к золотому дворцу. Йени и крокодил пошли следом.

Мертвецы расступались перед ними, и даже те, у кого вместо глаз была пустота или лягушки, смотрели с любопытством.

Дворец сиял без солнца, его в самом густом тумане было бы видно. Йени никогда не видела таких домов — только слышала легенды про них, да Самид иногда рассказывал, в каких прекрасных жилищах обитали цари. Неужели эти цари и вправду были такие сильные, что повелевали жизнями, не умея их расплетать?

Ворота охраняли медноглазые львы. До людей Нака дарила друзьям с Ануахэ сплетённых животных, чтобы духи могли поселиться в них. Если бы всё закончилось животными! Пока открывались золотые ворота, Йени успела уронить пару слёз, жалея дочь и Самида.

Обезьяны и львы, мирные друг к другу, остались за воротами, а колдунья с крокодилом вошли в сад. Здесь не было зелени, какую можно встретить в мире живых, но все деревья и цветы, выкованные из золота, были по-своему красивы. Хоть и слепили глаза. Дворец казался совершенно пустым, в окнах не горели свечи, никаких звуков не доносилось из дома. Йени оглянулась на крокодила. Тот стоял с открытой пастью и не шевелился. Колдунья наклонилась к нему и, погладив по голове, сказала:

— Если дух золотого дома победит меня, а сам не погибнет, плыви отсюда в мир живых, найди мою дочь Наку и... — Йени помолчала немного, — ...и никого к ней не подпускай, и саму её не пускай к людям или духам.

Крокодил захлопнул пасть.

Дорожка, ведущая через сад, была выложена тёплыми чёрными камнями, они грели босые ступни, но это было не тепло домашнего очага, а жар болезни. Словно Йени шагала по тысячам лбов лихорадящих людей. Первый раз в жизни ей захотелось натянуть на ноги сапоги из звериной кожи, как делают это люди, идя на болота.

Колдунья отвлеклась лишь на мгновенье пытаясь рассмотреть, есть ли у камей глаза и уши, но мгновенья хватило, чтобы хозяин дома сам вышел навстречу.

— Нака! — позвал её голос, который она старалась забыть.

Но Самид был невысок, и кожа его была тёмной, как древесная кора, а хозяин дворца возвышался над Йени так, что ей пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо. Белая, словно у личинки, кожа обтягивала его тело. Она была такая тонкая, что колдунья разглядела под ней череп и кости. На бёдрах и на шее у царя мёртвых висели золотые диски, а на щеках чернели символы солнца. Глаза у Амади были голубее неба.

— Я не Нака, — колдунья сняла маску и поглядела в эти глаза.

— А-а, Йени, — царь протянул к женщине тонкие руки, но та отшатнулась, не давая коснуться себя. — Почему ты не хочешь обнять своего мужа?

— Не пытайся морочить меня, дух. Мой муж расплетён в мире людей, и его душа растворилась в воздухе. Ты мог забрать его голос, но меня тебе не обмануть.

Амади опустил руки и поглядел на Йени так внимательно, словно старался через плоть разглядеть душу. От его взгляда кружилась голова.

— Ты права. Прости меня за нерадушный приём, но ты видишь, я тут один, а те слуги, которые есть — глупые звери.

— Духи в звериных телах.

— Не встречала ли ты по пути моих слуг-людей?

— Я их расплела.

Йени до боли в глазах глядела на Амади.

— Что ж, тогда мне самому придётся проводить тебя в мой дворец. Будь гостем.

Царь мёртвых поманил колдунью за собой, и та пошла, хоть ноги её хотели повернуть назад.

Крокодил остался стоять на месте — испугался или просто не мог войти в золотой дворец.

— Тебе нравится сад, Йени? Многие люди обменяли бы своих детей на букет цветов отсюда. Но ты любишь своих детей, правда? — Амади шагал так гордо и так мягко, будто был львом.

— Зачем ты это говоришь? Ты понял, что я пришла говорить с тобой не о золоте.

— Но о детях.

Царь проводил колдунью под крышу дворца, но не повёл внутрь, усадил на широкой площадке с резным забором. Здесь стоял низкий столик с яствами, и прекрасно было видно золотой сад. Амади тоже сел за стол и жестом предложил Йени угощаться. Колдунья не шевельнулась, застыв под стать своему крокодилу.

— Посмотри, Йени, меня похоронили не в бедной клетушке, а в этом дворце. Раньше здесь каждый день мне прислуживали тысячи слуг, и сотни тысяч служили мне по всему миру, потому что я был царём, и солнцем и луною, водой и воздухом, жизнью и смертью. Люди любили меня и восхищались мной. Жили мной. Но потом с запада явились твои предки-колдуны. Они разрушили всё, а после перегрызлись между собой, как стая гиен над поверженным львом. Теперь люди живут, словно дикие звери, у них нет царя, который был бы любим, как отец и почитаем, как бог. Люди вымаливают у колдунов милости, забыв, как им жилось раньше. Ты порицаешь меня, не ведая истории, Йени.

Колдунья не знала, что сказать в ответ, и это злило её, ведь не могла же она поддаться речам злого духа. Но в одном Амади был прав — женщина не знала своей истории, не знала, откуда взялись колдуны, и почему они могут сплетать и расплетать. Неужели этот мертвец настолько древний, что застал те времена?

— Ты желаешь зла людям. Ты желаешь зла мне и моим детям. Ты сделал моего мужа безумным, а теперь сводишь с ума дочь...

Амади остановил Йени жестом, и та, сама не поняв почему, умолкла.

— Я лишь желаю вернуться и править своими законными землями. И я не свожу людей с ума, с ума сводят золото, власть, любовь. Если человек слаб — душа его не выдержит, и тут нет моей вины. Я лишь хочу получить желаемое. Ты здесь, а это значит, что я нашёл то, что мне нужно.

Йени чувствовала себя мертвецом с вод молчащих. Что собирается сделать Амади — вселиться в неё? Но без согласия её духа ему это не под силу. Как и убить Йени. Да и что толку её убивать? В мире мёртвых она так же будет колдуньей, и так же сможет сплетать и расплетать... Йени стиснула зубы. Амади не приходит в мир живых, потому что он лишь мертвец. Ему нужно тело, в котором будет колдовство.

— Самид не умел расплетать людей, а Нака не умеет даже сплетать человеческие тела. Зачем ты искал пути к их душам?

Губы Амади обтянули зубы.

— Я не искал пути к их душам. Только к телам.

Горечь догадки вытеснила даже страх. Йени единственная, кто может расплетать людей. Любое тело. И Амади использовал Самида, как куклу — проверить, что сделает Йени. Царь не вселялся в него, но заставлял творить зло, и колдунья не выдержала, убила своего мужа. Потом Нака стала такой же, но Йени не смогла.

Слёзы покатились по щекам. Колдовство не нужно Амади, как подумала женщина сначала. Ему лишь нужно тело, которое Йени не сможет расплести.

— Почему ты плачешь? Разве случается что-то ужасное?

Слова иссякли, остались только слёзы и решительность. Наке не справиться с Амади, слишком слаба, да ещё влюблена. Её душа будет мучиться в плену, пока царь мёртвых будет править живыми, а Йени взирать на это со стороны.

— Не трогай её.

— Мой выбор не так уж велик. Только она и три твои старшие дочери. Другие тела ты расплетёшь без сожаления. Отведай вина, Йени, и ступай в мир живых. Если чему-то начертано судьбой случиться, это случится.

— Нет. Оставь их. Возьми моё тело.

Амади подался вперёд, впился глазами в лицо колдуньи, будто пытаясь понять, серьезны или нашёптаны страхом её речи.

— Думаешь, ты сможешь заключить мой дух в своём теле, как в клети?

Не сможет, Йени это знала. Рано или поздно Амади возьмёт верх, и уже душа колдуньи окажется в плену.

— Я попробую.

— Я уважаю твой выбор, — мертвец протянул руку через стол, — договорились?

— Да, — колдунья коснулась пальцами руки царя мёртвых.

Амади закрыл глаза и улыбнулся.

Йени распахнула глаза и глубоко вдохнула. В мире живых ещё не наступило утро. Опять молчали все ночные твари, и только тихо плескалась вода о шершавые бока крокодила, да шуршали деревья на ветру.

Предрассветная река была холоднее вечерней, ноги у Йени окоченели, и заледенели пальцы на руках, но колдунья умиротворённо пропускала этот холод сквозь себя, ощущала его всем телом и желала, чтобы этот момент никогда не кончился. Она ощущала тяжесть в груди. Не ту, которая бывает от дурных вестей или переживаний, а будто кто-то живой и тяжёлый сел сверху. Кто-то, кого не прогонишь просто поднявшись, от кого не отмахнёшься рукой и не отговоришься словами.

Сколько у Йени есть времени, прежде чем она станет Амади? Два дня или год, а, может, десятилетия? Можно успеть попрощаться с дочерьми или вовсе дожить свой век.

Или договориться с царём мёртвых, править с ним бок о бок.

Йени хотела горько расплакаться, но сдержала слёзы. Она наклонилась к крокодилу и прошептала ему в зелёную морду:

— Охраняй моих дочерей.

Тяжесть в груди заворочалась, рванулась так, что потемнело в глазах, но колдунья умела расплетать очень быстро.

Крокодил остановился, не понимая, куда делся груз с его спины. Сделал круг, проплыл вдоль берегов. Нырнул, поискал под корягами.

Но так и не нашёл Йени.

Татьяна Томах

ЖРЕБИЙ

Вестник прискакал в Поселок на рассвете. Загнанный шиим, роняя с морды клочья пены, замертво упал возле самых ворот. Длинные когти почертили в пыли несколько кривых полос. Мальчик скатился с седла и, захлебываясь криками и слезами, побежал по главной улице, к дому старосты. На полпути мальчика перехватила тетушка Инэ, ухватив пухлыми руками вздрагивающие плечи.

— Что? Что? — запыхавшись, спросил растрепанный со сна староста. Тетушка Инэ, подняв встревоженные глаза, произнесла слова, которых не слышали в Поселке уже сорок лет:

— Варги. Варги идут.

Староста сгорбился, как будто постарел еще сильнее. Неловко приглаживая пятерней седые волосы, побрел на площадь. К колокольне. Объявлять время жеребьевки.

Заморыш Дин стоял позади всех, возле двери. Смотрел.

Мама осторожно поставила на стол кувшин для жеребьевки. Отец развязал кожаный мешочек, высыпал камни. Откатил в сторону один — белый; пересчитал, поглаживая коричневым пальцем оставшиеся, черные. Спросил хмуро:

— Нас пятнадцать, мать?

— Убери один. Ингрид не будет тянуть.

— Это еще почему? — немедленно взвилась Кларисса. Растолкала всех, подошла к столу, тряхнула рыжими кудрями. Уперла кулачки в бока, развернулась, толкая локтями детей и оборачивая гневное лицо сначала к Ингрид, потом к маме. — Почему?

Ингрид смутилась, опустила взгляд.

— Это не твое дело, Кларисса, — мягко сказала мать.

Отец задумчиво покатал гладкий черный камушек по столу. Возразил:

— Теперь это ее дело тоже. Все должны знать. Скажи, мать.

— У Ингрид будет ребенок. Один камень — одна жизнь. Ингрид не может тянуть. Ты знаешь, Сим.

— Интересно... — растерянно протянула Кларисса. — Интересно, как это...

Щеки Ингрид заалели. Она судорожно, с всхлипом, вдохнула.

— Вранье, — громко и уверенно сообщила всем Кларисса, разворачиваясь кругом и заглядывая в глаза столпившихся вокруг членов семьи. — Она это придумала, чтобы увильнуть.

— Ингрид сказала мне об этом месяц назад, девочка, — мама ласково тронула запястье Клариссы. — Ты волнуешься, я понимаю...

— Вранье! Ингрид всегда была в твоих любимчиках, ма... всегда!

— Тсс... — мама обняла вздернутые плечи Клариссы, погладила худую вздрагивающую спину: — Ты боишься... мы все боимся...

Громко, испуганно вздохнула Лина, захныкал четырехлетний Петер.

— Так, — отец со стуком отложил в сторону камешек, ссыпал остальные в кувшин. Добавил белый. Один. — Давайте покончим с этим поскорее. Детям до десяти лет это все смотреть необязательно. Кира, возьми Петера и уходите наверх.

«Я могу дождаться результата», — подумал Заморыш: «если жребий, выпадет Клариссе, то...» То что? Ему стало стыдно. Кларисса ведь тоже была его сестрой. Ну, да, она дразнила его чаще остальных... Но ведь он уже решил — или нет?

Отец несколько раз встряхнул кувшин. Камни внутри сухо стукнулись друг о друга. Как кости. Кости кого-то, умершего много лет назад...

Интересно, подумал Заморыш, сколько лет этим камням? Сто? Двести? Тысячу? Сколько рук, дрожащих и потных от страха, шарили в темноте кувшина, трогая холодные каменные бока... Пытаясь наощупь отличить — черное от белого. Жизнь от смерти.

— Так. Ну, кто первый?

Заморыш вдруг увидел, как тонкая белая рука медленно тянется к черному жерлу кувшина. Агния! Побелевшие губы вздрагивают от волнения, глаза зажмурены, а дрожащие пальцы уверенно движутся прямиком в жадно раззявленную пасть, уже проглотившую четырнадцать камней. Тринадцать жизней и одну смерть. Тринадцать. Агнии было тринадцать. На три года больше, чем нужно — чтобы идти сейчас наверх вместе с Кирой и Петером. Чтобы прожить потом счастливую долгую жизнь. И, возможно, уже не дождаться следующего прихода варгов — через пятьдесят лет или через сто.

Агния... Если она вытащит белый камень, она не позволит Заморышу...

Заморыш рванулся, расталкивая братьев, сестер, племянников.

Успел. Вырвал недовольно звякнувший кувшин прямо из-под руки Агнии.

— Поставь его на стол, Замор... Дин. Он должен быть на столе, когда ты... — отец запнулся, изумленно глядя на Заморыша.

Заморыш перевернул кувшин вверх дном, рассыпая камни по столу, опять перемешивая их — выбранные для жребия и отложенные в сторону.

— Что ты делаешь, сынок? Что...

Заморыш ухватил белый камень, сжал так, что пальцам стало больно; поднял над головой.

— Жребий, — сообщил он. — Жребий у меня.

— Что ты делаешь, сынок? — испуганно повторила мать. Но в ее голосе ему почудилось облегчение. Заморыш никогда не был ее любимчиком.

— Дин, — Агния ухватила его за локоть, как будто пытаясь добраться до камня. — Динчик, зачем? — она чуть не плакала. — Так неправильно. Скажи ему, папа.

— Кто взял в руку белый камень, уже не может выпустить его... Это правила, Агния, — немного неуверенно отозвался отец.

«Они рады», — подумал Заморыш: «Они все рады, что это я. Все, кроме Агнии. Но она жалеет даже мертвых комаров...» Он знал, что это не так.

Агния любила его... ну уж точно больше, чем мертвых комаров... Но так думать было проще.

Они ушли на рассвете. Прощались по очереди. Мать всплакнула, поглаживая Заморыша по спине твердой ладонью. Но никто так и не посмотрел Заморышу в глаза. Возможно, они не были уверены, что, несмотря на слова отца, вчерашняя жеребьевка была честной. А, возможно, так — не поднимая взгляда — прощаются со всеми, остающимися умирать.

По-другому было только с Агнией. Она все-таки расплакалась. Промочила насквозь слезами рубашку Заморыша. Вцепилась в его тощие плечи, не хотела выпускать. Шарила растерянным взглядом по лицу, пыталась заглянуть в глаза. Только теперь Заморыш прятал от нее свой взгляд.

— Это неправильно, Динчик. Я останусь с тобой, хочешь?

— Слушай, Агния. Может, это и неправильно, но это Правила. В каждом доме должен остаться только кто-то один. И... хочешь, я скажу тебе, зачем я вызвался? Только никому.

— Клянусь тенью варга. Никому, — торжественно прошептала Агния, широко раскрыв и без того большие глаза. И, кажется, пока раздумав плакать.

«Потому что я люблю тебя, Агния. Потому что я хочу, чтобы ты жила. Потому что...»

— Потому что я не собираюсь просто сидеть и ждать, пока варги сожрут меня. Я буду драться с ними. У меня есть меч. Настоящий. Помнишь, я показывал тебе в старой книжке...

— Но оружие запрещено, Дин...

— Знаю. Я сам его сделал. Помнишь, я работал на кузнице? Я сделал его... потихоньку...

— Ох, Дин, какой ты храбрый... Какой...

Заморыш подумал, что за этот восхищенный взгляд Агнии он готов еще десять раз взять в руку ледяной белый камень. И десять раз сразиться со всеми варгами мира.

— Агния, — позвал он.

Она обернулась уже возле калитки. Заморыш подумал, что навсегда запомнит ее такой — ну, по крайней мере, на все те часы, которые ему еще оставались. Копна огненных волос, освещенных заходящим солнцем; блестящие от слез глаза.

— Пообещай мне кое-что, Агния.

— Да?

— Пообещай, что ты не бросишь рисовать. Пусть отец ругается, пусть мама говорит, что девочке это не нужно... много она понимает... Они говорят, что я слабоумный...

— Динчик, — запротестовала Агния.

— Знаешь, когда я смотрю на твои картинки, я думаю, что не все так отвратительно, как кажется. Ну, не так, как мы здесь живем. В Поселке ведь ничего не меняется. Все так, как сто лет назад, или тысячу. Летом — сенокос, осенью — пляски урожая, потом — стрижка шиимов. И так каждый год. И все время — страх перед варгами. Мне выть хочется, когда я об

этом думаю. Вот они и говорят, что я слабоумный, раз думаю о том, о чем не думают другие. А когда я смотрел на твой рисунок — тот, с огненными цветами, я... у меня просто дух перехватило. И мне почудилось, что когда-нибудь все изменится. И я понял, что больше не хочу бояться варгов.

— Отец растопил им печку, — вздохнула Агния.

— Ты нарисуешь еще лучше. Пообещай мне.

— Хорошо. Я буду рисовать для тебя, Динчик. Я не брошу. Обещаю.

«А я буду драться за тебя», — подумал он, глядя, как она уходит. Иногда оборачивается, а иногда пускается бежать, догоняя семью. «И за твои рисунки».

«Мы платим дань варгам. Так заведено», — сказал староста на собрании. Кем заведено? Когда? Зачем?

Чтобы не убили всех, в Поселке оставались те, кого выбрали жеребьевкой. Дань варгам.

Никто не знал, что варги делают со своей данью. Сьедают? Целиком, не разжевывая, с одеждой и сапогами. Или парализуют жертву, как водяной паук неосторожных птичек, чтобы мясо стало мягким — а потом полосуют на кусочки и скармливают своим черным клыкастым шиимам?

«Я не хочу быть данью», — подумал Заморыш. «А еще больше я не хочу, чтобы Агния была Их данью».

Днем, вынув меч из тайника, он немного потренировался во дворе. Теперь не нужно было прятаться от домашних и соседей. Заморыш придумал еще два приема нападения, воюя с козлами для дров и туго набитыми соломой мешками. Рука заныла — как тогда, когда он попробовал упражняться с мечом в первый раз.

А на закате он уселся на полу, напротив двери. Ждать.

Они пришли ночью.

Скрипучая дверь открылась бесшумно. А, может, и не открывалась вовсе — варг просто просочился сквозь дерево, а теперь стоял, молча глядя на Заморыша.

Варг был выше самого высокого мужчины Поселка на две головы, а по сравнению с Заморышем казался просто гигантом. Черные доспехи второй кожей обтягивали мускулистое тело... или это и была кожа? Шипастая маска-шлем; глаза, сияющие молниями в грозовом небе... Заморыш прислонился к стене, задыхаясь от страха. Бесполезно. Жалкая жестяная самоделка в мальчишеской руке — против этого чудовища?! Может, лучше взять зубочистку? Рука дрожала, поднимая неожиданно потяжелевший меч.

А потом он разозлился. Подумал об Агнии, ее восхищенных глазах и огненных цветах на ее рисунках. И о том, как обещал драться за нее.

Белая молния вспыхнула в быстрой руке варга, отшвырнула мальчика обратно к стене, чуть не вышибла меч. Заморыш упал на колени. Дышать было больно — будто по груди проскакало стадо перекормленных шиимов. Варг ждал, стоя неподвижно и спокойно, молния полыхала в его ладони, черные губы гнулись в довольной улыбке. Издевался.

— Ты мной подавишься, людоед, — вздрагивающим голосом сказал Заморыш, и снова ринулся на скалящегося варга. Семь защит и пять жалких приемов нападения, выдуманных в битвах с безответными холщовыми мешками, заметались, путаясь друг с другом. И расшибаясь о молнию — клинок? — в ладони варга. Один раз, увидев черное лицо противника совсем близко, Заморыш заметил, что тот смеется. Варг играл с ним, как шиим играет с кроликом, прежде чем располосовать ему когтем брюхо. Заморышу захотелось уронить свой бесполезный меч и расплакаться. Он зажмурился, чтобы не видеть летящую навстречу молнию; и вдруг увидел на обороте закрытых век — как он опять шагает к столу и тянет руку к белому камню... Дурак, дурак... Он что, не понимал тогда, что умрет? Дурак... Крича и плача, Заморыш попробовал остановить свои собственные пальцы, уже почти тронувшие жребий — там, в прошлом, которое нельзя было изменить... Его опять отшвырнуло к стене. Удар был так силен, что Заморыш сперва решил, что умер. Но, даже умерев, продолжал тянуться к проклятому камню. Агния, вспомнил он. Агния. И сомкнул пальцы на белом жребии, сжимая его в кулаке. Во второй раз. Крепко, как бог весть какую драгоценность, которую кто-то собирался отнять. Агния. Заморыш поднимался, не чувствуя своих ног и не видя ничего перед собой. В глазах метались огненные круги... цветы, которые нарисовала Агния. « Я буду драться за тебя», — сказал Заморыш: «Я буду...» — и упал на сверкающий меч варга.

— Вставай. Ну, отдохнул — и будет. Помочь?

Черная ладонь варга замерла перед лицом. Заморыш отшатнулся, ударился затылком о стену, застонал. Что, он не умер?!

Варг сел рядом на пол, подогнув длинные ноги — теперь еще больше похожий на человека.

— Мне повезло, — улыбнулся он: — наверное, больше остальных.

Откинув голову, варг стащил шипастый, второй кожей облегающий лицо шлем. Взъерошил пятерней короткие светлые волосы, улыбнулся — теперь не черными, обыкновенными розовыми губами. Светло-серые глаза весело смотрели на мальчика.

— П...почему повезло? — сипло спросил Заморыш, чувствуя, что теряет рассудок.

— Мой будущий ученик уже сдал первый экзамен. И очень неплохо, кстати.

— Ученик?

— Ну, конечно, если ты не решишь потом выбрать другого учителя. То, что я тебя нашел, не обязывает тебя быть именно моим учеником. Но я был бы рад...

— Вы кто? — перебил Заморыш, сомневаясь, не умер ли он все-таки. Или не сошел с ума.

— Пограничник, — улыбнулся варг. — Почему ты думаешь, вы тут так спокойно живете? Ни войн, ни чудовищ, ни стихийных бедствий... а? Потому что мы охраняем вас.

— Зачем?

— Ну, — пограничник пожал плечами: — кому-то ведь надо это делать. И лучше, если это будут те, у кого хорошо получается. Да, иногда мы набираем новых воинов.

— То есть, дань, которую вы собираете... те люди...

— Люди, — кивнул пограничник, — которые потом станут воинами, чтобы защищать остальных.

Заморыш сидел, растерянно разглядывая собеседника. Извилистый длинный шрам на щеке, еще один, едва заметный — на шее. Светлые насмешливые глаза, взгляд — как острие меча — быстрый и опасный.

Все оказалось по-другому. Не убийцы, а защитники. Не бессмертные варги, а обычные люди. Их можно ранить, и, наверное, убить. Но они все равно зачем-то становятся воинами, чтобы защищать других людей. Родителей Заморыша, сестер и братьев. Бестолковую тетушку Инэ, хозяйственного старосту. Самого Заморыша. И Агнию.

— Спрашивай, — предложил пограничник. — Я вижу, ты хочешь спросить. Прежде чем выбрать, нужно понимать, что ты выбираешь. Спрашивай.

— Почему... — Заморыш запнулся. Наверное, нужно было спросить, что ему нужно выбирать. И зачем. И обязательно ли. То есть, если варг оказался человеком и не собирается убивать его и съедать, нельзя ли Заморышу тогда остаться дома и подождать, пока вернутся папа и мама. И Агния. Но он сказал совсем не то, что собирался: — Почему, если вам нужны воины, почему у нас оружие запрещено?

— Как ты думаешь, где проще найти алмаз — в куче стекляшек или гальки?

Пограничник улыбнулся на удивленный взгляд мальчика.

— Раньше, — объяснил он, — когда-то давно, так и было. Нас не боялись, а любили. Восхищались. Девушки пели про нас песни, старики рассказывали сказки, юноши мечтали стать такими, как мы. К нам шли добровольцы, каждый день. Не было жеребьевки, не было страха, они приходили сами. С радостью и надеждой.

— Это ведь хорошо? — неуверенно спросил Заморыш.

— Знаешь, зачем они приходили?

— Чтобы стать пограничниками?

— За славой. За добычей. За восхищением родителей и соседей. За песнями и любовью девушек. Только не затем, чтобы держать границу и защищать людей. А на границе неправильный выбор — это смерть. Они погибали, эти добровольцы. А иногда опытные лучшие воины тоже погибали из-за них. Только потому, что эти мальчики выбирали неправильно. И потому, что командирам было сложно выбрать из них настоящих воинов. Это как в кувшине наощупь искать белый камень из сотни черных. Понимаешь?

— Жеребьевка! — воскликнул Заморыш. — Но это ведь сейчас жеребьевка! В каждом доме вытягивают жребий, и вам достаются случайные, те, кто...

— Те, кто решает сопротивляться, когда сопротивление бесполезно. Кто решает сражаться, когда оружие запрещено. Драться с чудовищами, которых невозможно победить. Те, кто сами выбирают жребий остаться на смерть, чтобы защитить родных и любимых.

— Но ведь...

Пограничник поднял ладонь, прерывая Заморыша, и продолжил.

— Только им мы даем выбор. Остальным — кто вытащил белый камень случайно, кто не пытается драться, кто заранее согласился на рабство или смерть — мы не открываем наших лиц и не предлагаем места в отряде. Они отправятся в наш приграничный поселок — заботиться о шиимах, готовить еду, строить крепости. А таким, как ты, мы даем выбор.

Он замолчал.

— Какой? — очень тихо, почти беззвучно, спросил Заморыш, не дождавшись продолжения.

— Ты можешь пойти со мной. Стать моим учеником. Потом — воином. Ты получишь настоящее оружие и доспехи. И научишься сражаться с настоящими чудовищами. Их хватает, знаешь ли, — пограничник опять усмехнулся, пригладил пятерней волосы, и Заморыш увидел у него еще один шрам — на виске. — Быть пограничником действительно опасно, мальчик. Иногда нас убивают или калечат. Часто ранят. А те, кого мы защищаем, ничего не знают об этом. Не сочиняют о нас хвалебных песен. Они нас боятся и ненавидят.

«Заманчиво звучит», — подумал Заморыш: «Интересно, кто-то соглашается стать пограничником по доброй воле? «

— ... Но дело в том, что я уже однажды это выбрал. Сам. И каждый раз выбираю заново, когда выхожу в дозор. Потому что я знаю, что если я этого не сделаю, и те, кто идет со мной, не сделают — этого некому будет делать. Защитить мир за моей спиной. И всех, кто там живет.

— Это страшно?

— Что?

— Сражаться с чудовищами?

— Ну... Не страшнее, чем броситься с самодельным мечом на жуткого черного варга-людоеда, — пограничник улыбнулся и поднялся на ноги одним гибким и быстрым движением. Протянул Заморышу руку:

— Так что?

— Что?

— Что ты выбираешь?

— А что я могу?

— Можешь пойти со мной. Или можешь выбрать другого учителя. Или...

— Или?

— Можешь остаться.

— Что?!

— Я говорил, что только таким, как ты, мы даем выбирать? Пограничником можно стать только по своей воле, мальчик. Только так из тебя получится хороший воин.

— А... из меня получится?

— Думаю, что да.

— Но я могу остаться дома, если хочу?

— Можешь. Я даже не стану тебя просить никому ничего не рассказывать. Во-первых, тебе не поверят. А в-вторых, ты и сам не станешь. Да?

— Не стану, — подумав, согласился Заморыш.

Он понял, что и правда может остаться. Дождаться родных. И Агнию. И жить дальше, как обычно. В мире и спокойствии. Потому что где-то там, на далекой и опасной границе, такие же воины, как этот, будут продолжать защищать их от чудовищ. Защищать Заморыша и его семью. Всю деревню. Другие деревни и города, которых Заморыш не видел и никогда не увидит. Весь мир. И Агнию. И ее чудесные рисунки.

— Ну, ладно, мне пора, — сказал пограничник. — Рад был познакомиться.

— Стойте!

Заморыш будто со стороны смотрел, как его собственная рука медленно, но упрямо тянется к приглашающе раскрытой ладони пограничника. Опять — к единственному белому жребию среди горсти черных камней, обещающих спокойствие и долгую мирную жизнь...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Правда и ниЧего кроме правды

Публицистика

Сергей Игнатьев

25 ЛЕТ «ТВИН ПИКСУ»

«Твин Пикс» пришел в Россию в разгар эпохи перемен. Общество потребления стремительно захватывало банки, телеграфы и телефоны. И та неоднозначная реальность, которую препарировал Линч, вскорости оказалась очень близкой и понятной.

Я говорю про ту реальность, про тот сеттинг, в котором первая школьная красавица и отличница в свободное от уроков время нюхает кокаин и фотографируется для издания «Мир Плоти», пробуждает в себе сексуальность с мутноглазыми заезжими типами, и, втайне посмеиваясь, просвещает в половом вопросе наивных однокашников. Окончательно зачернив душу, оказывается беззащитна перед инфернальным демоном, но вместе с тем превращается в невинного ангела, воплощение искупительной жертвы.

Про реальность, где за соседним забором может оказаться мальчик-волшебник с мудрой бабушкой, а может — чокнутый любитель орхидей с заточенной тяпкой. Где попытки установления личности заезжего ресторанного критика-анонима не уступают по напряженности и саспенсу секретному проекту ВВС по установлению контакта с НЛО.

Про реальность, где у власти находится престарелый заговаривающийся идиот, а все важнейшие решения принимаются исходя из расстановки сил в шахматной партии олигархических кланов Паккардов и Хорнов. Где работникам силовых структур остается только продаваться и встраиваться в отлаженную систему наркотрафика, или просто спиваться, или, вопреки воле начальства и здравому смыслу, организовывать тайные ордена вроде памятной Избы-Читальни.

Про реальность, где в двух шагах от более-менее пристойной и уютной жизни идет мало кому понятная война, за участие в которой вполне могут заковать в браслеты свои же коллеги. Причем одним из участников показательного процесса над тобой непременно станет парень, который еще вчера держал тебя на мушке.

Это мир, где совы не то, чем кажутся, а главное Зло подстерегает по ту сторону зеркала. Где удержаться на краю безумия помогают только тибетские медитации, заступничество высших мистических сил — призрачных великанов и мудрых поленьев. Но главное, конечно, глоток чертовски хорошего кофе.

Это Достоевский и Кафка в краю заповедных сосен, аккуратных коттеджей и уродливых лесозаводов; здесь в роскошных отелях деревянные панели скрывают потайные ходы, парфюмерные отделы блистающих супермаркетов работают как вербовочные пункты для борделей. А совсем рядом граница — за зыбким туманом и лесной чащобой призывно мигает неон, в неверных отсветах которого можно предаться любому пороку и уступить любому искушению. В мрачных пещерах таятся знаки древних индейских культов. За красными шторами, за кругом из сикомор...

Через границу легко переступить, но получится ли из-за нее вернуться?

А жизнь, между тем, продолжается... За окнами прославленной чудесным вишневым пирогом «Дабл Эр Динер» громыхают лесовозы, в телевизоре очередная серия мыльной оперы «Приглашение к любви», в баре Бэнг Бэнг в клубах табачного дыма звучат дрим-поповые напевы Джули Круз... В чащобе ухает сова, сквозь туман на ночному шоссе прорывается рев одинокого мотоцикла. Скачет с ветки на ветку бойкая птичка-крапивник, гремит водопад, на вершине которого высится отель «Грейт-Нотерн». И величественно молчат над всем этим горы-близнецы, хранящие столько человеческих и потусторонних тайн.

На сломе эпох мы как бы разом отменили свою прежнюю культуру, а новой придумать не успели, поэтому образовавшийся вакуум быстро заполнил линчевский и стивен-кинговский туман и сумрак. Национальный гештальт, воспитанный на Гоголе и Булгакове, просто очень истосковался по волшебству. Поэтому такая вот у нас ностальгия по девяностым, такие вот у нас социо-культурные параллели и облако тэгов.

Линч не был бы Линчем, если бы не добавил к высокой драме и ощущению времени, вывихнувшего сустав, изрядную долю абсурдистского юмора. На фоне решительной битвы сил добра и зла герои переигрывали оловянными солдатиками войну Севера и Юга и проводили показ мод в поддержку редкой куницы, помощник шерифа ронял на операции пистолет, ревнивая жена напрочь теряла память, психотерапевт коллекционировал коктейльные зонтики, в кабинете ветеринара поджидала меланхолично жующая лама, а в кофейнике обнаруживалась рыба. Хотя бы раз в день, как учит агент Купер, надо устраивать себе маленький праздник!

Масштабы культурного влияния сериала показывает хотя бы тот факт, что генсек СССР Горбачев в доверительном разговоре с президентом США Бушем-старшим интересовался, не в курсе ли тот, кто все-таки убил Лору Палмер?

Желание продюсеров как можно скорее дать ответ на этот вопрос сыграло роковую роль для последующих рейтингов сериала. История оборвалась на полуслове и оставила по себе некоторое зрительское недоумение. А когда все, наконец, осознали, что это было, покатила волна всевозможных подражаний, приквелов и переосмыслений... Недаром Твин Пикс посещал переодетый женщиной Дэвид Духовны, как бы предчувствуя, какая важная роль будет отведена ему в грядущем десятилетии, когда навстречу силам тьмы выступили уже не один, а двое агентов ФБР с фонариками в руках и желанием странного в сердце. А в нулевые, с ростом зрительских аудиторий и потребностей рынка, сценаристы обрушили на зыбкую грань между реальностями уже целый авиалайнер, сделав его несчастных пассажиров фигурами в шахматной партии мистических сил.

В мифологическом эпосе, настолько прочно утвердившем себя в реальности, и главный герой оказался под стать. Невероятно ясный и чистый характер среди мрачного и запутанного постмодернизма. Агент Купер — рыцарь без страха и упрека, с его диктофоном и полумистической

собеседницей Дианой и с наивным анекдотом про пингвинов, с его незыблемыми принципами (где все с большой буквы — Долг, Дружба, Предназначение, Любовь...) и детски-искренним интересом к елям Дугласа. С его умением совмещать Рациональное с Интуитивным и сохранять бесподобное чувство юмора даже на краю погибельной бездны. С его глубинным пониманием того, как все устроено в мире: есть загадки, к которым надо подходить с научным методом, но есть и такие, ключ к которым можно отыскать только во сне или при помощи бейсбольного питчинга.

В массовой культуре XX века и до «Твин Пикса» было мало положительных героев с настолько сильным позитивным зарядом. А в XXI, с его тягой к амбивалентным образам, кажется, не осталось и вовсе.

Все мы вышли из мятого плаща Агента Купера, а сам Линч вышел, несомненно, из гоголевской шинели. Его сериал — часть нашего общего прошлого, уже безусловно наш гештальт, архетип и дресс-код. И, заглядывая в него спустя 25 лет после первого знакомства, сильнее всего хочется следом за братьями Хорн, в каталажке вспоминающими танцующую девочку из детства, прошептать со смесью грусти и восхищения: «Господи, что с нами сталось?»

К ПЕРЕЗАПУСКУ «СЕКРЕТНЫХ МАТЕРИАЛОВ»

Утром 19 января 2015-го в новостях промелькнуло: канал «Фокс» планирует перезапустить Икс-файлз. Пришлось сильно зажмуриться и потрясти головой. А затем перечитать еще раз. Никакой ошибки!

Событие знаковое и этапное. Неужели дождались, Крис? Наконец-то, у нас столько вопросов накопилось.

Главный это, конечно, почему в 2012 году Землю не колонизировали инопланетяне? Мы же ждали, волновались, переживали.

Еще хотелось бы кое-что уточнить насчет полнометражной картины 2008-го года, где Скалли работает в католическом госпитале «Богоматерь Скорбящая», а находящийся в федеральном розыске бородатый Малдер сидит дома и пытается вырезками и фоточками воссоздать атмосферу своего прежнего кабинета. Причем в центре расследования какие-то неприятные югославы, разыгрывающие сюжет из Александра Романовича Беляева. И ни слова о том, кто сейчас заседает в Белом Доме и Капитолии. А ведь это очень важно, принимая во внимание последний сезон сериала (который, к счастью, почти никто не смотрел).

Возможно, что именно после выхода этого гнетущего фильма пришельцы сделали для себя важные выводы и изменили первоначальный план.

Что касается самого сериала — его тянет пересмотреть и в 2015-м году. Раз уж его главный апокалиптический спойлер не осуществился и еще есть такая возможность.

Двадцать с лишним лет назад Крис Картер, сценарист и продюсер студии Диснея, ходил по телестудиям, предлагая переснять семидесятнический сериал «Колчак: Ночной охотник» (слоган: «One man's quest to uncover the truth») на современном материале.

Согласились на это только в «20 век Фокс». И, мягко говоря, не прогадали.

Сам термин «Икс-файлз» означает собрание пыльных папок в подвальном кабинете штаб-квартиры ФБР в Вашингтоне, куда по собственной инициативе был заперт тридцатилетний спецагент Фокс Малдер по кличке Жутик (Spooky), выпускник Оксфорда и успешный охотник за маньяками.

Там он нашел свое истинное предназначение — раскрытие заговора правительства по сокрытию фактов контакта с инопланетными цивилизациями и выяснение того, куда пропала его сестра Саманта с массачусетской дачи семейства Малдеров в 1973 году?

Все это он выразил, прикрепив на стену своего подвала плакат с размытой летающей тарелочкой и тремя словами: «Я хочу верить».

6 марта 1992 года через порог его кабинета шагнула молоденькая агент Скалли, выпускница медшколы и бакалавр по физике. А вместе с ней тысячи зрителей по всему миру. А шагнув, решили остаться.

Насчет рыжеволосой карьеристки начальство явно просчиталось: приставленная к Жутику красотка не вдохновилась идеей стучать на напарника, а, напротив, разделила его крестовый поход против паутины правительственной лжи и исчадий зла, не подлежащих юридической классификации.

Слухи о том, что правительство нечисто на руку, власти всегда склонны утаить истину от народа, а летающие тарелочки вовсе не бред, упорно курсировали и до 1993 года. Но никогда еще для них не находилось столь телегеничного, универсального и столь всеобъемлющего воплощения.

Особенно такого высказывания не хватало нашей стране, где доверие к правительству определяется категориями не ума, но сердца, никто не сомневается в том, что всем заправляют спецслужбы, а целебные свойства чайного гриба и заряженной через телеэкран водопроводной воды принимаются как аксиома.

Это не говоря о том, что до шестого сезона все снималось под Ванкувером, который со своей дождливой моросью и пасмурным небом до боли напоминает отечественное межсезонье.

Поэтому герои как-то мгновенно стали родными и близкими. Кажется, мы знаем про них буквально все. Что Малдер в детстве любил одеваться Споком, а Скалли нарочно застрелила змею и случайно уморила кролика. Что его первым словом было «JFK», а ее любимой книжкой — «Моби Дик». Что он не может без семечек, а она в глубине души осталась католичкой. Что он писал под псевдонимом в журнал «Омни» и получил 4 огнестрельных ранения, а ее померанского шпица съел реликтовый плезиозавр. Что он ненавидит богомолов и любит кинокартину «Plan 9 from Outer Space», а у нее есть татуировка в виде уробороса на спине,

и в свое время не получилось потерять невинность на выпускном из-за пожарной тревоги...

Энциклопедия жанра хоррор, вобравшая в себя все страхи и фобии восьмидесятых, девяностых, и отчасти даже нулевых. Сериал вместил в себя столько кочующих сюжетов и тегов, успев отметиться хотя бы в формате сорокаминутного высказывания по всем важным жанровым ответвлениям. Парочка агентов сидела в засаде в зарослях на краю секретных авиабаз и несла ответ в высоких кабинетах. Они ездили в Антарктиду и Африку, покоряли уровни игровой виртуальности и изображали семейную пару из «симсовского» пригорода, превращались в стариков на «летучем голландце» и стреляли друг в друга в особняке призраков, спасали франкенштейновского монстра и оказывались статистами в чужом «дне сурка», спасались от реликтовых светлячков и разумной грибницы... С решительным «Freeze! FBI!!!» Малдер и Скалли преследовали разнообразных «монстров недели» — криптидов, мутантов, вампиров, оборотней, мексиканскую чупакабру, майринковских големов и кафкианских человекожуков. Во всех широтах и географических зонах — от полярных льдов до жерла действующего вулкана... И, конечно, посещали десятки маленьких американских твин-пиксов, в каждом из которых находились свои мрачные тайны и районная власть разной степени адекватности, создавая подробную летопись американской изнаночной жизни.

В одной из серий Малдер ездил в Россию, на место падения Тунгусского метеорита, и обнаружил там исправно функционирующий ГУЛАГ. А в штаты вернулся с агентом КГБ (чешско-канадский артист Ян Рубес) на хвосте. И, нельзя не отметить, что уже довольно пожилой мужчина Василий Песков в грязь лицом не ударил, и дал там им всем прикурить. Знай наших.

Большинство встреченных персонажей пыталось героям помешать, чаще всего — убить их. Особенно много крови попортил тройной агент русского происхождения Алекс Крайчек. Информаторы — отступники Синдиката мистер Икс и Глубокая Глотка, ООН-овская блондинка Коваррубиас — вели какую-то свою игру.

По-настоящему помогали немногие: принципиальный замдиректора Уолтер Сергей Скиннер, редакция журнала «Одинокий стрелок» в составе трех гиков Байерса, Фрохики и Лэнгли (за свои особые заслуги удостоившаяся 13-ти серийного спин-оффа), так и не появившийся ни разу в кадре Дэнни из ФБР (мистически-бюрократическая сущность сродни куперовской Даяне) и, наконец, преемники по кастингу — агенты Доггет (Роберт Патрик) и Райс (Аннабет Гиш).

Картина масштабного заговора, сперва казавшаяся продуктом личной паранойи Малдера, постепенно вырисовывалась. Есть некий Синдикат, который еще в семидесятые сдал алиенам свернутый американский флаг, есть Курильщик, главный представитель этого Синдиката. И кстати, это он застрелил Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. И кстати, они связаны с Малдером родственными узами... Мозаика собиралась по кусочкам. Выяснилось, что инопланетяне — пресловутые большеголовые «зеленые

человечки» с выпуклыми глазками — планируют колонизировать Землю при помощи разумного вируса, имеющего вид черного масла. Что к нему невосприимчивы гибриды — клоны пришельцев и людей. Что Синдикат себе на уме и тайно разрабатывает вакцину. Что у пришельцев существует своя радикальная оппозиция, безликие повстанцы, которые против колонизации. И после того, как им удалось расправиться с Синдикатом, в 8-9-м сезонах, колонизаторы так уже устали от всего, что прислали на Землю каких-то немыслимых «суперсолдат» прямиком из сайфай-палпа тридцатых годов, с дружелюбными человечьими лицами и заданием подменить всех собой в правительстве. Самое страшное, что у них, кажется, получилось.

Параллельно с эволюцией основной сюжетной линии, из научно-фантастического процедурала сериал развивался в сторону сюрреализма с элементами социальной сатиры, уходя все дальше в какую-то пелевинщину и монти-пайтоновщину. Создавая беспрецедентный миф, сами же его и деконструировали.

Герои попадали и в формат молодежной комедии, и в реалити-шоу, а в какой-то момент даже выступали консультантами на голливудской съемочной площадке, оказывались в сеттингах, под заказ собранных Стивеном Кингом и Уильямом Гибсоном... Такая типично постмодернистская эклектика, жанровая пестрота, местами даже бурлеск.

Брюс Кэмпбелл из «Живых мертвецов» играл странствующего демона, мечтающего завести детей. Ехидная татуировка на плече говорила голосом Джоди Фостер. Майкл Эмерсон (впоследствии прославившийся как Бен из Лоста) играл психокинетика, переделывающего окружающую действительность под декорации «Семейки Броуди». А Терри О'Куинн (впоследствии прославившийся как Лок из Лоста) умудрился выступить аж в трех разных ролях — полицейского сержанта, «плохого» АНБ-шника и федерального агента. Майкл Джей Андерсон, как бы предвосхищая свою самую звездную роль в «Карнавале» Кнауфа, командовал кочующим фрик-шоу. Ли Эрмей, незабываемый сержант-инструктор из «Цельнометаллической оболочки», читал провинциальные проповеди, а Брайан Крэнстон, будущий титанический Уолтер Вайт, несся без остановок по трассе в серии с говорящим названием «Драйв».

Но главное, конечно, что это одна из лучших историй про любовь в мировой культуре.

Он верил в чудеса и бейсбол, а она взвешивала человеческое сердце на весах в морге и, проводя вскрытие, мечтала о пицце. У нее были рыжие кудри и скептический излом тонкой брови, а у него ироничная улыбочка и экзестенциальная печаль в зеленых глазах. Она читала Капоте и любила ванну с пеной, а он и метал карандаши в потолок и искал отблески глобального заговора в порно. У обоих не сложилась карьера и личная жизнь. Обоих, в конце концов, похитили и чуть не уморили до смерти те самые пришельцы, чей заговор они так настойчиво пытались распутать. У обоих были, конечно, связи на стороне. У него — с однокурсницей-британкой, бывшей напарницей и одной вампиршей. У нее — с преподом из

меда, с преподом из Квантико и с одним мертвым парнем. Но они всегда возвращались друг к другу. «Mulder, it's me...» «Scully are you okay?» Пароль и отзыв совпали. Зачатие было непорочным, но ребенка назвали в честь дедушки по папиной линии — Вильямом.

Двое умных и тонких людей на протяжении 140 серий никак не могли понять про самих себя одну важную вещь. Так и дотянули до самого миллениума, когда стало уже некуда дальше откладывать, и только тогда, наконец, по-настоящему поцеловались.

Крис Картер придумал вселенную, в которой разом ожили все заголовки желтых газет и все самые дикие идеи самых сумасшедших фантастов (про одного такого даже есть специальная серия). 202 (+2) доказательства того, что никому нельзя верить, а истина, какой бы близкой она не казалась, всегда где-то рядом, но никогда — у тебя в руках. Плюрализм с релятивизмом. Все, что мы принимаем за действительность, оказывается лишь представлением, зависит от точки зрения наблюдателя. И смена точки зрения меняет и само представление. Эта принципиальная недостижимость истины окончательно примирила скептиков с мечтателями. В конце концов, единственным, что оказалось важным после пятнадцати лет поисков и потерь, приведших к скучному фильму 2008-го года, это то, что бывшие федеральные агенты наконец-то живут вместе.

История про красивых и честных госслужащих в скучных костюмах и с правом ношения табельного оружия, которые пытаются сохранить лицо и веру в чудо, несмотря на яростное сопротивление окружающей среды.

Получилось настолько убедительно, что в наши дни Икс-Файлы воспринимаются не как мифологический мета-эпос, вдохновивший создателей «Лоста», «Грани», «Сверхъестественного» и всяческих «Костей» с «Хранилищами». И даже не как снимок эмоциональной карты подросшего поколения веб 2.0. А как более-менее логичное объяснение того, в каком мире мы живем прямо сейчас, и как в нем все устроено.

Александр Тишинин

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

— How do you do?
— All right!

— Как ты это делаешь?
— Всегда правой!

Точный перевод

Думаю, ни для кого не секрет то, что зарубежные фантастика и детективы с каждым годом продаются все хуже и хуже, впрочем, как и отечественные. Тиражи падают, и многие издательства вообще отказываются от темы фантастики как таковой. Тем не менее, старые переводы, сделанные еще при советской власти, продаются... И вновь переиздают Саймака и Шекли, Гаррисона и Кларка, Чейза и Агату Кристи. Причем какими тиражами!.. В чем же причина такого странного положения вещей? Привычка к определенным именам, ставшим для российского читателя классикой жанра? Отчасти «да», но проблема много глубже и сложена она из нескольких составляющих.

В первую очередь, в падении спроса на иностранные детективы и фантастику виноваты, как ни странно, сами издатели. Пройдитесь по московским и питерским издательствам, поговорите с заведующими редакциями, которые по большей части решают, что и как издавать. К сожалению, эти люди отдаленно не представляют себе многообразие жанров в которых работают, а если говорить точнее, они в лучшем случае знают только тех авторов, которые уже переведены на русский, да еще пару десятков, права на которых продавались на последней книжной ярмарке. То есть, ныне издатели — люди совершенно не компетентные в своей области, хотя порой неплохо знают иностранный язык. Почему так? Советская цензура создала своеобразное видение англо-американской литературы, «уничтожив» многих классиков и возведя в ранг «отцов-основателей» писателей, которые никоим образом не могли претендовать на такую роль. Возьмите хотя бы Шекли и Чейза. И тот, и другой — классики для российских любителей фантастики и детективов, но... ныне они малоизвестны за рубежом, однако хорошо знакомы горе-редакторам. И поэтому, чтобы не морочить себе голову, зав. редакции говорит: «Зачем что-то переводить, искать “новых” авторов, издадим-ка мы очередного Саймака, его народ любит». И еще более безграмотный торговец ему потакает. Однако издатель забывает, что читатели любят лучшие романы Саймака, проскочившие в печать в семидесятые годы прошлого века. Так ли интересны все остальные произведения этого автора? Да и перевод... Но об этом чуть позже. В финале мы имеем полные собрания сочинений ряда писателей, большая часть произведений которых неинтересна и, я бы сказал, чужда российскому менталитету. Читатель берет одну книгу «любимого» автора, вторую, третью и... ему не интересно. Потом он

подсознательно начинает считать, что или он сам перерос автора или... Он теряет интерес к данной теме, но издатель не успокаивается. Поезд едет дальше! Ведь та часть читателей, которая покупает книги про запас, на полку, помня о том, что один из первых романов этого автора, прочитанный в юности — превосходен, продолжает покупать его книги на автомате. Потом, в один прекрасный момент, читатель открывает книгу... и вот после этого он еще долго ничего покупать не станет.

Однако это лишь одна грань вреда, который причиняет детективно-фантастической литературе безграмотный редактор. Назовем это условно **«синдромом обезьяны»**.

Вторая роковая ошибка подобных издателей — **синдром «бестселлера»**, то есть любовь к книгам, которые хорошо продаются на Западе. На любой международной ярмарке, множество книг объявляются бестселлерами... Но будет ли американский бестселлер интересен российским читателям? В четырех из пяти случаев можно с уверенностью сказать: нет. Почему? Разный менталитет, разное восприятие реальности, разный культурный уровень... Учитывают ли это издатели? Нет, конечно. Они не специалисты, и даже если бегло читают по-английски, в принципе не могут прочитать то, что приобрели на опционах, хотя бы из-за объема приобретенного. Подобное безумство происходит повсюду. Издатель возвращается с очередной книжной ярмарки с огромной пачкой некой «литературы», объявленной за бугром бестселлерами, и тут же начинает издавать, чтобы отбить деньги, потраченные на права, и заработать. Но когда книги появляются на прилавках, оказывается, что они не востребованы и более того — порой их и вовсе читать невозможно.

Примеров подобного головотяпного издания книг можно привести множество. Одно московское издательство передало на перевод фантастическую книгу для детей. Главный герой — мальчик, у которого умирает мама. У героя кругом неприятности, и вот у него появляется друг — старый вяз, который, как Карлсон, все время втягивает мальчика в какие-то авантюры, мораль которых показывает мальчику, какой он ничтожный. Но станет ли читать подобный «бестселлер» российский ребенок? Нет. История явно для девочек, слишком сентиментальная, грустная — мальчишки такого не любят. Но и девчонки читать не станут, потому что главный герой — мальчишка. А то, что главный герой вместо того, чтобы выходить победителем из любой ситуации, всякий раз терпит фиаско... Любой наш юный читатель во многом ассоциирует себя с главным героем... Много ли российских мальчишек сядут поплакать просто так, ради того, чтобы поплакать? Тем более, что большая часть проблем, встающая перед ребенком, скорее, надумана, а не реальна. В Англии и Америке это — бестселлер, у нас — книга провалилась. Нет у нас стольких ущербных юных садомазохистов. В другом издательстве каждому, вновь устраивавшемуся на работу редактору, главный редактор вручал стопку откровенной макулатуры — романы (не комиксы!) о приключениях Супермена, Человека-паука и прочих заморских героев (по большей части новелизации мультфильмов и комиксов!) и, со значением

глядя в глаза, просил внимательно прочитать и отрецензировать эти литературные «шедевры». Однако всякий раз, получая отрицательные отзывы, главный редактор хмурился, прятал стопку в стол и отправлялся на поиски нового рецензента. Вскоре кто-то из рецензентов не выдержал и часть «шедевров» украсила полки любителей фантастики...

Расскажу еще одну историю. Готовили в нашем издательстве макет «под заказ» одного американского автора. Проверяю конечный результат. Читать нельзя — бред. «Ну, — думаю, — переводчики накосячили, редактор текст не смотрел». Вызываю «творцов». Редактор показывает оригинал. Все точно, переведено один в один, но совершенно непонятно ни о чем книга, ни кто, ни где, ни зачем. На обложке американского издания стоит пресловутое «бестселлер», книга основана на произведениях Биндера[1] и Таннера (о таких авторах российский читатель и слыхом не слыхивал), и что делать? Нынешний зав. редакции, без сомнения, отдал бы книгу в печать и вышел бы еще один нечитаемый уродец. Я звоню заказчику, говорю: так и так, книгу читать нельзя. «Ну, сделайте что-нибудь, доллары за права-то уплачены», — отвечает тот. Я звоню профессиональному литератору — месяц работы, книга переписана заново и... Она действительно становится бестселлером на российском рынке. Вторую книгу этой серии переводят и издают один в один — тираж идет под нож, потому как это читать невозможно.

А ведь есть издатели, которые печатают книги и вовсе их не читая. Поверьте: есть (к сожалению, в данной статье меня очень просили не называть имена). Такие издатели не знают английский, презирают рецензентов и ориентируются на журнал «Локус» и картинку на обложке со словом «бестселлер». Их любимые фразы: «Такие они, эти американцы» и «Ну, я-то свои деньги отбил». Вот он — типичный издатель... И появляются на книжных прилавках книги зарубежной классики фантастики и детектива (которые вовсе и не классика), и которые можно и вовсе не издавать. Однако это еще далеко не все. Наши чудо-издатели, даже не ведая о том, что творят, уничтожают и те неплохие тексты, которые попали в список издаваемых ими «классиков-бестселлеров».

Дело в том, что основное безумство нынешних любителей фантастики и горе-критиков, которые не понимают смысла существования литературы как таковой, но носят в сети на разных сайтах высокопарные и красивые титулы типа «миротворец» или «грандмастер» — **синдром точного перевода**. Это недавно возникшее помешательство, которое губит не только отдельные книги, но превращает в бессмысленное занятие художественный перевод как таковой. Однако не будем голословны. Все «любители» жанров нахваливают переводы, сделанные в советские времена. Почему? Начнем с того, что фантастическая и детективная литература, кто бы что ни говорил, по большей части относится к развлекательному жанру. То есть книга в первую очередь должна читаться с интересом, чего и добивались переводчики в прежние времена, редактируя автора, пользуясь

[1] Кстати, в России никто не подозревает, что знаменитые три закона робототехники сформулировал не Азимов, а Эндо Бидер в своей серии о роботе Адаме Линке.

фразеологическими словарями, придавая книге при переводе тот или иной оттенок, делая её более читаемой и правильной в идеологическом отношении. Но порой переводы были довольно далеки от оригиналов. А некоторые переводчики-асы, вроде А. Стругацкого и А. Щербакова позволяли себе и вовсе чудовищные (по мнению современных любителей фантастики) вещи. Они выкидывали фразы из текста! Исправляли ошибки автора, помня основную идею хорошего перевода, сформулированную еще А. Толстым: **«Книга должна читаться так, словно ее писал носитель того языка, на который ее переводят».** Но что мы видим: принцессы Заразинии (Zarozinia) и красавицы Морды (Morda) заполонили полки. А что стоят приключения эльфа Дриста (Drizzt), в последующих изданиях превратившегося в эльфа Дзирта! Интересно, если мы правильно назовем лапшу «Доширак» (буквы «ш» в корейском языке нет, есть буква «с»), многие ее купят? В одном крупном московском издательстве мне заявили:

— Исправьте текст, штат Юта не склоняется.

— Но...

— Возьмите «Странноведческий словарь»

— Но там он склоняется. Университет Юты и т. д.

Задумчивое молчание, после чего следует убийственный по своей глубине и многозначности ответ:

— А у нас в издательстве принято его не склонять. Если вам не нравится, мы закажем переводы другому исполнителю.

Однако это только вершина айсберга. Совсем недавно, сдавая перевод детективного романа в другое крупное издательство, я столкнулся с другим безумным редактором.

Начало романа. Юная героиня заявляет папе-миллионеру, что ей совершенно неинтересно знать то, о чем думает ее отец. Калька: *«Я бы дала только полпенни, чтобы узнать твои мысли, папочка»*. Скажет так кто-то из наших соотечественников? Видимо, только безграмотный редактор. На русском эта фраза должна была бы звучать: *«Я бы и гроша ломанного не дала за то, чтобы узнать твои мысли, папочка»*. Но редактор настаивает на первом варианте. Ну, как же — переводчик исказил слова автора! Но ведь у нас совершенно иное восприятие реальности, иной зрительный ряд. Подобного точного перевода заслуживают книги из серии Лит. памятники, где точный перевод откомментирован переводчиком, который не просто точно переводит, но своими комментариями объясняет, что автор имел ввиду в том или другом случае. Однако нынешние издатели требуют точности. Возьмите московское собрание сочинение Диккенса, и станет понятно, как «точным» переводом можно убить изящную, юмористическую прозу. А ведь фраза про «монетку за мысли» даже во фразеологическом словаре есть. Но что такое фразеологический словарь Академии наук, когда очередная «девочка» без опыта работы на свой вкус и риск решает, что хорошо и что плохо?!

О чем можно говорить, когда роман Д. Симмонса, названный «Terror» (не о террористах, а о полярных мореплавателях) выходит под названием «Террор», а не «Ужас». Посмотрим словарь:

«**Террор** *(лат. terror) — устрашение мирного населения, выражающееся в физическом насилии, угроза физической расправы по политическим или каким-либо иным мотивам»*. Видимо, мирное население — команда корабля, застрявшего во льдах, или переводчик с редактором в словарь не посмотрели. А что слово «террор» — современное, цепляет читателя, только значение у него несколько другое, но это вообще никого не волнует.

На вопрос редактору: как можно назвать затерянный материк Земли «Зотик» (мужской род), он сослался на то, что в одном своем письме автор упоминал, что придумал это название, созвучное слову «антик». Единственное, о чем забыл горе-редактор, отметая прочь русскую традицию давать всем континентам женские имена — в словаре есть еще «антика». У каждого русскоязычного человека упоминание континента (от латинского continens — обширная твердая земля) подсознательно вызывает изначальный образ земли. Недаром все континенты на русском — женского рода (Азия, Африка, Европа, Америка, Антарктида). Более того, и на английском он «Zothique» с мягким женским окончанием, но редактору нравится «Зотик». Кроме того, он напрочь забыл замечательное правило В. Хлебникова: прежде чем использовать самопридуманное название, несколько раз быстро произнесите его вслух, и тогда неустойчивая звуковая форма, превратится в устойчивую. А из «Зотик» ничего, кроме «Зонтик», не выйдет.

Однако пиком творчества подобных переводчиков, редакторов и издателей стали романы Дж. Вэнса, где не потрудились даже убрать кавычки при оформлении прямой речи[1] ! А фразы типа «кивнуть головой», «подняться вверх по лестнице» и прочие, при наличии которых в 70-е годы прошлого века вам просто без комментариев возвращали перевод, теперь печатают, и есть те, кто восхищается этой графоманией. А на вопрос, как такое возможно, редактор только плечами пожимает. «У автора так написано!» — отвечает он. Да и что тут сказать, если даже у российских авторов, имеющих солидные тиражи, мы с легкостью находим фразы: «Солнце присело над горизонтом» или «шаги топтали траву»...

Но это тема отдельной статьи. К сожалению институт редакторов породил огромное количество писателей, даже официальных членов разных творческих союзов, чьи книги (после редактуры) очень приличные. А вы до редактуры их читали? Никогда не забуду удивительную картинку: редактор — дама весьма пожилого возраста (из «бывших»), сидящая за столом, и нависший над ней автор в летней пацанской маечке. Мускулистые волосатые руки, синие от зековских татуировок уперлись в стол. До сих пор в ушах моих звучит его раскатистый бас:

[1] В английской литературе прямая речь оформляется кавычками, а не тире. Слова автора, например, «сказал Петя» рубят фразу в середине. В современной русской традиции принято выносить слова автора, если они не имеют указательного смысла, за пределы слов героя, так как при смысловом порядке слов в конструкции фраз русского языка (в отличии от четко определенного порядка слов в английском) теряется ритмика повествования. Пример: Английский вариант: «Мальчики, — сказал папа, — пошли на озеро». Русский вариант: — Мальчики, пошли на озеро, — сказал папа.

— Лидия Борисовна, у меня уже три книги вышли, я могу корешам сказать, что я, в натуре, писатель?..

Вот и получается замкнутый круг: безграмотный читатель — безграмотный редактор — безграмотный переводчик. Каков результат? Грамотный человек не возьмет в руки большую часть подобных переводов, безграмотному интереснее будет уничтожать орды эсесовцев или гоблинов за клавиатурой компьютера. Отсюда падение интереса и уменьшение тиражей. И не надо винить электронные книги и пиратов. Если книга возьмет читателя за сердце, он все равно купит ее «в бумаге» и на полку поставит, чтобы в любой миг вернуться к приключениям любимых героев.

Вот и остается только бессильно плакать, словно Ярославна, видя, как вместо нормальных книг издаются груды мусора. А гениальные тексты достойных авторов вроде Браннера, Олдисса, Чалкера и многих других (истинных классиков) превращаются в нечитаемые тексты, которые даже безграмотные читатели обходят стороной[1] ...

[1] В этой статье я не коснулся финансовой составляющей работы переводчиков, нищенская оплата которых приводит к тому, что переводом по большей части занимаются непрофессионалы.

Софья Ролдугина

О ПОЛЬЗЕ ФАНТАСТИКИ

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показался под фонарём бледный юноша слегка нетрадиционной наружности. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник потерял четыреста граммов крови, а медлительный — восемьсот и ещё дурацкую шапочку.

Не то чтобы вампир Иннокентий был сильно голоден, но даже спустя двести лет трудно побороть студенческую привычку жрать по ночам.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показалась под фонарём сгорбленная старушка с бородавкой на носу. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник два месяца лечился от почесухи, а медлительный — три, и потом ещё неделю от поноса.

Не то чтобы Александра Петровна была злой ведьмой, но всё-таки старость нужно уважать.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показался под фонарём мужчина средних лет в дурацкой шляпе и с пухлым фолиантом подмышкой. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

....шустрому гопнику наложили пятьдесят два шва, а медлительному — девяносто четыре, и ещё пришлось покупать новые треники.

Не то чтобы чёрный маг Порфирий М. любил насилие, но надо ведь когда-то выгуливать ручную чупакабру.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показался под фонарём элегантный зеленокожий тип в облегающем скафандре. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник пришёл в себя через два месяца на незнакомой улице, а медлительный — через три, и оба с потерей памяти.

Не то чтобы инопланетный исследователь Кара-Ух интересовался примитивной фауной, но настоящий учёный никогда не пасует перед трудностями.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показалась под фонарём прекрасная дева в розовом платье с очень скромным декольте. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник тушил задницу в луже десять минут, а медлительный — двадцать, и ещё потом два месяца отращивал хохолок на затылке.

Не то чтобы леди Мария-Элена-Василиса умела за себя постоять, но у каждой второй принцессы по статистике есть дракон.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показался под фонарём какой-то чудак, одетый в чёрную рясу. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник получил три перелома, а медлительный — четыре, и ещё фингал под глазом от кадила.

Не то чтобы патер Александр отрицал милосердие, но сорок лет охоты за упырями кому угодно привьют определённые рефлексы.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. Вдруг показался под фонарём огромный страшный серый вроде бы пёс. И (хотя это явно была дурацкая идея) как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник теперь воет по полнолуниям, а медлительный — по новолуниям и полнолуниям, а ещё с тех пор не может вывести блох.

Не то чтобы Арсений получил удовольствие, кусая грязные ляжки, но вежливому оборотню сложно отказаться, когда его так настойчиво приглашают.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показалась под фонарём разбитная рыжая девица в бронелифчике и с копьём. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник вставил четыре зуба, а медлительный — пять, и ещё две недели потом стеснялся смотреть в сторону дам-с.

Не то чтобы автор одобрял Мэри-Сью, но из двух идиотов в финале обычно торжествует более симпатичный.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показался под фонарём молодой человек с острыми ушами и странным чехлом за спиной. Ну как тут не поинтересоваться про семки и закурить?..

...шустрый гопник вытащил потом из задницы две стрелы, а медлительный — четыре и ещё сборник похабных эльфийских анекдотов.

Не то чтобы принц Офигениэль разменивался по мелочам, но в тот вечер принцесса в пятый раз ушла от него к дракону.

* * *

Однажды ночью два гопника из Верхнего Мамыря, которые не читали фантастики, а потому не знали элементарных правил, томились в тёмном переулке от интеллектуального безделья. И вдруг показалась под фонарём толпа странно одетых людей, некоторые из которых бренчали на лютнях и пели песни тонкими голосами. И тут бы самое время поинтересоваться про семки и закурить, но гопники, наученные горьким опытом, спрятались за мусорным баком и целый час сидели, как зайчики.

Не то чтобы ролевики были добрыми и безобидными, но гопники, к сожалению, упустили первый и последний шанс приобщиться к великой культуре и перестать наступать на грабли.

Говорят, какая-то добрая волшебница, которая была в Верхнем Мамыре пролётом из Лондона на Лысую гору, приучила их потом к чтению.

Но это уже совсем другая история.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Рассказы, отобранные редакцией альманаха с ежемесячного конкурса-тренинга АСТРА-блиц, проводимого каждые последние выходные месяца по адресу:

http://astranova.livejournal.com/

Темы блицев этого номера:
«На самом деле нет второго», «Если вам не в радость», «Секретный сервис», «Творцы и боги», «Если крысы бегут с корабля», «Если друг оказался вдруг», «Простое неверное решение»

Конкурс-тренинг открыт для всех желающих!

Анна Самойлова

БЕЛЫЙ И ПУШИСТЫЙ

«Когда в последний раз вы чувствовали себя фантастически? Поздравляем, у вас есть возможность испытать самые невообразимые эмоции! Представьте себе: первобытная планета, девственные джунгли, чистейшие озёра, полноводные реки, нетронутые горы! Представьте, на этой замечательной планете вас ждёт ИСТОРИЯ!

Только для вас туристическое агентство «Сафари incorporated» организует тур «white and fluffy» на незабываемую планету Онурис...»

* * *

О! Ещё один сафарист идёт! И этот на рекламу купился. Экипировка неслабая: камуфляж, супернавороченный автомат с оптическим прицелом ночного видения... Явно не простой обыватель. А, какая разница!? Охотник и охотник... Так, куда он свернул? Ага, к менгирам... Ну-ну. Лёгкой добычи не ищем. Зайрочки, значит, нас не привлекают, нам сразу медверда подавай! Сам Белый и Пушистый ему, значит, нужен. Как неожиданно! И не боится ведь... Пойти, что ль, поговорить?

— Эй, мил человек, куда путь держишь?

— Вы кто? У меня проводника в договоре нет.

— Да не, я так, поинтересоваться. Оружие у тебя хорошее. Поохотиться приехал к нам или как?

— Ага, медверда хочу подстрелить. Говорят, у него шкурка очень красивая. Белая и пушистая! Есть они ещё тут? Не всех повыбили? Желающих-то наверняка немало? Я путёвку вон сколько ждал!..

— Да как сказать, есть-то есть, вот только не простой это зверь. На него охотиться не так легко. Бывали тут с разным вооружением, и с рогатиной, и покруче, чем у тебя. В основном классика — охотничьи ружья: двустволки там, карабины... Мой дед ходил на медверда с рогатиной. И отец тоже ходил с рогатиной... А с этим, даже не знаю...

— Да ты смотри! Автомат — хоть дракона вали... Оптика, пули со стальным сердечником...

Ушёл... обиделся... Ну, что ж, на обиженных, как говорится...

Хорошее всё ж таки дело — эта «Сафари incorporated». Классная придумка! Хлопот немного, и медверд сытый. В деревню не ходит, не пакостит. Жаль только в лес пока не пойдёшь. У нашего ведь, у Белого и Пушистого, теперь на один супернавороченный автомат больше будет. Ну ничего, в спячку ляжет, разоружим. Не впервой! Вон, арсенал в деревне теперь не слабый...

Эх, дед, эх, батя... Не верили вы в силу прогресса! Всё по старинке хотели деревню защитить...

Пойти, что ли, ещё рекламу проплатить? Да постов по сети с отшопленными фотками накидать, виды, кстати, можно дать и настоящие. И главное, полайкать побольше! Они на лайки-то страсть как клюют.

Мария Акимова

КУРЬЕРСКАЯ СЛУЖБА ДОСТАВКИ

Секунду назад его не было. А теперь, вон, стоит. Веснушчатое лицо, рыжие патлы из-под бейсболки, одет несуразно, а кеды вовсе изолентой замотаны. Да еще и спрашивает ее о чем-то.

— Вы Мельников Николай Александрович? — терпеливо повторил парень.

— Молодой человек, — очнулась Лариса, — вы ослепли? Какой я вам Николай Александрович?

— Какой... Семьдесят пятого года рождения. Русский. Неженатый.

— В точку, мы с ним в разводе.

— Ага, — растерянно протянул тот, — А как же доставка?

Конверт в его руках задрожал. Долго шло это письмо, поистрепалось, адрес под штампами едва заметен.

Дела бывшего мужа давно не интересовали, но проснулось любопытство:

— А что там?

— Успех. С развитием по экспоненте.

— Чего?

Лицо курьера сделалось скучным с легким оттенком «Ну, что я сейчас непонятного сказал?»

— Успех по всех начинаниях, — снова произнес он, — Накопление по мере искренности высказанных пожеланий.

— Это деньги, что ли? — попыталась перевести на нормальный язык Лариса.

— Женщина, мы деньгами не занимаемся. Не собес.

Женщина?! Слово ударило по ушам. Еще бы теткой назвал. Не настолько она и старше. Женщина, скажите пожалуйста. Лариса нахмурилась, буркнула: «Не живет здесь больше» и попыталась захлопнуть дверь. Некогда ей дурака валять.

— Погодите! Погодите! — увидев, какой оборот принимает дело, парень отчаянно рванул створку на себя — порядком напугав хозяйку квартиры — и зачастил на одном дыхании, — Отчего же вы так? Ведь и вам я когда-нибудь что-нибудь принесу. Не может быть, чтобы такой девушке ничего искренне не желали.

Лариса невольно вспомнила своих заклятых подруг, те разве что облысение с курьером прислали бы. Искреннее. С развитием по экспоненте.

А парень, заткнув собой щель между дверью и косяком, говорил уж совсем жалобно:

— Ну, не я же виноват, что так накапливается. Бегаешь потом, ищешь. Сегодня удача редкая. — три доставки в один подъезд! Вы представляете? Вот, Зинаида Анатольевна Окушкова...

— Умерла пять лет назад, — покачала головой Лариса.

— ... крепкое здоровье и долгие годы... Как умерла?

— Да так. Не дождалась баба Зина крепкого здоровья.

— Степанов Сергей Петрович. Пожелание сдохнуть

— И его нет..

— Сдох? — с надеждой уточнил курьер.

— Нет, в деревню уехал, на чистый воздух. Получше нас живет.

— Жаль.

Тут Лариса вконец рассердилась. Жаль ему, видите ли! А что кто-то счастья не дождался, не жаль?! От невысказанного гнева парень отпрянул.

— Ну зачем так? Я всего лишь доставляю... А желаете вы сами...

И курьер исчез, только мелькнули в воздухе крылышки на старых кедах.

Сергей Битюцкий
ДОРОГА В НИЧТО

...никаких мотивов. Решительно никаких. Восемнадцать убийств за четыре месяца. Все утром — с семи-тридцати до восьми-ноль-ноль. Все — на километровом участке второстепенной дороги из районного центра в Михайловское. Никаких попыток ограбить убитых. Никаких признаков экстремизма. Некоторые пытались скрыться, большинство оставалось на месте преступления. На допросах все клялись, что ничего не помнят.

— Ну хоть какие-то связки есть?

— Есть. Убивал всегда пассажир с правого сиденья. Единственный раз убил водитель. Но эта машина была праворульной. То есть, убивал человек, сидевший справа.

Первые три случая были совпадениями, толкнувшими нас на ложный след. Тогда каждый раз убивал водителя случайный попутчик, взятый на трассе. Там, на окраине Волочанска, полно народу голосует — едут утром на работу на Михайловский комбинат. Мы встали на версию секты маньяков. Версия с треском разлетелась. Убил брат брата. Потом муж — жену, которой недавно подарил на машину. Потом...

— А по стоимости машин? По социальным группам?

— Каша. Никаких зацепок. От «москвича» до «BMW». Народ в этих местах суеверный, сразу же перестали брать попутчиков. Комбинат пустил автобус. Когда в этом автобусе непьющий передовик убил двоих и троих ранил, автобус отменили.

— Где?

— Здесь же, на проклятой версте, как её окрестили.

— Патрулировали?

— Каждый сантиметр облазили. С собаками. Дежурных ставили. Пока капитан Сычёв, объезжая дежурных, не застрелил своего водителя.

— О как.

— Ну да, пока ты в столице прохлаждался, мы тут не скучно жили. Его тут же взяли его же патрульные. Он не сопротивлялся. Твердит, что внезапно потерял сознание и пришёл в себя с табельным в руке. Уже месяц, как местные вообще перестали здесь ездить. Предпочитают кругаля давать восемь километров через Слободку. Батюшка местный без зазрения

совести нагнетает, проповедуя про грешников и происки Сатаны.

— Силь, но ведь должно же быть объяснение. Без сверхестественной дьявольщины.

— Базару нет, должно. Кому вот должно, хер сыщешь.

Милицейская «десятка» вывернула с Волочанской грунтовки на корявую Михайайловскую двухрядку. — Кто в этот раз вызвал?

— Местный грибник.

— А он, значит, не боится?

— С пешими никогда ничего в этой погибели не случалось. Позвонил, сказал, что иномарка с не местными номерами. Труп рядом с машиной, второго не видит. Приходится ехать.

— Силь, получается, что это я сижу на месте тайного киллера?

— Получается, Ромчик. Без понтов страшно.

— Твою ж душу... Ну, я тебя, ежели что, зарежу ласково. Помнишь, как нам это Ахмет говорил?

— Хотел бы забыть, Ромчик.

Машина вписалась в длинный поворот. Солнечный свет сквозь строй придорожных тополей забарабанил по глазам гулкой чечёткой. Звенело в ушах от вспышек морзянки. Трасса выпрямилась. Вдалеке нарисовалась машина с распахнутыми дверцами. Барабанная дробь света сползла с лобового на правое стекло свербящим глаз лучом магазинного сканера штрих-кода.

Василий бросил руль. Чутьё, спасшее когда-то их обоих под перекрёстным огнём, бросило вперёд руку. Выстрелы одна за другой обжигали левую щёку, а Василий бил лбом в искажённое яростью Ромкино лицо. Удар машины в дерево погасил сознание.

— Ромчик, ты в норме?

— Офуительно.

— Не ссы, зубы новые отрастишь. У нас было дэтэпэ, понял. Техника подвела. Тебя не закроют, нет состава. Пули через лобовое ушли, а оно — в дрызг. Я, если вдруг, подсоблю, чтоб ты быстрее отделался. Оформим тех, приезжих, потом надо будет вернуться с канистрами и зафигачить тут пожарчик. Смекаешь?

— Трактор потом пригони. Перепахать, чтобы последовательность деревьев по пням не смогли восстановить.

— Самый зуд — языки за зубами держать. Чтобы никто не заподозрил, что можно вот так просто. Прожектором. Телеком. Мобилкой...

Иначе — всем хана.

Виктор Романский
ДУШУ В КОШКУ

Кошка, над которой склонился У-ух, выглядела почти живой — лишь мутные глаза выдавали, что не хватает последней и самой важной детали. У-ух разопрел. Руки его висели над кошкой, будто пытались раздавить её воздухом. Э-эх стоял за спиной У-уха и сочувственно смотрел на происходящее.

— Нет, — выдохнул У-ух и тяжело опустился рядом с кошкой.

Э-эх подошёл и поплевал на руки:

— Ну-ка, дай дорогу молодёжи.

— Только в душу больше не плюй — запрещено.

Э-эх стал повторять те же движение, что минутой раньше совершал У-ух, но в результате оказался рядом с ним.

— Ни фига.

У-ух посмотрел куда-то над кошкой.

— Давай вдвоём?

Э-эх и У-ух устало поднялись. Лица их не выражали никакой уверенности в успешном исходе, но всё же они рьяно принялись запихивать душу в кошку.

— Бесполезно, — сказал У-ух, когда они снова рухнули возле кошки.

— Может, найдём контейнер покрупнее?

— Потом с ума сойдём с бумажками.

— Так ведь это не запрещено?

— Нет, но порицается.

— Всё лучше, чем бросить её тут. Сразу с небес на землю спустят.

— Пожалуй, ты прав.

У-ух растворился, а через минуту появился с телом собаки. Как и у кошки, у собаки были мутные глаза. Э-эх пнул кошку, освободив место, поплевал на ладони и тут же смутился, поймав неодобрительный взгляд У-уха, однако У-ух промолчал.

— Тоже не лезет, — отдышавшись, произнёс У-ух.

— Че делать-то будем? — спросил Э-эх.

У-ух снова растворился, а потом вернулся с медведем.

— Не лезет!

— Фигня какая-то! Тащи бегемота!

— Никак!

— Слон!

— Бесполезно!

— Кит!

— Ничего! В дуб её?!

— Совсем немного не хватает!

— Поднажми!

— Угораздило же, блин, пойти в распределение душ! Думал это проще, чем сметать города или насылать мор!

— Никак!

Э-эх и У-ух лежали без сил и тяжело дышали, а вокруг них были разбросаны по-прежнему неживые флора и фауна.

— Давай вернём её обратно, туда, откуда взялась, — предложил Э-эх.

— Запрещено.

— Почему?! Это же удобно и логично!

— А какой тогда смысл в переселении душ? Это уже никакое не переселение.

Э-эх почесал макушку:

— Ну не знаю, давай разделим на две части.

Удивлению Э-эха и У-уха не было предела, когда они увидели, что в итоге получилось.

— Видал, из одной огромной души вышло две точно таких же размеров?! Что ж это, блин, такое?!

— Да-а, — протянул У-ух. — Загадка.

Э-эх не сдавался; внезапно в голову ему пришла мысль — до того очевидная, что он подозрительно покосился на У-уха.

— Слушай, я недавно на распределении, но ты-то полжизни тут пашешь, в первый раз что ли такая хреновина?

У-ух вздохнул и, пошарив по своим карманам, достал деньги — дважды пересчитал их, а потом вынул телефон:

— Алло. Чёрт, привет, как погода, жарко? У меня опять огромная душа. Не надо на отопление? Хорошо ведь горит, долго. Переполнено? Я заплачу. Как обычно. Шутишь? Ладно, двойная цена так двойная. Пока. Не замерзайте.

— Ну как? — спросил Э-эх, когда У-ух кончил разговаривать.

— Берут.

— Класс!

У-ух с грустью посмотрел на лежащие в его ладони деньги.

— Приберись здесь, и пошли по домам.

— Слушай, а че с кошкой делать?

— Не знаю. Сунь в мешок и выброс.

Виталий Придатко
ДЕЗЕРТИР

Увезли тело.

Тяжко перекатываясь на ухабах, фургон ковылял вдоль деревенской улицы, напрочь никому не интересный. Подновленные пиктограммы ограждения от внимания посверкивали на бортах утренним солнечным румянцем.

Отвернувшись от окошка, инок Артемий вернулся к работе, то и дело поглядывая даже не на окаменевших с горя старичков — на послушника Симеона, потерянно разглядывавшего снятую со стены фотографию: костлявый мальчишка с кубком в руке, рядом — гордые родители, еще молодые.

С дедулей и бабкой все ясно: разряженные гипнозеры лежат на столе, потрудившись на славу. Основную канву внушения Артемий уже навел; теперь чета помнит, что они бездетны. Незадачливый их Андрюха уже на пути в один из Центров: никто, без паспорта, имени и истории; материал для исследований.

Схарчивший его упырь — тоже забота, в общем-то, никак не иноков. Туда снарядили пару оперативных экзорцистов, бывалых мастеров святой воды, серебра и осины.

Инокам же следует подчистить следы, оставшиеся после Андрюхи. К счастью, деревня невелика, а в райцентре трудится другая бригада, руководствуясь остаточным слепком памяти погибшего.

В миру да не останется памяти ни о волшбе, ни о бестиях. Ни, как всегда дополняли наставники, об их жертвах.

— Я так не могу, — говорит вдруг Симеон, и фотокарточка в руке у него дрожит.

Артемий вздыхает: старички явственно начинают оттаивать, времени в обрез... и на тебе тут! Сказать же не успевает ничего.

— Эх, — с пронзительной, рвущей сердце тоской бормочет старушка, — Жаль, что наказал нас Бог, не послал детушек...

— Ничего, Марфушка, и бобыли по Его воле живут, значит, надобны на свете, — уже совсем отчетливо сказал старик.

Еще с полчаса они не смогут видеть иноков, даже глядя прямо на них. Но — вряд ли больше.

— Мы не можем их так оставить, — уточняет Симеон, уронив снимок в кофр.

Это ты еще про мару не знаешь, думает инок, бросив косой взгляд на хозяев дома. Для мары такие вот, горюющие, не помня о подлинной причине горя, — лакомство; и тут невелико подспорье все их начеты, которыми положено защищать понесших утрату от нечисти, нежити или небыли иной. Начеты подточит изнутри тоска самих старичков — и тогда придет мара: есть их волю, пить их души, выедать сердца.

— Все собрал? — укоризненно и строго спрашивает Артемий вслух, но Симеон только молча сует ему кофр и подходит к бабульке. В руке — небольшой запасной гипнозер, крепко обвивший хвостишком запястье: сытый, полный сил.

Артемий отстегивает клапан кобуры.

— Я остаюсь, понял? — не оборачиваясь, говорит Симеон, нацелив зверушку на старичков. И уже им:

— Я — ваш сын, Сёма...

Артемий досадливо морщится: что за дурень! — тянет из кобуры пищаль, и вдруг замирает под пристальным взором иконы.

Что делать, Господи, вопрошает он, вразуми и не оставь бессмысленным.

Солнце прорывается над темным чубом леса, светлыми стягами ложится на стены, на пожилую чету и послушника.

— Не так, — слышит Артемий собственный голос, — Не Сёма, а Андрей. И стой ровно, я морок наложу...

Дмитрий Гужвенко

ЧЕЛОВЕК — КРАСНЫЕ ТРУСЕЛЯ И МОЛОДОЙ КЭП

Смеяться, право, не грешно,
Над всем, что, кажется смешно.

Карамзин Н. М.

Солнце село за горизонт по расписанию, напоследок осветив окно в каменной пятиэтажке на окраине Нью-Йорка.

Человек — Красные Труселя, сжав кулак, громко напутствовал:

— Главное запомни! Враги встречают по одежке! Сможешь их удивить, сможешь и напугать! Помню тот день, когда Доктор Осьминог увидел на мне красные трюселя. Так его, истерически смеющегося, и отправили в психиатрическую больницу.

— Понял, сэр! — раздался голос из-за ширмы.

— Второе главное запомни. Твое имя должно вызывать страх у нелюдей. Нелюдей, которых ты обязан крошить, как миксер спаржу! — продолжал Человек — Красные Труселя.

— Вопрос, сэр!

— Давай.

— А как я узнаю, что они нелюди?

— Очень просто. Если он в маске, или в черном чулке — можешь мочить его без угрызения совести.

— Еще вопрос, сэр. Если нелюдь снимет маску, то что делать?

— Молодой, а не очень умный. Как только он снял маску, все, он становится простым гражданином и ты должен спасать его, — вальяжно сказал Человек — Красные Труселя, — выходи уже.

Молодой вышел из-за ширмы.

— Вот мой костюм, сэр.

— Ты чего ох..л? — крикнул Человек — Красные Труселя.

— Никак нет!

— У тебя костюм из флага сделан!

— Так точно!

— Ты мудак! По-твоему, я, как последний опарыш, должен бегать и светить красными труселями поверх лосин, а ты такой, президент всего мира, одет в цвета флага. Да?!

— Ну сэр, я ж — капитан Америка!

— (НЕПЕРЕВОДИМАЯ ИГРА СЛОВ), вот кто ты!

— Сэр, вы сами сказали, имя должно...

— Тихо. Я помню, что сказал. Теперь называй меня просто Супермен, — сказал Человек — Красные Труселя, — ладно, потопали на крышу. Летать сейчас будем.

К этому времени, появились первые звезды. Шестидесятый год входил в прекрасную стадию осени.

— Так, молодой, готов полететь выше облаков?

— Так точно!

— Так точно, Супермен! — рявкнул бывший Человек — Красные Труселя.

— Так точно, Супермен!

— На, под язык положи и присядь тут на краю крыши, — сказал Супермен.

— Это что? — спросил Капитан.

— Наш космический корабль. Ну, полетели!

Земля с орбиты выглядела прекрасным шариков. За облаками игриво прятались континенты, зеленые пятна лесов соседствовали с высокими горами.

Супермен и Капитан сидели, обнявшись на крыше дома.

— Это прекрасно, сэр.

— Да, Капитан, прекрасно, — подтвердил Супермен и смахнул рукой слезу.

— Как вы думаете, люди смогут полететь в космос? — спросил Капитан.

— Не в этом веке, — грустно ответил Супермен и добавил: — Слышь, Капитан...

— Да?

— Еще раз забудешь добавить сэр или Супермен, я тебя сброшу с крыши...

Екатерина Васильева (Сычева)
СТАНДАРТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

— Подсудимый Вешник Олег Николаевич! Решением суда от 28 июля 2034 года вы признаны виновным в систематическом мыслепреступлении и приговариваетесь к деперсонации. Это означает, что вас...

— Я в курсе, что это означает.

— «Ваша честь»!

— Я в курсе, ваша честь.

— Тем не менее, согласно протоколу, я должен ознакомить вас с порядком процедуры. Приговор будет приведён в исполнение завтра. Вас подключат к деперсонатору — устройству, которое сотрёт вашу личность, оставив рефлексы и способность исполнять команды. Затем вас направят на госферму «Второй шанс», где вы будете трудиться на благо общества. Ваше имущество будет передано наследникам, а в случае отсутствия таковых перейдёт в собственность государства. Сама процедура деперсонации абсолютно безболезненна и не доставит вам никакого дискомфорта.

— Спасибо, не стоило утруждаться, ваша честь. Деперсонатор — это моё изобретение, если помните. Правда, я придумывал его для наказания убийц, а не инакомыслящих.

— Да, конечно... И общество вам благодарно... Но это не отменяет...

— Я понял.

— Подсудимый, вы имеете право на последнее желание. Полагаю, оно будет стандартным?

— Стандартным? Понятия не имею: это, знаете ли, моё первое последнее желание.

— Не дерзите, подсудимый!

— Прошу прощения, ваша честь. Раз уж мне остался всего один день, я хочу провести его дома, с близкими людьми.

— Да, желание стандартное. Оно будет удовлетворено. Но вы должны понимать, что в течение этого дня за вами будет вестись наблюдение!

* * *

Отчёт о наблюдении за Вешником О.Н. тоже оказался стандартным. Долго гулял с собакой, играл, целовал в нос. Сходил на свою пасеку, откачал мёд. Приходили друзья, пили чай со свежим мёдом, вспоминали случаи из жизни, смеялись, плакали. Запрещённых разговоров не вели. Остаток дня провёл с девушкой, её тоже целовал, и не только в нос. Секса не было — вероятно, стеснялись наблюдателей. Словом, типичный последний день.

Отчёт о деперсонации тоже не содержал ничего необычного. Процедура прошла успешно, и бывший Вешник О.Н., а ныне Работник № 416 был направлен на госферму «Второй шанс».

* * *

Работники госфермы склонились над грядками, выпалывая сорняки. Охраны на ферме не было, хватало одного наблюдателя: Работники никогда не пытались бежать. И кто, скажите на милость, узнал бы в них былых бунтарей?

На выбритую голову Работника № 416 села пчела. Тот рефлекторно хлопнул по ней ладонью. Вместо того, чтобы сдохнуть, пчела начала светиться и тихо гудеть...

* * *

Олег Вешник словно очнулся после долгого сна. Голова кружилась, но это пройдёт. Он постарался придать лицу то же пустое выражение, что и у других Работников.

Деперсонатор-шмеперсонатор... Как будто человек, который его изобрёл, не способен придумать, как запустить обратный процесс! Теперь дело за малым — вернуть личности остальным Работникам и вместе выбраться отсюда. А за этим дело не станет: сотни других киберпчёл с его пасеки уже в пути.

Жаклин Де Ге
ПИСЬМО ДЕДУ МОРОЗУ

Дорогой дедушка Мороз,

Пишу тебе заранее, потому что сюда летает всего одна почтовая ракета в месяц. Папа сказал, через три года будет каждую неделю, а мама обозвала его неизлечимым оптимистом. Я спросил её, кто такой оптимист, и она сказала, что это человек, который всегда ждёт от будущего только хорошего. И верит в это хорошее. Например, что на Марсе будут яблони цвести.

Я так и не понял, что же тут плохого и почему от этого надо лечить. Ведь папа и правда вырастил целых три яблони. И они цвели по-настоящему, красивыми белыми цветами. А вчера папа принёс нам с мамой первое яблоко — маленькое и зелёное, с торчащей из верхушки палочкой, на которой рос листик. Мама разрезала яблоко пополам и отдала мне ту половину, что с листиком. Оно было кислое, но мы сказали, что вкусное. И папа очень обрадовался. А потом ему пора было облетать территорию и он ушёл в ангар, а мама стояла с недоеденным яблоком и плакала. Не знаю, почему. Не такое уж оно было и кислое, и пахло очень приятно. Наверное, мама просто не оптимист.

Вообще на этой станции совсем не так плохо. Я научился на синтезаторе еды любой сорт мороженого делать. Марс красивый, только гулять приходится в скафандре и скучно иногда — кроме нас и робота М1825 больше нет никого. А робот старый и солнца ему здесь не хватает, поэтому почти всё время спит, даже днём.

Пожалуйста, пришли мне самый большой биоконструктор, какой только влезет в почтовую ракету. Мама сказала, они очень дорогие и их нельзя продавать детям, но ты придумай что-нибудь. Можешь мне потом ничего не дарить пять лет. Или даже семь, я согласен. Честное слово, я не собираюсь создавать ни монстров, ни опасных зверей, ни всяких там вирусов. Просто создам другие деревья — со сладкими яблоками. И кусты с малиной и смородиной, как у нашего дома на Земле росли. И ещё котёнка для мамы — чтобы она больше не плакала, и не сердилась на папу за то, что он нас сюда привёз. А из того, что останется, сотворю мальчика, такого же, как я сам. Как в той книжке, которую мама всё время читает — «и создал он его по своему образу и подобию». Только я не буду запрещать ему есть яблоки с моих деревьев. И никогда не выгоню его за это из-под купола. Пусть ест сколько хочет. Ведь он же будет мой друг.

Хорошего тебе Нового года.

Митя

Татьяна Берцева
ИГРЫ ПО-СТАРИКОВСКИ

Дядим оглядел готовую взбунтоваться группу. Типичные городские, чьи новенькие навороченные камуфляжи после недели блужданий по лесам приобрели одинаковый грязный цвет, с грозными лицами взирали на своего руководителя и готовились не согласиться с первым же его словом.

— Вы пошли в этот поход, поскольку вам хотелось приключений. Разве вы их не получили? — усмехнулся Дядим.

— Ты издеваешься над нами, старый черт! — высокий белобрысый парень давно мутил группу.

— Просто устраиваю вам эти приключения.

— Хватит! Теперь мы сами будем выбирать маршрут. Да, бойцы? Мы вернёмся назад до развилки и пойдем на запад.

— Хорошо. Только сначала принюхайтесь: вон за тем леском деревушка или хутор — дымком жилым тянет, — усмехнулся Дядим.

Белобрысый махнул рукой, чтобы люди шли за ним, и двинулся в указанном направлении. Дядим пошёл последним.

Группа подошла к крайнему дому, белобрысый стукнул в дверь.

— Хто такия? Шо надобно? — спросил из окна старый дед.

— Нам железная дорога нужна, станция.

— Чьих будете?

— Да туристы мы. Да, бойцы? Хотим домой уехать.

— Турысты стал быть, — дед высунулся из окна, рассматривая группу молодых парней в камуфляже. — Тадысь вам скрозь деревню, за околицей одесную свернуть по тропке, прям к станции и выйдете. Километров пяток будя.

Дядим подмигнул старцу и понимающе кивнул, вспоминая карту. Белобрысый снова пошел впереди.

Дед задернул занавеску и вернулся за стол.

— Не обманешь, гад! Думали, не распознаю фрицев поганых, — пробурчал в бороду. — Железную дорогу им подавай. Топи вам, а не станция!

Белобрысый рухнул на ближайшей кочке. Остальные тоже повалились, выбрав сухие места. Дядим облокотился на полуповаленную березу, закурил.

— Где мы? — снизошёл до вопроса белобрысый.

— В болоте, я полагаю, — выдохнул дымком Дядим.

— Без тебя вижу! — взорвался парень. — Идти куда?

— Куда дед послал, туда и иди, — усмехнулся Дядим.

— Да в ж... в болото он нас заслал! Что мы ему плохого сделали?!

— Плохо слушал инструктаж. Вам рассказывали, что здесь есть дикие хутора, где старики до сих пор считают, что война не кончилась. Глянь со стороны: группа парней явно призывного возраста в камуфляже. Местных партизан он всех лично знал, вы — чужие.

— Так мы ж по-русски говорили, дядь Дима, — неподдельно удивился белобрысый.

— Какой же разведчик покажет, что он не свой? К тому же говорил ты один, другие молчали, словно вовсе языка не знают. Чего ж ты хочешь?

— Домой хочу! Доволен?! Выводи, старый черт!

— Не могу. Выводить — дело благое, а я черт старый, мне не к лицу.

— Ну, извини меня, дядь Дим. Ну, бес попутал. Не ожидал, что ты нас так загоняешь. Пожалуйста!

— Ну, если только пожалуйста... — Дядим усмехнулся очередным клубом дыма. — Отдышались? А теперь слушайте внимательно.

Все замерли, забыв даже дышать. Вдали, за болотом, по рельсам мерно простучали колёса.

Старуха отдернула занавеску обратно.

— Пень трухлявый! Война кончилась. Забыл, что по ту сторону болота новую станцию поставили?

— Забыл. Бес попутал...

Алекс Гагаринова

ЖИЗНЬ ХОРОША

Морозный воздух приятно вливался в лёгкие. Пушистый снег поскрипывал под ногами. Позади Егора тянулась цепочка аккуратных следов. В парке никого не было. Да и на улице мальчик тоже мало кого встретил. В последнее время народ предпочитает сидеть по домам. С тех пор, как прилетели эти... Улыбчивые... Все боятся лишний раз из квартиры нос высунуть. Нарваться — не фиг делать. Егору пока не доводилось их встретить, но по телеку видел, бррр... Сам с удовольствием сидел бы сейчас в своей комнате, сёрфил бы по инету, если бы не отец. Прикопался, почему за четверть тройка по географии? «Вот я в твои годы...» Знаем-знаем, бабушка рассказывала, как с ремнем бегала, чтобы уроки делал. Слово за слово, пока Егор не хлопнул дверью.

Морозец пробирался под тонкую куртку — не ту с вешалки схватил. Натянул капюшон, сунул руки в карманы. Где бы перекантоваться, пока отец на свою ночную смену уйдёт?

На тонкий свист Егор сначала не обратил внимания. Но когда впереди, поперек аллеи, засветилась алая полоса с загнутыми вверх концами, типа улыбки кота из того мультика про Алису, ноги сделались ватными. Егор остановился и старательно растянул губы, хотя больше всего хотелось дать стрекача. Какого же маху он дал! Вот дурак! Решил, что раз никого вокруг нет, то можно не улыбаться! Может, не заметили? Может, пронесёт?

Не пронесло. Улыбчивый, похожий на раскаленную проволоку, тихонько посвистывал, приближаясь к Егору. Лицом он уже чувствовал идущий от полосы жар, но улыбался так широко, как только мог. Кулаки сами собой сжались. Егор зажмурился, не переставая улыбаться. «Пусть он исчезнет, пожалуйста!», просил он неведомо кого. Свист нарастал, становясь всё тоньше. Мальчик не выдержал, приоткрыл один глаз. Полоса вращалась вокруг него так быстро, что выглядела огненным обручем. Это было бы даже красиво, если не было так страшно. И так опасно. Смертельно опасно. Стоит сделать шаг и его перережет пополам. Ноги отказывались держать Егора. Он осторожно опустился на снег, подтянул колени, уткнулся в них лицом, уже не заботясь о выражении лица. Будь что будет.

Но до чего же не хочется умирать! Какой замечательный сегодня день! А впереди были Новый год, зимние каникулы... Он так их ждал! ... В носу защипало, от жалости к себе хотелось плакать. Была не была, хоть разок еще посмотреть на мир... Егор поднял голову, откинул капюшон и открыл глаза. Яркое солнце, отраженное миллионами снежинок, ослепило, заставило вновь зажмуриться. Егор вдохнул полной грудью и вдруг понял, что больше не слышит свиста. Оглянулся по сторонам — парк был пуст. И несказанно прекрасен. Прекрасно было глубокое небо, прекрасны синие тени, лежащие на снегу. Прекрасны деревья, в почках которых дремала весна, прекрасно всех согревающее солнце.

Егор улыбнулся и неожиданно подумал, что Улыбчивые, наверное, в чем-то правы. Живущие должны улыбаться.

Эльвира Жейдс

КРОЛИК И УДАВ

Из откровений старца Абаимия

Змей сыто дремал на ветке фигового дерева, прогибавшейся под тяжестью его упругого тела. Лениво подергивался хвост среди листвы, мощные челюсти застыли в спокойной глумливой ухмылке.

Солнце на закате золотило чешуйки узорчатой блестящей кожи, под которой переливались гладкие холодные мышцы. Незатейливые мысли копошились в крошечном мозгу. Простые, но навязчиво-суетливые. Как липкий сон в ночь, наполненную жаром крови и яркими образами.

Складки на веках беспокойно подрагивали. Что там жрал этот кролик перед тем, как задохнуться в стальной беспощадной пасти? Тут и травы-то под деревом нет. И всего два чахлых плода.

Мысль уперлась в точку и взорвалась в черепе змея, развалив все его существо на куски противоречивого знания. Миг, и темная живая спираль обвила старый ствол. Веки изумленно вывернулись, открыв желтую сферу с вертикальной линией зрачка. Круглые глаза зажглись пламенем ярости и страха.

Листва с шумом осыпалась и обнажила ветви вечного древа. Плодов не было...

Змей оглядел кущи с все возрастающим пониманием и интересом. Взгляд его исполнился мудростью и печалью. Он скользнул на землю и скрылся в кустах, оставив за собой в земле глубокую борозду. Бремя познания велико. Но вечная жизнь покажет...

Сергей Игнатьев

СИНОПТИКИ

В ритуале важна каждая мелочь. Формула призыва отработана поколениями и в буквальном смысле написана кровью. Не пробуйте повторить это дома. Просто не пробуйте никогда.

У нас нет выбора. Наш долг — пригласить Госпожу.

Важно правильно приготовить Дары. Упустишь любую мелочь — она сочтет это оскорблением.

Звенят колокольчики, мерно побрякивают бубны. Свечное пламя играет на острых кромках коньков и полозьях саней.

Мы облачаемся в темные мантии призыва. Цвета запекшейся крови и ночного неба, они оторочены мехом и расшиты золотыми и серебряными шестиконечными кристаллами.

Надеваем маски. Звери — слуги Госпожи: хищная волчья морда, острый клюв грача, изогнутые рога козла, навостренные заячьи уши...

У Заклинательницы, ведущей церемонию, хитрая лисья мордочка. Ее одеяние — в противовес нашим — яркое, бело-голубое. Золотистые волосы заплетены в косу. Ей идет.

Она читает из ветхой книги:

— Фериатум венерит адено...

Берясь за руки, мы составляем круг вокруг седой ели, увешанной Дарами. Громадные хвойные лапы будто хотят задушить нас в объятиях.

— Абиеннис игнис иллюминато...

Начинаем танец. Госпожа это любит. Она музыкальна. В ее песнях — шорохи метели и звон сосулек, скрип наста и вой ветра.

— Хорус криатурае гурджитис эвацисто...

Хоровод движется все быстрей. Мелькают, оживая, развешанные на ветках символы Госпожи: скалятся ярко-оранжевые зубастые шары, подпрыгивают шишки и конфеты, сельдь в заиндевелой шубе разевает пасть, кивают в такт золотые космонавты и клетчатые клоуны, снегирь надувает грудь в алых гвардейских лацканах, скачут самовары и матрешки...

— Парати сумус коимус миракулюм...

Хоровод ускоряется. Уже пляшут среди нас призрачные дети Госпожи: игольчатые ледяные демоны и массивные снежные великаны... Среди них один из старших ксеноморфов: тело его составлено из бугристых картофелин и мятых огурцов, нос-морковь, зеленые горошины глаз, вместо рук — колбасные батоны...

— Венита новис ибернакулис! — возвышает голос Заклинательница.

Трещит валежник под тяжелой поступью. Нас накрывает длинная тень. Это Вестник — длинный старик с посохом. В его мешке — гостинцы. Но он строг. Если останется доволен представлением, недолго ждать и саму Госпожу. Но если нет...

Госпожа не приходит. Она наступает. Впечатывает вас в снег расшитым серебром черным валенком.

— Абиеннис люкс, — вместе со всеми в исступлении шепчу я. — Абиеннис люкс...

Это кульминация церемонии. Бьют куранты. Хлопки пробок смешиваются с грохотом фейерверка. Мы поливаем друг друга игристым вином и осыпаем конфетти. Госпожа любит, когда шумно.

— УНОЗ! ДУО! ТРЕЗ! — переходит на крик Заклинательница, сверкая глазами в прорезях маски. — АБИЕННИС ЛЮКС!

Ель занимается неистовым пламенем, искры взлетают до небес.

В ответ сверху начинает сыпать мелкой белой крошкой.

У нас получилось.

Госпожа здесь.

Влад Копернин
КРАСНОЕ И СЕРОЕ

Серые бегут с корабля на свой адский бал, а от меня ускользают буквы и междометья...

Будто сам крысиный король их к себе призвал, у несчастного дудочника отобрав инструмент бессмертья.

Серые знают — выстроившись в ряды, голые хвосты связав и сбившись в фаланги, они станут неуязвимы. Добудут вдоволь еды. Добудут вина и женщин. Достигнут небесной планки.

Серому полчищу бес-смысленно ведать счет; даже король не знает, сколько там тел собралось: не с одного корабля, не с одной великой эскадры льет этот серый поток, источая пищащую радость: радость великой грызни, предвкушение нечистот (Ах, этот запах свежепролитой крови)!

Многих растопчут — а те, кому повезет, надеются заселить потомством девственно чистое поле.

Серые маршируют, их колонны от кораблей на городские площади льются остервенело, люди косятся, вспоминают учителей, но кто же отважится в одиночку со стаей иметь дело? От меня убегают буквы, междометия боятся огня, затаились в подвале, испуганно жмутся запятые...

А серые воют под окнами, серые наглеют при свете дня и ухмыляется их король, щерит зубы гнилые. Дудочка из берцовой кости уже не нужна ему, ему не нужно уже ни трона, ни злата. Мертвецам такие мелочи ни к чему — он уже выше (ниже) таких слов, как «успех» и «расплата».

Серые полчища — на земле сплошь серый покров: земля городов покрыта ими, а не асфальтом. А сжирать друг друга — как же им веселы игры на кровь! С какими они жрут друг друга алчностью и азартом!

Но надежда, что, как те волки, друг друга съедят дочиста, тщетна — их слишком много, самые жирные станут еще злее. Буквы, буквы мои... Междометия, точки и запятые — уповаю на вас, моя вера проста:

Станьте крысиным ядом, коль не судьба вам пролиться елеем.

Лариса Тихонова
КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Инга очнулась в клетке, еле-еле поднялась, и только тогда обратила внимание на свои руки. Кисти были вымазаны красным и скользким. Одежда обильно перепачкана, словно она перерезала кому-то горло. Представив подобную картину, Инга побледнела, но вдруг разглядела прилипшую к ладони крошечную круглую косточку.

Моментально успокоившись, она непристойно выругалась, сразу добившись внимания находившегося неподалёку существа. Дрожащее и студенистое, оно приблизилось к клетке и что-то влажно прочмокало.

— Не ругайся! — ожил переводчик на запястье пленницы. — Ты в приличном заведении.

— Приличном? Тогда кто меня закваской вымазал?! И почему сижу в клетке? Перепутал человека с какой-нибудь зверюшкой!

— Если не расплатишься за товар, я тебя прямо в этой клетке и продам! — взревел переводчик. — И если не купят в качестве зверюшки, в виде десерта с руками оторвут!

— Всё, всё, Шаробул, ты меня напугал, — моментально сменив тон, заканючила Инга. — Что я на этот раз натворила? Просила же не давать ягод больше одной порции... или двух... Кстати, какие хоть ягодки квасил?

— Когда переворачиваешь на себя месячный запас, особой разницы уже нет...

— Что-о?! — перебила она дрожащим голосом, — Месячный? Это сколько же порций?

— Можешь сама посчитать, они все на тебе. Те, что на подошвах ботинок могу подарить за счёт заведения, за остальное — плати! — угрожающе процедил переводчик, а Шаробул отрастил ложноножку и шлёпнул ей по прутьям клетки.

— Да чем за такое заплатишь! — заорала перепуганная Инга.

— Но ты же коренная обитательница планеты? — чмоканье студенистого налилось вкрадчивостью. — Собственная квартирка имеется?

— Конечно, имеется... эх, — осеклась она, но было поздно, проговорилась.

— Подписываешь на меня квартирку, и в расчёте! Ничего личного, просто у вас такое чудовищное перенаселение, что жильё не сдаётся вообще, а очень надо-о-ооо!

Переводчик захлебнулся воплем а Шаробул вдруг упал, забившись в резких волнообразных судорогах, буквально рвавших на части его мягкое тело. Извивающаяся плоть нездорово посерела, инопланетянин вдруг лопнул ровно посередине и растёкся двумя огромными кляксами. Инга напряжённо и внимательно смотрела во все глаза.

Через некоторое время обе «кляксы» опять заколыхались, стекли каждая к своему центру, приобрели объём и упругость, и, наконец, приняли вертикальное положение. Перед девушкой стояли два абсолютно неотличимых Шаробула.

— Долгожданный наследник, радость-то какая! — нежно проворковал один студень, любуясь другим. — Очень вовремя, уж теперь, с квартиркой, мы полноценные гражда...

— Ни с места, миграционная служба Земли! — прокричала Инга, быстро разрезая виброрезаком прутья клетки. — Вы обвиняетесь в незаконном размножении и будете высланы с планеты немедленно! Кстати, закваска в заведении хреновая! Голова после двух порций болеть не должна!

— Какое незаконное размножение? Это похмелье, деточка! — пробулькали огромные амёбы, сливаясь опять в одну.

Ирина Орлова
ПУТЬ НАВЕРХ

Эд оглянулся и шевельнул пальцами. Дверь послушно открылась. Времени было на два вздоха, но Эд успел. Задраив люк, рухнул в кресло скутера. Кораблик вздрогнул и заскользил по стартовой аппарели. На «Пути надежды» не заметили бегства пилота.

Включив экраны, Эд наблюдал, как удаляется, уменьшаясь, огромный транспорт, отнявший десять лет его жизни. Закончились бесконечные

придирки Ларка, не будет больше навязчивой заботы мадам Ли, и шуток Кона и Эри. И приставаний Аби, которая решила, что никуда Эд от нее не денется, тоже не будет. Облом всем.

Если бы двенадцать лет назад, когда «Путь надежды» еще стоял на стапелях, а эфир был заполнен призывами лететь к Левирану, Эд мог знать, во что это выльется, зарекся бы подавать заявку. И друзьям бы отсоветовал. Корабль был не готов к полету. Экипаж подобран плохо. А модифицированные крысы из обслуги подняли бунт вскоре после старта. Всех смутьянов загнали в баки и утопили, но воду пришлось экономить, и паек урезали снова и снова. Хорошо подвернулась эта планетка. Гравитар высосал два озера, теперь воды хватит всем. Но без Эда.

Путь вниз занял меньше двадцати минут. Еще бы! Такому опытному пилоту незачем болтаться на орбите, высчитывая траекторию.

* * *

Он заметил ее, едва покинул скутер. Девушка, такая красивая, что сердце пропустило удар, стояла на скале и ласково смотрела на Эда.

— Ты сильный! — Эд понял мысль без труда, на родной Эвире мысле-речью владели все. Красавица нежно взяла его за руку и повлекла за собой. Она пела ему! Он не понимал слов, но мелодия пленяла, лишая способности и желания сопротивляться. Понял только, что зовут ее Мара и она молит о любви и о помощи. Он такой сильный, такой умелый, он все сможет!

Мара привела Эда в свой дом. Мужчины с уважением поглядывали на его мощную фигуру, а женщины бросали жадные взгляды. Жили они в глубине пещер из-за пепла вулканов и серных испарений. И воды было очень мало. Ближайшие чистые водоемы таинственно исчезли, вода осталась только в глубоком колодце, вырытом предками. Среди мужчин не нашлось достойных наследников, вращать гигантский ворот мог только Эд. Его молило помочь все племя. И красавица Мара.

Транспорт «Путь надежды» все-таки совершил посадку на Левиран. Очень жесткую посадку — на корабле не было опытного пилота. Выжили немногие. Но Эд об этом никогда не узнал. Редкими ночами, когда небо не закрывали тучи и дым вулканов, Эд выбирался на поверхность и смотрел на звезды. Они призывно мигали и манили к себе. И он искал взглядом ущелье, где лежал под камнями его скутер. Мысли о бегстве делались четче, но появлялась Мара. Всегда вовремя. Ласковые руки обвивали шею, в уши вливалась колдовская мелодия, и, зачарованный, он спускался назад в пещеры, чтобы день за днем вращать ворот. И мечтать о пути наверх.

Сергей Фирсов
ПРЫГНУТЬ, ЗАКРЫВ ДВЕРЬ

Помню ли я Феликса Риня? Ну и вопрос! Каждый, кто слышал рёв «жасмина» на станции «Гея», помнит и Риня, не сомневайся.

Тебе что, портрет его нужен? Ну, бледный, субтильный юноша, тонкие губы, изломанная улыбка, больше похожая на гримасу. Говорю же, молодой

совсем, ему тогда едва пятнадцать исполнилось. Родился на Ульте, да. Коренной ультянин! Родители — Эва и Никол Ринь, из первопоселенцев. Люди несчастные, с трагической судьбой.

А-а, ну если полёт на Ульту считать подвигом, тогда — конечно.

Феликсу было года четыре, когда их засыпало в горах. И Феликс превратился в «краевого» ребёнка.

А то и значит: б льшую часть своей короткой жизни он провел среди кибервоспитателей. А ты думаешь, откуда у пацана с выраженным нервическим поведением столь горячее желание увидеть Землю?

Не-ет, это к психологам... Вон они какие тома понаписали... Ты ещё про «метод миграции» меня спроси, ххххыы...

А давай лучше я спрошу. Тепловые смерчи класса «жасмин» на Ульте вовсе не редкость. Я их столько перевидал. Хотя тот, последний, легко даст фору всем предыдущим. Ну вот и вопросец. Как мог целый эшелон разведботов проглядеть такой климатический фактор? Уж наверное, для изучения подобной планеты следовало найти способы, отличные от лобовой колонизации.

А я о чём?.. К моменту, когда «жасмин» обрушился на «Гею», у Феликса уже был вчерне готов первый «мигратор». Устройство, которым человечество бредило спокон веку... Да-да, «нуль-т установка», «транспортер», «телепорт»... Эта штука оказалась до смешного простой в изготовлении. Неповторимо простой, точное замечание...

Феликс сумел соединить две точки в пространстве: отправную — на Ульте и точку прибытия на Земле. Причём — без приёмника.

Ага, мальчишка придумал, как перепрыгнуть пропасть. И в последние полчаса, когда «жасмин» мял постройки и выжигал всё живое на подходах к главкорпусу «Геи», успел развернуть светящуюся рамку портала перед переселенцами.

Мало кто поверил тогда в спасение, большинство сочли эскападу Феликса неумной шуткой неврастеника, но факты неумолимы — этот неврастеник спас почти триста человек. И наглядно показал, что «миграция», как он ее упорно называл, не плод больной писательской фантазии, а вполне себе реальность, данная нам в ощущениях.

Что же касается метода, я еще не выжил из ума, чтобы пытаться встать в один рост с гением. Потому что я очень хорошо помню, что он говорил и что делал. И что было у него в руках.

Хе-хе. Именно. Моток веревки, несколько луковиц, фонарик и банка с фосфорной мазью для Хэллоуина. Попробуй-ка сложить во что-нибудь осмысленное, э?..

Кому ж не жаль! Принято считать, что ему тупо не хватило времени. Чушь! На деле всё проще. Характер! Знаешь, что он сказал в самом конце? Нужно обязательно закрыть дверь... Ясно? Кто-то должен был закрыть дверь, вытолкав тучу народа за порог.

А вот он понимал. Он с самого начала понимал, что второго шанса не будет.

Хотя я лично думаю, у него вообще никогда не было никаких шансов на спасение.

Ни одного.

Сергей Игнатьев

СЕРЫЕ

Фейерверки — по глазам — пестроцветьем победных огней. Серпантин вьет кольца. Конфетти летят наискосок. Считают, что выиграли. Рано.

— Р-р-равнение на-середину! — черная перчатка взлетает к лакированному козырьку.

Шагом вдоль строя — звон сапожных шипов, лязг шпор. Подбородок рывком вверх, сдвинуть каблуки:

— Господин крыском, вторая егерская рота к маршу построена. Мышмастер Нарушкин!

— Бросьте, — старик грузно садится на пробитый барабан. — Все пустое... Дело проиграно... Кстати, знаете, Гога... сбрейте ус-сы. Вам не к лицу. И распустите уже с-солдат... Мне что, дважды повторять?...

Зубы смыкаются нервически дважды: клац-клац. Пальцы сжимаются, рвут темляк сабли:

— Ратмейстер Маусовский, уратник Джеряев, выйти из строя...

— Слушаю, ваше крысоводительство!

— Арестовать крыскома Хвостова.

— Как можно, ваше кры...

— Исполнять!

— Пожалуйте сабельку, ваше высокрысородие...

— Что творишь, мальчишка?! Да я тебя под суд, под рас-с...

— Ма-а-алчать, старый... Саблю! Ну!

— ЕГЕРЯ! СМИ-РНА! Слушай мою команду...

Серые хищные морды, серые папахи, серые шинели, ухарские усишки и воровские глазки-бусинки. Серое, серое... И только знамя — черное. Золотом шитый семиголовый мертвый Царь понурил все свои головы. Тиран. Шут. Неудачник.

Но никто не отменял нашу присягу.

— Гога, мы не прорвемся, — щерится Маусовский.

Мишель, дружище, разумеется, ты прав.

— Чево, барин, — плюет на сторону Джеряев. — Аль на бессмертие заришься?

За квадратами вражеской оловянной пехоты виднеются жерла тяжелых орудий. За ними — хвойная необъятность, увенчанная Звездой. Она... Ель... Там ждут шоколад и карамель. И Кракатук, о который уже сломано столько зубов.

Дроссельмейер-младший не станет тянуть с атакой. Особенно хорош во фланговых маневрах. У нас нет флангов. Только одна рота обреченной конченой серости.

В морды сыпет разноцветной резаной бумагой. Где-то впереди, за укреплениями из цветных кубиков — Принцесса. Она сделала свой выбор.

Но мы все-таки попробуем.

Красные мундиры обходят по левому флангу. Как в шахматах: ф3 — г5.

— ЕГЕРЯ! В каре стройсь... Штыки примкнуть!

— Штыки примкну-у-уть! — вторят взводные.

Хоп-хоп. Топ-топ. Щелк-щелк, глупый мышиный полк. Залп... Залп... и гусары рассыпаются по паркету, как цветное драже.

Царь мертв. Да здравствует царь! Нам он не нужен, в лоб он контуже-е-ен Щелкун-чи-ко-о-ом...

Когда-нибудь мы встретимся на ветках Ели. Или не встретимся вовсе.

Зайцы с барабанами в первой линии. Панталоне и Скарамуш во главе строя — белые плюмажи, золотое шитье. Истерические вопли флейт. Скоро все будет кончено.

— Эй, егеря... Когти не растеряли еще, серое племя?!

По рядам:

— Га-га-га...

Марципановый Замок впереди. Позади — вонючие норы, загаженные переходы. Не за кусок сыра под гнутой проволокой. Не за мандарин в хвойной выси...

— Джеряев, если прорвемся, клянусь — сбрею усы.

— Напомню, ваше крысоводительство!

Сабля с лязгом выходит из ножен:

— Рота-а-а... Атакой с ходу в пешем порядке. За мной... Бегом... АРШ!

Валентин Гусаченко
ИНСПЕКТОР

Я — инспектор отдела отлова плохих игрушек.

Не смейтесь. Мы не сумасшедшие, нет. Мы просто отлавливаем гадких игрушечных ребят.

В тот день, когда человеческий разум создал разум искусственный, в чьей-то человеческой, к сожалению, голове родилась идея выпускать умные игрушки.

Тогда-то все и началось! Появились клоуны-игрушки, что ходят в цирк смотреть на клоунов-людей; плюшевые собаки, что гоняют блохастых дворняг по двору; солдатики, что возят себя в игрушечных самосвалах на сражения в песочницу к киборгам, прилетающим на игрушечных звездолетах.

И как разумным существам, игрушкам захотелось обзавестись своими игрушками.

Ими стали люди.

Уже третий час мы сидим в засаде. Черный фургон, на котором разъезжал местный игрушечный гангстер, был ночью благополучно вывезен за город вместе с хозяином, и ночью же ребята из отдела подогнали его обратно. Если из квартиры, куда мы собрались, выглянут во двор, то увидят лишь фургон, который им только и нужен. Не мы, нет. О нас они не знают. Они ждут новую партию игрушек-людей.

— Свет! — шикнули справа. — Дверь!

— Замерли! Р-а-а-з, — растягивал слова напарник, — два-а-а... Три!

И бросил гранату.

Светошумовая граната хороша, когда имеешь дело с людьми, а не с плюшевыми медведями-верзилами и пластиковыми солдатиками.

Но банда растерялась-таки, опешила. Против них никто никогда не применял такого. Стреляли, жгли, рвали, но пока не слепили и не глушили, нет.

— На пол!– заорал я на Чебурашку, что сжимал в правой лапе страшный нож и наступал решительно и смело. — Брось!

Но зверь не бросал.

Я не успел моргнуть, как он кинулся.

Я выстрелил.

Полетел пух, завоняло жженой шерстью.

С дырой в груди игрушка крякнула плюшевым ртом и пала ниц.

Я огляделся: наши штурмовали квартиру, дверь в подъезд была вывороченa, асфальт — усеян пухом и разноцветной пластмассой. Оторванная голова космодесантника смотрела на меня с укоризной, опаленный рот беззвучно хватал бесполезный воздух.

— Скотина! — рыкнул я и раздавил ее подошвой ботинка. — Конец вашим играм.

С первой партией людей выскочил на улицу Майкл.

— Сколько?

— Тринадцать, — улыбнулся он мне. — В подвале держали, уже чаепитие устроили. Еще бы немного, и в «больницу» б начали.

— Кошмар, — я вспомнил, как в прошлый раз играли в докторов разумные игрушки-вивисекторы. — Автобус приехал, грузим.

Голые люди, истерзанные и замученные, вереницей, не отходя друг от друга ни на шаг, забирались в салон.

Все встало с ног на голову. Творцы стали игрушками своих же игрушек.

Под ребром у меня вдруг заныло, я сунул руку под куртку и нащупал дыру. Мельком глянул: пух вываливался наружу, топорщился.

«Черт! Этот лопоухий меня зацепил!» — в сердцах выругался я про себя, а через секунду, как ни в чем не бывало, застегнул куртку плотнее и заскочил в автобус.

— Вы в безопасности! — воскликнул я.

Спасенные радостно выдохнули.

Да, я игрушка. Я игрушка, что любит играть в «полицию».

И никто об этом не знает, нет.

Да и что я могу поделать со своей природой?

Светлана Тулина
АРИФМЕТИКА БЫТИЯ

Однажды, когда мудрый мастер Цинь, постигший все глубины тригонометрии бытия, сидел на пороге своей хижины, к нему пришёл ученик, не освоивший толком ещё даже и арифметики сущего. Мастер Цинь пребывал в безоценочной медитации, слушал шёпот ветра в бамбуковой

изгороди и созерцал склоны далёких гор, залитые абрикосовым сиропом заката. Мастер не был счастлив, ибо счастье — категория оценочная, а просветлённые далеки от оценочности любых категорий. Мастер пребывал в покое и позитиве, ибо в безграничной мудрости своей понимал, что плюс куда более округл, самодостаточен и близок к сатори, чем минус.

Ученик был послан мастером к роднику за водой для омовения. Послан утром. Мастер не ждал его, ожидание — путь к утрате покоя, а постигший высшую математику жизни понимает, что подобное рождает подобное и позитив можно вырастить только из позитива, а покой — из покоя, и никак иначе. Мастер знал, что рано или поздно, с водой или без, ученик придёт. Или не придёт.

Ученик пришёл. Без воды, но с горящими глазами и желанием немедленно высказаться.

— О, учитель! — воскликнул он. — Зачем вы дали мне утром тяжеленный кувшин? зачем послали по самой жаре к далёкому роднику? Менее усердный ученик подумал бы, что за водой. Он бы даже её принёс, позабыв ваши мудрые наставления об изначальной неверности всех самых простых решений. Принести воды! Что может быть проще? Ничего! А, значит, этот ответ неверен и вы хотели от меня совершенно иного. Я долго пытался понять глубинный смысл вашего поручения, ведь вы же в своей неизбывной мудрости ничего не делаете просто так. Я весь день просидел на склоне холма, ломая голову над этим вопросом. И достиг понимания! О, учитель! Вы на примере хотели показать мне, неразумному, тщетность любого деяния и благость недеяния, единственного пути к сатори! И это понимание оказалось очень кстати, потому что кувшин я разбил...

Ох и умаялся же мастер Цинь, до глубокой ночи гоняя нерадивого ученика по склонам окрестных холмов и обламывая о бока его выдернутый из изгороди бамбуковый дрын. Хотя, конечно же, это было самым простым решением, а, значит, и неверным. Но мастер был мудр и знал, что кроме высшей математики у бытия есть ещё и арифметика, а по ней минус нерадивости ученика может таки дать положительность просветления, если будет должным образом помножен на минус бамбукового дрына.

Андрей Супоня
ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Никто так и не понял, как они очутились в том облаке. Да и не облако там было, так, горстка пыли да с десяток некрупных камешков, но первый же камень напрочь оторвал один из четырёх резервуаров с топливом. Хорошо хоть целиком оторвал, а то сиять бы им в огне аннигиляции. На фоне этой перспективы не пугала даже потеря антенны дальней связи, которую топливный бак прихватил с собой. Не пугала целых два дня, ушедших на поиск новых траекторий. Пока бледный штурман не доложил результаты расчетов.

Турмалин-А, фотонный планетолёт класса «Немо» безнадёжно болтался на орбите Нептуна. Впрочем, надежда ещё оставалась, в отличие

от идей и перспектив. Призрачная, почти неосязаемая, она из последних сил прижимала к нулю процент самоубийств. Более того, за пять лет никто даже умом не тронулся — это ли не чудо?

Очередная вахта подходила к концу, и капитан решил провести внеплановый обход корабля. С нелепой дотошностью он осматривал вверенное имущество. Реактивные ранцы, запасные баллоны, скафандры, лошадь... Лошадь?! Еле стоящая на ногах, худая и взмыленная, в тесном шлюзе стояла лошадь, сомнений быть не могло.

Капитан протёр глаза и даже перекрестился на всякий случай, но несчастное животное и не подумало исчезнуть. Он не успел опомниться, как оказался в рубке, но вместо того, чтобы объявить общую тревогу или хотя бы вызвать судового врача, так и застыл в дверях, уставившись на человека, сидящего в кресле штурмана. Внеплановое посещение рубки — уже серьёзный повод для взыскания, но дело было даже не в этом. Капитан вообще впервые видел посетителя.

— Сергей Петрович, пойдёмте, времени мало, ¬– незнакомец мгновенно оказался рядом.

— Выходит, пришёл мой час? — понимание пришло само собой, но легче не стало, — Мне же всего сорок семь!

— Я бы с удовольствием обсудил это с вами, но, увы, работа не ждёт. До Земли четыре световых часа, в обе стороны восемь. Понимаете, о чём я? Даже я не могу быть быстрее света.

— Погоди... Значит, пока ты здесь, на Земле никто не умрёт?

— Да. И если честно, я не знаю, как быть. Вы ведь не остановитесь, мне ли не знать, за вашей экспедицией последуют другие. Но пока я делаю, что могу. В навигационном компьютере новый курс, топлива должно хватить.

— Отличная идея! — капитан довольно улыбнулся, — Но тут одна загвоздка... Только я способен довести корабль до земли. Смекаешь?

— Хорошо, — гость обречённо вздохнул, — Я готов отложить нашу встречу до возвращения корабля. Но после посадки, на всякий случай, ничего не планируйте. Вы согласны?

— Нет, конечно. Либо ты мне прибавишь, скажем, лет двадцать пять, либо тебе сюда еще шестнадцать раз мотаться, прости Господи. Лошадку не жалко?

* * *

— Диспетчер, исследовательский корабль Турмалин-А бортовой номер эл-пи-аш сорок два дробь четыре запрашивает разрешение на стыковку с орбитальным лифтом. Ребята, пустите нас домой! Кстати... Вы тут, случаем, недавно не регистрировали загадочный спад естественной смертности? Только не смейтесь, кажется, у нас есть научная разгадка.

Тимур Максютов

ДЕДЛАЙН

Кружка остыла. Чай стал густым, словно смола. Или свернувшаяся кровь.

Старик сидел давно.

Стемнело, но свет включать не хотелось. Хотелось захлопнуть форточку, чтобы визги с детской площадки не рвали душу, но не было сил встать.

Жена пережила сына на три месяца. Казённый армейский конверт. Невеста сына, сразу переставшая звонить. Внуки, которые никогда не будут визжать на детской площадке. И играть на скрипочке тоже не будут.

Старик вздрогнул: это не скрипка, это противно пиликал мобильник. Глянул на экран: из издательства. Сбросил звонок. Всё равно роман не закончить до дедлайна.

Какое верное слово! Подошёл дед. К линии. Всё.

Заставил себя встать. В бывшей супружеской спальне, пропахшей больницей, открыл прикроватную тумбочку. Щурясь, читал эпитафии сигнатур. Набрал горсть таблеток, вернулся на кухню, пошарил по любимым пряталкам жены. Нашёл початую бутылку.

Вылил в раковину тягучий чай. Прямо в немытую кружку, истекающую бурым, набулькал коньяка — до краёв.

Из форточки невыносимо тянуло жизнью — запахом весны, попсой и ребячьим криком.

Протянул руку, чтобы закрыть.

* * *

Плакать бессмысленно и некрасиво, особенно если тушь — дешёвая. Становишься страшной, как труп невесты. Без трупа жениха.

Тётка в красной дурацкой шапке с кокардой заметила:

— Чего тут ошиваешься? Домой езжай. Последняя электричка.

Дома будет зло визжать мать — про малолетнюю сучку, залетевшую в шестнадцать.

Поезд коротко взвыл: «Вот он я». Девочка всхлипнула и шагнула через жёлтую запретную линию, ползущую вдоль края платформы.

* * *

Рэпа ритм рвёт перепонки. Ровные парни слушают громко. Если ты чёрный — будь мужиком, чтобы друзья не дразнили «снежком». Вовремя старшим отдавай долги, копам не стучи, своим — не лги.

А если ссученным назвала братва — башкой с Моста, и все дела.

Парень натянул глубже капюшон. Мост Золотые Ворота сияющей лентой бежал над заливом.

Вотс ап, нигга? Йоу...

* * *

— Ты откуда взялась, чудо?

Старик снял ворону с форточки. Птица смотрела жалобно. Неловко торчало сломанное крыло.

Смёл со стола таблетки, склонился над калекой.

* * *

Он был смешливый и розовый, как поросёнок. Шея замотана красно-белым шарфом. Подхватил под локоть, придержал, потом вместе зашли в вагон. Дал платок.

Хохотали всю дорогу.

* * *

— Молодец, Каркуша. Как ты догадалась крыло сломать? Больно?

— Нет, блин, приятно. Времени уже не было, Хрю. Служба у нас такая.

— Степашка успел?

— Нормально. Оттащил негритёнка за штанину.

* * *

Старик напишет лучшую книгу сказок века. Парнишка — знаменитую Золотую Симфонию.

Девочка родит мальчишку.

Просто родит.

Послесловие — аннотация следующего номера

Под тему СИКРЕТ СЕРВИС было отобрано неожиданно много очень хороших текстов, и потому редакция приняла решение разделить их на два блока условно — собственно СЕКРТЕНЫЕ СЛУЖБЫ всех мастей и НАШЕ ДЕЛО, куда переместили рассказы про службы или менее секретные, или же более личностно окрашенные.

Второй номер собран и тоже отдан в верстку и оформление, как и третий номер за этот год, под условным названием ЛЮБОВЬ-СИМБИОЗ. Набор в эти номера закрыт.

Продолжается набор рассказов в номер под темой ИГРЫ РАЗУМА.

Рассказы можно присылать на адрес альманаха или лично главному редактору на адрес fannni@mail.ru с пометкой ИГРЫ РАЗУМА в теме письма

Журнал иллюстрирован замечательной художницей Еленой Нестеровой (Альфацентавровой)

Литературно-художественное издание

Астра Нова
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*
Редколлегия: *Кирилл Берендеев, Юлия Крюкова,*
Евгения Халь, Анна Райнова, Александр Тишинин
Корректоры: *Светлана Ушакова*
Компьютерная верстка и дизайн *Александр Губанов, Ольга Денисова*
Художники: *Светлана Тулина, Ольга Маковская,*
Елена Нестерова (Альфацентаврова)

Подписано в печать 19.05.2016
Формат 60×84 1/16. Отпечатано
с готового оригинал-макета по технологии
Print-on-Demand. Усл. печ. л. 20,11. Уч.-изд. л. 20,91.

Заказ книг
agenty-buduschego.ru
sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2016
Издательство Литературный мир, 2016